

А

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

Й

Цањяна Соболева

Предупреждение: Герои неадекватны, жестоки, беспринципны. В отношениях не стоит искать тепло и нежность. Отношения больше похожи на войну. Главная героиня не белая, не пушистая. Она готова пойти по головам ради своих целей и в ход идет все. Она не из святых и от нее не стоит ждать целомудрия. Так что те, кто любят верных и преданных героинь — можно сразу не читать. В романе будут сцены насилия и жестокости, секса ради любви и секса ради секса. Каждый из героев состоявшаяся личность. Каждый строил свою жизнь как мог и не совсем честными путями. Но роман о любви во всех ее проявлениях и даже в низменных. На что способна женщина, которую бросили, предали и втоптали в грязь? На что она способна, если ей все же удалось собрать себя по кусочкам? Она способна на изощренную месть. Теперь она красива, невероятно сексуальна и богата. Она вернулась, спустя много лет, чтобы разрушить его благополучие, вывернуть наизнанку его душу и свести его с ума, лишит всего, что ему дорого. Время изменило ее голос, время до неузнаваемости изменило ее лицо, но время не залечило раны на ее сердце. Ведь поруганная любовь — это яд.

Ульяна Соболева

Любовь — яд

Воспоминания жгут мне душу
Я иногда не сплю ночами,
Забыть хотела и разрушить
Все то что было между нами

Не получилось и не вышло,
Хоть сердце истекало кровью
Когда его пыталась вырвать
и умертвить с моей любовью

Не годы и не расстояния
Дурман забвения дать не могут
Уже не важны обещания
Они мне больше не помогут

И хоть клялась, что я забуду,
Что разлюбить тебя сумела
И губы до крови кусая
Я презирать тебя хотела

Я ненавидеть научилась,
Я осуждать тебя пыталась
Но ничего не получилось
Я навсегда твоей осталась.

Инга.

Вот я и вернулась. Кто бы мог подумать, что я буду этому рада. Только теперь этот город для меня совершенно чужой. Инга Орлова ну никак не может жить в подобном местечке. Инга нет, а вот Васька Лавриненко еще как могла, но Васька умерла, а Инга умелась стала на ее место. Ну почему-то именно этот серый городок облюбовали всякие там бизнесмены, бизнесвумены, депутаты и другая всенародно известная нечисть? Почему бы и нет? За городом речка, заповедник, лес, природа. Нынешних политиков и звезд неумолимо тянет именно в такую глубинку. Это модно — выстроить себе дворец за Мухосранском, в резком контрасте с облезлыми хрущовками самого городишки. Вот и я от них не отстала, а точнее мой любовник — Герман Новицкий. Олигарх. Папик, как все это гламурненько сейчас называют.

Я зашвырнула сумочку на обтянутый целлофаном, еще не распакованный диван, пнула носком лакированных туфель ящики с барахлом, и уселась в кресло. Рука автоматически потянулась за пачкой дамских сигарет. Ремонт на вилле окончен. Два месяца возились бездари работнички, за что только Герман им бабки платил? Хотя, сделали все со вкусом — не придерешься. Все как я люблю — в японском стиле. Светло желтые тона, квадратная низкая мебель, роспись на стенах. Мой дом. Герман великодушно подарил его мне, да и зачем ему недвижимость в этой глухомани? Любовник вообще мог купить для меня хоть звезду с неба, хоть брильянт размером с яйцо. Лишь бы по ночам я исправно раздвигала ноги, стонала под ним, изображая мультиоргазмы, и кружила головы его партнерам по бизнесу. Впрочем, более чем честный обмен: я ему тело, он мне свои деньги и связи. Мне было плевать на его холеную жену, которая жила где-то в Европе, на его троих отпрысков и на всю его личную жизнь. Даже наоборот, он не обременял меня постоянным присутствием, исправно содержал и ничего не требовал кроме секса. Мне не трудно было разыгрывать любовь до гроба, тем более Герман в отличии от других мужчин, не бесил и не раздражал меня. Пока не раздражал. Но я прекрасно понимала, что если он мне надоест, так просто эти отношения не закончатся. Слишком много бабок в меня вложил Новицкий, а с ценными инвестициями легко не расстаются. Он вообще много чего для меня сделал. Благодаря нему мое лицо украшает обложки известных журналов, диски с моими песнями продаются, а моя заколка стоит больше денег, чем у Васьки когда-либо было в руках за всю ее жизнь. Васька, милая нежная Васька, серая мышь с неровными зубами, огромным ртом и волосами неопределенного цвета. Ваську я убила. Уничтожила и похоронила где-то очень и очень глубоко. Нет больше Васьки, и мне ее не жаль. Инга мне нравилась куда больше. У Инги зеленые глаза, как у змеи — завораживают и гипнотизируют. У нее длинные роскошные волосы с рыжинкой, идеальное тело, белоснежные зубы. Инга — само совершенство, мужчины сходят с ума от ее голоса, от ее походки и от ее загадочной улыбки. А Васька? Кто такая Васька? Дочка спившихся неудачников, оказавшаяся на улице в пятнадцать лет и зарабатывающая деньги пением в кабаках? Вечно голодная Васька, без гроша в кармане днем убирала грязные столики, а ночью выступала на обшарпанных подмостках, нанеся на детское лицо тонну грима. Единственное достоинство — красивый голос, да и тот нахрен никому не был нужен. А еще у Васьки был Артур. Бал да сплыл.

Я сильно затянулась сигаретой и резко выпустила колечки дыма. С куревом надо завязывать, не то голос пропадет. Хотя черт с ним. Петь я больше не собиралась, у меня другие планы на жизнь. Отпелась уже.

Проклятый город разбудил воспоминания. Впрочем, я знала, что так будет, когда сюда ехала. Я сделала все, чтобы вернуться, но не в образе замухрышки Василисы. Идиотское имя, только моя, вечно пьяная, мамаша могла придумать такое издевательское прозвище для ребенка. Именем эту мерзость назвать нельзя.

В залу вошел Герман, удовлетворенно осмотрел помещение. Я, тут же задушив сигарет, лучезарно ему улыбнулась. Всегда поражалась — как Герману в свои сорок девять удается так хорошо выглядеть? Полтинник не за горами, а ни одного седого волоска. Всегда подтянут, ухожен, стильно одет. Ну конечно, когда любовница младше на двадцать пять лет, нужно соответствовать.

— Ты довольна, красавица? Все как ты хотела?

Он смотрел на меня в ожидании бурных восторгов. Я тут же бросилась ему на шею, поцеловала в губы, думая о том, что у него отвратительный одеколон и нужно купить ему новый. Средство против моли пахнет лучше. Наверняка престарелая супруга прикупила. Герман растаял, замлел, он жадно целовал мою шею, прижимая к себе все сильнее. Мне захотелось от него отделаться. Только не сейчас. У меня на сегодня совсем другие планы и я должна быть в форме. Осторожно высвободившись из его объятий, я как бы невзначай спросила:

— Когда уезжаешь?

Герман нахмурился:

— Надоел?

Злить мне его не хотелось, особенно сейчас, когда от него так много зависело.

— Что ты? Просто чтобы знать, когда запастись мартини и хандрить.

Любовник снова привлек меня к себе, а потом достал из кармана бархатную коробочку.

— Я тут перед отъездом решил купить тебе маленький презент. Открой.

Презенты я любила. Причем всегда и неизменно дорогие. Этот вполне соответствовал моему вкусу — тонкий браслет в виде змеи из белого золота с мелкими изумрудами вместо глаз.

— Спасибо, милый. Изумительная вещица. У тебя прекрасный вкус.

Хотя одним "спасибо" не отделаться. Вон как у него глазки горят, уже возбуждился. Ничего завтра он уедет, и я отдохну от его объятий, липких поцелуев и влюбленных глаз. Я подтолкнула Германа к креслу, потом опустилась перед ним на колени, расстегнула его идеально отутюженные элегантные брюки. Мужчина застонал, закрыл глаза, а я подумала о том, что нужно напомнить ему о том, другом презенте, ради которого мы сюда приехали.

Через несколько минут, Герман откинулся на спинку кресла с блаженной улыбкой, а я поправила волосы и нежным голоском пропела:

— Ты не забыл, что сегодня у нас важная встреча с Рахманенко? Он уже знает, что должен передать контрольный пакет акций тебе?

А точнее мне, ведь Герман сдержит свое слово и подарит мне кампанию "ТрастингСтрой". Точнее сделает меня генеральным директором, что в принципе одно и то же.

— Пока что не знает, но неприятности у него начались еще месяц назад: долги, разрывы

контрактов с Европой, отказы в ипотеках. То есть у него просто не будет выбора. Только одного не пойму на кой тебе сдался личный бизнес, да еще и строительный? Тебе не хватает денег? Так скажи — я дам сколько надо.

Я уселась к нему на колени, обняла его за шею.

— Ну, зачем я в универе училась? Денег твоих мне хватает, но я хочу и свои иметь. Ты ведь не против, милый, если твоя маленькая птичка перестанет петь и займется серьезным делом? Ты ведь хочешь мною гордиться?

Я знала, что ему фиолетово, чем я буду заниматься, хоть ракеты запускать, лишь бы я была рядом и отдавалась по первому зову. Герман поцеловал меня в плечо и привлек себе.

— Иди ко мне, милая. Ты сегодня была на высоте.

И ты дорогой. Побил все рекорды — пять минут и готов. За что я тоже тебя люблю. Я погладила затылок Германа, чувствуя, как он с восторгом вдыхает мой запах и посмотрела на змею у себя на запястье — красивая тварь, коварная. Мне она нравилась. А Ваське, наверное, больше подошел браслет с цветами, она всегда любила цветы, не розы, а обыкновенные ромашки или васильки. Ваське вообще для счастья нужно было очень мало, в отличии от меня — мне нужно все и без остатка.

Чернышов, в бешенстве, швырнул сотовый в угол кабинета, и исподлобья посмотрел на тестя:

— Алексей Андреевич, я ничего не понимаю, какого черта сейчас происходит? Почему мне отказали в "фондинвесте"? Вчера мы подписали с ними все бумаги, предоставили гаранта.

Рахманенко постучал сигарой о зеркальную столешницу и подкурил, жадно затянулся.

— Ты, Артур, не нервничай так. Отказали, значит отказали. Да и известно нам с тобой, почему везде отказывают — Новицкий кислород перекрыл. Так что или продадим ему контрольный пакет, или разоримся.

Тесть говорил спокойно, как всегда четко выговаривая каждое слово. Артур не понимал, как он может оставаться равнодушным, когда гибнет дело всей его жизни, но больше всего Чернышева бесило другое — Алексей Андреевич должен был отойти от дел и отдать бразды правления Артуру. Сейчас все мечты таяли на глазах и на большее чем заместитель главного директора Артур рассчитывать уже не мог. Все этот проклятый Новицкий, который какого-то дьявола решил стать совладельцем "Трастинг Строя".

— Сукин сын вынуждает нас согласиться и не брезгует ничем.

— Не брезгует, там всем его девка заправляет. Певичка эта — Инга Орлова. Кстати она на место генерального директора и метит.

"Орлова? Это кто такая?" — Артур никогда не слышал о певице с такой фамилией. Получается, компанией будет заправлять какая-то тупая корова из шоу-бизнеса? Для нее это очередная игрушка, а для Артура мечта всей жизни. Он и на Алене для этого женился, чтобы бы вперед рвануть, породниться с известной семейкой. Вместе с Рахманенко всякие грязные делишки проворачивал, только бы дорваться до жирного куска. Теперь все это тает между пальцев как прошлогодний снег, потому что какой-то сучке захотелось новый подарок от папика? Артур нервно пригладил волосы, на пальце блеснула печатка и обручальное кольцо.

Чернышеву исполнилось недавно тридцать, и он считал, что добился в этой жизни всего или почти всего: карьерный рост, деньги, известность, жена — красавица. Что еще нужно для счастья? По ночам казино, друзья, кабаки. Любовницы менялись как перчатки. Все в

жизни заладилась. Все кроме самого главного — Чернышеву нужен был "ТрастингСтрой". И он уже "лежал у него в карман" в полном смысле этого слова, пока не появился проклятый Новицкий.

Артур вышел на улицу. Поднял повыше воротник кожаной куртки и, сощурившись, посмотрел на небо — сейчас полетит как из ведра. Быстро прошел между припаркованных возле "ТрастингСтроя" иномарок, и нажал кнопку на пульте. Пикнула сигнализация его "ауди". Артур уселся за руль, сбросил куртку и включил радио. Музыка ему понравилась, сделал погромче и повернул ключ в зажигании. Взревел двигатель, и машина сорвалась с места.

По радио пел красивый, низкий женский голос и песня такая с надрывом, неплохая песня, хотя, Артур попсу не особо уважал. Голос показался довольно знакомым, где-то он его уже слышал. Впрочем, этих певичек как собак нерезанных, каждый год появляются пачками и исчезают. Хотя у этой все же вокальные данные неплохие. Сейчас домой к Алене, а вечером в ресторан. Встреча с Новицким. Урыл бы тварь, все испорщивел. Но Алексей Андреевич прав — врагов нужно знать в лицо, да и на сучку Новицкого посмотреть охота. Может положить ее под себя со временем и все карты биты? И Новицкому насолить и бабу трахнуть, и возможно пакет акций обратно заполучить. А что? Идея неплохая совсем. Наверняка любовница олигарха та еще штучка, у таких папиков игрушки всегда красивые.

Артур затормозил на светофоре и в этот момент в него сзади кто-то врезался.

— Твою мать! Ну что за день такой паршивый?!

Артур яростно распахнул дверцу, дождь заморосил в ту же секунду как он вышел из машины. В него врезалась новенькая "тайота" и за рулем явно сидела женщина.

— Не, ну где твои глаза? Мать твою, где? Светофор не видела?

Дверца "тайоты" открылась и на мокрый асфальт ступила изящная ножка в туфле на высоченной шпильке. Гнев как-то и поутих. Обладательница очаровательной, стройной ножки так же оказалась обладательницей прекрасных густых волос, зеленых глаз с поволокой, чувственных губ и великолепной фигуры в элегантном мини платье черного цвета и плаще из тонкой кожи. Девушка взглянула на Артура так, что у того ухнуло сердце и ему показалось, что он с огромной высоты летит в пропасть. Нечего себе красотки ездят по улицам. Шмотки дорогие, все эксклюзив, пахнет терпким ароматом "шанель".

— Простите, не хотела вас задеть, не заметила.

Артур осмотрел ее с ног до головы и едва удержался, чтобы не присвистнуть.

— Светофор не заметили?

Он уже умерил свой пыл и предвкушал, как позовет эту сногшибательную шатеночку в кафе, потом затащит ее в постель и не возьмет с нее ни копейки за помятый багажник. А ведь помяла нехило. Черт как этим бабам вообще права дают? Хотя эта, наверное, один раз взглянула своими ведьминскими глазами и ей не только права дали, но и машину подарили.

— Не заметила, у меня сережка упала под сиденье, я наклонилась и в этот момент удар.

Девушка подошла к его машине. Слегка наклонилась, осматривая повреждения.

— Фары целы, так чуть багажник помяла, моей "тайоте" досталось похлеще.

Артур в этот момент смотрел на ее ноги и чувствовал как кровь быстрее бежит по венам, а дыхание учащается.

"Черт, а ножки просто идеальные: ровные, стройные, тонкие лодыжки, сильные икры". Из-под юбки виднеется краешек кружевной резинки чулок. Артур даже судорожно глотнул

воздух, воображение нарисовало круглую попку незнакомки без юбки. В паху тут же требовательно заныло.

"Завелся как кобель с пол оборота. Ну, так ведь красивая, зараза. Очень красивая"

В этот момент девушка обернулась и ее идеальные тонкие бровки приподнялись:

— Ну, так что будем делать?

Артур усмехнулся и снова осмотрел ее с ног до головы. "Что будем делать? Для начала напою тебя шампанским, потом отвезу тебя в гостиницу, отдеру по самое нехочу и все — мы в расчете"

— Давайте обсудим это в кафе вы не против? Тут рядом есть милое местечко, а то вы вся промокните.

Незнакомка презрительно на него посмотрела и усмехнулась:

— Вы голову мне не морочьте. Сколько за ремонт? Мне ехать пора.

Артур удивился. Ничего себе. Это что, она его типа отшивает? Его? Чернышева? Да бабы, от одного взгляда на него, трусики выжимают. Что за бред. Артур улыбнулся.

— Ну, зачем сразу деньги? Можно и так договориться. Вот вас как зовут?

— Никак. Когда мне нужно — я сама прихожу. Послушайте, ваше предложение мне не интересно, вот просто никак не интересно, так что говорите сколько, и дайте мне уехать.

А она не шутила, глаза сверкнули. Красивые глаза, завораживающие. Наверняка линзы. Такого цвета радужки почти не бывают — мокрая листва. Незнакомка достала из машины сумочку, вновь показав прелестными ножки в чулках, Артур даже забыл как дышать от резкого всплеска адреналина. Она подошла к нему, невозмутимо открыла кошелек и протянула Артуру свернутые купюры:

— Здесь больше, чем вам нужно на ремонт. Я могу ехать или полицию позовете?

Артур посмотрел сначала на деньги, потом на ее красивое лицо с матовой золотистой кожей и почувствовал, как начинает злиться.

— Деньги спрячьте, я, что на нищего похож? Просто кофе попить предложил, ничего особенного.

Она усмехнулась, и он увидел белоснежные зубы, ровные, аккуратные. Губы не тронуты косметикой, но кажутся сочными чувственными. Наверно когда их целуешь, испытываешь невыносимое наслаждение.

— Знаем мы ваше кофе и про капучино тоже знаем. Кофе пусть вам лучше жена приготовит, наверняка заждалась вас дома.

Только сейчас Артур понял, что сжимает рукой воротник куртки и сверкает обручальным кольцом. "Мать его так. Не успел снять в этот раз".

Между тем незнакомка вернулась к своей машине, завела двигатель. Проехала полметра и остановилась напротив него:

— Деньги возьмете или так попросимся?

Артур сделал последнюю попытку и почувствовал себя полным идиотом:

— Номер телефона дадите и можете ехать.

— Ха. Я вам не справочное бюро и мой номер стоит дороже, чем ваш "ауди".

Она резко тронулась с места и забрызгала его туфли. Артур вернулся в машину и влился в поток автомобилей.

— Стерва. Вот стерва. Ничего у нас городок маленький еще встретимся. Номер ее телефона дороже моей тачки? Нихрена себе выдала.

В этот момент он сам резко затормозил и в удивлении уставился на рекламный щит возле обочины. Со щита на него смотрела незнакомка — в кожаной одежде, верхом на мотоцикле, в руках флакон знаменитых духов и огненные блики вокруг. Зеленые глаза сверкают, и в зрачках отражается пламя. Настоящая ведьма, безумно красивая ведьма. Никогда не встречал таких, даже кровь начинает бежать по венам как бешеная, а сердце колотиться как после хорошей стометровки.

Инга

Через пару метров я резко свернула за угол, и дала по тормозам. Черт...а... черт... Вот он мне почву из-под ног выбил, ловко так, одним взглядом. Мне было нечем дышать, я сорвала шарфик и открыла окно. Не узнал. Конечно, не узнал. Иначе и быть не могло. Столько лет прошло, да я и сама себя с трудом узнавала. А вот он не изменился, разве что повзрослел. Возмужал, можно сказать. Тогда он еще не был так циничен. Хотя, несомненно, зачатки наблюдались. Все-таки прошло почти восемь лет. Сколько ему тогда было? Двадцать два, а мне восемнадцать. Нет не мне, а Ваське. Дура проклятая эта Васька увидела его и восстала из мертвых. Черт побери, его наглую улыбку, его голос. Вообще его всего. Глаза все такие же синие, горят пламенем, а под ними лед, яд под ними. Сволочь самоуверенная. Только теперь эта сволочь повзрослела и мне будет трудно, только сейчас я поняла насколько трудно. Ничего не закончилось, для меня, по крайней мере, и напрасно я думала, что стала крутой, сильной и равнодушной. Рядом с ним я просто Васька. Когда он на меня смотрел, по моему телу прошла дрожь, только от одного взгляда. Предательская дрожь, мне она не понравилась. Не думала я, что она вернется, как только увижу этого гада снова.

Конечно, я ему понравилась, ему все нравятся без особого разбору. Очень нравятся на одну ночь. Я знала про Чернышева все: с кем спит, где проводит время, кто его друзья, кого предпочитает блондинок или брюнеток. Я даже знала, что он таки женился на Алене. Хотя, в этом можно было не сомневаться еще тогда. Все у него хорошо — карьера, бизнес. Прожигает каждый день, сорит бабками, бросает женщин. Как всегда. Только теперь в нем появился лоск, стиль, этот грубоватый шарм, которого раньше не было. А еще Артуру очень шла щетина, лицо мужественное, он не красавец, но в нем есть то, от чего у женщин коленки трясутся, и сердце начинает колотиться как бешеное. Глаза наглые, раздевают, прожигают. Артур умел смотреть на каждую женщину как на королеву красоты. Этого у него не отнять. Привык к легким победам? Я заставлю тебя плакать, я заставлю тебя страдать и терять. Ты научишься терять, Чернышев. Терять все, что тебе дорого. Я второй раз не стану на те же грабли. Не за тем я уже почти восемь лет сплю с Германом, чтобы ты так легко сдать и притом после первой встречи. Надо было подготовиться получше. Хотя сколько не готовься, ничего не изменится. Я все еще его любила. Ненавидела, презирала, мечтала уничтожить, но любила. И эту любовь я ненавидела. Мерзкую, проклятую любовь, жалкую, грязную, ничтожную как скользкую тварь. Но эту тварь я научилась душить, загонять в угол и забивать до полусмерти. Итак, пора начинать.

Я достала из сумочки сотовый и быстро набрала номер:

— Иван Владимирович, это Инга. Что у вас для меня есть?

— Инга, милая, ты уже приехала? Так быстро? Я ожидал тебя дней через десять.

— Герман поторопил своих оболтусов, и они закончили в срок. Не томите меня, что там ваш человек узнал?

— Много чего узнал, милая, много чего. Приезжай ко мне завтра, порадуй старика, давно я тебя не видел.

Я улыбнулась. Эх, Иван Владимирович один вы у меня и остались из моего прошлого.

— Конечно приеду. Спасибо вам.

— Инга, чем могу, как говориться — ты ж меня старого содержишь, у меня что только и осталось, так это мои связи. Вот помру, и кто тебе помогать будет?

Мое сердце дрогнуло. Я не любила, когда он так говорил, меня охватывала тоска.

— Ну что за глупости. Вы еще нас всех переживете. К вам сиделка приходила сегодня?

— Так она теперь со мной круглосуточно, сейчас в магазин побежала за кифирчиком. Я ж не молодею, милая, я все дряхлею и болячка моя обострилась. Вот Верочка и сидит со мной сутками.

Я почувствовала, что начинаю нервничать. Иван Владимирович от меня что-то скрывает.

— У вас снова приступы начались, да? Только не обманывайте.

— Да было один раз всего, только ты не волнуйся, все обошлось Верочка скорую вызвала.

— Так. С завтрашнего дня у вас кроме Верочки будет медсестра дежурить. Я подскочу к вам утром. Так что запасайтесь моим любимым вареньем с печеньками.

— Да, Васенька, как всегда. У меня припасено. Я ж тебя жду каждый день. Мне только и осталось ждать тебя, мое солнышко.

— Иван Владимирович! — я строго нахмурилась, но злиться на него не могла.

— Прости старого дурака, вырвалось.

Значит, информация подтвердилась, а еще наверно по ходу и фотки будут. Ну что Чернышев приступим к игре в кошки мышки? Только теперь кошкой буду я.

8 ЛЕТ НАЗАД. Васька

— Василиса, куда опять голодная пошла? Я тебе бутерброды сделал. А ну-ка остановись. Ишь размалевалась. Васька, ты мне смотри, чтоб в десять дома была.

Я с благодарностью взяла завернутый в лощеную бумагу бутерброд, чмокнула Ивана Владимировича в морщинистую щеку и быстро сбежала с лестницы. Иван Владимирович — мой сосед, а теперь и мой опекун. Инвалид войны, одинокий старик, который пожалел бедную сиротку, когда мои непутевые родители сожгли квартиру и сгорели в ней сами. Мне тогда едва шестнадцать исполнилось. Хотели меня в детдом определить, вот Иван Владимирович опекунство и оформил. Только сейчас я понимаю, какой это был подвиг с его стороны. Сам на гроши жил, едва концы с концами сводил, а еще и меня содержал. Следил, чтобы в школу ходила, кормил поил. Я его любила, любила больше, чем свою вечно пьяную мамашу и папашу, который нещадно выбивал из меня "дурь" ремнем с солдатской пряжкой. Хорошая такая пряжка была, у меня она на всех частях тела отпечатывалась почти каждый день. Матери наплевать было, она как всегда или под столом валялась, или находилась в поисках выпивки, а отец лютовал. Я тогда у Ивана Владимировича пряталась, а потом он и приютил меня навсегда. Сейчас я ума не приложу, как мы выжили на его копейки да на мои гроши. Иван Владимирович всегда говорил, что это мы шикуюем, что я и не ведаю что такое настоящий голод. У меня кусок хлеба три раза в день, варенье, картошка да печенье, а вот в войну им такой кусок на всю семью на целые сутки выдавали. Вот такой у меня Иван Владимирович. Наверное, все же нужно называть его отец.

В этот день я отработала с утра официанткой, а к вечеру переделась в свое единственное нарядное платье и пела для пьяной публики. Хорошим обещал быть вечер, за

парой столиков день рождение справляли, все время песни заказывали. Генка, хозяин ресторана, если это место можно было так назвать, ходил с довольной рожей, и я понимала, что моя сегодняшняя выручка будет очень неплохой. Ну, я на это очень надеялась. Ивану Владимировичу надо лекарств купить, да и у меня все вещи износились, а уже осень на носу. Пела я давно, сколько себя помню. Каждый день раньше бегала в музыкальную школу, выступала на концертах, вот и пригодилось теперь умение. Тогда это была возможность сбежать из дома, где мое отсутствие не особо замечали.

ОН появился около девяти вечера. Когда увидела его, даже с ритма сбилась. В этой забегаловке такого парня не встретишь. Тут одна пьянь, да районная босота. Я сразу поняла, что эта компания забрела сюда случайно. Два парня и две девушки, только я его спутников не заметила, а вот с него глаз не сводила. Это была любовь с первого взгляда как в кино, в книжках. Только моя книжка была с плохим концом, но я тогда еще об этом не знала. Я просто пожирала его взглядом и чувствовала, как мое сердце пропускает удары. Он был модно одет. Я, конечно, не понимала в этом особо, только мне безумно нравилась его спортивная рубашка и светлые, потертые джинсы. Он беседовал с друзьями, смеялся, курил. На меня не смотрел. Я была только фоном для приятного вечера. А потом он все же бросил взгляд на сцену, если так можно было назвать освещенный красным фонарем пятак, и меня пронзило током. Его глаза. Они были пронзительно-синие, как кусочки неба после грозы. Взгляд тяжелый, его чувствуешь всем телом, словно смотрит прямо в душу. Теперь я пела для него. Мой репертуар полностью изменился, и не только репертуар, изменилась я сама. Завсегдатаи улюлюкали, удивляясь перемене, словно чувствовали, что теперь я пою всем сердцем, а я просто смотрела на него и слова сами рвались наружу. Теперь парень смотрел на меня с интересом, он даже забыл про свою спутницу. Пускал колечки дыма и не сводил с меня своих изумительных глаз.

Все моя воодушевленность нынешним вечером испарилась, когда я пересчитала деньги, которые заплатил мне Генка, владелец этого гадюшника. Генка, у которого я пахала как проклятая чуть ли не целыми сутками.

— Гена, ты что? Тут же меньше чем вчера, я ведь знаю, что должно быть на сотню больше.

Генка отмахнулся от меня как от назойливой мухи.

— Все что есть, вали домой, Васька, и скажи спасибо.

У меня от обиды даже слезы на глазах выступили.

— Ген, я ж сегодня четырнадцать часов отработала. Музыку постоянно заказывали.

Генка с раздражением отодвинул меня в сторону и хотел выйти в опустевшую залу, но я схватила его за руку.

— Не заплатишь — больше не выйду.

Мужчина резко схватил меня за запястье и выкрутил его так, что у меня искры с глаз посыпались.

— Ты, рвань подзаборная, спасибо скажи, что я вообще тебе работу даю и хоть что-то плачу. Уйдешь — нигде работы не найдешь. Я тебе обещаю — ни в одно заведение кроме борделя не возьмут. Да и там хорошо подумают. Посмотри на себя — кожа да кости, подержаться не за что. Выглядела бы хорошо так и платили бы тебе больше. Тоже мне звезда выискалась. Пошла вон.

— Скотина! — Я плюнула ему в лицо и в этот момент он замахнулся.

— Девушку в покое оставь! И лапы от нее убери!

Я обернулась. В проеме двери стоял тот парень, ради которого я весь вечер пела так, как в последний раз. Генка нахмурил бесцветные брови.

— Мы уже закрылись, так что будьте добры — освободите помещение.

Парень усмехнулся:

— Ты бы охрану себе завел что ли. Девочку отпусти и деньги отдай.

— Да пошел ты! — Генка оттолкнул меня с такой силой, что я больно ударилась о стойку бара. Он повернулся к парню, — мне охрана не нужна — я сам тебя уделаю.

В тот же момент мой неожиданный спаситель резким ударом ноги уложил Генку на кафельный пол, навалился на него сверху и сдавил ему горло одной рукой. Я засмотрелась на парня: под светло-серой рубашкой перекачивались мышцы, на четких скулах играли желваки. Для меня он был чуть ли не принцем на белом коне. Он из другой жизни, из яркой красивой жизни, которую можно увидеть только в кинотеатре, такие как он, не смотрят в сторону, таких как я.

— Деньги отдай! — отчеканил парень, сдавливая горло Генки сильнее.

Тот покраснел, глаза повылазили из орбит, он нервно шарил в кармане. А я смотрела на парня, и мое глупое сердечко билось быстро-быстро.

Деньги мне заплатили, Генка швырнул в мою сторону мятые купюры и прошипел:

— Чтоб ноги твоей здесь не было.

Я побледнела, мне даже стало нехорошо. Если Генка меня прогонит, я останусь без гроша в кармане. На пенсию Ивана Владимировича мы точно не протянем. Но парень уже вытянул меня за руку на улицу. Наверное, я ревела, потому что он вытер слезы с моих щек и укутал меня в свою куртку.

— Где ты живешь? Я отвезу тебя домой. Меня Артур зовут, а тебя?

Я всхлипнула и тихо пробормотала:

— Васька.

— Что за имя такое? Нет, ты не Васька — ты Василиса прекрасная.

Вот так я познакомилась с Артуром и моя жизнь изменилась. Просто резко пошла в гору. Для того чтобы потом было больнее падать вниз. Но тогда я об этом не думала. Я влюбилась. Первый раз в жизни. Влюбилась до дрожи в коленках, до сумасшествия, я просто потеряла голову.

Артур показал мне, что жить можно по-другому. На следующий день после нашего знакомства он устроил меня на работу в другой ресторан. В приличный. Братья меня сразу не хотели, но видимо у Артура везде были знакомые. Так что меня приняли, правда с условием, что Артур приведет меня в порядок. Я не особо понимала, что это значит, но к вечеру у меня была новая одежда, новая прическа и собственный сотовый. Кто-то, наверное, сказал бы, что это неприлично так вести себя с незнакомцами. Но я не считала Артура незнакомцем, он так красиво делал подарки, что от них было невозможно отказаться, он говорил, что это нужно для новой работы, что деньги я верну ему потом. Тогда я думала, что верну обязательно. Артур ухаживал за мной красиво, нет, он ухаживал волшебно, непередаваемо. Даже когда я уже не была с ним, я все еще понимала, что в искусстве обольщения ему нет равных.

Артур осторожно повернул ключ в замке, надеясь, что никого нет дома, и Алена уехала к своей матери. Надежды не оправдались. Жена стояла за дверью с заплаканным лицом и вечным упреком в глазах. Артур сухо чмокнул ее в щеку, снял грязные туфли и прошел в залу, сел на белый кожаный диван, закинул ногу за ногу. Раздражение нарастало постепенно, издали.

— Ты почему да сих пор не собралась? У нас важная встреча вечером, — он щелкнул пультом от телевизора.

Алена подошла к нему сзади, он физически ощущал ее ярость, но ему было наплевать, сейчас начнет орать. словно в ответ на его мысли Алена закрыла собой телевизор и прошипела:

— Собралась? Ты со вчерашнего дня не был дома, тебя не было всю ночь и весь день! Ты не ответил ни на один мой звонок, и ты просто так приходишь и спрашиваешь, почему я не собралась?

Только ее истерики сейчас ему не хватало. И так, неприятностей хоть отбавляй.

— У меня сдохла батарейка, я устал и ночевал в офисе, — прозвучало фальшиво. Прощлую ночь он провел в стриптиз баре с друзьями. Набрался до такой степени, что ночевал в машине.

— Врешь! Ты опять врешь! Я никуда с тобой не пойду, никуда, слышишь? Я вообще уйду к матери, а ты останешься один.

Артур, молча, закурил, глядя сквозь нее, пытаюсь все же смотреть на экран телевизора.

— Тебе помочь вещи собрать? Управишься сама? А то ты вроде как ничего не умеешь, так я помогу — только скажи.

Алена яростно швырнула в его сторону вазу, та с грохотом разлетелась на мелкие кусочки, но Артур даже не вздрогнул.

— Ты — сволочь. Чернышев, ты использовал меня как игрушку для своих целей, а теперь я тебе стала не нужна. Я все расскажу отцу, про то, как ты со мной обращаешься. Не думаю, что он останется к этому равнодушным. Вышвырнет тебя с компании и...

Артур оказался возле жены молниеносно, словно не просто слышал все, что она говорила, а был готов и к последним словам, он схватил ее за плечи и резко тряхнул. Белокурые волосы Алены взметнулись веером и упали на заплаканное лицо. Когда-то она казалась ему красивой. Не то чтобы Алена сильно изменилась, просто жена ему надоела. Приелось все: и ее красота, и ее упреки, и ее любовь.

— Ты меня шантажируешь? Ты прикрываешься своим отцом как щитом уже восемь лет, чертовых восемь лет ты ставишь мне ультиматумы и пытаешься давить на меня. Посмотри на себя — разве ты жена? Ты жрать готовить не умеешь, за тебя все делает домработница. Вот сейчас я вернулся голодный и уставший, ты спросила меня, хочу ли я есть?

Алена пыталась высвободиться, цепляясь руками за его запястья.

— Тебя наверняка покормили те шлюхи у которых ты ночевал. Отпусти меня. Отпусти сейчас же.

Ее светло-серые глаза блестели от слез. Артур заметил, что полы халата разошлись в стороны и виден кружевной бюстгальтер. Он почувствовал дикое возбуждение, эта девка с "тайотой" все еще не выходила с головы. Артур дернул ее халат на себя, порвался пояс, и Алена тихонько вскрикнула.

— Не смей, животное.

Он ее уже не слышал, поднял на руки и понес в спальню. Лучший способ заткнуть ей

рот, это просто подмять ее под себя.

— Жрать не умеешь готовить, исполняй хоть супружеский долг.

Артур швырнул жену на постель, быстро разделся. Она не сопротивлялась, Алена никогда не отказывала. Даже вот после таких бурных ссор. Но она и не выражала никаких эмоций. С ней так всегда, лежит под ним, тихо постанывает, иногда целует в шею и все. Даже когда кончает, вздрогнет, рот рукой прикроет, а потом отдыхает с закрытыми глазами. Пословица о фригидных женщинах и неумелых мужчинах тут неуместна. Артур поначалу изощрялся как мог: и ванна в лепестках роз, и оральные ласки, и спонтанный секс, и экстремальный — у Алены реакция всегда была одинаковой. Она только брала, точнее она просто позволяла ему делать с собой все что угодно. Первое время у него был азарт ее расшевелить, а потом спустя пару лет азарт погас, восхищение ее красотой тоже и остались вот такие нечастые совокупления. Иначе Артур это назвать не мог. Иногда ему казалось, что он вводит член в куклу, в красивую равнодушную куклу. Нет, она ни в чем не виновата, просто по темпераменту они совершенно разные. Артур хотел страсти и новых впечатлений, а Алену вполне устраивала возня под одеялом раз в неделю. Она его любила, в этом Артур не сомневался, вот только он ее нет. Никогда не любил. Впрочем, он вообще не помнил, любил ли кого-то за всю свою жизнь. Было пару ярких романов до свадьбы и после. Остальное как-то размазано. Женщины в его жизни менялись так часто, что он не успевал запомнить ни имен, ни их внешности. Они превратились для него в добычу. Интересную, порой и не очень, добычу. У него всегда были свои правила игры, развлечение своего рода. Только сейчас врезаясь в податливое тело Алены, дразня языком ее розовые соски, он думал о той незнакомке с дороги. Такой женщины у него еще никогда не было. Дело не в красоте, а в шике. В породе. Та женщина знала себе цену и в чем-то походила на него самого. Интересно, какая она в постели? Холодные с виду бывают неудержимыми в сексе. Артур чувствовал, как возбуждается больше и больше, что теперь Алена тихонечко всхлипывает, ему даже захотелось накрыть ее рот рукой, чтобы не слышать, а погрузиться в фантазии. Почувствовал, как она кончает, как мышцы ее лона сокращаются вокруг его члена и ему захотелось ее тряхнуть: "ори, мать твою, стони, скажи хоть что-то".

Спустя несколько минут Артур скатился с нее и лег рядом. Вот так всегда после секса — пустота. Пустота и желание смыться подальше, не видеть ее влюбленных глаз, не слышать ее голос.

— Артур, — Алена положила голову ему на грудь, и он по привычке обнял ее за плечи, — у нас будет ребенок.

Чернышев тяжело вздохнул: "Ребенок? Хм... Чудесная новость. Мне попрыгать от счастья, закружить тебя в воздухе? Ну и нафиг мне сейчас ребенок? Хотя нет. Наверное, все же ребенок это неплохо. Она будет занята, оставит меня в покое и разводе больше не заикнется. Еще один Чернышев... Даже забавно. Для моего статуса не помешает"

Артур прижал к себе Алену крепче:

— Вот и хорошо, радость моя, чудесно. Ребенок это просто здорово. Родишь мне сына.

Он почувствовал, как Алена расслабилась, начала гладить его по груди.

— А если девочку?

— Значит девочку. Срок какой?

— Месяца три врач сказал. Артур, ты рад? Ты счастлив, что у нас будет малыш?

Чернышев освободился от ее объятий быстро встал и пошел в ванную, уже оттуда он крикнул, намыливая волосы шампунем:

— Очень, счастлив. Ты даже не представляешь насколько. Одевайся, Алена, нам через час нужно быть в ресторане.

3 ГЛАВА

К этому вечеру я готовилась тщательно. Нет, я, наверное, простояла перед зеркалом часа три. Результат меня вполне удовлетворил. Я любила меняться. Мне нравилось воплощать разные образы. Сегодня я хотела быть сексуальной. Нет не просто сексуальной, я хотела, чтобы он увидел меня и весь вечер ерзал на стуле от неконтролируемой эрекции и, черт возьми, будет ерзать или я не Инга Орлова. Последний штрих — духи. Неизменная "шанель мадмуазель". Когда-то старая подруга Германа, Ольга, он ее за глаза называл княгиня Ольга, научила меня искусству соблазнения. Я часами слушала эту мудрую женщину, необычайно красивую, для своего возраста и перенимала от нее уроки жизни. Ольга говорила, что красоты слишком мало. Красивым может быть и шкаф в зале, и замочная скважина в двери, и картинка на стене. Но проходит время, мы привыкаем к этой красоте и больше не замечаем. Человек отличается от предмета способностью меняться, перевоплощаться. Женщина должна быть с шармом, неповторимой изюминкой, со своей личной "подписью". В женщине должна быть порода. В каждом движении, в каждом слове чувствоваться подтекст. И я старалась соответствовать. Через пару месяцев таких уроков Герман начал брать меня с собой на важные встречи и приемы. Он вывел меня "в свет".

Этот вечер для меня был важнее, чем первый бал у дебютанток королевской семьи. Мой первый выход на сцену и от него многое зависело. Артур должен испытать самые противоречивые чувства от ненависти, до сумасшедшего желания. Он должен понять, что перед ним сильный противник, а не очередная любовница Новицкого. И это будет трудно, особенно с Чернышевым, для которого женщины созданы только для одной цели — секса. Так что я должна быть и сексуальной, но в то же время недоступной, умной, лаконичной.

— Милая... Ну, ты скоро? Я уже заждался. Ты же знаешь, что ночью я улетаю.

Герман зашел в спальню, поправляя галстук и замер, глядя на меня. По выражению его лица я поняла, что выгляжу сногшибательно. Герман всегда со мной честен, если бы что-то было не так, он бы сказал.

— А может, останемся дома? — это все что он смог выдать и нервно поправил волосы.

Я засмеялась, довольная его реакцией.

— Ну, уж нет, я этого события ждала слишком долго. Что скажешь? Я тебе нравлюсь?

Я кокетливо повертелась перед ним на каблуках.

— Еще раз так сделаешь, и я никуда не поеду, — проворчал Герман, а потом все же улыбнулся.

— Плутовка, хитрая лиса. Когда они тебя увидят, то акции отдадут бесплатно.

Я чмокнула Германа в щеку, потом взяла под руку и повела к дверям. Мне не нужны акции, мне нужен Чернышев. Плачущий Чернышев, раздавленный Чернышев, влюбленный Чернышев. А акции лишь средство достижения цели. Как и Новицкий.

Встреча должна была состояться за городом в шикарном закрытом ресторане. Когда я переступила порог ярко освещенной залы, то поняла, что нервничаю. Не просто нервничаю, а у меня предательски трясутся коленки и даже потеют ладони. Герман почувствовал мое состояние. Он удивленно на меня посмотрел:

— Можно подумать это в первый раз. Расслабься, милая. Я рядом. Они не посмеют

слово тебе сказать.

Достаточно взгляда, а Артур умел взглядом убить, раздавить, растоптать. Этого у него не отнять. Я заметила их сразу. Официанты суетились рядом с их приват столиком, постоянно наготове броситься выполнять малейшую прихоть. Артур пришел не один, рядом с ним я увидела Алену и краска бросилась мне в лицо. Не думала, что все еще могу нервничать по этому поводу. О том, что Чернышев женился, я знала давно, но знать и видеть разные вещи. Меня передернуло, когда я заметила, что он что-то шепчет ей на ухо, и она мило улыбается. Алена никогда не пробуждала во мне теплых чувств и не потому, что я ревновала, а потому что не понимала, как можно безропотно терпеть рядом такого негодяя. Он изменял ей каждый день, каждую ночь. Неужели она со всем этим смирилась. Сидит, улыбается, насыпает ему салатик. Дура. Хотя, я не могла не отдать ей должное — она красавица. Натуральная блондинка, с нежным цветом лица и красотой фарфоровой куколки, хрупкой и нежной.

У Артура вид был скучающий, пока он не заметил меня и Германа. Я видела его реакцию: вначале удивление, а потом саркастичная усмешка, презрительная такая, уголком рта. Он мне кивнул, давая понять, что узнал. Рахманенко поднялся нам навстречу, пожал руку Герману, потом окинул меня оценивающим взглядом. Оценил высоко, это я поняла по циничному блеску в его прищуренных глазах неопределенного цвета. Владелец "ТрастингСтроя" учтиво поцеловал мне руку, не спуская с меня пытливого взгляда, от которого по коже пробежал холодок. Но меня как всегда спасла моя выдержка, я улыбнулась ему одной из самых лучезарных улыбок, всем своим видом показывая, что опасности я не представляю и что я просто кокетливая молодая женщина, довольная своим статусом. Еще рано показывать коготки. Еще не время.

— Алексей Андреевич, — представился он мне, явно недооценивая мою осведомленность, и я расслабилась. Игра удавалась на славу.

— Это мой зять Артур, с ним вы будете работать непосредственно и моя единственная и прекрасная дочь — Елена.

Мне даже захотелось расхохотаться. Елена Прекрасная, Василиса Прекрасная и Артур-дурак. Чернышев пожал руку Герману, снова кивнул мне.

— Вы знакомы? — удивленно спросил Герман и я быстро, наверное, слишком быстро ответила:

— Нет, — а потом посмотрела на Артура, ожидая его реакции, он ухмыльнулся, окинул меня наглым взглядом и подтвердил мои слова. Я не смутилась, сегодня я была уверена в себе как никогда и я видела, что стрела достигла цели: синие глаза вспыхнули, он мысленно уже давно меня раздел и уложил в постель. Нет, не в постель, только не он. В его мыслях я наверное отдаюсь ему в туалете или на лестнице. Невольно почувствовала, как сама невольно представляю себе подобную сцену и разозлилась, когда по телу прокатилась неконтролируемая волна желания. Я знала, какой он безудержный в любви, я знала какой он страстный любовник и, черт подери, я все еще хорошо помнила, как содрогалась от наслаждения в его руках.

Мужчины решили посадить меня рядом с Аленой. "Приятное" соседство ничего не скажешь. Впрочем, врагов нужно знать в лицо, а Алена мой личный враг номер два. Я должна понять ее характер, ее слабые места, чтобы потом умело ею манипулировать. Было

бы неплохо даже стать ее подругой, но об этом я подумаю позже, пока что не мешает прощупать почву.

Мужчины перешли к делу не сразу, они обсуждали политику, потом меню ресторана, а все это время слушала болтовню Алены. Точнее делала вид, что слушаю, на самом деле я ждала, когда они заговорят об акциях. В воздухе витало напряжение, и все играли свои роли в спектакле под названием "учтивость". Рахманенкой и Чернышев наверняка испытывают желание нас разодрать.

Украдкой я рассматривала Артура и чувствовала, как быстро кровь бежит по венам, как зашкаливает адреналин. Он все еще меня волновал, нет, я лгу, он меня не просто волновал, он выворачивал меня наизнанку. Почему он не стал выглядеть хуже с годами? Не располнел, не превратился в скучного интеллигента? Даже его одежда, он намеренно проигнорировал дресс код заведения. Никакого костюма в отличии от его тестя и моего любовника. Во всем облике легкая небрежность: расстегнутая рубашка, под которой виднелась загорелая шея, непослушные волосы, сережка в ухе, ухоженная щетина. Сексуальный мерзавец. Он знал, как действует на женщин. Но я не одна из его подстилок, со мной это не сработает. Чернышев закурил и снова блеснул массивной печаткой. Алена демонстративно закашлялась, посмотрела на мужа с упреком:

— Я не выношу запах сигарет, почему ты куришь возле меня?

Артур и не подумал затушить сигарету, он посоветовал Алене пересесть. Значит не все ладно в королевском семействе. Далеко не все. Возьму на заметку. Тем временем Алена обиженно встала и направилась в дамскую комнату. Артур проводил ее взглядом и неожиданно повернулся ко мне:

— Шампанского?

— Я не пью шампанское, — ответила я и нагло улыбнулась — только "периньон".

Артур подозвал официанта, а Рахманенко повернулся к Герману:

— Ну, так как, может, все-таки договоримся? Не один год друг друга знаем, можно прийти к не менее выгодному решению.

Герман ответил очень быстро и довольно грубо на мой взгляд:

— Ты, Алексей Андреевич, со мной прийти к решению не сможешь. Твои счета арестованы, твои кредиторы рвут и мечут, требуют первых выплат. Тебе нечего мне предложить, так что предлагаю тут я, а ты соглашаешься.

Я насторожилась, в это время Артур налил мне вино, стараясь отвлечь от разговора.

— Герман, мы оба прекрасно знаем, почему арестованы счета компании, если ты уберешь арест, я смогу выплатить тебе хорошую сумму, и ввести в дело как партнера, что тоже довольно выгодно.

Герман усмехнулся:

— Хорошую сумму? А что, по-твоему, заключает в себе это слово — "хорошая сумма"? То, что ты можешь мне предложить, это копейки, а вот компания будет приносить мне прибыль долгие годы. При умелом правлении.

Рахманенко налил себе водки и залпом выпил:

— Вот именно при умелом, но если я правильно понял управлять собираешься не ты.

Теперь они заговорят обо мне.

— Верно, генеральным директором будет Инга, и не сомневайся в ее способностях, моя девочка даст фору и тебе, и твоему зятю.

Когда он произнес "моя девочка" Артур бросил на меня издевательский взгляд, но я

сделала вид, что не заметила.

— Не смей меня, Герман, такой компанией как "ТрастингСтрой" твоя... хммм... Инга вряд ли сможет управлять. Для этого нужен опыт, знание компании изнутри, годы работы с коллегами.

Теперь уже я вмешалась:

— "ТрастингСтрой" последнее время приносит только одни расходы, все ваши деньги уходят на взятки чиновникам за бракованные проекты, которые не прошли и первую проверку, проекты, которые даже не утвердили. Вам нужно направить деньги в другое русло — взять ипотеку и внести изменения в проект, потом выгодно перепродать его на рынке и остаться с выручкой. Вы тратите больше, чем получаете и тратите бездумно и это лишь вершина айсберга. На самом деле, я думаю, вам стоит уволить вашего главного директора, бухгалтера, обновить кадры, набрать молодых специалистов, которые еще не ждут высоких гонораров. Для легких проектов взять стажеров, которые готовы впахивать за копейки.

Артур поперхнулся салатом. Такой наглости он не ожидал. До сегодняшнего дня обязанности главного директора выполнял именно он. Именно его я обвинила только что в развале компании. Рахманенко положил вилку, Герман удовлетворенно подмигнул мне, а Артур откинулся на спинку стула и смотрел на меня с нескрываемой ненавистью. Да, мальчики, я сделала домашнее задание, а вы нет. Так что скушайте не подавитесь.

— Спасибо, Инга, над вашим предложением я могу подумать. А теперь к делу. Продавать акции я не намерен, ищем другие компромиссы.

Рахманенко с трудом сдерживался, чтобы не вспылить. Да, дорогой, я знаю о ваших грязных делишках. Знаю о бракованных стройматериалах, знаю о невыплате налогов, знаю, что последний ваш проект не пропустили из-за грубых ошибок, когда вы пытались экономить и выполнить заказ в сроки. Я все знаю. Герман тем временем поставил бокал и посмотрел на Рахманенко:

— Если сегодня бумаги не будут подписаны — завтра твой "ТрастингСтрой" уйдет с молотка и я все равно его куплю, только ты останешься за бортом, Алексей. Это мое последнее слово и ни дня отсрочки.

Увидев бледное лицо Рахманенко, я поняла, что партия выиграна и решила пойти припудрить носик, заодно пообщаться с Аленой. Что-то долго она сидит в дамской комнате.

Я чувствовала, что Артур смотрит мне вслед. Кожей чувствовала, каждой клеточкой тела и сейчас он уже потихоньку начинает меня ненавидеть, но я ему нравлюсь. Ох как нравлюсь. Инга бросила ему вызов, а он откликнулся как настоящий хищник. Только жертва все же не я.

Отбивая дробь высокими каблуками, я шла по темному коридору в поисках туалета. Заботливый официант указал мне на дверь уборной. Я подошла к зеркалу и улыбнулась своему отражению. Ну что Чернышев? Твой тесть знает, что ты очень часто прикарманивал его денежки, а не вкладывал в проекты? Он знает, что по твоей вине ему приходится лизать задницы чиновников? Думаю, что нет. Так что тебе стоит со мной дружить, Артур, и думаю, что ты скоро это поймешь.

С кабинки доносились неприятные звуки, кто-то явно расставался с шикарным ужином или обедом. Я брезгливо поморщилась, достала косметичку и в этот момент увидела бледную как смерть Алену. Она, шатаясь, подошла к зеркалу, стала рядом со мной и

простонала:

— Проклятый токсикоз, ни секунды покоя, а от запаха сигарет выворачивает наизнанку.

Это был удар под дых. Хороший такой удар с носка, безжалостный. Я даже задохнулась, у меня все поплыло перед глазами. Алена беременна? Счастливая парочка ждет пополнения? Как мило! Как прекрасно! Наверное, другая на моем месте расплылась бы в улыбке и забыла о планах мести. Пожелала влюбленным счастья и благополучия. Только не я. Они ждут ребенка?!

Я пыталась вздохнуть и не могла, все мое тело тряслось от напряжения. Только не сейчас. Господи, только не сейчас. Не в этом туалете и не при ней. Инга, соберись, давай же не смей расклеиваться!

Наверное, я стала зеленой как мертвец, Алена посмотрела на меня сквозь стекло:

— Ой, у тебя кровь... О боже...

Она бросилась обратно в кабинку, а я поняла, что раздавила флакончик с помадой и пластмассовые осколки порезали мою ладонь. Кровь капала на пол. Медленно как робот, я поставила руку под струю холодной воды и приступ отступил. Я снова вздохнула полной грудью. Я подумаю об этом потом. Сейчас не время для этих воспоминаний. Не время и не место. Потом, когда я буду плясать на их разрушенных жизнях победный танец, я позволю себе вспоминать и плакать, а сейчас нет слез, нет прошлого. Война началась и спасибо тебе Алена за прекрасный стимул. Теперь я могу ненавидеть вас обоих еще больше. Хотя, никогда бы не подумала, что это возможно.

8 ЛЕТ НАЗАД

— Васенька, милая, да послушай ты меня старого, ведь не один день на этом свете живу. Не для тебя он Артур этот. Не говорю, что он плохой, просто не для тебя. Да, красивый, да ухаживает волшебным, но он с тобой не будет, такие как он не женятся на таких как ты. Тебе учиться надо. Ты поступать в институт должна. Вася... Василиса, ты меня вообще слышишь?

Я его слышала, слышала, но не слушала. Через полчаса за мной должен был приехать Артур. Сегодня мы едем в новый клуб знакомиться с его друзьями. Разве могу я слушать Ивана Владимировича, когда я вся в ожидании. Каждая клеточка моего тела кричит от счастья, ведь я решила, что этот вечер будет особенный и у меня тоже есть подарок для Артура. Особенный подарок. Подарок, в котором я отказывала ему уже несколько месяцев.

— Вася, ты хоть ночевать-то придешь? — тихо спросил Иван Владимирович, и я пожалала плечами.

Справиться со мной он не мог. Да и как справишься с подростком, у которого играют гормоны, а на глазах розовые очки? Кроме того он мне не родитель и прекрасно понимал, что я уже совершеннолетняя, что хочу то и ворочу. Я как всегда чмокнула его в щеку и убежала, оставляя после себя легкий запах "шанель мадмуазель". Самые первые дорогие духи, которые у меня появились — Артур выбирал.

Завидев мотоцикл Чернышева, я ускорила шаг, бросила взгляд на окно и отвернулась, увидев там силуэт. Иван Владимирович как всегда провожал меня взглядом. Артур сидел на мотоцикле, курил и осматривал меня с ног до головы, потом улыбнулся и подхватил меня на руки, закружил.

— Маленькая, ты красавица у меня, сегодня ты всех там за пояс заткнешь, споешь для

меня?

Я кивнула и поцеловала его в губы, легко так, нежно, а он в ответ смял мои губы своими, жадно, по-хозяйски, пробуждая дрожь в моем теле. Неизведанные, темные желания. Прижимая меня к себе все сильнее, так чтобы я почувствовала, насколько сильно он меня хочет. Краска бросилась мне в лицо, когда я ощутила твердую выпуклость у него в паху. Артур не скрывал, что желает меня как женщину и он знал, что я девственница. Он не давил, не требовал. Я прекрасно понимала, что рано или поздно это случится, и я хотела, чтобы моим первым мужчиной был он.

Я выпила для храбрости, впервые позволила себе выпить спиртное. После жалкого примера у меня дома к алкогольным напиткам я относилась плохо. Точнее я просто считала их ядом. Но сегодня не удержалась. Для храбрости. Артур заказал мне шампанское, но я осмелела и потребовала рюмочку водки. Наверное все же мне бы хватило и шампанского. После водки я почувствовала себя слишком хорошо, я летала, я излучала энергию счастливой, влюбленной девчонки, которой подарили всю вселенную. Артур смотрел на меня как на шкодливого котенка и иногда подсмеивался. Не злобно. Он всегда относился ко мне с грубоватой нежностью. В нем присутствовал этот огонь, эта сила, которую так любят женщины, даже такие юные как я. Я потянулась к его пачке сигарет, но он резко накрыл мою руку своей:

— Нет. Курить ты не будешь.

Беспрекословно и бесповоротно. Раз сказал, значит, не буду. А потом вечер испортился, приехали его друзья с девицами, которых явно на одну было больше чем положено. Меня в серьез не принял ни кто. Так сухо поздоровались и принялись разговаривать с артуром. Девушка, которая села возле Чернышева дерзко поздоровалась с ним поцелуем в губы. Меня передернуло, я нутром почувствовала, что этих двоих связывали далеко не дружеские отношения. Правда Артур повел себя красиво, он остудил пыл красотки представив меня как свою девушку. На меня тут же посмотрели по-другому с интересом. Завистью и долей презрения. Я отличалась от них несмотря на дорогие и модные шмотки. Я была не из их гламурного мирка. Эдакий гадкий утенок имевший наглость отхватить одного из самых красивых парней. Та, которая поцеловала Артура, сморщила носик:

— Ты шутишь? Это твоя девушка?

Она посмотрела на меня как на мерзкое насекомое. Я было открыла рот, но за меня высказался Артур.

— Лиза, если тебя что-то смущает двери вон там.

Девушка пожала плечами:

— А что я такого сказала? Просто интересно, а Алена об этом знает?

Артур смерил Лизу таким взглядом, что мне показалось — он ее сейчас ударит.

— Алена в прошлом, мы расстались, и не считаю уместным обсуждать это с тобой. Уж тем более именно с тобой. Помнится, тебя не сильно волновала твоя подружка в тот последний раз, когда мы встречались.

Лиза закурила и обиженно надула губки. Кажется, я начинала соображать. Эта девка подруга какой-то Алены, с которой раньше встречался Артур. Что ж это было до меня, и я не должна волноваться, гораздо больше меня бесила именно Лиза, которая делала вид, что меня просто не существует, а вместе с ней и ее подружки. Когда в порыве беседы та нагло уселась к Артуру на колени, я плеснула ей в лицо шампанское и под всеобщие вопли остальных

девиц и отборный мат Лизы, выбежала на улицу. Артур догнал меня возле троллейбусной остановки, схватил за руку, резко развернул к себе и поцеловал. Я вырвалась, но он лишь крепче сжал мои плечи, заставил посмотреть себе в глаза

— Маленькая, никогда больше не убегай от меня, слышишь? Я не люблю, когда от меня убегают.

— Обрато не пойду, — заявила я и все же вырвалась из его рук. Артур снова привлек меня к себе, долго смотрел мне в глаза, а потом коротко бросил:

— Поехали отсюда.

От его хриплого голоса меня бросило в дрожь. Артур взял меня за руку и потянул к мотоциклу.

Впервые он привез меня к себе домой. Я с любопытством рассматривала его холостяцкое жилище. Идеальная чистота, даже странно. Я представляла себе квартиру парня, который живет один совсем иначе. Потом я узнала, что это вовсе и не его дом, а съемное жилье, но тогда я была счастлива. Попала в святая святых, в дом моего любимого. Я считала, что мне оказана великая честь. Артур не дал мне опомниться, он прижал меня к двери и снова жадно поцеловал. Я поняла, что ЭТО произойдет именно сегодня, здесь, в этой квартире и мне стало страшно. Артур почувствовал мое настроение, слегка отстранился и очень серьезно произнес:

— Здесь не произойдет ничего, чего бы ты сама не захотела. Ты можешь остановить меня в любую секунду, когда сочтешь нужным.

Я не ответила, сама нашла его губы и отдалась во власть его рук. Его нежных и страстных рук. Он целовал меня долго, так долго, что у меня уже подкашивались ноги, и кружилась голова. Глядя мне в глаза, Артур расстегнул мое платье на груди, спустил его с плеч. Я увидела, как он судорожно глотнул воздух, сжал челюсти. Еще никогда я не раздевалась перед мужчиной, мои щеки залила краска стыда, но я не смела пошевелиться. Артур провел кончиками пальцев по моим ключицам, по груди, и дотронулся до сосков. Я дернулась в неосознанном порыве оттолкнуть его руки, прикрыться, но он наклонился и нежно лизнул мой сосок, пробуя его на вкус, пробуждая в моем теле неведомый пожар. Я тихо застонала, когда почувствовала, как он втягивает напряженную вершинку в рот, обводит языком, не торопясь, растягивая каждое мгновение. Внизу живота заныло, тепло расплзлось все ниже, сосредоточившись между ног, причиняя почти физическую боль. Я не понимала, что со мной происходит, я горела в огне. Я хотела, чтобы это никогда не кончалось, и в тот же момент желала развязки.

Артур оторвался от моей груди и осторожно дунул на влажные, истерзанные его ртом вершинки, по моему телу растеклась сладкая дрожь, а соски напряглись еще сильнее. Он снова посмотрел мне в глаза, и я испугалась этого взгляда. Темного, безумного, страстного взгляда. Артур сбросил мое платье, стянул с меня трусики. Я зажмурилась от стыда:

— Открой глаза, посмотри, как я тебя ласкаю. Открой, ты не должна меня бояться.

Я несмело посмотрела на него и почувствовала, как его ладонь легла мне на живот, потом опустилась ниже, когда его пальцы скользнули к заветному треугольнику, я накрыла его руку своей и снова зажмурилась.

Артур тяжело дышал, словно пробежал стометровку, я чувствовала, как он весь напрягся, словно гранит, как окаменели все его мышцы. И я расслабилась, позволила его пальцам скользнуть между моих ног.

— О господи какая же ты влажная.

Тогда я еще не знала, что это означало, влажная. Ведь там всегда влажно, или он имеет ввиду другое. В этот момент его пальцы уверенно отыскивали мой клитор. Я закусила губу, не давая стону вырваться на волю.

— Не молчи, не нужно сдерживаться, кроме меня тебя никто не слышит. Давай, маленькая, я хочу тебя слышать, давай же не бойся.

Я застонала, впервые в жизни чувствуя, что такое настоящее вождение, настоящие ласки. К тому времени я уже достаточно изучила свое тело. Да и книг прочитано мною было не мало. Только прикосновения его пальцев острее и приятнее моих собственных. Я вцепилась руками ему в плечи, опасаясь упасть, мои колени подгибались, дыхания катастрофически не хватало. Издалека нарастало нечто мощное, странное, порабощающее. Я начала сопротивляться, когда его он проскользнул вовнутрь, растягивая меня, подготавливая к вторжению. Я уже не сомневалась в том, что сегодня стану его женщиной. Его губы все еще терзали мои соски, пальцы быстро двигались внутри моего тела, и я уже не стонала, я вскрикивала, я забыла про стыд. Мне было хорошо, не просто хорошо, я сходила с ума, я чувствовала, что за нарастающим возбуждением последует оргазм. Но никогда не предполагала, что именно это значит. Артур поднял меня на руки и отнес на диван. Раздвинул мне ноги и продолжил ласкать руками, теперь он уже погрузил в меня два пальца, и я чувствовала наполненность, разрывающую меня на мелкие осколки. Он сознательно вел меня к наслаждению, и когда оно наконец-то затопило меня всю, я закричала от неожиданности, все мое тело пронзило током, с головы до ног. Я подалась навстречу его пальцам, приподнялась на постели, судорожно стягивая покрывало дрожащими руками.

— Вот так, маленькая, да, кричи, не стесняйся.

Его хриплый голос доходил до моего сознания издалека, я словно погрузилась в горячий кокон, тело еще содрогалось, покрылось потом. Я чувствовала, как мышцы моего лона обхватывают его пальцы, судорожно сжимаясь и разжимаясь. Артур расстегнул джинсы, ловко достал из кармана презерватив, разорвал упаковку зубами. Потом он навис надо мной.

— Ты можешь остановить меня прямо сейчас, — прошептал мне в ухо, но я обхватила его руками за сильную шею и потянула на себя. Остановиться? Ни за что.

Он погружался в мое тело осторожно, приспособливаясь ко мне, растягивая меня изнутри. Он думал, что я боюсь. Нет, я уже ничего не боялась, я его хотела, хотела до безумия. Когда он замер в очередной раз, я притянула его к себе за ягодицы, побуждая проникнуть еще глубже, и тут же закусила губу от внезапной боли. Артур снова остановился, нашел мои губы, нежно обвел их языком, успокаивая, давая мне расслабиться, привыкнуть к нему внутри себя. Но мне хотелось познать его всего, мне хотелось большего, мне не нужна была его нежность и я обхватила его торс коленями приподнимая бедра, давая проникнуть на всю глубину. Теперь уже застонал он, и я почувствовала триумф, двинулась ему навстречу и еще, и еще. Артур хрипло стонал мне в ухо, все сильнее сжимая мои бедра, его движения стали резкими, рваными. Я чувствовала, как его член внутри меня становится все тверже, начала двигаться под ним, подстраиваясь под ритм, царапая его спину ногтями.

— Какая ты горячая, тугая, отзывчивая... Замри не шевелись... не двигайся.

Но я уловила в его голосе перемену, Артур дрожал, он был невероятно возбужден. Инстинктивно я не послушалась, подалась вперед, раскачиваясь под ним. Он с такой силой сжал мою талию, что я вскрикнула, и в этот момент мужчина вздрогнул всем телом, громко застонал, я прижалась к нему сильнее, прислушиваясь к его шумному дыханию, к бешеному

биению его сердца. Оказывается, чувствовать свою власть над ним еще приятней, чем погружаться в пучину экстаза от его ласк.

Мы уснули на этом диване, впервые я спала с мужчиной, с моим мужчиной. В ту ночь Артур не просто лишил меня девственности, он разбудил во мне пожар, я оказалась жадной до удовольствий. Теперь я знала, что могут дарить мужские ласки. Мне понравилось чувствовать его в себе. Мы занимались сексом как ненормальные, везде и всюду. Он брал меня жадно неумолимо, он превратил мои ночи в горячие часы неистовых ласк и жарких стонов, он учил меня любви. Я оказалась опытной ученицей, я схватывала все налету. Он давал, а я возвращала сторицей. Я любила его, для меня не существовало запретов. Артур называл меня ненасытной маленькой кошкой, своей кошкой. Мы проводили в его квартире ночи напролет, а потом он мчался на работу, а я его ждала дома. У нас дома. Я вообще не представляла, что можно быть настолько счастливой. Я жила в своей сказке ровно два месяца. День в день. Иван Владимирович видел меня все реже, я забегала, чтобы принести продуктов, чмокнуть его как всегда в щеку и умчаться с Артуром в клуб. По вечерам я по-прежнему пела. Всегда только для него. Артур заказывал самый ближний к сцене столик и смотрел, как я двигаюсь на сцене, а меня заводил его взгляд. Возбуждал до невозможности, сводил с ума. Я ждала, когда закончится этот вечер, и он снова накроет меня своим сильным телом, будет сводить меня с ума ласками.

В этот вечер он не пришел. Я смотрела на пустующий столик и незаметно начинала паниковать. Звонила ему на каждом перерыве, но его сотовый был закрыт. В конце концов я просто сбежала с работы. Поймала такси и поехала домой, к нам домой. Артура дома не оказалось. Я прождала его до утра, не смыкая глаз, я обзвонила его друзей и слышала насмешливые голоса и предложения приехать ко мне вместо него. Меня должны были насторожить их пошлые намеки, я должна была понять, что если они ко мне так относятся, значит, на то есть причины. Но тогда я этого не замечала, я все пропускала мимо ушей. Анализировала я уже позже, спустя годы. В то утро я обзвонила морги и больницы. Ближе к полудню я походила на живого мертвеца и чуть сознание не потеряла от радости, когда он вернулся. Как ни в чем ни бывало, мужчина сгреб меня в охапку, поцеловал в нос и спросил что у нас на обед. Я разозлилась. Артур был пьян, точнее он уже протрезвел, но чувствовалось, что ночь он провел бурную. От него разило спиртным и духами. Женскими духами. У меня потемнело в глазах. Я даже не заметила, что он зол, не заметила круги у него под глазами и сухой, холодный блеск в его зрачках. Я вспоминала об этом потом, когда у меня появилось время обдумать каждый его шаг и жест.

— Где ты был?

Вопрос прозвучал как насмешка. Извечный вопрос, на который мужчины так не любят отвечать.

— Только не начинай, маленькая, хорошо? Не нужно уподобляться скучным любовницам, ты ведь у меня не такая. Ну же покорми меня, я проголодался.

Любовницам? Так вот кто я для него? Очередная любовница?

— Я просто спросила, где ты был и думаю, что имею право знать.

Он разозлился, на его скулах заиграли желваки и посмотрев на меня жестко спросил:

— Имеешь право? Ты? С чего ты это взяла? Потому что я тебя трахаю?

Я не поняла, как это произошло, но я его ударила. Моя ладонь запылала, начала зудеть. Артур медленно поднялся со стула, а потом дал мне сдачи. Я вскрикнула, скорее от

неожиданности, чем от боли. Голова метнулась к плечу, волосы упали мне на лицо.

— Никогда. Не смей. Поднимать на меня руку! Поняла?

Я все поняла, развернулась пошла к себе в комнату, быстро оделась. Я еще не плакала, внутри меня словно произошел щелчок. Я должна была уйти, сейчас, немедленно. Артур зашел в спальню, хлопнул за собой дверь и прислонился к ней спиной, он скрестил сильные руки на груди и прищурившись за мной наблюдал.

— Куда? В свой гадюшник?

Я не ответила, демонстративно его игнорируя, попыталась дернуть ручку двери, но он оттолкнул меня:

— Я спрашиваю куда собралась?

— Подальше от тебя, — процедила я, и с ненавистью на него посмотрела. Я была в шоке. Наверно поэтому со мной не случилась истерика, а еще, я привыкла к побоям с детства и он меня не испугал. Обидел, оскорбил, но не испугал. Просто сейчас я еще не осознавала, что только что произошло. Как мой нежный и ласковый принц вдруг превратился в жестокого тирана.

— Раздевайся, уйдешь, в чем пришла. Где твои потасканные штотки?

Он схватил меня за руку чуть повыше локтя:

— Я спросил где твои штотки? Где те тряпки, в которых ты ходила раньше? На помойке? Раздевайся наголо и вали, в чем мать родила.

Да, пожалуйста. Я стянула с себя платье через голову, швырнула ему в лицо, осталась в лифчике и трусиках.

— Это тоже снимай.

Я стянула лифчик, нервно спустила трусики и с вызовом на него посмотрела. Его зрачки сузились, лицо побледнело, он двинулся на меня. Я попятилась назад, наткнулась на спинку кровати. Неожиданно для себя я поняла, что хочу его. От этого взгляда, тяжелого, исподлобья у меня по телу пробежала дрожь. Я не помню, как оказалась в его объятиях, он целовал меня неистово, грубо, проникая языком в мой рот, подавляя мое сопротивление. Я царапалась как дикая кошка, норовя выдрать ему глаза. Артур резко развернул меня спиной к себе и я схватилась за спинку кровати чтобы не упасть.

— Уйдешь, когда я разрешу, — сказал он и проник в мое тело на всю глубину, я изогнулась ему навстречу, чувствуя, как он толкается членом прямо в матку. Злость подстегнула мое желание, я чувствовала его толчки с утроенной силой. Каждый нерв на моем теле вибрировал. Нас обоих невероятно возбудила первая ссора. Я кричала, стонала, закусив губами свое запястье, а он, намотав мои волосы на руку, давил на мою поясницу, заставляя прогнуться и принять его еще глубже. Его пальцы теребили мой клитор, сжимали мои соски, он рычал мне в затылок, покусывал мою шею. Оргазм был невероятным, он смел и погреб под собой все остатки разума вместе с обидой и злостью.

Чуть позже Артур покрывал поцелуями мое лицо, прижимал меня к себе, баюкал как ребенка. Он не извинился, а я уже простила. Тогда, я впервые его простила, а потом это стало повторяться все чаще и чаще. Нет, он больше меня не бил, но урок я запомнила хорошо. Мы ссорились, кричали друг на друга, но больше я не смела его ударить. Именно с этого дня он начал позволять себе не приходить домой по ночам, и не давать мне по этому поводу объяснений. Пока не исчез на целый месяц.

Я тряхнула головой, стараясь избавиться от воспоминаний. В залу ресторана я все еще

не вернулась. Стояла в темном коридоре и курила. Мимо меня проходили люди, никто не обращал на меня внимания. Я глубоко вздохнула, затушила сигарету о стену.

— Как поживает ваша "тайота"?

От неожиданности я вздрогнула. Артур стоял позади меня и улыбался. Нет, ну почему именно сейчас? Когда видеть его не просто невыносимо, а сродни маленькой смерти? Почему именно тогда, когда я позволила себе вспомнить?

— Так же как и ваша "ауди", — парировала я и попыталась пройти мимо него. Артур резко уперся в стену рукой, загораживая дорогу.

— Авария была настоящей или хотела познакомиться?

Он прищурился, изучая меня пристальным взглядом, а я слишком нервничала, чтобы оставаться спокойной.

— Не велика ли честь? Ради знакомства с исполняющим обязанности гендиректора? Похоже у вас мания величия. Дайте пройти.

Теперь он опирался на две руки, а я находилась между ними. Мне не нравилась его близость, она меня нервировала.

— Давай начистоту. Что тебе нужно, а? Зачем тебе компания? Разве такие как ты не должны постоянно позировать перед телекамерами и отвечать на звонки журналистов, раздавать автографы? Ну, зачем тебе головная боль?

Я фыркнула и попыталась улизнуть, но Артур не дал мне сдвинуться с места.

— Давай договоримся, ты скажешь своему папику, что передумала, а я приглашу тебя в шикарную гостиницу и отблагодарю.

Я засмеялась ему в лицо, громко, заливисто. Он даже побледнел от злости.

— И что ты мне хочешь предложить, а? Мистер неотразимость? То, что у тебя в трусах? Я не думаю, что ты сможешь меня удивить или обрадовать.

— Ну не думаю, что пятидесятилетний старикан может удовлетворять такую горячую штучку как ты.

Я снова рассмеялась:

— Ты предлагаешь меня удовлетворить? Нет, ты, правда думаешь, что твой член стоит дороже акций "трастингСтроя"? Мальчик, проснись, я таких как ты могу себе пачками купить. При том помоложе да пошустрее, да покрасивее.

Теперь он сжал челюсти с такой силой, что я слышала, как скрипят его зубы. Это то, что я хотела. Он в бешенстве и сейчас начнет терять над собой контроль.

— Я превращу каждый твой день в компании в ад, ты ведь не думаешь, что я пушу тебя в свой кабинет и позволю собой командовать.

— В мой кабинет. Запомни, говорю по слогам — в мой ка-би-нет. Завтра освободи его для меня прямо с утра, договорились? И табличку с твоим именем не забудь снять. Я уже заказала себе новую. Кстати, шовинизм уже не в моде, а от головной боли у меня есть заранее прикупленное в аптеке лекарство.

АРТУР

Артур проводил Ингу взглядом полным бешенства.

"Когда я получу эту суку, я затрахую ее до смерти"

Силуэт Инги, в ярко красном легком платье, маячил перед ним как тряпка перед разъяренным быком. Ее бедра покачивались плавно, каждый шаг шедевр искусства, не торопится, идет с прямой спиной, Длинные волосы, собранные в хвост на затылке, касаются упругих ягодиц. Такое впечатление, что под ними нет нижнего белья. Артур почувствовал, как у него ноет в паху уже в который раз за этот проклятый вечер. Ладони вспотели, пульс бьется в висках как колокол. Он усмехнулся и ударил ладонью по стене, где только что стояла Инга.

"Стерва! Но какая стерва! Один взгляд чего стоит. Ведьма. Глаза как озера, а на дне трясина — затянет, не выберешься"

Давно у него не было такого всплеска адреналина. Обвинила его в развале компании. Хотя, в чем-то она и права только Рахманенко прекрасно обо всем знал, Артур никогда ничего не скрывал от тестя в делах бизнеса. Его личная ненависть к Алексею Андреевичу не имела с компанией ничего общего. Артур вообще считал, что "ТрастингСтрой" принадлежит ему по праву. Только эта, внезапно появившаяся, красивая дрянь портила всю картину. Впрочем, Артур собирался уложить ее в постель рано или поздно. Ко всем есть свой подход, слабое место и у этой тоже есть, только нужно его найти. Кто она там? Певица? Нужно нарыть о ней информацию, узнать, чем дышит, что любит, что ест на завтрак и с кем спит, кроме своего папика.

Почему-то мысль о том, что у Инги могут быть любовники Артуру не понравилась. Даже то, что она жила с Германом немного раздражало. Нужно позвонить Яценко и попросить разнюхать об этой красавице все. Информация о противнике никогда не помешает. Просто нужно нажать на правильную кнопку и Инга раскроется перед ним. Вот поисками этой самой кнопки займется Яценко. Недаром Артур этого мента уже лет пять "прикармливал".

Чернышев вернулся в залу. За столом было явно весело и без него. Рахманенко беседовал с Новицким и притом довольно мирно, а вот Алена хихикала с Ингой. Мило так шушукалась. Артура покорило.

"Умная дрянь. Хочет втереться к моей в доверие. Неплохой ход. У них, у баб, этих всегда легко получается найти общий язык. С Аленой особо стараться не надо, можно заговорить о шмотках, сплетнях и она уже считает тебя лучшим другом. Пора уводить ее отсюда, пока не сболтнула лишнего"

Артур подошел к столику, попрощался с Германом и с тестем. Алена начала канючить, чем взбесила его еще больше.

— Я сказал, поехали. Устал я. Все, забирай свою сумочку и пошли.

Алена состроила несчастную гримасу, схватила мужа за рукав:

— Милый, я еще не доела свое горячее и Инга...

— Я сказал, поехали! — рявкнул Артур, и Рахманенко смерил его гневным взглядом, но

и слова в защиту дочери не сказал. Алена засуетилась, виновато улыбнулась Инге. Артур попрощался с Новицким, пожелал удачи Инге, не преминув смерить ее презрительным взглядом.

Он шел быстро, совершенно не обращая внимания на едва поспевающую за ним Алenu.

— Артур, а мы тут с Ингой...

— Алена, ты можешь помолчать хоть минуту?

Она казалось, его не слышала:

— Так вот мы договорились завтра вместе...

— Заткнись! Просто заткнись и садись в машину!

Артур резко распахнул перед женой дверцу "ауди", и та села на переднее сиденье. По щекам катились слезы. Артур тяжело вздохнул, стиснул челюсти. Уколов совести не было уже давно, жалость иногда появлялась, но ненадолго. Он завел двигатель и рванул с места.

— Ты кричишь на меня... Даже несмотря, что я беременная, ты не уделяешь мне внимание, ты...

Чернышев резко затормозил и посмотрел на жену:

— Алена, ты должна была об этом думать, когда выходила за меня замуж. Нет, я не правильно выразился, когда ты женила меня на себе, ты знала какой я и меняться я не собираюсь, а уж тем более ради тебя.

Алена вытерла слезы ладонью:

— Но я люблю тебя, ты же знаешь, как сильно я тебя люблю. Все эти годы... Неужели я не заслужила хоть капельку внимания...

— А я тебя нет! Алена, я тебя не люблю и никогда не любил. Никогда ничего не обещал. То, что твоему папочке и тебе удалось меня захомутать и, то, как вы это сделали, я тоже не забыл. А теперь просто помолчи и терпи. Ты хотела стать Еленой Чернышевой — ты ею стала, и ребенок твой будет носить мою фамилию. Все в жизни заладилось, Леночка, все прекрасно и так как ты хотела.

Алена закрыла лицо руками:

— Наш ребенок, Артур.

— Нет, милая, твой. Ты когда забеременеть собиралась, со мной посоветовалась? Ты спросила, хочу ли я стать отцом? Ты просто, наверняка, перестала пить свои проклятые таблетки и упс...забыла меня поставить об этом в известность. Правде ведь? Ну, скажи мне, что я ошибаюсь.

Артур снова тронулся с места, закурил.

— Конечно правда. Еще один способ привязать неугомонного мужа. Не волнуйся, милая, никуда я не денусь. Мы теперь с тобой одной ниточкой повязаны, одно дерьмо уже восемь лет хлебам. Так что могла и не беременеть, а вообще мне все равно — хочешь рожать рожай. Только любви от меня и радости особой не жди.

— Я сделаю аборт, — крикнула Алена, размазывая слезы по щекам.

— Аборт? Сделаешь аборт, никогда меня больше не увидишь и плевать я хотел на твоего папочку. Никаких аборт. Слово это слышать не желаю. Залететь ума хватило? Теперь будешь рожать. Все, разговор окончен. И чтоб с этой...как ее там... Ингой, я тебя больше рядом не видел.

Музыка разливалась по салону автомобиля, и Артур с наслаждением слушал голос певицы. Дворники быстро слизывали с лобового стекла крупные капли дождя. Его малышка поет и как поет. Правда, запись любительская, но потенциал то ведь есть. Несомненно, она талантлива. Василиса Прекрасная. Вот насобирает он денег за лето, когда работа прет, да попытается ее раскрутить. Благо связи есть. Один из знакомых на звукозаписи работает. Ваську можно в группу какую-нибудь пристроить, маститым продюсерам показать. Только вначале заработать да побольше, что б маленькая ни в чем не нуждалась. При мысли о Василисе по телу пробежала приятная дрожь. Его девочка. И когда только успела, так к себе привязать? Неприметная, худенькая, про таких говорят — мышь серая, а вот зацепила, да как зацепила. Увидел ее там, на старой сцене Генкиного гадюшника и все, глаз отвести не мог. И дело не во внешности, а в ее незащищенности, в ее искренности. Он за свои двадцать два года женщин разных успел повидать. Фальшь за версту чуял, а тут цветочек в куче навоза. А глаза у нее какие — кристальная чистота, всю душу в этих глазах видно. Не сравнить с Аленой. Корчила из себя девственницу, а сама с его приятелями зажигала, правда до него, но ведь все равно товар порченный. Да и кому понравится, когда друзья анатомию твоей подруги знают не хуже чем ты. Не любил он Алену. Нравилась первое время — красивая такая куколка, но куколка и ничего больше, обертка красивая, а внутри пусто. Правда папаша маститый такой с бабками, строительным бизнесом заправляет, крутая семейка. Да нахрен ему Чернышеву такое родство? Деньги он и сам горазд заработать. Скоро с ребятами свою фирму по охране откроют и начнут денежки капать. Потом можно свою квартиру купить и с Васькой туда переехать. Васька... Ждет его наверное в том золотистом платице, что он ей купил со вчерашней выручки. Последнее время у него удачно складывалось с финансами. Левые заработки приносили немалый доход, а Артур любил жить на широкую ногу и ни в чем себе не отказывать, а еще он любил баловать Ваську. Видеть как она прыгает от восторга и по детски хлопает в ладоши, радуясь каждой обновке. Соскучился он по ней, уже целый день об этой бестии думал. Утром голую, сонную в постели на прощанье поцеловал, и целый день в паху ныло. Ну, вот что в этой девчонке такого? А ведь заводит с пол оборота. Посмотрит глазами и все мысли спускаются ниже пояса. Артур представил себе, как утащит ее на лестницу, порвет ее шелковые трусики и будет врезаться в ее тело до изнеможения. Он в предвкушении прикрыл глаза.

В этот момент раздался удар, машину резко развернуло на скользкой трассе и занесло в кювет. Спасли кусты терновника, густо разросшиеся по-над дорогой. Артур ощупал себя, убеждаясь, что он цел и невредим, слегка ударился головой об руль, но в целом он в порядке. Лобовое стекло полностью разбито. Все произошло слишком стремительно, Артур даже не понял как. Он выскочил из машины, бросился на дорогу, не обращая внимание, на проливной дождь, а там мужчина. Мертвый мужчина. Внутренности по асфальту растеклись, утопает в луже крови. Наверняка, Артур протащил несчастного за машиной, когда ту занесло.

"Я его убил! Я убил человека! Переехал насмерть! Вот дерьмо!"

В обезьяннике царил хаос, кто-то выл от страшной ломки и требовал дозу, проститутки громко смеялись и обменивались пошлыми анекдотами. Пару алкоголиков спали на полу, завернувшись в порванные куртки. Артур сидел в углу, закрыв лицо руками. Он постоянно

видел перед собой глаза мертвого мужчины, пустые стеклянные глаза. Вот он облик смерти: страшный, уродливый, но до боли реальный. Артур понимал, что адвокат нужен хороший так просто из этого дерьма не выбратся. При самом лучшем раскладе ему светит года три и то если докажут, его невиновность.

"Черт, а Ваське не позвонил, она там с ума сходит. Пашка приедет, попрошу его заскочить в клуб и забрать ее домой"

Но вместо Пашки приехал Рахманенко. Неожиданное явление в этом тухлом местечке. Посмотрел на Артура своими белесыми глазами и увел опера в кабинет. Артура освободили через час на поруки Рахманенко и его адвоката, низенького лысоватого типа. Потом, спустя время, Артур узнал, что адвокат ни кто иной, как Юрий Вирецкий, у такого один прием стоит целую зарплату Артура, а она у него немаленькая. Рахманенко молчал всю дорогу, пока адвокат выспрашивал у Артура подробности аварии. Дотошно так выспрашивал, каждую деталь записывал и уточнял по несколько раз. Артуру стало известно, что пострадавший скончался на месте от полученных травм, но есть подозрение, что скорей всего тот мужчина был пьян, но это станет известно только через несколько дней. Пока что Чернышев под домашним арестом. Рахманенко подвез адвоката домой, а потом заговорил с Артуром. Заговорил свысока как будто Чернышев и не человек вовсе, а так пешка, назойливое насекомое.

— Вляпался ты конкретно, дружок. И скажу сразу — мне тебя не жаль. Вот отсидел бы пару годков вся спесь с тебя бы сошла, но моя Аленка любит тебя. Хоть убей, не знаю за что, но любит. Это она мне позвонила вся в слезах: "освободи его папа!"

Артур угрюмо молчал. С отцом Алены ему доводилось общаться только один раз. Особой химии не произошло, они изначально друг другу не понравились. А потом Артур бросил Алену и забыл и об ее папочке и о ней.

— А я вот думаю, сядешь ты, и забудет она тебя как страшный сон. Что скажешь Чернышев? Отсидеть хочешь?

— Если надо будет — отсижу.

— Э храбрый, какой выискался. Ты кем потом выйдешь? Думаешь на нарах валяться это санаторий? Там тебе зубы быстро повыбивают и серьги с ушей повыдергивают, а вообще там, таких как ты очень любят.

Артур понимал, что Рахманенко пытается его запугать, унижить и не просто так.

— Я за тебя круглую сумму выложил и выложу еще немало. Как возвращать будешь?

Артур пожал плечами:

— Да, я вас и не просил, можете вернуть меня обратно.

Рахманенко остановил машину у обочины:

— Значит так, Чернышев. Ты вот прямо сейчас забудь про свой гонор, потому что обратно я верну тебе очень быстро, а еще могу не просто вернуть, но и глухарей на тебя столько спишут, что сидеть будешь пожизненно. Так что заткнись и слушай, как долг возвращать будешь.

Артур понимал, что такой человек как Рахманенко слов на ветер бросать не станет и его угрозы не простые слова. Только Артуру все больше казалось, что он понимает, к чему клонит отец Алены.

— Я тут на досуге справки о тебе навел и скажу, удивил ты меня, Артур, ох как удивил и не в плохом смысле этого слова. Для такого желторотого юнца ты очень даже цепкий и

хваткий. Так что мне такой бы в команде не помешал. Значит так — тянуть резину не буду. Я человек деловой и люблю сразу карты на стол. У меня они в этот раз все козырные. Ты женишься на моей Алене и получишь долю в компании. Не сразу, конечно, но получишь. Только не торопись бить себя в грудь и кричать о том, что любишь свободу. Я предлагаю тебе подумать. Сейчас, ты можешь валить домой, и разбираться со своей личной жизнью. Только времени у тебя, Артурик, очень мало. Так что ты своей "личной жизни" скажи "прости-прощай" и позвони мне. С Аленой встретишься завтра. Купишь букет цветов и скажешь, что хочешь к ней вернуться, а то мне надоело слезы ей вытирать. Она у меня дочь единственная и очень любимая. Я не привык ей в чем-то отказывать.

Артур слушал молча. Закурил, приоткрыв окно.

— То, что вы мне предлагаете, называется — шантаж. Я вашу дочь не люблю, и как вы думаете, мы будем жить вместе, если она мне вусмерть надоела еще несколько месяцев назад? Вы мужчина, как и я, неужели вы не понимаете, что я превращу ее жизнь в ад.

Рахманенко обернулся к Артуру и нахмурил брови:

— Она покончить с собой хотела, сопляк. Из-за тебя. Неделю назад я мечтал тебя найти и отравить тебе яйца. Только она не позволила. Так что ты на ней женишься. Какой будет ваша жизнь, не знаю, но я не хочу больше видеть свою дочь в таком состоянии.

Артур усмехнулся — Алена любила выкидывать подобные фортели и ему тоже: то на подоконник влезет, то таблеток наглотается, только с Артуром такие номера не проходили, а вот с отцом наверняка — да.

— У меня может планы на будущее есть, я с девушкой живу, я может жениться хотел.

— С девушкой своей расстанешься. Можешь ей денег дать. Скажи сколько, я тебе наличные выделю. А то ведь и я могу с ней разобраться уже по-своему. Мне единственная дочь дороже твоей очередной пассии. Так что решать тебе, Чернышев. Даю месяц. Через месяц либо под венец, либо на нары. Все. Пошел вон из моей машины.

Артур быстро открыл дверцу и вдруг обернулся:

— Вы Ваську не трогайте, я с ней сам разберусь. С Аленой встречусь завтра, как вы велели. Только одно я вам скажу, Алексей Андреевич, не будет ваша Алена со мной счастлива, вы еще не раз пожалеете, что заставили меня на ней жениться.

— Это мы посмотрим, время покажет. Сопливый ты еще мне указывать да жизни учить. Как деньги большие унюхаешь и Алену полюбишь и жизнь свою новую.

Инга.

Утро выдалось довольно солнечное, душное. Я шла по знакомым улицам, которые успели измениться, вдоль разросшихся магазинов и думала о том, как же я все-таки ненавидела этот город. Хотя, я бывала здесь как минимум раз в год. Проводывала Ивана Владимировича и еще одно место, куда шла, куда рвалась всей душой, где бы я ни была. Я остановилась возле магазина детских игрушек, потопталась у входа и решительно вошла. Молча, проходила возле рядов с аккуратно сложенными игрушками, школьными принадлежностями. Ко мне подошла продавщица, но когда увидела мой взгляд, тут же ретировалась. Один раз в году ко мне нельзя было подходить, со мной нельзя было разговаривать, на меня нельзя было смотреть. Я выбирала долго. Даже не знаю, сколько времени провела возле прилавков. Когда подошла к кассе, в моей тележке лежал новенький рюкзачок с вини пухом на переднем кармане, большая полицейская машинка и вислоухий огромный белый заяц. Именно о таком зайце я мечтала в детстве.

— Вам завернуть на подарок или так заберете?

— Не заворачивайте, просто скажите сколько.

Но она не унималась:

— А у нас новые модели рюкзаков появились с трансформерами. Вы ведь для мальчика подарок выбрали? Для братика, наверное? Вы такая молоденькая.

— Для сына, — отрезала я, — мне с вини пухом больше нравится.

Продавщица обиженно дала мне сдачу и проводила недовольным взглядом, я чувствовала его спиной. Взгляд полный презрения и зависти, а еще непонимания.

Припарковав машину на совершенно пустой стоянке, я тяжело вздохнула, достала пакеты с игрушками и ступила на раскаленный асфальт. Как странно, ни смотря на жару, именно здесь всегда было прохладно, чирикали птицы и царила тишина. Я зашла за массивные ворота и пошла по узеньким, посыпанным песком тропинкам. Я могла здесь идти с закрытыми глазами, я могла бы ползти к этому месту в предсмертной агонии и никогда бы не ошиблась.

— Василиса? Ты ли это?

Я быстро обернулась и заметила сторожа в неизменной потрепанной куртке, залатанных спортивных штанах. С годами он не менялся. Удивительно как человек мог сохранять все тот же потасканный облик и оставаться мужчиной без возраста.

— Николай Федорович? Признали?

Сторож улыбнулся щербатым ртом, на меня пахло перегаром, но я даже не заметила. Пожала перепачканную землей руку.

— Как же не признать. Конечно, признал. Кормилица вы моя. Я все сделал, как вы велели, цветочки посадил, землишки присыпал. Убирался каждую неделю.

Он ждал награды, несмотря на то, что я ежемесячно присылала ему деньги. Но мне было не жалко, я бы присылала их ему каждый день, если бы могла. Порывшись в кошельке, я протянула ему несколько купюр. Сторож снова улыбнулся, сунул деньги в карман куртки. Сегодня у него пир, напьется до беспамьятства и будет спать в своей каморке.

— Ну, ступайте, не буду вам мешать. Вы теперь наверно не скоро приедете.

— Я буду здесь бывать намного чаще, я вернулась в город.

Лицо Николая вытянулось, он был разочарован. Для него это означало конец прибыли, конец добавки к его крошечной зарплате.

— Не волнуйтесь, я свои выплаты продолжу, как и раньше, чтобы по-прежнему присматривали за ним.

Когда шаги хромого сторожа стихли позади меня, я толкнула выкрашенную в серебристый цвет калитку и почувствовала радость и боль одновременно.

— Ну, вот и мама вернулась, родной. Ты скучал? С днем рождения тебя, мой маленький, мама подарки принесла. Все как ты хотел. Надеюсь, тебе понравится.

Я всегда с ним разговаривала, с моим сыночком, я была уверена, что он меня слышит. Особенно когда я здесь, рядом.

Сторож не обманул — могилка ухоженная, посадил незабудки, покрасил оградку, маленький памятник блестел на солнце. Я поставила свежие цветы в стеклянную вазу. Потом раскрыла пакеты с подарками. Я аккуратно посадила зайца у памятника виде улыбающегося ангела. Поставила сбоку машинку и рюкзак.

— Вот зачем нам трансформеры скажи? Если бы ты пошел в этом году в школу, мы бы обязательно купили тебе рюкзачок с вини-пухом. Помнишь, в прошлом году я рассказывала тебе про него сказку?

Я села прямо на землю и обняла маленькую могилку руками, положила голову на пушистую траву.

— Я скучала, я думала о тебе каждый день, ни на секундочку не забывала. Я купила тебе новые сказки и сегодня обязательно прочту одну из них.

Я не знаю, сколько времени лежала на мягкой траве, поглаживая руками памятник. Только здесь ко мне приходило спокойствие, только здесь я могла плакать, превращаться в Ваську, которая похоронила своего трехмесячного сына семь лет назад. Чтобы спасти моего мальчика мне не хватило всего лишь пяти тысяч долларов. Сегодня моя сумочка стоила дороже. Мой мальш, как же я боролась за твою жизнь, но видно плохо боролась, плохо молилась. Теперь я могу осыпать твою могилку игрушками и цветами, а вернуть тебя уже не смогу никогда.

8 ЛЕТ НАЗАД. КАК УМЕРЛА ВАСИЛИСА.

Артур не вернулся ни на утро, ни спустя месяц. Точнее он появился в нашей квартире, когда меня не было дома, и забрал все свои вещи. Он не знал, как сильно я его ждала, как искала, как выспрашивала его друзей. А может и знал. Скорей всего знал, только ему больше не нужна была Васька. Тем более беременная. Я узнала о том что жду ребенка через неделю после того как он исчез. Тогда я еще не понимала, что он меня бросил окончательно и бесповоротно.

Поняла лишь спустя несколько недель, когда вернулась в пустую квартиру и увидела свет на кухне. Бросилась сломя голову, сердце билось так гулко, в ожидании в предвкушении. Я наверное простила бы ему все, только бы он вернулся. Только свет впопыхах забыли выключить, а квартира оказалась еще более пустой, чем тогда, когда я ее покидала утром. С того времени как Артур пропал мне катастрофически не хватало денег и я

устроилась еще на одну работу. Мыла полы на лестничных площадках, потом прибегала перекусить, а вечером в клуб, снова петь и снова ждать, когда он вернется. Я так и застыла в дверях с болью осознавая, что приходил Артур не для того чтобы вернуться, а затем, чтобы уйти окончательно. Он опустошил все шкафы, забрал даже свой станок для бритья и зубную щетку. Только сейчас я осознала, что пока дома были его вещи, я не теряла надежды, что он вернется. Теперь же у меня не осталось даже этого. На кухонном столе лежала записка, написанная на скорую руку простым карандашом, который валялся тут же, рядом с проклятой бумажкой: " Я не вернусь. Все кончено, у меня скоро свадьба. Поэтому не ищи и не порть жизнь ни мне, ни себе. Вот деньги на аборт. Думаю, здесь больше чем достаточно. С квартиры съехать нужно до следующей недели. За все уплачено. Артур"

Я думала, что мой мир рухнул, что его разнесли торнадо или цунами. Тогда мне казалось, что большего горя не придумать, что большей боли не вынести. Я съехала в тот же день. Вернулась к Ивану Владимировичу как побитая собачонка. Он меня принял, слова лишнего не сказал, не упрекнул ни в чем. И мне от этого его молчания было еще тяжелее. Наверное, лучше бы он на меня накричал, или тоже выгнал из дому. Я сидела в ванной часами и читала проклятую записку, пересчитывала деньги. Артур оставил мне тысячу долларов. Не мало. Аборт стоил тогда намного дешевле. Он от меня откупился. Таким вот способом. Я знала на ком он собирался жениться. Его добрые друзья поставили меня в известность еще тогда, когда я обрывала их телефоны. Один из них даже сказал, что теперь он живет с Аленой Рахманенко на вилле за городом. Как же мне хотелось пойти туда, посмотреть ему в глаза. Услышать от него самого, что между нами все кончено, понять, почему он со мной так, за что? Я много думала в эти дни, а точнее ночи. Я не знала как мне поступить, что делать. Я совсем одна. Я ждала ребенка, которого никто не хотел. От нас откупились, швырнули нам подачку тысячу долларов, вот сколько стоила моя разбитая жизнь и жизнь нерожденного малыша. Большого Васька не заслужила. Не заслужила она объяснений, последнего "прощай". Наверное, так мне и надо. Нельзя было так его любить, нельзя было быть такой счастливой. Всему приходит конец, даже самой волшебной сказке. Вот и моя закончилась. И я решила, пусть бог меня простит. Только куда мне сейчас рожать? Взвалить все на Ивана Владимировича? Слушать сплетни соседей? Перебиваться от зарплаты к зарплате? Растить нищету как и я сама? Когда я осторожно, чтобы не потревожить Ивана Владимировича, прокралась к двери, тот громко меня окликнул:

— Васька, не смей, слышишь? Вернись и давай поговорим.

Он говорил долго, а я слушала, размазывая слезы и порываясь вскочить и убежать. Только не смела, не смела вот так взять и уйти. Впервые он был со мной строг, по-отцовски строг, я даже не смела рта открыть. Мне было стыдно, так стыдно, что у меня горели щеки, и я не решалась поднять глаза и посмотреть на него. Только чувствовала как слезы падают мне на руки и молча кивала. Он был прав, он меня предупреждал.

— Васенька, ну не конец света беременность. Ну и ладно, что без отца. Ты не первая и не последняя. Протянем как-нибудь, вон две тарелки супа есть и третья найдется. По-первой своим молочком покормишь, а потом оформим детскую кухню. Не в таких условиях детей-то растили. В голод на ноги поднимали. Ну не плачь, моя хорошая, вот так. Иди я тебя обниму.

Он гладил меня по голове морщинистой рукой, а я рыдала навзрыд.

— Васенька, деточку убивать нельзя, она не повинна в грехах родителей. Не нам решать, кому жить, а кому умирать. Вот родишь мне маленького, будет мне отрада на старости лет.

— А что люди скажут? — рыдала я, — что люди скажут? Стыд, какой на ваши седые

волосы.

— Васенька, плевать нам на них. Пусть что хотят, говорят. Нам главное чтобы ребеночек был здоровенький. Вытри слезы. Не переживай. Справимся сами. Вот увидишь. Все будет хорошо. Все будет хорошо, моя девочка.

И я ему поверила, я спрятала проклятые деньги в вазочку на столе и с новыми силами начала работать. Я все еще ждала, что Артур позвонит или посигналит под окном. Я срывалась к телефону каждый раз, когда раздавался звонок, и выскакивала на балкон, услышав рев мотоцикла. Артур не звонил больше и не приезжал. Я увидела его лишь один раз спустя полгода. Он даже меня не заметил, шел под руку со своей Аленой, нес следом сумки с продуктами к новенькому "джипу". Я не посмела подойти, просто стояла и смотрела со стороны, обхватив руками живот. Все надеялась, что он обернется. Не обернулся. Помог своей невесте сесть на переднее сиденье и рванул с места. Я долго смотрела им вслед и думала, что никогда больше не буду искать с ним встречи, никогда и ни о чем не попрошу. Я ошибалась. Я пришла к нему спустя пять месяцев, пришла и торчала под его окнами в надежде его увидеть. Сидела на лавочке под его шикарным домом с охраной и высоким мраморным забором.

Мой сын родился недоношенным на двадцать девятой неделе. От недосыпания и недоедания мой организм ослаб, и я не смогла выносить положенные девять месяцев. В больнице делали все возможное, хотя чего можно было ожидать от единственного роддома в захолустном городочке. Я ожидала чуда, но его не случилось. Егорка родился весом семьсот грамм, его легкие все еще не работали самостоятельно, он перенес несколько операций на желудке. Все это время я жила в "патологии", я дневала и ночевала там. Я мыла полы, я помогала медсестрам, лишь бы мне позволили там остаться. Постепенно Егорке становилось лучше — он поправлялся на глазах, он даже начал брать грудь. Я радовалась каждой секунде проведенной с ним, каждому дню. Я забыла обо всем и молила бога, чтобы мой малыш выжил. Нас должны были выписать через пару дней. Мы с Иваном Владимировичем уже приготовили детское приданое. Потратили его сбережения, кое-кто из соседей одежду подкинул, ванночку. Я ждала моего малыша домой. Только перед самой выпиской Егорке стало плохо. Никто не мог понять, что случилось, почему он так истошно кричал и отказывался от еды. Диагноз поставили на следующий день — хроническое заболевание легких ^[1]. Такое бывает у недоношенных младенцев. Меня успокаивали, говорили, что делают все возможное, но катастрофически не хватает медикаментов, не хватает нужных средств. Мне посоветовали перевезти малыша в платный центр в столице. Но там, на лечение требовалось пять тысяч долларов, без предварительного взноса со мной даже говорить не стали. Я заняла, сколько могла, я попросила ссуду на работе, но мне отказали. Оставалось только просить денег у отца Егорки. И я пошла. В тот момент я готова была продавать себя на улице лишь бы найти нужную сумму, но на все требовалось время, а у меня, точнее у моего малыша, этого времени катастрофически не хватало. Отсчет шел на дни.

Я прождала у ворот их шикарного особняка несколько часов, пока один из охранников не попытался меня выгнать. Тогда я взмолилась, попросила отнести Артуру конверт. Охранник ушел, а я смотрела на окна их дома и молилась, надеясь в очередной раз на чудо. Охранник вернулся спустя несколько минут. Судя по тому, как он не решался посмотреть

мне в глаза, он прочел мою записку, только ответ передал на словах и я их никогда не забуду, не забуду этого страшного приговора, который так легко вынес моему сыну его отец:

— Мне велели вам сказать, что если Артур Александрович будет каждой...хм... простите...каждой женщине, с которой он встречался давать деньги, то он скоро разориться. Вы уходите лучше, не стойте здесь, а то мне придется полицию вызвать.

Я не ушла, я все еще не верила, что Артур мог вот так просто сказать эти жуткие слова. Ведь в тот конверт кроме моей записки, я положила прејскурант цен платного центра, справки с заключением врачей. Неужели после всего, что было между нами, он не смог найти для своего сына проклятые пять тысяч долларов?

В больницу я вернулась спустя несколько часов. На меня смотрели с жалостью, дежурная медсестра пожимала мне руку, предлагала чай с печеньем, и успокоительное. Только никто не знал, как сказать мне, что у Егорки шансов на выздоровление все меньше. Мне уже не запрещали носить его на руках и часами сидеть с ним рядышком, трогать крошечную ручку. Я смотрела на все трубки и провода, которые оплетали крошечное тельце, на аппараты искусственного дыхания и понимала, что умираю вместе с ним. Это я дышу все слабее, все отрывистей, это мое сердце стучит все тише. Егорка умер во сне. Никто не заметил кроме меня, а я сидела тихо как мышка, чтобы медсестры не забрали его у меня. Дали еще драгоценное время проститься, еще минутку, еще секунду. Утром начался обход. Я все помнила как в тумане, у меня не могли отобрать тело, я выла и орала как раненное животное, я вцепилась в сына мертвой хваткой и не отдавала никому. Я рычала и пыталась бить и кусать санитарок. Спустя час им все же удалось с помощью психиатра убедить меня отдать малыша. Вот так умерла Васька. Точнее вот так она начала умирать, корчиться в агонии, и ее смерть была долгой и болезненной. Егорку мы хоронили вдвоем. Я и Иван Владимирович. Он, наверное, постарел сразу лет на десять, поседел еще больше. Я не плакала, у меня не осталось слез. Я только выла и стонала бессонными ночами, запиралась у себя в комнате с детской кроваткой и игрушками. А потом я начала пить. Водка приносила мне облегчение, пусть недолгое, но забвение. Я не слышала плач моего малыша, я не видела малюсенького гробика, я просто падала в черную дыру, а когда выныривала из бездны, Иван Владимирович обреченно ставил на стол очередную бутылку. Знал, что если не выпью — наложу на себя руки.

Вот как умирала Васька. Долго и мучительно сгорала в пьяном угаре. Инга родилась не сразу, спустя несколько месяцев беспробудного запоя. Ее рождение все же можно назвать чудом. Мне позвонили из клуба, попросили выйти на замену, просто открывать рот под фонограмму — их новая прима заболела. Мне нужны были деньги. Водка кончилась, Иван Владимирович отдал мне последние копейки. Так что нужно было срочно работать, иначе к вечеру я загнулась бы без спиртного, и я вышла. Кое-как нарядилась, приделалась, даже волосы расчесала, смастерив некое подобие прически дрожащими руками. Я стояла там, еле держась на ногах, и открывала рот как рыба, невпопад. Я мечтала о том, как закончиться этот вечер и я куплю заветную бутылку алкоголя, заветное зелье забвения. Я даже не заметила, что за самым первым столиком сидит необычный посетитель. Мужчина смотрел на меня, смотрел пристально, прожигая взглядом. Я и раньше его видела, точнее он стал всегдагдаем клуба еще тогда, когда я жила с Артуром. Бывало официантки хихикали, передавая мне очередной букет роз, который я тут же отправляла в мусорку: "Вон тот тип снова пришел, опять тебе цветы и чаевые оставил. Эх, Васька, нам бы такого ухажера, а ты в своего Артура вцепилась, у этого мужика явно денег куры не клюют и запал он на тебя не по

детски, хватай удачу за хвост".

Только в этот вечер он не просто смотрел, он решил мою судьбу. Когда я закончила делать вид, что пою, ко мне подошли два здоровых парня, подхватили под руки и затолкали в автомобиль. Я даже не сопротивлялась. Когда увидела своего "похитителя" мрачно спросила:

— Купите водки или денег дадите? Лучше водки и делайте что хотите.

Так я познакомилась с Германом. Точнее так он меня приручил, Пигмалион хренов. Вообразил себя богом. Эдаким принцем для заблудшей овечки, но он дал мне силы. Он помог мне возродиться из пепла.

Я сидела под замком в дальней комнате его особняка, выла и материлась, требуя водки, я переживала все кошмары наяву. Я узнала, что такое муки ада и белая горячка. Своего будущего любовника я все еще не видела после того раза в машине, когда он привез меня к себе в дом. За мной ухаживали молчаливые люди из обслуги, как за больным ребенком. Меня не выпускали, лишь приходили вынести тазик, в который меня выворачивало наизнанку, когда пары алкоголя покидали мое тело. Так же мне по часам приносили попить и поесть, но я оставляла еду нетронутой, только воду выпивала жадно, мое горло пекло от непереносимой жажды. Спустя пару недель, ко мне пришел психиатр, такой весь прилизанный, холеный дядечка, он втирал мне про высокие материи, выписал кучу лекарств, учил справляться с депрессией, вел со мной непонятные игры с картинками. Только когда за ним закрылась дверь моей шикарной "темницы", я поняла, в чем теперь смысл моей проклятой жизни — это заработать денег, заработать столько чтобы такие, как Артур Чернышев, были лишь пешками в моих играх. Не важно, какими способами, но я стану богатой. Я выживу и отправлю его в болото, где даже сто долларов покажутся ему несметным богатством, я лишу его всего, что ему дорого, я спущу его на самое дно. Вот так родилась Инга. Утром она съела свой завтрак, приняла душ и переделалась в новую одежду. У нее появился смысл жизни — месть.

Я с наслаждением пила малиновый чай и разжевывала не спеша домашнее печенье. Как же я соскучилась по этому вкусу, вкусу детства. Иван Владимирович смотрел на меня, подперев подбородок рукой, и улыбался. Только он мог вот так искренне радоваться встрече со мной. Он любил меня. Не за особые заслуги, не за внешность просто любил, как отец любит своего ребенка. Нормальный отец.

— Как ты изменилась, какой красавицей стала. Налюбоваться не могу.

— Да бросьте, это все современные ухищрения: краска для волос и косметика, плюс хирургическое вмешательство вот и красота налицо и на лице.

— Эн нет. Красота дело наживное, ты изменилась в другом смысле, стала взрослая уверенная в себе. Только не радуют меня эти перемены. Чувствую недоброе ты затеяла. Меня не обманешь. Зачем тебе вся эта информация? Вон денег сколько заплатила. Зачем ворошишь осиное гнездо?

Я нахмурилась. От Ивана Владимировича ничего утаить нельзя, видит меня насквозь.

— Пришло время платить по счетам. Они мне должны. Должны столько, что деньгами тут не рассчитаться. Вы меня не отговаривайте. Я к этому шла долгие годы. Училась, менялась, собирала информацию по круплицам.

Он тяжело вздохнул, подлил мне еще чая.

— Месть, Васенька разрушает. Да, она сладкая, когда мечтаешь о ней годами, а когда воплотишь, что останется? Пустота?

Он был прав, впрочем, как всегда, но у меня внутри и так пусто. Дальше уж и некуда.

— Ты бы Василиса, нашла себе парня хорошего, вышла замуж, семью создала, а ты все прошлым живешь. Все забыть его не можешь. Отпусти боль. Отпусти и начни жизнь с чистого листа.

Я поставила чашку на стол с такой силой, что весь чай расплескался на белоснежную скатерть.

— С чистого листа? Как начать? Кому я нужна со своими проблемами? Вы ведь помните приговор врачей — детей у меня скорей всего уже не будет. Так что семью мне не создать, мужчинам я не доверяю. Вот возьму все, что мне причитается с Чернышева и заживу новой жизнью с чистой совестью.

— А будет ли она чиста совесть твоя?

— Будет. Вы мне лучше конвертик отдайте.

Иван Владимирович подтолкнул ко мне пальцами большой желтый конверт. Я с нескрываемым удовольствием достала фотографии. Не буду лгать от увиденного мне стало не по себе. Не то чтобы я была в шоке, но все же надеялась, что Чернышев не такая скотина. Впрочем, напрасно надеялась. На снимках мой бывший возлюбленный совокуплялся, другого слова не подберешь, с несколькими дамочками легкого поведения. Снимки не очень хорошего качества, но видно, что девушки обслуживают по высшему классу и Чернышев стонет от наслаждения. В душе поднялась волна ярости. Черная волна, вызывающая дрожь отвращения. Я не стала рассматривать снимки дальше — духу не хватило. Перевернула их картинками вниз и достала другие документы. А вот тут еще интереснее — неуплата налогов, если хорошо покопаться за это можно и посадить эдак на пару лет. Но все на закуску. Вначале пошлю-ка я его милой жене снимки, а потом пожалею несчастную, а вдруг она мне что-то интересное расскажет. Более интересное, чем просто неуплата налогов. Ведь есть же у тебя Чернышев скелеты в шкафу, кроме Василисы?

— О чем задумалась, Вась?

— О том, что мало тут компромата, мне нужно больше, намного больше. Сведите меня с тем человеком, который делал эти снимки. Мне нужно поговорить с ним лично.

Иван Владимирович задумался, а потом осторожно вытер тряпкой разлитый мною чай.

— Васька, ты что затеяла? Чего добиваешься? По-моему тут достаточно чтобы разрушить его брак.

Я расхохоталась, истерично так, не смогла сдержаться.

— Разрушить брак? Этого ничтожно мало. Я хочу уничтожить его, раздавить, унижить, разорить.

Иван Владимирович посмотрел на меня с сожалением и я, черт возьми, не понимала его.

— Пять тысяч долларов, — процедила я, — жизнь моего ребенка стоила всего лишь пять проклятых тысяч долларов. Его ремень стоит дороже. Я хочу, чтобы у него не осталось ничего ни денег, ни компании, ни жены... НИЧЕГО. Как у меня когда-то. Мой сын мог пойти в этом году в школу... все могло быть иначе. Если бы он был жив, я бы не спала чертовых семь лет с Германом, я бы жила нормальной жизнью, а не просыпалась по ночам в холодном поту, слыша плач моего мертвого ребенка.

Иван Владимирович взял ручку и написал на салфетке номер телефона, подвинул ко мне.

— Поступай как знаешь, если тебе от этого легче. Только помни о том, что ничего

нельзя вернуть назад и Егорку этим не вернешь.

Лифт остановился на седьмом этаже, и Артур прошел по ковровой дорожке в сторону массивной стеклянной двери главного офиса компании "Трастинг Строй".

В офисе как всегда суета, кто-то носился с папками, уборщица гудела пылесосом, секретарша болтала по телефону и потягивала кофе из пластикового стакана. Сегодня Чернышев явился в офис раньше обычного. Света бросила на него удивленный взгляд и положила трубку.

— Кофе, две ложки сахара, — бросил Артур, даже не поздоровавшись, и пошел в кабинет.

— Артур Александрович там...

Он отмахнулся от нее как от назойливой мухи, но уже через секунду понял, что именно она имела в виду. Дверь кабинета была приоткрыта, на ней красовалась табличка не с его именем, он даже не стал читать, а бросил яростный взгляд на женщину, сидящую за его столом. Инга его не заметила, и не услышала, слишком громко гудел пылесос. Она что-то писала, и Артур невольно засмотрелся на нее. Длинные каштановые волосы распущены по плечам, тонкие пальцы сжимают ручку, на среднем поблескивает изящное колечко. Она забросила ногу за ногу, и Артур видел ее колени и стройные лодыжки. Инга играла туфелькой, то одевала ее, то сбрасывала снова. Артур почувствовал, как это невинное движение разожгло в нем пожар, словно переключился выключатель, и его обдало жаром. Маленькая ступня, затянута в черный чулок эротично проскальзывала в туфельку. Инга поправила прядь волос за ухо и прикусила кончик ручки зубами. Артур внезапно вздрогнул. Это движение, этот поворот головы и ресницы, бросающие тень на щеки. Она кого-то ему напомнила. Неуловимо, но очень отчетливо. Сердце мужчины пропустило несколько ударов, потом понеслось вскачь. Память старалась, напрягалась. Мозг лихорадочно сканировал воспоминания и — ничего. Он не мог знать эту красивую стервочку раньше. Такую шикарную женщину он бы не забыл никогда. От нее исходили такие флюиды, такой яростный запах секса, что он реагировал на ее присутствие, мгновенно, распаяясь только от запаха духов, от взмаха ресниц. С ним еще никогда не происходило ничего подобного, он тут же ощущал сильнейшую эрекцию, словно у него не было женщины годами. Инга резко подняла голову.

— Доброе утро, господин Чернышев. Могли бы и постучаться.

Артур демонстративно зашел в кабинет и закрыл за собой дверь.

— Шустренько ты здесь обосновалась. Не иначе как в пять утра уже здесь была.

Инга положила ручку на стол и посмотрела на Артура из-под длинных пушистых ресниц. От ее томного взгляда у него мурашки пробежали по коже.

— Ну, кто рано встает тому сам Бог дает.

"Или дьявол. Ты у меня ассоциируешься с адским искушением".

Вошла секретарша многозначительно посмотрела на них обоих и поставила кофе Артура на стол.

— Что-нибудь еще?

— Можете идти, Светочка. Вы сегодня просились уйти пораньше насколько я помню — в три можете быть свободны.

Артур побагровел от злости. Эта маленькая сучка дает здесь распоряжения, словно его и

не существует вовсе. Секретарша победно ему улыбнулась и вышла, виляя внушительными бедрами. Когда-то он видел эти бедра без одежды, только приелась ему Светочка моментально и отношения кончились после первого же перепиха.

— Какого черта ты ее отпустила? У нас по горло работы, заказы горят, клиенты обрывают телефоны!

Инга спокойно закурила тоненькую сигарету и закинула ногу за ногу. Артур заметил светлую полоску кожи внутренней стороны бедер над кружевной резинкой черных чулок. В горле резко пересохло.

— У Светочки больная мама, которая сейчас лежит в кардиологии после сердечного приступа. Ты мог бы хоть изредка интересоваться личной жизнью своих подчиненных. Кстати Свету заменит Оксана, она превосходно справится с этой работой.

Артур даже хмыкнул от удивления. Ловко, ничего не скажешь она всех знает по именам, она даже в курсе того кто и кого может заменить. Кто она эта Инга Орлова? Как долго она изучала дела компании, прежде чем приехала вместе с Новицким в город?

— А мы с тобой, я так понимаю уже перешли на "ты" еще вчера, так вот мы поедem и вместе осмотрим объект, который застоялся и должен был быть сдан еще неделю назад. Хочу лично проверить, в чем загвоздка.

Артур взял со стола кофе, сделал глоток и посмотрел на Ингу с нескрываемым интересом. Несмотря на то, что она его бесила, Инга начинала Чернышеву нравиться. Несомненно, это не очередная пустышка, не кукла, а личность. Довольно сильная личность. От этого Орлова привлекала его еще сильнее.

— Ты имеешь в виду гостиницу?

— Вот именно. Гостиницу. Вы должны были сдать проект седьмого июля. Сегодня уже семнадцатое. Так что пошли Чернышев, у нас сегодня много работы. Хотя, если хочешь, я могу поехать и одна.

"Еще чего одна! Я тебя ни на секунду из вида не выпущу, с удовольствием посмотрю, как ты будешь бегать по стройке на своих каблуках и в юбке".

— Поехали, сейчас прорабу позвоню, пусть ждут гостей.

— Нет! Никому не звони. Я хочу посмотреть, чем они там занимаются без предупреждения. Ты на машине? А то моя в ремонте после аварии.

Артур самодовольно усмехнулся, конечно, он на машине. У него их три если не считать авто жены. Сегодня он приехал на джипе. Его "ауди" тоже в ремонте.

— Поехали.

Артур окинул ее жадным взглядом, замечая каждую мелочь. Одета неброско, но со вкусом. Каждая деталь наряда продумана, сексуальна и подчеркивает ее индивидуальность. Кремовая блузка расстегнутая на груди на две пуговицы, еще немножко и будет видно соблазнительную ложбинку, легкий черный жакет, элегантный, приталенный, юбка чуть выше колен, из тонкой материи того же цвета, повторяющей каждый изгиб стройных бедер, сбоку небольшой разрез и неизменные туфли на высокой шпильке. Черт, эти проклятые туфли его возбуждали. Ему нравились женщины в такой обуви, в черных чулках. Ее длинные волосы крупными волнами спускались до самых бедер. Инга непринужденно заколола их сзади заколкой. Идеальное лицо, остренький подбородок, высокие скулы, слегка курносый ровный нос и глаза. Как часто он говорил женщинам, что у них красивые глаза, подразумевая совсем другое, но у этой они и в самом деле необыкновенные — ярко-зеленые как у кошки,

миндалевидные, умело подчеркнутые неброским макияжем. Глаза с поволокой. Когда она возбуждается, они темнеют? Она кричит во время оргазма? Артур был уверен, что кричит. Такие женщины отдаются полностью, точнее берут от секса и от мужчины все. От этих мыслей в паху заныло, и он снова почувствовал эрекцию. Разозлился на себя, увидел, как она красноречиво посмотрела на его ширинку, тонкие брови взлетели вверх и она усмехнулась.

— Рассмотрел все? Можем идти, или повернуться к тебе с разных ракурсов?

"Вот зараза. Знает, какое производит на меня впечатление и рада этому. Дразнишь зверя, девочка, я могу и разозлиться"

Хотя он лгал сам себе, чем больше смотрел на Ингу, чем больше с ней общался, тем меньше мог ее ненавидеть. Девушка пошла впереди него, прекрасно зная, что он рассматривает ее украдкой. Ну и походка, от бедра, юбка обтягивает аппетитные ягодицы при каждом движении. Артур стиснул зубы и постарался отвлечься, не смотреть на ее попку, на длинные ноги. Давно он не хотел женщину так сильно, что все мысли сводились только к одному — примитивному желанию овладеть ею.

Инга забралась на переднее сиденье, бросила сумочку назад и по-хозяйски включила радио. Артур повернул ключ в зажигании, и машина сорвалась с места. Он то и дело поглядывал на ее колени, на вырез блузки иногда замечая черное кружево бюстгалтера. Ее грудь казалась пышной, упругой. В этот момент в ее сумочке зазвонил сотовый. Инга перегнулась назад, чтобы его достать и Артур выругался про себя матом. Мать ее так, какие красивые ноги, гладкие, кожа матовая, ровная. Если прикоснуться к ней ладонью, раздвинуть эти бедра, коснуться ее. Да что, черт возьми, с ним происходит? Он будто под кайфом или женщины не видел лет сто. Последний раз таким голодным Артур помнил себя только после армии.

— Да, милый, конечно, я тоже соскучилась, — ее голос изменился, завибрировал, стал низким и томным. Таким голосом говорят только с любовниками, с мужчинами с которыми занимаются горячим и безудержным сексом. Артур почувствовал раздражение. Мысль о том, что она говорит таким голосом с кем-то другим, его разозлила. Он хотел ее, хотел, чтобы она принадлежала только ему. Получить ее и потом пусть трахается с кем хочет, только не тогда когда он ее так желает. Она позволяет своему любовнику то, что не позволяет ему и не позволит. Нет, он ее получит, всеми правдами и неправдами от этой женщины Артур не отступится.

— Герман, дорогой, я вчера просто ужасно устала и поэтому не смогла ответить. Конечно, я была дома. Знаю, милый, я тоже думаю о тебе каждую минуту... и я...можешь не сомневаться... тоже очень...

Посмотрела на Артура и, растягивая каждое слово, томно сказала:

— Хочу тебя...Целую.

"Хочу тебя", она произнесла так, словно говорила не со своим любовником, а с Чернышевым и у него встал. Мгновенно. От резкой эрекции заболел низ живота, а змейка узких джинсов впиалась в горящую плоть. Черт бы побрал эту девку. Ведьма. Инга забавлялась его реакцией, она играла с ним в те же игры, в которые он любил играть с женщинами. Артуру не нравилось быть ее жертвой. Он приходил в бешенство. Чернышев даже не представлял, что бы с ним начало твориться, если бы Инга сказала эти слова ему самому.

— Ты проехал поворот, — она засмеялась и поправила волосы.

Дьявол и, правда, проехал, пришлось сделать круг. По радио заиграла красивая песня и Чернышев сделал громче. Но уже после первых аккордов Инга переключила на другую станцию. Артур вернул обратно:

— Мне нравится музыка, не трогай, — проворчал он и закурил. Инга странно напряглась, приоткрыла окно. Артуру песня показалась знакомой, словно он ее уже где-то слышал, и голос тоже слышал. Точнее похожий голос. Словно эту песню исполняла другая певица или эта же, только много лет назад. Голос сильный, с надрывом, певица выкладывалась, в каждом слове душа, в каждом вздохе страсть. Надо же так петь, что каждый, кто слушал, принимал эти слова на свой счет. Когда песня закончилась, диктор сказала "спасибо" прекрасной певице Инге Орловой за чудесное исполнение.

— Ух, ты, а поешь здорово... Мне даже кажется, что когда-то я уже слышал эту песню и возможно даже в твоём исполнении.

Инга нервно закурила еще одну сигарету.

— Не мог слышать, это из нового альбома, — отрезала она.

Артур пожал плечами. Она и комплиентам не рада. Странная какая-то, нервничает. Может, не любит когда ее обсуждают или стесняется, хотя эта вряд ли знает, что такое смущение.

Они приехали к обнесенному желтыми лентами участку, с высоким вычурным зданием посередине. Ни живой души, подъемный кран стоит в стороне, явно без управления. Инга сама вышла из автомобиля, приподняла ленту и ступила на асфальт. Приложила руку к глазам, щурясь от яркого солнца:

— Ну и где чертовы работнички? — спросила она и яростно посмотрела на Артура, тот пожал плечами и пошел в сторону караванов, где обычно отдыхали строители.

Работнички сидели за столом и распивали водку, играли в карты, прораб откусил соленый огурец и наполнил свой стакан алкоголем.

— Мать вашу! Это так вы работаете? Где все остальные?

Они подпрыгнули от неожиданности, обернулись к гостям. Прораб выронил огурец и тут же вскочил. Инга вышла вперед, и толкнула стол носком лакированной туфельки, потом презрительно посмотрела на прораба и спросила:

— Ты Денисюк?

Тот кивнул, окидывая девушку восхищенным взглядом, и Артуру захотелось поставить ему под глаз красочный "фонарь". Этот плебей не имеет права рассматривать Ингу так бесцеремонно.

— Значит вот что, Денисюк, через пять минут ты предоставишь мне списки тех, кто должен был сегодня выйти на работу и не пришел. Передашь им всем, что они уволены, расчет получают в бухгалтерии.

Прораб тут же растерялся:

— Но... там проблемы были... Там один заболел и...

— Справку от врача пусть принесут. Дашь мне график работы и всех отсутствующих за неделю. Ваш перерыв окончен и два дня вы работаете без отдыха. Водку на работу не приносить. Бухать дома, это вам не сходка алкоголиков. Завтра сюда приедет мой человек, он будет смотреть за работой. Проект окончите максимум за неделю.

— Но тут работы на месяц, — заныл Денисюк и посмотрел на Артура, который молчал, и лишь посмеивался над тем, как хрупкой женщине удалось напугать шесть здоровенных

мужиков. Они лихорадочно убирали на столе, прятали карты, выбросили бутылку в мусор.

— Значит ночью будете работать, без сверхурочных. Вы проект когда должны были сдать? Если бы не прогуливали и работали добросовестно, сдали бы раньше времени. Иди за мной, а вы — марш на рабочее место.

Артур проводил девушку взглядом, засмеялся, когда увидел, как Денисюк бежит следом, на ходу подхватывая две каски, одну из них протянул Инге. Девушка умело одела каску и пошла к стройке. Чернышев поспешил следом за ними. Огонь, а не девка. Даже у него так хорошо не получалось прикрутить горе работничков. Если честно, то он на объектах почти никогда не бывал, лишь обзванивал прорабов и узнавал о ходе работы.

— Какого черта вы тянули? Здесь остались лишь ремонтные работы, шлифовка, проект почти готов. Управитесь за неделю, никуда не денетесь. Завтра вам добавят работников. Смотри, вот здесь пошла трещина по цементу, переделать сейчас же.

Артур наблюдал, как она рассматривает стены, залезла на стремянку и трогает потолок, постукивая пальцами. Снизу ее ноги выглядели идеально, Артур не смог отказать себе в удовольствии и подойти поближе.

— Вот тут нужно снова штукатурить, если такое происходит по всему объекту, я тебя, Денисюк, первого уволю, понял?

Прораб быстро закивал.

— Иди, приготовь мне списки на увольнение.

Инга наклонилась чуть вперед, пристально рассматривая какой-то изъян, и Чернышев выругался про себя матом. Юбка задралась выше и ему стали видны упругие ягодицы и шелк черных трусиков прикрывающих соблазнительные полушария. Внезапно Инга пошатнулась, вскрикнула, Артур тут же протянул руки и резко снял ее со стремянки. Она оказалась в его объятиях так стремительно, что он даже сам не понял, как это произошло. По его телу прошла судорога как от удара током, каждый мускул стонал от дикого напряжения. Он так сильно прижал ее к себе, что теперь его красноречивая твердая выпуклость в брюках упиралась ей в живот. Посмотрел в ее глаза и полетел в пропасть, сердце остановилось, а потом заколотилось с бешеной силой, ему казалось, что у него сломаются ребра. Ее грудь касалась его груди, и Артур готов был поклясться, что чувствует ее острые, напряженные соски. Из груди рвалось рычание. Руки девушки лежали у него на плечах, а его ладони крепко стискивали ее бедра и невольно жадно скользнули к тонкой талии. Ее глаза потемнели, загорелись или ему показалось? Артура ослепило неконтролируемое желание впиться в ее губы поцелуем, ворваться языком в ее рот, пить ее дыхание, овладеть ею немедленно, прямо здесь. Это длилось всего лишь мгновение, а затем она резко оттолкнула его от себя, поправила юбку.

— Спасибо, только можно было и не лапать. Пошли. Здесь больше нечего делать. Денисюк поджал хвост, завтра уволим всех прогульщиков и возьмем стажеров. Так работа заладится быстрее. Чернышев, перестань на меня пялиться и пошли. Я ж вроде не голая.

"Если я увижу тебя голой — я кончу" — зло подумал Артур и медленно поплелся следом за ней, чувствуя, как набухший член мешает идти, а трение о джинсы доставляет неудобство. Артур шумно выдохнул, пытаясь взять себя в руки, и ему это не удавалось, отчего он злился еще больше.

— Отвези меня домой, если не трудно, в офис я сегодня не вернусь.

"Трудно. Мне трудно дышать, когда ты рядом, чертова стерва"

— Без проблем. Ловко ты этого Денисюка уделала, мне понравилось. В тебе есть жилка

начальника.

Она засмеялась.

— Конечно есть, просто на фиг всех уволю, вот и все. И он знает, что я не шучу.

— Инга?

— Да?

— А давай заключим сделку...

Она снова усмехнулась:

— В чем подвох?

Не доверяет, умная девочка, правильно делает.

— Ни в чем, у меня выгодное деловое предложение. Акции ты уже получила, так что можешь меня не бояться.

Она фыркнула:

— Бояться? У тебя мания величия, Чернышев.

— Допустим. Так тебе интересно, что я хочу предложить в обмен на мир и обоюдное сотрудничество?

Инга посмотрела на него с иронией:

— Думаешь, я не знаю, что именно ты хочешь предложить? Оставь эту тупую кобелиную затею, Артур. Придумай что-нибудь поинтересней, как мужчина ты меня не возбуждаешь.

И он разозлился, резко остановил машину и рванул ее к себе за шиворот.

— Правда, тогда почему твои соски стоят торчком с самого утра? Почему ты облизываешь свои губки и смотришь на меня с призывом?

Она не вырвалась, но когда ответила, у него кровь прихлынула к щекам с такой силой, словно ему вlepили сразу две пощечины:

— Вчера мой любовник уехал, а я не привыкла оставаться надолго без него, вот услышала его голос и возбудилась. Попустись, Чернышев. Причина не в тебе. Мне не нравятся такие как ты.

— Какие такие? — зло спросил Артур и перевел взгляд на ее губы, они находились слишком близко, ее дыхание щекотало ему подбородок.

— Наглые. Вечно озабоченные.

— С чего ты взяла?

Инга положила руку на его член и тихонько сжала, Артур вздрогнул, перехватил ее запястье.

— Ты что делаешь? — спросил он севшим голосом.

— У тебя тоже стоит с самого утра, — проворковала она и умело погладила твердую плоть надавливая сильнее. Артур стиснул зубы, но руку ее не убрал. Наклонился к ее губам с чувством триумфа, но Инга отстранилась, не позволяя поцеловать. Ее пальцы ловко растегнули брюки, оттянули резинку трусов и пальцы обхватили напряженный до изнеможения член, высвобождая наружу. Артур хрипло застонал, глядя ей в глаза, чувствуя, как бешеное желание рвется наружу вместе с воплем победителя. Он напрягся, сдерживая крик наслаждения, дрожал каждый мускул, но он испытывал удовлетворение от того, что она к нему прикоснулась так дерзко...сама. Ломалась и так быстро сдалась. Он ждал ее реакции на свое внушительное орудие, которое с трудом обхватывали тонкие пальчики. "Мать ее, умелые пальчики... Что она делает?...Дьявол!... Охренеть!"... Да он сейчас кончит ей в руку. Артур не мог оторвать взгляда от ее ведьминских глаз с расширенными

зрачками. Пальцы девушки вытворяли с его членом нечто невообразимое, ТАК его еще никогда не ласкали: дразнящее, уверенно, словно создавая вакуум и вытягивая из него хриплые стоны. Вдруг она сжала головку члена, и он почувствовал, как приближаются спазмы оргазма, неожиданно и резко, словно он разучился контролировать свое тело. В тот же миг Инга резко убрала руку.

— Я же сказала, что ты слишком высокого мнения о себе, Чернышев. Пять минут игры ручкой, и ты готов разрядиться. Не интересно и слишком быстро, для меня, по крайней мере, может другим этого достаточно. Я дальше на такси. Счастливо.

Артур схватил ее за локоть с такой силой, что девушка охнула. От одной мысли, что она ускользает, оставляет его в таком состоянии, у Артура почернело перед глазами. Да он сейчас покажет этой сучке пять минут, он распластает ее на сидении автомобиля и будет трахать до утра, выколачивая из нее крики наслаждения, выбивая оргазм за оргазмом. Черт подери, он хочет услышать, как она орет его имя, хочет почувствовать, как она царапает ему спину, как будет извиваться под ним ее упругое сочное тело.

— Ты куда это собралась?

— Тебе забыла рассказать. Ширинку застегни и успокойся. Кстати тут бордель недалеко, можешь пойти выпустить пар.

Цинично заметила Инга и усмехнулась.

— Ты..., - Артур задыхался от бешенства, — ты, твою мать, совсем охренела?

Инга выдернула руку.

— С женой так будешь разговаривать, а со мной не смей. Отвянь, Чернышев, я не буду с тобой трахаться, ясно? Так что смотри на меня как на партнера по бизнесу, а если не можешь, так уволься — я подпишу все бумаги с превеликим удовольствием.

В этом Чернышев не сомневался. Нет, так просто он не сдастся. Или именно этого она добивалась своим поведением? Довести его до ручки? Черта с два. Не на того напала. Сами доводить умеем.

Инга вышла из машины и хлопнула дверцей. Артур быстро застегнул джинсы и посмотрел ей вслед, возле девушки уже затормозил какой-то урод на спортивной тачке. Чернышев выскочил из джипа и грубо выкрикнул мужику:

— На хрен пошел, она со мной.

Мужик явно прикинул силы противника, а потом сорвался с места и правильно сделал, лучше вернуться домой с целыми костями, Артур способен их поломать в два счета, сейчас он просто в ярости, а от неудовлетворенного желания перед глазами пелена. В таком состоянии он челюсть любому сломает, если вообще не изобьет до смерти.

Артур схватил Ингу за руку и потянул к машине.

— Поехали, я отвезу тебя домой. Не трону не бойся.

— Да пошел ты, я и сама доберусь.

— До ближайшего лесочка? Тебя не учили, не ловить попутки? Успокойся — сказал не трону, значит не трону. Сядь в машину.

Удивительно, но Инга послушалась, правда всю оставшуюся дорогу они не разговаривали и друг на друга не смотрели. Чернышев остановил джип в престижном спальном районе города, возле роскошной виллы с кирпичной оградой. Инга ушла не попрощавшись.

"Вот дрянь! Черт, ну это же просто невыносимо! У меня крышу снесло окончательно! Сегодня же по бабам, позвоню Пашке и поедем в клуб. Гадина, сделала как мальчишку,

откуда только научилась этим трюкам?"

От мысли, что Инга могла проделывать такое и с другими, у него потемнело в глазах, образ девушки не вязался с дешевкой или гулящей. Такая знает себе цену, и очень большую цену. Похоже, сам Чернышев готов заплатить сколько угодно лишь бы хоть раз оказаться между ее стройных ножек. И он ее получит. Рано или поздно, но получит. В том, что он нравится Инге Артур не сомневался, только соблазнить ее труднее, чем других, но он постарается, очень постарается.

Аривидерчи, милый

Я захлопнула за собой дверь и сползла по ней на пол. Сказать что меня колотило, это не сказать ничего. Меня бил озноб, все мое тело покрылось мурашками. Проклятый Чернышев, сволочь, скотина. Как ему удавалось выбить у меня почву из-под ног одним прикосновением. Я уже забыла, как реагировала на его взгляды раньше, какую власть он имел надо мной тогда. Мой первый мужчина. Герман учил меня сексу, технике, играм. Он превратил меня в машину, которая умела дарить ему удовольствия. Для него я научилась танцевать стриптиз, я научилась дарить ему изысканные ласки, превращаться то в рабыню, то в хозяйку, научилась доводить его до экстаза несколькими движениями пальцев или мучительно долго не давать разрядку. Я любила познавать мир секса не потому что получала удовольствие, а потому что знала, что таким образом могу манипулировать им, а потом и другими мужчинами. Оргазмы я имитировала умело, даже мышцы моего лона сокращались, так что Герман пребывал в святой уверенности, что он неотразимый любовник. Только он не знал, что все эти семь лет я ему лгу, я притворяюсь и играю свою роль бесценной и податливой куклы. Только на самом деле я уже забыла, что такое удовольствие, мне это было не нужно, и чем яснее оставалась моя голова, тем лучше я справлялась со своей ролью. А сейчас я вновь испытала сумасшедшую дрожь желания именно к тому, кого ненавидела всеми фибрами своей души. Мое проклятое, предательское тело помнило какие умелые у него пальцы, какой Артур страстный любовник, неудержимый и яростный. Черт бы его побрал, заметил, как напряглась моя грудь, как затуманился взгляд и пересохли губы. Да, я хотела его и ничего не могла с этим поделать, я не могла это чувство контролировать. Нужно научиться справляться с неумолимым желанием принадлежать ему снова. Физическое влечение к Артуру поразило меня еще в первую встречу, а сегодня я убедилась, что оно становится еще сильнее, когда увидела, как потемнели от желания его синие глаза, как нервно ходит кадык на его горле и как сжаты челюсти. Я узнавала эти признаки страсти, я помнила КАК он умел смотреть на меня, разговаривая взглядом и поработая мою волю. Если бы он меня поцеловал или дотронулся до моего тела, я не знаю, как долго смогла бы продержаться. Но одно я знала точно — Инга сводит его с ума, она затуманила ему мозги и он сгорает от примитивного желания забраться ей под юбку, но это слишком мало, ничтожно мало. Таких как Артур не удержать сексом, тут нужна игра, тонкая психологическая ловушка. В следующий раз я буду осторожней и не позволю себе расслабиться, не позволю втянуть себя в собственные сети. Я буду наблюдать со стороны, и продолжать играть с ним в эту игру. Черт от возбуждения у меня вспотели ладони и насквозь промокли трусики. Я бросилась в ванну, стянула одежду и стала под теплые струи воды. Проклятый ублюдок все еще имел надо мной власть, все еще сводил меня с ума одним взглядом, и за это я ненавидела его еще сильнее, да и себя тоже. Подонок. Он считал меня новой легкодоступной игрушкой, которую он затащит в постель и получит двойную выгоду — любовницу, а заодно и акции. Это мы еще посмотрим кто чья игрушка.

Сегодня Алена получит по электронной почте его фотографии где ее благоверный с остервенением трахает симпатичных аппетитных девушек из эскорт услуг, мне будет весьма интересна ее реакция. Артура ждет очередной скандал, вынос мозга. Могу себе

представить какую истерику закатит его жена. Алена казалась мне избалованной папенькиной дочкой и редкостной тупой сучкой. Я ее ненавидела, наверное, даже больше чем Артура. Она получила от жизни все, что могла пожелать. Пусть меня назовут завистливой. Да, это была зависть и не простая, а черная змеиная зависть, которая хуже ревности, а с ее примесью и вовсе гремучая. Она получила моего мужчину, у нее были деньги и все что она пожелает, и что самое убийственное для меня — она ждала ЕГО ребенка. И я уверена этой гадине никто не предлагал сделать аборт и если бы ее ребенок заболел на него не пожалели бы и миллиона. За это я ее презирала. Всеми фибрами своей души и я искренне надеялась, что сделаю больно не только Артуру, но и ей. Для этого мало просто с ним переспать. Любовниц у ее мужа каждый день другая и этим ее вряд ли удивишь. Разве что временно разозлить, выбить из колеи, потрепать нервы. Э неееет, я хотела другого не стать временной помехой, а стать ее постоянной соперницей, стать ее персональным адом. Пусть смотрит как ее муж сохнет по другой женщине, как не спит ночами и нервно курит на балконе. Пусть назовет ее моим именем, когда будет накрывать ее своим телом или пусть у него на нее больше никогда не встанет. Я накрутила себя по полной и когда вышла из ванной была злая как тысяча чертей.

Ближе к вечеру я уже сходила с ума от скуки. Мне нужно было срочно развеяться. Закатится в ночной клуб или бар, заказать себе коктейль и отдохнуть. Только вот одна я туда пойти не смогу, придется найти себе спутника, да чтоб не приставучего и не болтливого, а то Герману быренько доложит, что к чему. Проблемы с любовником мне сейчас не нужны. Еще не время. Хотя я с ним собиралась в скором времени расстаться. Разберусь с Чернышевым и всех мужиков пошлю к чертям собачим.

Я задумалась, потом взяла сотовый и набрала номер своего бывшего одноклассника, бросила взгляд на часы — вроде еще не поздно. С Валерой мы активно общались в интернете все эти годы, и я знала, что ему нравлюсь, да и он тоже не был мне противен. Симпатичный, немного стеснительный в школе, всегда приветливый. Тогда он носил очки, не курил, не пил и хорошо учился. Я слышала, что сейчас Валерка изменился, открыл свой бизнес по установке сигнализаций и неплохо стоит на ногах. Что ж, Валерочка, надеюсь ты составишь мне компанию. Сегодня я хочу оторваться по полной, и выбираю я тебя. Может я даже подарю тебе незабываемую ночь, если настроение будет соответствующее. Иногда меня заносило. Вот именно на такие приключения. С утра, правда, я потом всегда чувствовала отвращение, но не могла себе отказать в грязном удовольствии наставить рожки Герману. Не рога, а именно рожки и очень редко, не чаще чем раз в году. Мужчину я выбирала, как правило сама, у нас случался ни к чему не обязывающий секс, а на завтра я уже и не помнила ни как он выглядел, ни как его зовут. Удовольствия физического как такового никогда не было, а вот морально очень даже бодрило. Я все пыталась доказать самой себе, что смогу испытать наслаждение и с другими мужчинами, но черта с два — доходила до определенной точки возбуждения и облом. Случайный любовник доволен, а я отправлялась домой часами отмываться в душе и клясться себе, что больше ни за что и никогда, но спустя время снова выходила на "охоту". Сегодня настроение было соответствующее такому приключению, отчасти в этом виноват Чернышев, что б его. Я набрала номер Валерки и злобно выслушала длинные гудки, уже собиралась дать "отбой" как вдруг услышала его голос.

— Валера, привет, узнал?

Конечно он меня узнал. Еще бы не узнать свою первую любовь. Он был безумно рад

меня слышать, заметно нервничал и естественно согласился отвезти меня в один из модных клубов столицы. Он должен заехать за мной через час. Вот и отлично.

Наряд я выбрала сногшибательный, если б Герман увидел, не пустил бы за порог, но любовник сейчас со своей мымрой и отпрысками, а я одна и жажду приключений на свою пятую точку. Хотя Валерка довольно безобидное приключение. Совков приехал не через час, а через сорок минут и ждал меня неподалеку от дома. Все же надо запудрить мозги охране, а то Новицкому быстренько доложат. Я посмотрела на свое отражение в зеркале и осталась довольна. Сексуальная, вызывающая красотка в алом мини-платье, в сапогах ботфортах и с ярким макияжем. Я себе нравилась. Точнее мне нравилась Инга потому что Васька не посмела бы так вырядиться никогда, но на то она и Васька. К черту лифчик, трусики слинги, и шелковое платьице с трудом удерживающееся на тоненьких лямках. Я набросила кожаный плащ и выпорхнула на улицу.

Увидев Валереку несказанно удивилась. Он не просто изменился за те годы, что мы не виделись — он стал совершенно другим человеком, в этом небрежно одетом парне с короткой стрижкой, татуировкой на плече и сигаретой в зубах, я с трудом узнавала своего воздыхателя в очках. Валерка расплылся в довольной улыбке, он смотрел на меня горящими глазами и даже выронил сигарету. Я же оценивала его как случайное развлечение и пришла к выводу, что он мне даже нравится и если я достаточно выпью, то возможно позволю трахнуть меня на заднем сидении его автомобиля.

Мы приехали в совершенно сногшибательный ночной клуб, где оказалось Валерку хорошо знали, именно он устанавливал тут камеры наружного наблюдения и сигнализацию, нас пропустили без проблем. Шикарное местечко, повсюду клетки с голыми стриптизершами, посередине сцена с диджеем и большим плазменным экраном на котором периодически показывали каждую из красоток в клетках. Сбоку шест и еще пара девочек, которых клиенты могли пощупать и одаривать чаевыми. Музыка гремела вовсю. Мне здесь понравилось, я потащила Валерку к бару, и он заказал мне мартини. После парочки коктейлей, я уже активно строила ему глазки и он шалел от моего внимания и уже не мог скрыть своего возбуждения. Потом я вышла танцевать, примерно минут через пять вокруг меня образовалось пустое пространство, и стриптизерши народу стали не интересны. Теперь все глазели на меня, и было на что поглазеть — искусство современного танца, да и стриптиза я знала не хуже любой из работниц этого заведения. Валерка уже заметно нервничал, курил все чаще и злобно посматривал на парней, которые пытались пристроиться ко мне со всех сторон. Я вошла в полный раж, расслабилась, я отдыхала. Пока вдруг не заметила Чернышева. Он сидел за столиком ближе к сцене с какой-то грудастой блондинкой и не смотрел в мою сторону, он отчаянно соблазнял свою спутницу, его рука гладила ее круглую коленку, еще немного и он заберется ей в трусы. От неожиданности я даже остановилась. Я видела лишь профиль Артура, он немного наклонился к блондинке, и что-то шептал ей на ухо, в тот момент как его ладонь двигалась все выше. Не знаю, что на меня нашло, я выхватила изо рта Валерки сигарету, сильно затянулась и вернулась танцевать. Теперь я не сводила глаз с мило воркующей парочки. Я даже примерно представляла себе, о чем они говорят. Ну, вот и уболтал, кто бы сомневался. Мрачно подумала я когда увидела, как они встали из-за столика, и пошли в сторону комнат для

приватных танцев. Теперь ладонь Артура по-хозяйски лежала на бедре блондинки.

Внезапно он меня заметил. От неожиданности у Чернышева приоткрылся рот, и мужчина застыл на месте. Через секунду он уже шел ко мне, забыв о своей спутнице, которая семенила следом, не понимая, куда это направился Артур, который наверняка уже успел возбудить ее до сумасшествия, особенно если пустил в ход все свое кобелиное обаяние. Чернышев остановился в нескольких шагах от меня, сложил руки на груди и смотрел, как я танцую. Его глаза снова стали темными и непроницаемыми. Я почувствовала, как ко мне кто-то пристроился сзади и довольно умело вторил моим движениям, увлекая в безудержном страстном танце. Я не видела своего партнера, я смотрела на Артура, выпитое martini уже ударило в голову, и я бросала ему вызов. Руки моего партнера легли мне на талию, и он прижал меня спиной к себе, я чувствовала ритм музыки, он заводил меня еще сильнее и я понимала, что мой танец с незнакомцем становится все более эротичным. Артур не шевелился, блондинка дергала его за рукав модной футболки, что-то говорила, пытаюсь перекричать музыку, Артур ее отшил, наверняка очень грубо, потому что та ударила его по плечу и в ярости бросилась к выходу. В этот момент мой партнер по танцу резко развернул меня к себе, и я с удивлением увидела, что это Валерка. Но не успела я и рта раскрыть, как Чернышев оттолкнул от меня Валеру с такой силой, что тот не удержавшись на ногах, улетел в толпу.

— Ты что творишь? — зашипела я на Артура, пораженная его наглой выходке, но он проигнорировал мой вопрос и двинулся к Валерке на встречу. Черт, сейчас будет драка.

— Эй, ты, мудака! Ты что охренел?! — Заорал Совков и пошел на Артура сжимая кулаки.

— Не лапай девушку, не то отгребешь, так что не унесешь.

— Она со мной, так что отвали придурок. Можешь у нее спросить.

Они остановились друг напротив друга, разъяренные со сжатыми кулаками. Я поняла, что если не вмешаюсь, начнется месиво. Один даст другому по морде, потом влезут другие и понесется. Чернышев очень горяч, драк не боится, это я помнила хорошо, сколько раз он дрался из-за меня в том клубе, где я пела, не счесть.

— Артур, Валера мой друг детства, так что успокойся, я так понимаю ты пришел не один, походи поищи свою девушку, она по-моему обиделась. Если мне нужен будет защитник, я тебя позову.

Артур усмехнулся:

— Хороший друг детства, лапает тебя за задницу.

Валера набычился, но я остановила его, положив руки ему на плечи:

— Валер, Артур мой партнер по бизнесу, он хм... он разволновался, что ко мне пристаёт незнакомец. Теперь он знает, что это не так и пойдет за свой столик, правда, Артур?

Чернышев хищно усмехнулся, и у меня мурашки побежали по коже. Никуда он не пойдет и мне придется побеседовать с ним наедине, иначе драки не миновать. Тем более он явно пьян. Намного пьянее меня самой.

— Валера, я скоро вернусь, вот поговорю с Артуром, и отвезешь меня домой, хорошо?

Совков мрачно кивнул и посмотрел на Чернышева взглядом полным ненависти.

— Пошли, — я схватила Артура за руку и потащила в сторону тех приват-комнат к которым он увлекал всего лишь пару минут назад свою блондинку. Нам преградил путь охранник, но неожиданно узнал Чернышева, пожал ему руку и пропустил дальше, я заметила, как Артур сунул ему деньги и сказал, чтобы нам не смели мешать. Ха, наверняка,

привычное для него дело тащить своих баб в эти комнаты. Как только за нами закрылась дверь, я набросилась на Артура:

— Ты что себе позволяешь? Ты вообще кто такой? Какого черта затеял ссору с моим парнем?

Чернышев усмехнулся, ухмылка получилось хищной, как оскал зверя. Я с трудом понимала, почему он вдруг стал таким агрессивным и неадекватным.

— Парень, любовник, черт я скоро собьюсь со счета.

— Я тоже. Та блондиночка явно не твоя Алена. Развлекаемся, как можем, а вообще кто тебе давал право вмешиваться в мою личную жизнь? Я тебя знаю без году неделю. Мы оба не безгрешны. То, что я сегодня подержалась за твой член, не дает тебе право...

— Мешать тебе держаться за другие? — закончил он за меня и его зрачки сузились.

— Вот именно. Даже я не смогла бы сказать лучше. Так что беги и догони свою девушку, а то и с ней тебе обломиться. Сегодня явно не твой день, Чернышев.

Артур резко схватил меня за руку и дернул к себе.

— Кто тебе это сказал?

Он обрушился на мои губы внезапно, как ураган, жестко сминая их своими губами, яростно проникая языком ко мне в рот и лишая меня сил к сопротивлению. Я изловчилась и укусила его за губу, почувствовала во рту привкус его крови. Артур отшатнулся от меня, тронул ранку рукой, посмотрел на пальцы испачканные кровью. Когда он поднял взгляд на меня, мне захотелось вскрикнуть от резкой волны возбуждения, пронзившей меня до кончиков пальцев. Его глаза стали почти черными от желания, Артур схватил меня одной рукой за шею, другой за талию и снова жадно набросился на мой рот, ломая сопротивление, пожирая, сминая мои губы такими страстными поцелуями, что я задохнулась. Изловчившись, я ударила его по щеке, сильно ударила, даже ладонь запекло, но его это не остановило, он завел мою руку за спину наклонив голову обхватил губами сосок вместе с материей, слегка прикусил.

Меня начало трясти от вожделения. Я не заметила, что уже не сопротивляюсь, мои руки вцепились в его волосы на затылке, и черт бы его подрал, я отвечала на его ласки с той же дикой безудержной страстью. Мы дышали быстро, прерывисто, теперь Артур пронзал мой рот языком, словно имитируя движения внутри моего тела, и я поняла, что тихо постанываю от наслаждения. Я изголодалась по нему, изголодалась настолько сильно, что теперь мною управлял лишь этот первобытный голод, сметающий все на своем пути. Он поднял меня за колени, заставляя обвить ноги вокруг его торса. Теперь я прижималась к нему промежностью прикрытой лишь тоненькой полоской трусиков и чувствовала, как клитор трется о жесткую ткань его брюк и о твердую выпуклость. Внизу живота начало пульсировать, мне захотелось принять его всего вовнутрь, до упора, до боли. Пусть пронзит меня насквозь. Артур пронес меня через комнату и усадил голой попой на подоконник. Холодное стекло обожгло мою разгоряченную кожу, не охлаждая пыл, а подстегивая еще больше. Он продолжал терзать мои губы, и когда я попыталась отстраниться, грубо дернул меня к себе.

— Сама виновата, теперь можешь не сопротивляться — бесполезно, — его хриплый голос заставил меня взвиться от возбуждения. Каждый нерв был наэлектризован, меня трусило, меня выворачивало, и я уже не могла и не хотела выпускать его из объятий. Почувствовала, как он дернул трусики и те с треском порвались, а потом его палец проник в

мое лоно, и я вскрикнула, пытаясь отстраниться, избежать этого вторжения.

— Теперь моя очередь, маленькая, теперь я покажу тебе, как из глаз сыплются искры, когда тебя возбуждают. Не дергайся, не то сделаю больно.

К одному пальцу присоединился другой, и я резко выгнулась навстречу ласке, скользя спиной по холодному стеклу. Черт, как же умело он это делает, большой палец ударял по возбужденному клитору, натирал его, надавливал, теперь я уже сама насаживалась на его пальцы, громко стоная, вцепившись ему в плечи. От возбуждения у меня выступили слезы на глазах:

— Да маленькая, не молчи, давай, покричи для меня... Какая ты влажная и горячая, а говорила, что не хочешь...

К двум пальцам присоединился третий, и я закричала, громко надсадно, услышала его хриплый стон. Внезапно он вытащил из меня пальцы и принялся нежно ласкать клитор, настолько умело и дерзко, что я почувствовала, как приближается оргазм. Быстро, неумолимо, по моему телу стекали ручейки пота, волосы упали мне на лицо, в горле пересохло. Шевели пальцами быстрее черт тебя раздери, я сейчас кончу. Давай же... давай... Оказывается я произнесла это вслух и Артур зарычал, грязно выругался. Он натирал мой затвердевший комочек все быстрее и быстрее, приближая ошеломительный экстаз. Другой рукой спустил лямки платья с плеч, обнажил мою грудь и обхватил губами сосок. Теперь его язык повторял движение пальцев. Я стонала так громко, что перекрикивала музыку в зале. Артур убрал руку в тот момент, когда я уже была готова взорваться и насмешливо прошептал:

— Проси...

Еще чего не хватало, пусть он просит. Я потянулась к его губам, но он отпрянул, а рука продолжала бездействовать.

— Я сказал — проси, давай умоляй меня, ну...

— Да пошел ты... оооо

В этот момент его палец скользнул, в мое разгоряченное влажное лоно и тут же вынырнул наружу.

— Проси...

Дьявол, будь он проклят:

— Пожалуйста...

Артур снова погрузил в меня один палец, потом второй, но не шевелил рукой, а я уже была на грани, все к черту гордость, я хочу... я умираю...

— Пожалуйста, черт возьми... давай же, давай... быстрее...

Он снова нашел мой клитор и принялся умело его дразнить, не давая мне кончить, но и не позволяя расслабиться. Я запрокинула голову, жадно ловила губами воздух. У меня даже выступили слезы на глазах:

— Артур... я не могу больше... господи... пожалуйста...

Оргазм обрушился на меня внезапно, острый разрушительный, неумолимый. Первый оргазм за долгие годы. Я уже забыла, что это такое, когда тело пронзает острое наслаждение, лишаящее разума на несколько секунд. Я слышала свой крик, чувствовала, как Артур схватил меня за волосы и нашел мой задыхающийся рот, заглушая стоны поцелуями. Мое тело все еще судорожно подрагивало, когда я услышала характерный шелест. Артур достал презерватив. Наверняка у него их полные карманы, он ведь готовился трахнуть белобрысую телку, которую разводил на секс целый вечер, пока не заметил меня. Я оказалась более

лакомым кусочком. От этой мысли вся моя ненависть вернулась с новой силой. Я оттолкнула его от себя так резко, что от неожиданности Чернышев пошатнулся, уронил презерватив и яростно процедил:

— Не понял, в чем дело?

Соскочив с подоконника, я метнулась к двери, обернулась к нему и пропела нежным голоском:

— Ты хотел, чтобы я просила, я выполнила твое желание, но я ничего тебе не обещала, а теперь твоя очередь просить, только не сегодня. Мне уже достаточно, к тому же я устала. Я тебе позвоню, как-нибудь в другой раз. Аривидерчи, милый, ты был неподражаем. Спасибо.

Я выскочила из комнаты до того как он успел прийти в себя. Услышала себе вслед отборный мат, что-то разбилось о дверь. Я поискала в толпе Валеру, но тот скорей всего обиделся и ушел домой. Ну и черт с ним. Забрав свою сумочку и плащ, я выбежала на улицу, поймала такси. Только в машине, я поняла, что мои трусики остались валяться на полу в той проклятой комнате. Я достала из сумочки зеркальце и посмотрела на свое отражение- глаза горят, губы припухли от его поцелуев. Ничего, Чернышев, пусть у тебя поболит сегодня одно место. Тебе полезно. Итак, Орлова, два-ноль в твою пользу. Интересно, Алена уже получила мой презент или еще нет? Если да, то и жена пошлет его подальше этой ночью. Теперь нужно сменить тактику на полную отчужденность, облить его ледяным равнодушием. Это ничего, что сегодня я не сдержалась, это даже хорошо, потому что я получила разрядку, я да, а он — нет. Больше я себе такой вольности не позволю, а если и позволю, то очень не скоро. Завтра я должна встретиться со знакомым Ивана Владимировича, скоро у меня на руках будут все карты против тебя Чернышев. Я представляла себе как он зол, как он возбужден и улыбалась. То ли еще будет, мой дорогой, мой ненавистный враг. Война только начинается. Пусть я все еще люблю тебя, пусть я схожу с ума, когда ты ко мне прикасаешься, но ненавижу я тебя гораздо сильнее. А любовь? Ее я закопаю вместе с тобой.

Неприятности начинаются

Артур вышел на улицу и глотнул прохладный ночной воздух. Кулаки то сжимались, то разжимались. Сейчас он чувствовал себя не просто скверно, он был в бешенстве. Ему казалось, что его обманули, нет его нагло продинамили, или еще хуже — его использовали. Чернышев яростно ударил кулаком по дереву, потом еще раз и еще. "Сукааааа! Нет, ну какая тварь!"

Красивая тварь, сексуальная тварь и умная. Вот приехать бы сейчас к ней домой и избить до полусмерти за эту выходку. Что она о себе думает? Чего ей вообще надо? Почему она играет с ним в какую-то странную и непонятную игру? Ведь она его хотела, не просто хотела, она с ума сходила от его прикосновений. Орала как резанная, изгибалась, дрожала. Какое отзывчивое у нее тело, как оно пахнет. Кожа бархатная, гладкая, губы горько-сладкие, ядовитые губы, поцеловал один раз и отравился. Только поцелуи казались ему знакомыми, как и дыхание и кожа под пальцами. Словно дежавю, словно, это уже с ним было. Почему в ее присутствии Артура постоянно преследует мысль, что он ее уже когда-то встречал? Не просто встречал, он ее знал, даже больше, ему казалось, что они уже были близки. Кто она? Когда они могли пересекаться? Может случайный секс на вечеринке? Нет, он бы ее запомнил, не смог бы забыть это точно. Дьявол.

В кармане завибрировал сотовый, Артур нервно ответил на звонок.

— Чернышев, сволочь, ты что вытворяешь? А гад?

Артур узнал голос тестя.

— Не понял, вы о чем?

— О твоём бл***ве, я на все закрывал глаза, но черт тебя подери, почему моя дочь должна получать мерзкие анонимные снимки, где ты трахаешься с какими-то девками?

Чернышев тяжело вздохнул полной грудью:

— Какие к черту снимки? Вы о чем?

— О том, что сегодня Алене на электронный ящик пришло анонимное письмо с твоими фотографиями. Кто-то снимал, как ты развлекался неделю назад в борделе.

Артур грязно выругался, сел за руль:

— Где Алена?

— Поехала к своей матери, видеть тебя не хочет, плачет.

— Я привезу ее домой. Завтра утром поеду за ней.

— Сегодня поедешь, Чернышев. Плети ей, что хочешь про фотомонтаж, про подставу, но я хочу, чтобы она успокоилась. Алена беременна если ты не забыл.

— Не забыл. Я поеду за ней завтра, сегодня я не в настроении выслушивать ее истерику. Все. Спокойной ночи!

— Чернышев!

— Спокойной ночи, Алексей Андреевич.

Артур захлопнул крышку мобильного и нажал на газ. Какая тварь умудрилась снять его? Когда это было? Неделю назад? Черт, ну что за гадство неприятность за неприятностью. Сотовый зазвонил снова и Чернышев рявкнул:

— Алло!

— Артур Александрович объект горит, все к черту, одни камни остались.

Чернышев резко затормозил.

— Какой объект?

— Гостиница, все сгорело дотла, а вы страховку еще не оформили.

Чернышев развернул машину и поехал в другую сторону, на лбу выступили капельки пота, а сердце глухо забилося. Да, он мать его так, не оформил страховку, агент лиса хитрая захотел слишком высокий гонорар, видите ли нормы пожарной безопасности не выдержаны в проекте, поэтому страховка будет дороже. Рахманенко смешает Артура с дерьмом. Это колоссальные потери, убытки в сотнях тысяч евро.

Пламя уже успели потушить, но здание сгорело до основания. Повсюду стояли пожарные и полицейские машины, собралась куча народа. Сторож трясся как осиновый лист, увидев Артура, чуть не грохнулся в обморок. Чернышев сгреб его за грудки:

— Ты куда смотрел, мать твою? Куда смотрел, сука? Я тебе, за что деньги плачу?

От сторожа разило спиртным, и Артур оттолкнул его от себя, протиснулся сквозь толпу к полицейским.

— Артур Чернышев, заместитель главного директора компании "ТрастингСтрой".

— Следователь Тимохин, — представился полицейский, — запутанная история, но думаю это поджог. Сторожу, кто-то подсыпал снотворного в спиртное. Мы пока не нашли очага возгорания, но запах присутствует характерный, полили бензином и подожгли. Впрочем, может и по неосторожности. Будем расследовать. Вы мне еще понадобится, оставьте ваш номер телефона.

Артуру хотелось рвать на себе волосы, орать, все ломать и крушить. Кто мог поджечь гостиницу? Какие враги? Кому это было выгодно? Но чем больше он думал об этом, тем больше приходил к выводу, что насолить хотели именно ему. Снимки жене, поджег незастрахованного объекта. Нужно ехать к Рахманенко, получить по голове, но тот что-нибудь придумает, иначе уже завтра их разорвут кредиторы и заказчики.

Артур ошибся, Рахманенко не просто дал ему по голове, он рвал и метал, он впервые ругался отборным матом, его глаза бешено вращались:

— Я тебе доверил свое место! Я понадеялся на тебя! Как ты мог не застраховать объект? Это верх безответственности, это не просто оплошность, это... Чернышев, мы в полной заднице. Ты представляешь, что начнется завтра? А завтра нас порвут на британский флаг. Мы не вернем денег заказчику, мы не найдем нужной суммы на возобновление проекта. Идиот! Все нужно делать самому, а не доверять тупоголовому кобелю, которым управляет лишь жадность и похоть. Ты почему не пришел ко мне? Почему не сказал, что агент требовал большие деньги, почему, а? Я бы разобрался с этим засранцем сам, его бы нахрен уволили! Ты понимаешь, что теперь мне придется унижаться перед Новицким и его девкой? Просить покрыть долги, и я не знаю чего он захочет взамен. Одним контрольным пакетом я не отделаюсь.

Артур молчал, он понимал, что тесть прав, каждое его слово — правда. Артур понадеялся на удачу, на то, что скоро проект будет сдан, они обойдутся без страховки и об этом никто не узнает.

Домой Чернышев вернулся под утро, опустошил бутылку виски и уснул на диване перед включенным телевизором. Через два часа его разбудил телефонный звонок, тесть уже ждал

его в машине.

— Вставай, Артур, поехали в офис, наша генеральная директорша хочет с нами поговорить.

В отличии от Чернышева Инга выглядела довольной, выспавшейся и очень свежей, будто не провела всю ночь в клубе, а преспокойно спала в чистой постели. Рахманенко вежливо поздоровался с ней, а Артур буркнул "здрассте" и плюхнулся в кресло, нагло забросив ноги на стол.

— Доброе утро, господа. Хотя для нас оно не совсем и доброе, судя по тому, что произошло ночью. Я не буду сейчас кричать, делать вам выговор, бить кулаком по столу. Просто это происшествие еще раз доказывает, как безалаберно управляли компанией в последнее время. Кадров не хватает, на стройке всего один сторож и тот алкоголик забулдыга, проекты не застрахованы. Нужно вносить в управление "ТрастингСтроем" кардинальные перемены.

Артур усмехнулся:

— Прежде чем менять, надо расхлебывать долги. Телефон в приемной через час начнет дымиться.

Инга не отреагировала на его реплику, лишь попросила убрать ноги со стола. Артур устроился поудобнее и снова повторил:

— Инга, милая наша, Инга, ты, как генеральный директор, придумала каким образом мы будем выпутываться из этой истории?

Девушка посмотрела на Рахманенко, потом открыла папку и подала Алексею Андреевичу какой-то документ. Через секунду тот подскочил с кресла и уставился на Ингу:

— Но как? Как вам это удалось?!

Артур смотрел то на девушку, то на тестя:

— Удалось что?

Инга прошла к своему креслу, наклонилась к сумочке, достала сигарету.

— Я договорилась со страховой компанией оформить страховку задним числом. Это влетело нам в немалую сумму, но она значительно меньше тех убытков, которые мы могли понести.

Чернышеву показалось, что он задыхается, он резко убрал ноги со стола и подался вперед:

— Задним числом? Ничего себе? Как ты это провернула?

Рахманенко поднес к сигарете Инги зажигалку:

— Гениально и очень ловко, снимаю перед вами шляпу. Какие изменения вы хотите внести в управление компанией? Я подпишу все бумаги.

Инга села в кресло, сбила пепел тонким пальцем, и посмотрела на Рахманенко с нескрываемым триумфом:

— Здесь я подготовила письма об увольнении, в этой папке резюме новых сотрудников. И еще — так как в происшествии повинен господин Чернышев, требую отстранить его от должности заместителя.

Чернышев встал так резко, что его кресло с грохотом перевернулось. Он дернул ворот рубашки, и пуговица покатила по полу, нарушая воцарившуюся тишину.

— Отстранить меня от должности? Ты в своем уме?!

Сейчас он хотел разорвать Ингу на части, если бы не тесть он, наверное, смог бы ее ударить. От страсти не осталось и следа. Он смотрел на эту красивую холенную стерву и хотел надавать ей пощечин. Что она о себе возомнила эта дрянь?

— Остынь, — Рахманенко удержал его за руку.

— Это очень опрометчивое решение, Инга. Артур знает компанию как свои пять пальцев, последние сделки заключал именно он и весьма удачно. Я не считаю это решение правильным.

Инга не удостоила Артура даже взглядом и совершенно проигнорировала его реплику. Она соблюдала ледяное спокойствие, и Артуру уже не верилось, что еще несколько часов назад именно эта снежная королева умоляла его двигать пальцами внутри ее тела еще быстрее. Черт ее раздери, он не понимал, что сейчас происходит. После вспышки страсти она выбрасывает его из компании? За что мать ее?

— Хорошо, — сказала Инга и затушила сигарету в хрустальной пепельнице, — я отстраню его на неделю. Но если и впредь будут повторяться такие оплошности, я уволю вашего зятя, Алексей Андреевич, без предварительного согласования с вами.

Рахманенко кивнул и подписал бумаги, потом протянул папку Инге.

— Ловко со страховкой. Я восхищен. Наверное, я бы до этого не додумался. Вижу, что компания в надежных руках. Вынужден откланяться, у меня еще много дел сегодня, скоро улетаю за границу. Вы уж тут ладьте с Артуром, вам все-таки вместе работать.

Инга улыбнулась, пожала Рахманенко руку, а потом добавила сладким таким голоском:

— Ну, в ближайшую неделю, я его здесь все же не увижу. Господин Чернышев, Светочка оформит вам отпуск, подойдите к ней. Я предупрежу ее прямо сейчас.

Артур снова вскочил с кресла, но Рахманенко потянул его к двери:

— Успокойся, черт возьми, успокойся. У тебя еще дома проблем по самое горло. Тихо.

Артур вырвал руку, потом обернулся к Инге:

— Это все временно, госпожа Орлова, запомни это хорошо — временно. Я принимаю твой вызов, и посмотрим кто кого!

Инга улыбнулась настолько ослепительно, что, несмотря на ярость, Артуру захотелось зажмуриться.

— Желаю тебе удачи.

Выйдя на свежий воздух, Артур в бешенстве пнул ногой по бордюру, потом достал сотовый:

— Пашка, привет, дорогой. Спасибо, да в полиции сейчас разбираются. Паш, мне помощь твоя нужна. Информация на одного человека. Полная информация, вплоть с самого рождения. Кто? Инга Орлова. Когда? Чем быстрее, тем лучше. Поднимай все знакомства, денег не жалея, я на твой счет переведу сколько скажешь.

Артур припарковал машину возле дома тещи. С Алексеем Андреевичем мать Алень рассталась еще до их знакомства. Рахманенко развелся с женой, оставил ей щедрые отступные. Почему? Этого не знал ни кто, даже Алена. Просто в один прекрасный день Марию Петровну без предупреждения переселили в другой дом, а уже через месяц она получила бумаги о разводе.

Алены дома не оказалось. Мария Петровна сказала, что за женой Чернышева приехали очень приятная молодая женщина, и они уехали завтракать.

— Какая женщина? Вы видели марку ее автомобиля?

— Кажется "тайота". Да ты не волнуйся, Артур, девушка та приличная, красивая такая. Я ее узнала, даже автограф взяла, она певица... Артур, ты куда? Может, чайку попьем?

Чернышев уже ее не слышал он яростно вдавил педаль газа на ходу набирая номер жены, но ему отвечал автоответчик. Он психанул, швырнул мобильник на заднее сиденье, закурил.

— Когда только все успевает? Я ж раньше ее с офиса вышел. Вот стерва а? А вообще все неприятности начались с тех пор, как она появилась. Вот только в город въехала, и пошло все наперекосяк. Может и пожар она устроила? Сучка! С нее станется. Только зачем? Почему именно я?

Я смотрела, как Алена жадно поедает свой завтрак, как дрожат у нее руки, и попивала кофе. Впервые я общалась с ней так близко и видела совсем рядом. В ресторане Алена показалась мне красавицей, а вот сегодня я даже решила, что она жалкая. Именно жалкая. Забросила себя, волосы нечесанные, глаза опухли, оделась как пугало. Что ж не удивительно, что муж ей изменяет. Артур всегда любил все самое лучшее, и Алена уже не соответствовала его вкусу.

— Может быть это фотомонтаж, знаешь, на что сейчас способны умельцы, кого хочешь в фотку подставят.

— Нет, это он, и вовсе не монтаж. Он всегда мне изменял, с самого первого дня как начали встречаться он сказал мне, чтобы я не ждала от него верности.

Я с трудом сдержалась от язвительной реплики и вместо этого отпила кофе снова. Мне становилось скучно. Алена совершенно неинтересный и пресный собеседник. Уже час она мне жаловалась на Артура, рассказывала какая она несчастная, и как ей не повезло в жизни. Так и хотелось хорошенько ее тряхнуть, чтобы мозги стали на место.

— А ребенок, Артур ведь знает о ребенке?

Алена скривилась, и отодвинула тарелку.

— Знает, конечно. Только не нужен он ему, как и я. Хочу аборт сделать, я-то дура надеялась, что вот этой беременностью привяжу его, верну домой, а он лишь больше от меня отдалился. Послушала я свою мамочку, она говорила, что рожу и он остепениться. Жаль ее собственные ошибки я не заметила. Отец развелся с ней и меня забрал. Ребенок ей не помог.

По мере того как она говорила мое отвращение к ней росло в геометрической прогрессии. Она хочет сделать аборт? Идиотка! Чего ей не хватает, любви мужа? Денег? Свободы? У нее все есть, ее холят и лелеют, а она об аборте думает.

— А что Артур насчет аборта говорит? — вкрадчиво спросила я и замерла, ожидая ответа.

Алена расклеилась снова:

— Запретил, отобрал у меня карточки, наличку. Я даже если захочу не смогу сделать.

В меня словно дьявол вселился:

— А ты все еще хочешь?

— Еще как хочу, эта беременность меня доконала, токсокоз, волосы выпадают, сил никаких нет. Ночью бессонница, спиртное нельзя. Я даже в ванной парилась, тяжелое таскала, а он сидит во мне этот ребенок. Черт, где бы денег занять? Отец тоже не дает.

— Ну, я могу дать, а сколько нужно?

Алена с надеждой на меня посмотрела, схватила за руку:

— Правда? Я отдам как только смогу. Я...

— А Артуру, что скажешь?

— Что выкидыви был, не знаю, придумую что-нибудь. Да и наплевать ему на меня последнее время. Инга, милая, займи денег, я буду тебе так благодарна.

Я открыла кошелек и достала чек, потом немного подумала и написала на нем сумму в тысячу долларов. Меня это позабавило. Ровно столько, сколько Артур дал на аборт мне.

— Этого хватит?

Алена подумала, наверно прикидывая в уме:

— Должно хватить, если что я немного добавлю. Инга, ты прелесть.

— А что с фотографиями?

Ответ был неожиданным и даже ввел меня в ступор:

— А что? Думаешь, я не знаю, что он гуляет? Так было всегда, ну увидела его и что это изменит? А ничего. Устрою скандал, он уйдет из дома, а я тогда вообще с ума сойду. Я, Инга, Артура люблю, так люблю, что все готова простить, все понимаешь?

Нет, я не понимала. Я смотрела на Алену и думала о том, что больше не могу ее ненавидеть, она слишком ничтожна для меня, слишком жалкая и слабая. Пусть сделает аборт и живет своими иллюзиями дальше. Разговор с женой Чернышева не удался, я не узнала ничего интересного, ничего компрометирующего. Разве что денег ей дала. Алена вызвала такси и уехала в клинику, а я спокойно допила кофе и подумала о том, что пора делать первые шаги к сближению. Мой сотовый завибрировал в сумочке, и я увидела незнакомый номер.

— Да.

— Инга?

Я удивленно хмыкнула — а это еще кто?

— Она самая.

— Инга, я Александр Мирский, вы меня не знаете, но может, слышали обо мне. Я организовываю частные вечеринки для VIP-персон. Хотел предложить вам спеть на одной из таких вечеринок. Я знаю, что вы уже не поете, и концерты перестали давать, но в виде исключения может согласитесь? Гонорар приличный, аванс выплачу сразу.

Я задумалась, а он продолжал:

— Клуб недавно открылся, мы его усиленно раскручиваем, вот решили, что такая прекрасная певица как вы, сможет помочь нам в этом нелегком деле. Что скажете, Инга?

Я немного растерялась, мой агент укатил в Америку с новой "звездочкой", с продюсером я разругалась в хлам, охраны у меня нет уже больше года. Так пару ребят Новицкого, но и те больше за домом присматривают.

— Александр, даже не знаю, что вам сказать. Для меня это полная неожиданность.

— Я понимаю. Вы не волнуйтесь — клуб охраняемый, я выделю вам парочку ребят, выступите и поедете домой. Около полуночи вас сменит ди-джей. Место спокойное, народ старше двадцати пяти. Все цивильно.

А почему бы и нет, я не пела уже давно, и мне вдруг захотелось снова толпы, аплодисментов, бурных восторгов.

— Когда вы говорите, будет вечеринка?

— Через неделю, я вам предварительно позвоню. Мы встретимся, обсудим все условия, вы получите аванс. Ну как вы согласны?

— Согласна. Буду ждать вашего звонка.

Я закрыла крышку сотового и посмотрела в окно. На тротуаре стояла молоденькая

женщина с коляской, она наклонилась к малышу, ворковала с ним, нежно улыбаясь. Вдруг меня словно пронзило током. Что я наделала? Зачем я так? Толкнула Алену на аборт. Разве я вправе принимать такие решения за кого-то? Черт с ней с Аленой и Артуром, но малыш. Иван Владимирович всегда говорил, что дети не в ответе за грехи своих родителей. Отомстить можно и Чернышеву, а вот ребенок здесь не причем. Я начала лихорадочно соображать в какую клинику могла поехать Алена. В этом городе вряд ли есть приличные медицинские центры. Значит, рванула в столицу. И что мне теперь делать? Нужно остановить ее. Пусть такое решение исходит не от меня, а от кого-то другого. Я не хочу брать на свою совесть такой груз. Я набрала номер Алены, но ее сотовый был выключен. От Артура скрывается. Черт, ну что делать? Не звонить же Рахманенко. Я думала ровно секунду, а потом набрала номер Чернышева. Он ответил сразу же.

— Да! Кто это?

— Артур, это Инга.

В ответ короткий смешок.

— Что надо? Еще на неделю отстранишь?

— Артур, я тут с женой твоей общалась..., - черт, а ведь трудно сказать, — Артур она денег попросила. В общем, я дала, а теперь жалею. Она аборт хочет сделать.

В трубке воцарилась тишина.

— Когда она уехала?

— Где-то, пятнадцать минут назад, Артур я...

В трубке послышались короткие гудки. Я яростно сунула сотовый в сумочку, расплатилась и пошла к машине. Как только за мной захлопнулась дверца, и я оказалась за тонированными стеклами в полном одиночестве, я разревелась. Дура. Несчастливая идиотка. Ну почему я такая дура?! Когда он ткнул мне денег на аборт, никому не было меня жалко. Это все Васька, чтоб ее. Влезла со своей совестью. Ненавижууууууу. Как же я их всех ненавижу. Сволочи. И я сволочь, такая же, как и они. Возомнила себя богом. Пусть рождает его Алена, а ему я отомщу и без нее, и без ребенка. Только ему. Они ни в чем не виноваты. Это наша с ним война. Я посмотрела в зеркало — тушь размазалась, нос красный. Черт, мне через час встречаться со знакомым Ивана Владимировича, ну и как я поеду с такой физиономией?

Как давно я не плакала. Даже на кладбище не смогла, а сейчас разревелась как идиотка. И я знала почему. Потому что Чернышев побежал за своей беременной женой, потому что он хотел ее ребенка, потому что ей не позволил сделать аборт, а мне... Кто я была для него? Игрушка, податливая, тупая дурочка, которая терпела его выходки, которая ждала его ночами и как Алена все ему прощала. Снова больно. Я думала, что вылечилась от этого проклятия. Думала, что уже невозможно выбить меня из седла. Я ошибалась, Чернышев обладал редкой способностью лишать меня равновесия. Так, успокойся, дыши глубже, припудри носик. Вернешь ему долг и заживешь новой жизнью. Самовнушение помогало всегда, только не сегодня.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Артур затолкал Алену в машину, хлопнул дверцей и сорвался с места.

— Я не поеду домой, — упрямо повторяла Алена, как заезженная пластинка, а ему хотелось ее ударить, даже руки чесались, так хотелось.

— Поедешь, и теперь будешь сидеть в четырех стенах. Я что тебе сказал? Я сказал, чтобы ты не смела этого делать? Сказал или нет?

— Ну и что? Это мое тело и решать только мне, ясно?

Артур усмехнулся:

— Нет, решаю все я, Алена, а ты прислушиваешься к моим решениям. Этот ребенок родится, ясно?

Алена закрыла лицо руками:

— Зачем он тебе? Зачем тебе я? Ты ведь даже домой не приходишь, тебе на все наплевать, ты забил на меня, на нашу семью. Ты шляешься где попало. Зачем тебе ребенок, Артур?

Чернышев бросил на нее злой взгляд:

— Затем, что моя жена не будет делать аборт и точка. Чего тебе не хватает, Алена? Денег куры не клюют, в доме прислуга, сиди себе и наслаждайся жизнью. Твой отец знает о том, что ты поехала в клинику?

— Нет!

— Я говорил тебе с Ингой не общаться? Говорил или нет?

— Она мне помогла, она такая милая, добрая, она меня понимает.

"Ха! Милая добрая, сука она эта Инга и денег дала тебе, что бы мне насолить"

— Значит так, Алена. Будем считать, что я говорю тебе это впервые — с Ингой не общаться. Все! Сейчас я отвезу тебя домой, а потом ты примешь свои таблетки и ляжешь спать, поняла?

Алена вдруг вцепилась в его руку:

— Останься со мной, я прошу тебя, побудь со мной хотя бы сегодня, Артур. Пожалуйста.

Он накрыл ее руку своей:

— Хорошо. Я сегодня приеду домой и останусь с тобой, ладно? Только не делай глупостей и жди меня?

Алена сжала его пальцы, потом поднесла его руку к щеке.

— Артур, мне так тебя не хватает, я прошу тебя, давай начнем все сначала, дай мне шанс, дай мне хотя бы малюсенький шанс. Ты ведь не бросишь меня, когда я рожу. Поклянись, что не бросишь.

— Не брошу.

"Ребенка точно не брошу, сам знаю как это без отца, а вот ты... Как же я устал за эти дни..."

Ченышев стиснул зубы. С одной стороны ему даже стало жаль ее, по-человечески жаль, а с другой Алена его раздражала. Бесила только одним своим видом. Вечная жертва. Вечно несчастная. Когда она улыбалась в последний раз? Впрочем, это он виноват, что она постоянно плачет, он виноват в том, что у нее вечная депрессия. Но разве не она этого

хотела? Не она женила его на себе? Она сломала жизнь им обоим. В первую очередь себе. Артур вольная птица, для него свобода превыше всего и когда Рахманенко пригрозил посадить его в тюрьму, Артур сломался. Только не колония, только не снова туда, за решетку. Ведь он уже там побывал.

— Бей его, бей, суку, по почкам, бей!

Наголо бритые подростки избивали ногами худенького парнишку, который прикрывал руками голову и сжался, пытаясь защититься от ударов.

— Ты гнида подзаборная! Со старшими делиться надо! Тебя не учили! Так мы сейчас научим! Выкрути руки говнюку! Mamочка к нему приезжала! Ты сказал, чтобы сигареты привезла? Сказал сучонок?

Парнишка тихо всхлипывал, но ничего не отвечал. Послышался свисток надзирателя. К ним уже бежали с дубинками. Разнимать.

— Атас, пацаны! Мы его потом опустим!

Старшие бросились врассыпную, а парнишку подхватили под руки два надзирателя и потащили в санчасть.

— Так, Ченышев, кто бил? Кто драку затеял?

Парнишка вытер рукавом кровь под носом.

— Упал я. Никто не бил.

Воспитатель пристально посмотрел на него, потом резко тронул синяк у него под глазом и парень вздрогнул.

— Ты мне не брещи, Чернышев. Это Иванов затеял верно? Не бойся, никто не узнает.

— Не Иванов, я сказал, упал, значит — упал, — отрезал паренек и отвернулся к окну.

— Ты мне тут покрывательством не занимайся. А то сегодня избили, а завтра опустят. Здесь на малолетке свои законы и тебя не спасу, ни кто не спасет. Вот дело твое смотрел, удивляюсь, как ты вообще сюда попал. Учился хорошо, подрабатывал и на тебе — квартирная кража. Ты когда в окно к соседям лез, о матери подумал?

— Подумал, — буркнул Артур, и потрогал ушибленную бровь.

О матери как раз и подумал. Денег не хватало катастрофически, а ей лекарства нужны были, витамины. Она как раз в больнице лежала, не работала уже несколько месяцев. До того как мать слегла, у Чернышевых появились новые соседи. Разъезжали на иномарке. У каждого по сотовому телефону. Сынок ихний вечно с плеером крутым в школу ходил. Артур сам не понимал, как решился в окно залезть. Шел домой с работы, спину ломило, руки отваливались после того как в магазине ящики разгружал, а в кармане денег разве что на килограмм картошки и буханку хлеба. Иномарка соседей мимо пролетела и забрызгала его грязью. Вот и поднялась в Артуре черная ненависть к таким вот богатым, у которых все легко и просто. Артур решил, что если пару сотен стащит, то никто и не заметит. А у соседей квартира с сигнализацией. Только в окошко влез, в комнату нырнул, первый ящик тумбочки открыл, едва успел золотую цепочку в карман сунуть, как уже менты приехали. Взяли его тепленького, с поличным. Артур зло сжал кулаки. Нет он не жалел о том что в квартиру залез, жалел, что не обдуманно все сделал, импульсивно вот и попался за глупость.

— Отец твой где?

— Сдох наверное, надеюсь, что сдох.

Отец их бросил, когда Артуру лет пять было. Монатки свои собрал и поминай как звали. За все время ни письма, ни звонка.

— Братья, сестры есть?

— Никого нет, только мать.

— Так почему мать не жалеешь, Чернышев? Вот прибьют тебя товарищи твои, кто о ней заботиться будет?

Артур молчал.

— Будешь сотрудничать — обеспечу тебе неприкосновенность. Иванова скоро переведут, так что давай выкладывай.

— Я сказал — упал. Стучать не буду.

Воспитатель тяжело вздохнул, нацарапал что-то у себя в тетрадке.

— Иди, Чернышев, только не говори потом, что я не предупреждал.

На следующий день Иванова отвезли в больницу с многочисленными колото-резанными ранами. Инцидент остался нераскрытым, только Чернышева бить перестали. Теперь его сторонились. Худощавый парнишка, неразговорчивый, на вид слабенький, умудрился стащить у воспитателя простой карандаш и исколоть им обидчика до полусмерти. Для Артура любой предмет мог стать оружием. Так он научился выживать в колонии. Мать больше не приезжала, а потом Артуру сообщили, что она умерла. Инсульт у нее случился, три дня мертвая в квартире пролежала пока соседка странный запах не почувствовала. Новость Артур вынес стойко, не заплакал и не сломался. Только слово себе дал, что на зону больше не попадет никогда. Вышел чуть раньше срока, цветы на могилу матери отвез, а через пару месяцев в армию забрали. После армии продал квартиру и переехал в другой город, с Пашкой связался, они вместе по малолетке сидели, только друг раньше вышел. К этому времени у Пашки уже свой бизнес был. Друг держал несколько павильонов с товарами из Китая на местном базаре. Раскрутились они быстро, Артур ловко находил новых поставщиков, Пашка с "крышей" разбирался. А потом Артур познакомился с Аленой, точнее Пашка познакомил, он с ней пару месяцев повстречался и они расстались. Алена любила шумные вечеринки, новые шмотки и дорогие подарки. Поначалу Артуру она понравилась — золотая девочка, красивая, чистенькая, одетая с иголки, ему льстило, что она влюблена в него по уши. Именно Артуру, Алена подарки делала сама. Ненавязчиво так, но делала — тс зажигалку дорогую, то кожаный ремень от "версаче", так по мелочи, но всегда шикарно и очень дорого. Она надоела ему довольно быстро и деньги ее, и приторная покорность, и собачья преданность. Работа шла в гору, впереди радужные перспективы и самое главное — свобода. Ею Артур наслаждался больше чем деньгами.

Артур отвез Алену домой, даже поцеловал на прощанье, сам себе удивился. Проблем с ней ему сейчас совсем не хотелось, гораздо больше его занимала Инга. Он думал о ней все больше и больше, эта змея заполонила все его мысли и не важно в ярости он или возбужден. Ко всем его эмоциям и к отрицательным, и к положительным Инга имела непосредственное отношения. Артур посмотрел на сотовый, поддавшись порыву, просмотрел входящие звонки и сохранил ее номер в памяти телефона. Долго думал прежде чем записать имя, а потом с кривой ухмылкой написал — "Змея ядовитая".

"Нужно съездить к Пашке, за пару часов тот раньше мог труп под землей найти, не то что нарыть информацию" — подумал Артур, медленно выворачивая с парковки возле своего особняка в пригороде.

Пашка жил в трехкомнатной квартире в центре города на пятом этаже, в доме в котором никогда не работал лифт. Артур часто удивлялся, почему тот предпочитает этот старый район модному пригороду. На что Пашка говорил, как он терпеть не может жить вдали от цивилизации. Его холостяцкое жилище, нравилось ему куда больше чем просторные хоромы. Хотя Пашка и имел недвижимость в столице, большую часть времени он все же проводил здесь.

— Ну, у тебя и бардак, твою мать, ноги можно сломать.

Артур переступил через опрокинутые стулья, через гору одежды на полу и с трудом пробрался в залу.

— От меня ушла очередная подружка, — уныло сказал Пашка, а потом вдруг заорал как ненормальный, — уррррраааа! Свобода!

Артур засмеялся, рухнул в кресло и потянулся за сигаретами.

— Ушла с боем я вижу.

— Еще с каким, все порывалась остаться, но я был непреклонен.

Пашка взерошил буйную рыжую шевелюру огромными ручищами покрытыми веснушками.

— Ну что, Чернышев? Бухнем за встречу?

— Ага, давно не виделись, всего-то пару дней. А хрен с ним — наливай, устал я за последние дни как собака.

Пашка быстренько ускакал на кухню и уже через пару минут тащил запотевшую бутылку "абсолюта", открытую банку соленых огурцов и буханку хлеба.

— Закусона особо нет, пассия моя готовить особо не умела, что и послужило одной из основных причин, по которым я ее ушел.

Они захохотали, чокнулись рюмками и залпом их осушили.

— Ну что? Есть что-нибудь? — спросил Артур, откусывая соленый огурец.

Пашка почесал затылок.

— Ты удивишься, а может, и психанешь, но узнал я совсем немного. Певичка эта... ну как будто родилась лет восемь назад.

— То есть?

— То есть она не Инга Орлова, скорей всего это псевдоним сценический, или еще какой, только не Инга она и все тут. Ее нет в картотеках, нет свидетельства о рождении, нет аттестата, короче ничего нет. Только начало ее карьеры, куча фоток с рекламой и все.

Артур затянулся сигаретным дымом.

— А что с паспортом, с правами?

— Все на имя Инги Орловой не прикопаешься.

— Пащ, ну ты понимаешь, что кто-то все эти документы менял, выдавал новые, ставил печати? Блин, мне тебя учить?

— Не кипятись, это все что я сам узнал, скоро Яценко подкинет инфы. Успокойся. Да и нахрен она тебе сдалась вообще?

Артур закурил еще одну сигарету:

— Роеет под меня, контрольный пакет акций у нее. Вот чую я не так с ней что-то. Как появилась начались неприятности. Проект сгорел, кто-то Алене моей фотки с сауны с

девками выслал, меня от работы сучка эта отстранила. В общем как будто она мне назло делает.

Пашка налил еще водки и задумался, а потом хлопнул друга по плечу:

— Так уложи ее в кроватку, Артур. Ты ж у нас спец по этим делам.

— Не хочет она меня, — сказал Артур и опустошил рюмку.

— Так ты поэтому бесишься? Заинтересовала неприступная мадам? Она любовница Новицкого, знаешь?

— Еще как знаю, он ей преподнес на блюдечке "ТрастингСтрой". Стерва.

— Она тебе нравится, — констатировал Пашка и тоже закурил.

— Я ее придушить готов своими руками, — Артур ударил кулаком по столу.

— Очень нравится, — Пашка засмеялся — ого! Ты там поосторожней, Новицкий не просто любовник ты знаешь, что он большой человек, на одну руку положит другой разотрет. Думаю это он ей все тылы прикрыл и все ее прошлое тщательно закопал под грудой зелененьких бумажек всученных чиновникам.

— К черту Новицкого, старый пень, на кой он ей сдался?

— Ну не скажи, брат. Бабки, власть, роскошь. Женщины такое ценят и просто так этим не разбрасываются. А может она его любит, хрен этих баб поймешь.

От мысли, что Инга может любить своего папика Артура покорило, он даже руку произвольно сжал в кулак.

— С Яценко стробуй побыстрее, хорошо? Пусть заодно посмотрит, что там с поджогом, а то не мычат не телятся.

— И что кроме налогов больше ничего?

Я смотрела на собеседника и нервно помешивала ложечкой кофе. Этот тип мне не нравился. Он вел себя немного заносчиво, хоть и получил от меня кругленькую сумму. А еще, когда он бросал на меня взгляды, его небольшие глазки под толстой роговой оправой, маслянисто поблескивали. Я ненавидела этот тип мужчин: лысина, прикрытая жиденькими волосиками, пивное брюшко и дикая самоуверенность. Бывший сотрудник полиции, который вышел на пенсию и открыл частное сыскное агентство.

— Ну как вам сказать Инга... ээээ

— Просто Инга, — нет, определенно он меня раздражал. Как Иван Владимирович мой дружить с этой бестолочью, я не представляла.

— Инга, есть у него в прошлом грешки, которые тесть покрыл, но это дело поросло мхом, хотя есть там очень интересные факты.

— Что за грешки? Я бы очень хотела узнать, — почувял гад, что я злюсь и приступил к делу.

Михаил Геннадьевич хитро так улыбнулся.

— Ну, у меня информация неполная, но я бы покопался, поднял архивы, связи все же остались. Только это расходы, вы ж понимаете, никто ради меня просто так ничего искать не будет. Взятки и еще раз взятки.

Конечно, я его поняла, он хотел денег. Что ж это его работа, и я не могу его в этом упрекнуть.

— Сколько?

— Ну, как и в прошлый раз плюс надбавка десять процентов и мы в расчете, — его противное "ну" тоже действовало мне нервы будь здоров.

Я потянулась за чеками, а потом все же спросила:

— И что за грешки?

— Восемь лет назад Чернышев сбил человека. Сбил насмерть. Был суд, и его оправдали. Рахманенко поднял все свои связи, чтобы вытянуть будущего зятя из-за решетки. Главным аргументом была плохая погода и то что тот мужчина оказался, мягко говоря, сильно выпившим.

Я нахмурилась, ну и что в этом интересного, если Чернышева оправдали? Какой смысл это ворошить, разве что доставить неприятности? Нет, определенно этот сыщик, мать его за ногу, меня бесил. Так бы и треснула его чашкой по блестящей лысине. Тратит и мое время и свое.

— Там не все так чисто Инга, если бы я был уверен, что Чернышев не виноват, я бы вам об этом и не рассказывал. Только заключение экспертизы было сфабриковано и я могу найти тому доказательства. Кроме того, если посмотреть показания вдовы потерпевшего, то она утверждает, что ее муж не пил, так как у него были серьезные проблемы с печенью.

Ничего себе! Вот это да! Артур сбил человека, а Рахманенко прикрыл его задницу! Отыскал ложных свидетелей, подкупил судмедэксперта? Ну и семейка!

Михаил Геннадьевич продолжал:

— Так вот есть еще одна очень любопытная деталь. Тот мужчина, он неизвестно каким образом оказался на этой трассе, его машину нашли за несколько километров от места аварии, застрявшей в кустах. Только тут вообще все под вопросом. Пока что я вам однозначного ответа не дам, нужно, опять таки, поднять архивы. Все это очень похоже на предумышленное убийство. Словно убили в другом месте, а потом под колеса подложили. Но это мои предположения. А может и водкой накачали, кто его знает, но могу покопаться, если вам это интересно.

Я закурила и посмотрела на детектива, еще бы! Мне не просто интересна, я вопить готова от любопытства:

— Мне нужны фотографии с этого дела, пощекочу Чернышеву нервы. Есть снимки аварии?

— Достану для вас обязательно, но это займет время.

— Я подожду, времени у меня предостаточно. Достаньте снимки, поговорите с вдовой, поднимите архивы, поищите свидетелей. Все что сможете. И еще, если собрать достаточно улик дело можно возобновить? То есть можно ли призвать Чернышева к ответственности еще раз?

— Естественно, у нас не Америка, это вам не суд присяжных при том информация правит миром как и деньги. В наше время можно все.

— Если мы докажем, что тот мужчина не был пьян, сколько лет получит Чернышев?

— С хорошим адвокатом — года три.

— А если доказать что это предумышленное убийство?

— Лет пять — семь не меньше.

Я открыла сумочку и размашисто подписала чек:

— Нужно будет еще — не стесняйтесь.

Ну, что Артур начнем играть по-крупному. Ты готов?

Герман слушал собеседника рассеянно, хоть и кивал, и поддерживал беседу, все его мысли были совершенно далеко. Рядом сидела жена, она заботливо подсыпала ему в тарелку закуски и радушно предлагала гостям попробовать новые блюда. Наконец Герман не выдержал, извинился перед всеми и вышел на веранду. В Лондоне, как всегда, лил проливной дождь и Новицкий поежился от холода. Достал сотовый и набрал номер Инги — снова автоответчик. Последнее время его девочка слишком часто выключала сотовый. Герман позвонил на домашний и с облегчением услышал ее голос. Инга казалась веселой, довольной жизнью, вот так всегда Герман скучал, а она и без него чувствовала себя превосходно. Хотя он и почувствовал странные нотки в ее голосе — то ли тоска, то ли разочарование. Герман знал Ингу слишком хорошо, чтобы не понять, что она от него что-то скрывает. Он научился ей доверять за долгие годы их связи, научился понимать малейшие изменения в ее настроении. Инга была его четвертым ребенком, его дочкой и любовницей одновременно. Ее он любил последней любовью. Она, как и первая такая же горькая, ядовитая и безумная. Инга ворвалась в его жизнь как комета. Яркая звездочка. Точнее, это он позволил этой звездочке загореться на его небе. Он сам не понимал, как эта неказистая девчонка из захолустного ночного клуба вошла ему в мозги и разъела их как серная кислота. Впервые он увидел Ингу очень давно. Это произошло случайно. У него были дела в этом маленькой городке, и, устав от долгой поездки он попросил водителя затормозить именно возле этого клуба — выпить, послушать музыку в месте, где никто его не знал. Охрана осталась снаружи, только один из ребят прошел с ним в темную и прокуренную залу. Когда Герман увидел Ингу, что-то щелкнуло у него внутри, как будто включился свет. Ее голос, ее хрупкая фигурка, невесомость, нежность, покорили его с первого взгляда. Герман приехал в этот клуб снова, через месяц сел за дальний столик и наблюдал за девушкой. Чувство было странное непередаваемое. Вроде нет в ней ничего примечательного, обычная девчонка, худенькая угловатая, волосы красивые, но цвет — ничего примечательного. Новицкого тянуло в это место как магнитом. Он не знал, как объяснить эту тягу, скорей всего желание заботится о ком-то. Девочка встречалась с симпатичным парнем, это сообщила ему официантка, когда он в очередной раз передал юной певице цветы. Тогда же он узнал, как ее зовут — Василиса. Герману понравилось даже имя. Он бы никогда не решился сделать первый шаг, потому что не верил в подобные отношения, но встретил ее спустя несколько месяцев после тщетных попыток увидеть снова и понял, что если не решится, то девчонка пропадет. Герман знал эти явные признаки быстрого погружения на дно — или алкоголь, или наркотики. Затуманенный взгляд, дрожащие руки и синяки под глазами. Так Василиса попала к нему в дом. Долгими днями и ночами Герман слушал завывания из ее комнаты, ругательства, она била посуду и лезла на стены в полном смысле этого слова. Герман уже отчаялся и все же решил привезти к ней психиатра своей жены. Все изменилось после этого визита. Василиса вернулась к жизни. Их отношения складывались медленно, по нарастающей. Герман лепил из нее женщину, шикарную женщину, под стать его статусу. Их отношения еще долго оставались на неопределенной ноте. Герман учил ее всему — начиная с того как правильно держать вилку с ножом и заканчивая тем, какой цвет в одежде сочетается с другим. Он прививал ей новые вкусы в еде, в парфюмерии. Герман устроил ей прослушивание и заплатил немало денег за ее раскрутку. Стилист Василисы заявил, что имя

ей не подходит и внешность тоже нужно менять. Девушка не противилась, она с каким-то мазохистским остервенением стирала свое прошлое. Соглашалась на любые смелые эксперименты, включая пластику носа, разреза глаз. Василиса носила пластины на зубах и ни разу не спросила когда их нужно снимать. Девушка истязала себя часами в спортзалах и на репетициях, а потом пошли результаты. Первые концерты, первые рекламные проекты и понеслась в гору его птичка. Пошла учиться на заочный. Она везде выкладывалась по полной. Герман не заметил как влюбился, нет, он просто заболел ею, она имела над ним власть, неопровержимую и сильную. Василиса оказалась чудесной хозяйкой, и искусной любовницей, которая согласна на секс всегда и везде. Она отдавала ему тело щедро, она осыпала его изощренными ласками, которым он сам ее научил. Герман уже не мог без нее дышать, есть и жить. С Ингой ему снова было тридцать. Он не жалел для нее ничего: ни денег, ни сил, ни своей любви. Единственное, о чем попросила Василиса — это навсегда стереть ее прошлое, словно она родилась заново. Герман не задавал много вопросов, он просто как всегда выполнил ее просьбу. Новицкий и сам не заметил, как из пигалицы Инга превратилась в женщину-вамп, в женщину-загадку, от которой голова шла кругом. Новицкий ждал, когда любовница начнет качать свои права, требовать чтобы он развелся и принадлежал ей целиком и полностью, но ничего подобного не случилось, и ему даже становилось досадно. Ингу вполне устраивали их отношения, и как она сама ему сказала, ей хватает того что он дает и большего ей не надо. Германа всегда не покидало чувство, что Инга не принадлежит ему и принадлежать никогда не будет, она сама по себе хоть и делает вид, что любит его. Новицкий не витал в облаках, он понимал, что их отношения — это бизнес чистой воды. Придет время и Инга уйдет, а он не сможет удержать, даже если захочет. С каждым днем страх потерять ее рос все сильнее. Инга становилась независимой, у нее появились свои деньги, свои сбережения. Впрочем, за эти восемь лет, сколько он не пытался ее подловить на измене, ему так и не удалось ни разу уличить ее. Хотя, Германа всегда мучило чувство, что она от него что-то скрывает, что Инга преследует странные и непонятные ему цели, только вот какие?

Сейчас оставив ее одну, без присмотра Германа впервые мучили неясные подозрения, он метался между долгом перед семьей и диким желанием быть с Ингой каждую секунду. Впервые ему казалось, что она отдаляется от него.

Герман слушал голос Инги и вдруг понял, что с ней что-то происходит, и под деланным весельем скрывается какая-то проблема, какое-то опустошающее чувство и он снова спросил все ли у нее в порядке. Его уверили, что все, кроме того что Новицкого нет рядом. Герман положил сотовый в карман, и решение уже сложилось в его голове. Оно было ярким внезапным, но в тот же момент окончательным и бесповоротным. Вечером, когда гости уедут из их дома, он поговорит с Маей и попросит у нее развода. Все. Нет больше сил ждать каждый день, когда Инга ускользнет из его жизни. Да, он, черт возьми, хочет счастья. Он женится на своей девочке, и наконец-то будет владеть ею безраздельно. Вот вернется в ее Мухосранск, подарит ей кольцо и сделает предложение. Ну и что, 046550326 что она моложе на двадцать пять лет, ну и что что скорей всего она с ним только из-за денег, на все плевать Герман хочет владеть ею безраздельно. Он хочет состариться рядом с Ингой.

Мая восприняла известие с достоинством, эта мудрая женщина уже давно была для него

верным другом и помощником во всем. Не было истерик, битья посуды и слез. Герман даже удивился, хотя жена знала его слишком хорошо и понимала, что Новицкий обеспечит ей безбедную старость и все сделает, чтобы дети ни в чем не нуждались. Новицкий не учел лишь одного — Мая не собиралась с ним разводиться, и ее согласие еще не означало, что она подпишет все бумаги о разводе.

Эта неделя была для меня более чем плодотворной, я с успехом заключила новые сделки, взяла новые проекты. Впереди встреча с кредиторами, которым я собиралась предоставить отчет о проделанной работе за последние недели. Чиоб на пятки с возвратом займа не наступали. Единственное, что омрачало мою радость так это то, что кредиторы непременно хотели вести переговоры не только со мной, но и с Чернышевым, а это означало, что я должна позвать его обратно, несмотря на то, что еще полноценных три дня я могла наслаждаться тишиной и спокойствием. Как ни странно Чернышев отступил, и все это время в офисе ни разу не появился, меня это даже удивляло. Я ожидала скандалов, ожидала, что он будет надоедать визитами, звонить, но он взял и исчез. Я не верила, что все так просто — он готовит ответный удар и тот непременно последует рано или поздно, а вот к этому я должна быть готова. Михаил Геннадьевич тоже не давал о себе знать, но тут нужно было все же набраться терпения. Это мое самое сильное оружие, моя козырная карта, которую я выдам под самый занавес. Поэтому я не торопилась, у меня в отличии от Чернышева есть много времени. Все же придется к нему обращаться, но я решила, что Артуру может позвонить Светочка. Слишком много чести для него, если это сделаю я. Через пару минут Света сообщила, что Чернышев приехать отказался, сказал, что если так сильно нужно я могла бы и сама ему позвонить. Сволочь. Ведь знает же, что позвоню и выбора у меня нет, вот и выпендривается. Хочет заставить меня унижаться. Мною овладело непреодолимое желание поехать на встречу самой, ничего, могу управиться — язык, слава богу, подвешен, уговаривать я умею. Света перезвонила упряму еще раз, но тот не отвечал на звонки. Я нервно поглядывала на часы и понимала, что выбора нет, придется спрятать гордость в карман. Артур ответил мне не сразу, назло потянул время и трубку поднял только с третьего звонка. Я услышала ленивое:

— Да.

От этого "да" во мне проснулось непреодолимое желание послать его так далеко и надолго, что я с трудом сдержалась от язвительного замечания.

— Ты мне нужен, — сказала я коротко, а когда услышала ответ, задохнулась от ярости.

— Как мило — я ей нужен! На одну ночь? На часик? На пять минут? Чем могу быть полезен в этот раз: руками, языком или мне рассчитывать на что-то большее?

— У нас встреча с кредиторами, Артур, пошлые намеки оставь при себе понятно? Будь готов через десять минут.

— Ха! У меня сегодня другие планы, я в отпуске, если ты не забыла?

— Не забыла, и поверь, если бы могла справиться без тебя, то уж точно справилась бы. Они хотят говорить с тем, кто брал у них заем.

Чернышев курил, я слышала, как он выдыхает дым и почему то так ясно увидела перед глазами его губы с сигаретой. Манящие губы, губы которые растерзали мой рот так, что я несколько дней мазала их увлажняющим кремом. Сладкие губы, порочные.

— Представь себе, что я воспользовался отпуском и уехал, например на Мальдивы.

Я разозлилась

— Если ты не будешь готов через десять мину, я представлю себе, что ты уже уволен.

Он, молча сопел в трубку, а я приготовилась к атаке, но ее не последовало.

— Я в боулинге, адрес сброшу смской, можешь приехать прямо сейчас.

Он положил трубку, а я с удивлением смотрела на дисплей сотового и не понимала какого черта он так быстро сдался. Бойтся увольнения? Черта с два — Чернышев никого и никогда не боялся. Просто он решил не ссориться со мной сейчас, значит он вытреплет мне нервы чуть позже.

Чернышев ждал меня на улице с неизменной сигаретой в зубах в черных джинсах и такой же черной спортивной рубашке, расстегнутой на груди. На глазах солнцезащитные очки — мачо мать его. Знает гад, что выглядит на все "сто". Он всегда одевался так, что при взгляде на него хотелось порвать его рубашку, зарыться пальцами в его непослушные волосы, отдаться этому самцу прямо на улице. Так понеслась нелегкая не понятно куда. Артур явно не скучал, он смотрел на юных студенток, которые сновали у него под самым носом туда-сюда, в коротеньких юбочках. Неудивительно ведь боулинг находился возле общежития университета. Возможно любимое место "охоты" Артура. Я злобно посигналила, и тот лениво пошел к моей машине. Хищник, грубый, напористый и опасный. Рукава закатаны, открывая смуглые, поросшие темными волосками сильные руки, одна в кармане, друга с сигаретой, на щеках щетина, аккуратная, ухоженная. Ему дьявольски шел этот образ, он стал красивым. Тогда, восемь лет назад, это был еще юноша, а теперь стал самцом, знающим себе цену и пресыщенным женским вниманием. Артур сел на переднее сиденье возле меня и я не удержалась, бросила взгляд на мускулистую бронзовую грудь в ворота распахнутой рубашки. На шее цепочка из белого золота, она резко контрастировала с темной кожей. От него пахло дорогим одеколоном и табаком. Мне всегда нравился этот запах. Герман не курил. Не знаю почему, но меня всегда привлекали именно курящие мужчины. Сигарета в сильных пальцах, отождествлялась у меня с мужественностью. Вечно следящий за здоровьем, пьющий витамины Герман иногда казался мне слишком мягким. Еще десяток лет и от него начнет пахнуть лекарствами. Я все еще рассматривала Артура — джинсы спорт-элегант, туфли, начищенные до зеркального блеска. Хорошо, что моих глаз он сейчас не видел, я тоже была в очках и могла наблюдать за ним из-под темных стекол "хамелеонов". Артур снял очки, окинул меня наглым взглядом — оценивает, как всегда пробирая насквозь и замечая все детали. Он равнодушно отвернулся к окну и выбросил окурочок.

— К встрече подготовилась? У меня с собой документов нет.

Еще как подготовилась, репетировала часами.

— Нечего там и готовиться, наши дела очень скоро пойдут в гору. Первая прибыль будет через месяц. Проект с гостиницей возобновлен и пока что план перевыполняется.

— Кто бы мог подумать, а тебе и, правда интересно этим заниматься, — сказал он и скользнул взглядом по моим голым коленям. Надо было одеть брюки — подумала я и с трудом сдержалась, чтобы не натянуть юбку пониже. Только Артур мог смотреть этим раздевающим циничным взглядом, словно я и вовсе без одежды.

— А ты как думал?

Он усмехнулся:

— Тебе, правда, интересно, что я о тебе думаю?

Я свернула в узкий переулок, минуя утренние пробки. Через дворы гораздо быстрее

выехать на междугороднюю трассу, без светофоров.

— Ездишь по городу так, словно знаешь, как свои пять пальцев, — заметил Артур и я вздрогнула. Вот на таких мелочах чаще всего и прокалываются.

— Я изучила карту, когда пару раз застряла с утра. Так что ты там обо мне думал?

— Например о том, зачем богатенькой содержанке управлять такой огромной компанией как "ТрастингСтрой"?

От ярости я задохнулась, но лишь сильнее впилаась в руль.

— Затем, чтобы в один прекрасный день перестать быть содержанкой, — ответила я и снова свернула налево, проскальзывая между арками домов.

— На карте нет этой дороги, — заметил Артур, — даже GPS не высвечивает. Ты раньше здесь жила, Инга? Такие лазейки знают те, кто по городу не раз пешечком километры наматывал.

Черт раздери его наблюдательность. Ну зачем я свернула именно сюда, лучше бы в пробках поторчали.

— Бывала когда-то. Какая разница.

Внезапно Артур посмотрел на меня и тихо спросил:

— Скажи мне — мы когда-нибудь раньше встречались?

Мое сердце забилось быстрее, но я постаралась не выдать своего волнения.

— Не думаю, я бы непременно запомнила такого, — хотела сказать гада, но сдержалась, — ... тебя.

Артур откинулся на спинку сиденья:

— А вот меня преследует навязчивая мысль, что мы уже встречались. Может я с тобой переспал, а потом бросил? Поэтому ты так бесишься.

От неожиданности я чуть не выпустила руль, но это было лишь мгновение, я тут же взяла себя в руки и выехала на главную дорогу. Попал в точку. Иголкой в самую сердцевину. Да, сволочь, ты меня бросил, ты убил нашего ребенка и покалечил мою жизнь.

— Чернышев, мужчины меня не бросают, я сама от них уйду, так что это совсем не тот случай. Поверь, я с тобой не просто не знакома, а ни с ном ни духом о твоём существовании, и если честно и дальше хотела бы оставаться в счастливом неведении насчет тебя. Так что прекрати дурацкий допрос. Сзади на сидении папка, посмотри, может чего-то не хватает.

Спустя пару минут Артур удовлетворенно положил папку обратно.

— Супер. Инга, твои бизнес способности превосходят все мои ожидания.

Я не поняла это с иронией или правда. Кажись, правда, рожа у него довольная.

Как ни странно в этот вечер Ченышев вел себя прилично, я бы сказала даже более чем прилично, он оказывал мне знаки внимания, говорил с уважением. Всячески выставляя свое обаяние и образованность, пока я не наступила ему на "больную мозоль" и не заявила кредиторам, что отныне компанией управляю я и больше присутствие заместителя нам для общения не понадобится. Артур разозлился, я видела, как сжались его челюсти и заходили ходуном желваки. Он мне этого с рук не спустит, но позже, когда представители частных банков окажутся вне радиуса зоны действия Артура Чернышева. Хотя встреча удалась на славу, нам не просто дали отсрочку, мы получили заем под новый проект на очень выгодных условиях. Можно сказать, заслуга была полностью моей, я настолько очаровала одного из представителей с мерзким именем Тимофей Игоревич, что он просто не скрывал своего бурного ко мне интереса. Оказывается он мой фанат и у него имелись все диски с моими записями и в машине, и дома. Тимофей Котофеевич взял у меня автограф и расплывался в

радужных комплиментах. Я видела как бесится Чернышев, чувствуя себя лишним, заодно я пофлиртовала с ними обоими от души окончательно покоряя наших собеседников. Все, чему учил меня Новицкий, не прошло бесследно и работало на все "сто". Недаром любовник всегда брал меня на важные сделки и я слушала как умело он путает мозги своим оппонентам, вынуждая их самих приходить к нужным для него решениям. Это называлось искусной манипуляцией, когда собеседник вторит тебе как эхо, считая, что именно он сделал свой выбор, а не ты за него.

— А я вот думаю, — неожиданно изрек Артур и посмотрел на меня с нескрываемым ехидством, — а почему бы нашей милой Инге не спеть для нас? В ресторане живая музыка, ей с удовольствием уступят микрофон.

Это было настолько неожиданно, что я даже поперхнулась шампанским. Петь мне не хотелось, точнее я боялась петь. Сегодня Артур уже несколько раз сбивал меня с толку своей пронизательностью, а вдруг он меня узнает? Да и не готова я тут развлекать всех. Хотя, конечно я изменилась и голос у меня далеко не прежний, но все же.

Но Артур настаивал и наши кредиторы тоже. Я понимала, что если откажусь, то могу в дальнейшем не рассчитывать на тесное сотрудничество. Мне было ясно, что сейчас между нами и партнерами начались новые отношения более дружественные и доверительные, стоит немного шагнуть назад — и все, я упущу этот шанс на долгосрочное сотрудничество.

Тимофей не удержался и даже схватил меня за руку:

— Пожалуйста, спойте для нас, ну хоть одну песню.

Я снова посмотрела на Артура, и мне захотелось заехать с кулака по его наглой физиономии. Ничего, я спою. Я спою так, что им мало не покажется и спою что-нибудь не из своего репертуара. У меня даже была одна сильная песенка на примете. Так и крутилась на языке, с тех пор как увидела Чернышева снова. Не моя песня, но очень красноречивая.

Чернышев подозвал официанта, указал на меня и щеки того ярко вспыхнули — меня узнали. Ну, кто бы сомневался? Конечно, узнали — на улице плакаты с моей физиономией чуть ли не на каждом углу.

— Одну минуточку.

Официант убежал, а уже через пару минут к нам шел сам директор ресторана с огромным букетом роз и бутылкой шампанского.

Подлец Чернышев наврал, что у меня сегодня день рождения, и я хочу спеть для своих друзей. Мерзавец. Как же я его ненавидела. Знал, что не хочу петь, знал, что меня это разозлит.

Меня провели за кулисы к музыкантам, и я окунулась в привычную среду. Немного волнительно, немного страшно, но все знакомо. А когда вышла на сцену и взяла первые аккорды, все унеслось, все растворилось и я запела так, словно это кричала моя душа. Меня разрывали эмоции, я не могла удержаться чтобы не смотреть на Артура. Песня моей любимой певицы, которую я не раз пела про себя, а теперь глаза всех посетителей в зале ресторана были устремлены на меня. Наверное, я выложились по полной, потому что люди вставали, чтобы пробраться ближе к сцене, стихли разговоры и даже Чернышев отставил свой бокал в сторону, и сильно затягиваясь сигаретным дымом, не сводил с меня глаз. Я пела, выплевывая весь мой гнев и боль в словах песни, я кричала о том, что накопилось у меня на душе. Наверное, я вошла в раж, а потом даже спустилась в залу. Я подходила к столикам, видя восхищенные взгляды, пока не приблизилась к нашему, и, глядя на Артура,

пропела последние слова припева. Не удержалась. Когда я закончила, зал взорвался овациями, а мне казалось, что я сейчас зарыдаю. Меня била крупная дрожь и я с трудом сдерживала эмоции. Как же мне хотелось выплюнуть в его наглую физиономию, насколько сильно я ненавижу его. Как я хочу, чтобы он рыдал, чтобы он сходил с ума и умирал от боли не физической, а душевной как я когда-то. Я хотела похоронить его вместе с Васькой.

Артур казалось, почувствовал мое настроение и обратно мы ехали в тишине, он курил, бросая на меня странные взгляды, а я вцепилась в руль и мечтала оказаться наедине сама с собой, чтобы дать волю эмоциям.

— Это было сильно, — наконец сказал он, совершенно серьезно, — это было с душой. Будто пела сердцем. Наверное, тебе не стоит бросать карьеру певицы — у тебя талант.

Я нервно засмеялась, пытаюсь скрыть, что нахожусь на грани срыва:

— Спасибо за то, что заметил, но с этим уже почти покончено. Я больше не пою.

— Птички не щебечут даже в золотых клетках?

Я не ответила, закурила, включила музыку, показывая всем видом, что продолжать развивать тему насчет клетки не намерена.

Мы подъехали к особняку Артура, к тому самому под которым я стояла жалкая и почти мертвая семь лет назад, и прежде чем уйти, он вдруг повернулся ко мне и тихо сказал:

— Почему мне показалось, что ты пела для меня?

Я пожалала плечами и снова засмеялась еще секунда и у меня начнется истерика:

— Я же говорила, что у тебя мания величия. Увидимся в офисе в воскресенье.

Я мчалась домой на такой скорости, что у самой дух захватывало. Вбежала к себе в спальню и принялась крушить все вокруг себя как ненормальная. Я вопила, и ругалась как сапожник. Расшвыряла стулья, разорвала подушку и обессилено упала на перья, задыхаясь. Я снова пела для него. Да, я пела для него как когда-то, и эти воспоминания разорвали меня, вывернули наизнанку. Ничего не изменилось, и я могу врать самой себе сколько угодно, я могу притворяться, что ненавижу, что забыла, что больше не испытываю ничего кроме презрения, но это ложь. Все ложь. Я его любила, и ничего не могла поделать с этим проклятым чувством, ничего. Но так же сильно я его за это и ненавидела, моя любовь была разрушительной, мне хотелось причинить ему боль. Сильную боль. Ударить так, чтобы он еще долго не мог прийти в себя. И я ударю. Еще немного. Сегодня нас счет начал сравниваться точнее Артур выиграл, только он никогда об этом не узнает. Сегодня ему удалось сделать мне больно снова. Заставить меня почувствовать себя Васькой.

Артур позвонил Пашке и выпалил не поздоровавшись:

— Ищи здесь. Она не приезжая, это ее родной город. Подними на ноги всех своих в паспортном столе, в ЗАГСсах в роддомах, черт подними все на уши. Она что-то скрывает, и я, черт раздери, уверен в том, что мы раньше встречались.

— Успокойся. С чего ты взял?

— Не знаю, я нюхом чую, я чувствую это кожей. Она город знает, как своих пять пальцев, то есть лазейки, как светофоры объехать. Она здесь всего месяц. Женщины не особо в местности ориентируются, ну не так быстро, а она по улицам носится так, словно выросла здесь, понимаешь? Сколько ей лет по документам?

— Двадцать пять, вроде.

— Вот и нарой мне всех женщин ее возраста вместе с фотками именами и фамилиями. Всех до единой. Отбери тех, кто подходит больше всего.

— Совсем сдурел? Я не буду искать иголку в стоге сена.

— Я прошу тебя, Паша. Для меня это важно, просто поищи.

— Артур мне не нравится твоя одержимость. Не забывай о Новицком. Хочешь трахаться — сходи в бордель.

— Да иди ты!

Артур захлопнул сотовый и взъерошил волосы. В голове пульсировало навязчивое желание вспомнить, он напрягал свою память, он перебирал в уме всех своих женщин за последние годы и ничего. Ноль. Пусто. Никто кто бы мог хоть немного походить на Ингу. Нет таких. В его жизни до этого времени точно не было. Если бы была, не забыл бы. Нет, неправильно — если бы была, не отпустил бы. Артуру напрягали собственные чувства, постепенно его желание обладать этой женщиной превращалось в наваждение. Не только обладать ее телом, а понять ее душу. Ведь там, за ледяной маской безразличия, должна быть душа. Обязательно должна. Инга. Кто она? Что она любит есть на завтрак? Какую музыку слушает? Что ей снится по ночам? Сегодня она показалась ему другой. Настоящей. Даже внешне изменилась. И дело не в шикарном элегантном платье и красивой прическе — дело в том, как она разговаривала, как смотрела, и в том, как она пела. Его пробрало. Пробрало до кончиков пальцев. Ее голос, ее телодвижения, страсть. Даже зал почувствовал животную вибрацию во всем ее облике. Нет, она не снежная королева, она горячая как лавина вулкана, она дымящаяся магма под коркой льда. У нее есть тайна. И чем больше Артур в этом убеждался, тем больше ему хотелось эту тайну раскрыть.

Артур тихо зашел в дом, снял туфли, и осторожно прокрался в комнату для гостей, прихватив за собой бутылку виски. Опустошив ее до половины, Артур уснул на узком диване.

Его разбудила Алена, она распахнула окна настежь впуская яркий солнечный свет.

— Дьявол, — Артур поморщился, голова беспощадно болела после выпитого.

— С каких пор мы пьем с горла и спим на диване?

Чернышев надавил на виски пальцами:

— Черт, Лен, принеси мне аспирин и не ори так громко — башка раскалывается.

Жена скорчила недовольную мину, но за аспирином сходила, а когда вернулась, Артур обратил внимание, что она подлизывается. Не иначе чего-то хочет.

— Давай сегодня устроим себе отдых, а? Вот поедем по детским магазинам, перекусим в пиццерии. Ты ведь не работаешь в субботу?

Он вообще всю неделю не работал, но жене об этом не сообщил, а зачем? Так у него была отмазка не появляться дома. Алена села рядом, принялась растирать ему затылок, затекший после неудобного сна на диване.

— Мне нужно в душ.

— Я могу потереть тебе спинку, — промурлыкала она, и Артур в удивлении на нее уставился. С чего бы это? Алена никогда не бывала инициатором в сексе, она только позволяла ему удовлетворять свои желания. Как ни странно, но Чернышеву не хотелось. Точнее он хотел, но не Алenu и уж точно не сегодня.

— И не только спинку, — продолжила она, и ее рука скользнула под воротник его рубашки. Артур накрыл ее запястье.

— Я устал, хочу помыться и...

— Ты был не один этим вечером?

Начинается...

— Не один с двумя кредиторами и Ингой.

— Не лги мне, ты шлялся снова со своим Пашкой по бабам, твоя рубашка пахнет духами.

Черт, ему даже стало противно, до тошноты — она нюхала его рубашку.

— Алена, угомонись, я нигде не гулял. Я вернулся домой, напился тут как свинья и лег спать.

Она посмотрела на него с недоверием, но вроде как поверила. Черт возьми, он и не думал лгать. Это было чистой правдой.

— Хорошо, иди в душ, а потом поедем в центр? Нужно уже начинать присматриваться к приданому для ребенка, да и мне уже пришло время сменить гардероб. Живот начинает расти.

Артур бросил взгляд на жену, но ничего не заметил, разве что немного расплнела, но живота он еще не видел. А может, вот взять и поехать с ней? Сколько можно ее пинать? В конце концов Алена ждет от него ребенка, любит его безумно. Артур привлек ее к себе в неожиданном для себя порыве.

— Хорошо, вот искупаюсь и поедем. Ты к врачу вчера ходила?

Жена прильнула к нему всем телом, положила голову ему на плечо.

— Ходила, у нас будет девочка.

Чернышев погладил ее по голове, и в душе всколыхнулось теплое чувство. Впервые по отношению к этому ребенку. Его ребенку.

Об опрометчивом решении поехать с Аленой по магазинам Артур пожалел уже через час, когда они зашли в очередной магазин в торговом центре. Алена скупала все без разбора, и Чернышеву уже казалось, что он превратился в новогоднюю елку разукрашенную цветными пакетами. Ему хотелось сбежать, хотелось бросить все пакеты на пол, и драть отсюда на чем свет стоит.

Жена выбегала к нему в очередном наряде для беременных, в котором выглядела совершенно бесформенной, словно нацепила платье на два размера больше, и крутилась перед ним, спрашивая заметен ли ее живот.

— Нет, не заметен, — честно отвечал Чернышев, и Алена обижалась, меняла размер.

снова выбегала.

— Алэн, ты это...ты продолжай без меня, я пакеты в машину отнесу и пойду в баре посижу. Закончишь, позвони мне, хорошо?

Жена, на удивление, спорить не стала. Да и зачем? Он наверняка тоже раздражал ее скучающим видом и недовольной миной.

— Ладно. Я не долго. Вот еще туда и туда зайду, и поедем домой, хорошо?

"Туда и туда" означало, как минимум пять магазинов и в каждом по полчаса. Можно было засесть со смартфоном и выпасть из жизни на три часа как пить дать.

Что он и сделал, зашел в полутемный маленький бар, заказал себе виски со льдом и с лимоном, сел за дальний столик. Зашел в интернет и принялся листать страницы с новостями спорта.

— Уф как жарко, я умираю от жажды, закажите мне джин с тоником и мороженное.

Артур быстро поднял голову и от неожиданности пролил немного виски. Какого дьявола она здесь делает? Инга его не заметила. Она пришла не одна, и когда Артур рассмотрел ее спутника, кровь бросилась ему в лицо — Тимофей, их вчерашний знакомый. Тот отправился к стойке бара, а девушка уселась за столик боком к Артуру, закинула ногу за ногу. Она выглядела не так как всегда. Раскованней что ли. В руках она сжимала роскошный букет цветов, настоящий шедевр искусства. Белые гладиолусы. Девушка попросила официанта принести вазу и откинулась на спинку плетеного кресла. На ней был легкий летний сарафан с юбкой солнце клещ, светло-зеленого цвета, белые босоножки и шляпка, которую она положила на столик и тряхнула роскошными волосами. Сейчас Инга выглядела моложе своих лет. Мужчины бросали на нее заинтересованные взгляды, а девушка рассматривала модный журнал. Ее спутник вернулся с двумя бокалами, поставил один возле нее, подвинул к ней чашечку с мороженым. Тимофей пожирал ее глазами, расплывался в комплиментах то и дело, порываясь накрыть ее руку своей, то поднося зажигалку к ее сигарете.

Инга поблагодарила его, отпила из бокала. Они разговаривали тихо, что придавало беседе интимности. Артур почувствовал, как руки сжимаются в кулаки. Вот и секрет их вчерашнего успеха, Инга просто пустила в ход тяжелую артиллерию. Она явно флиртowała со своим новым знакомым. Только что они делают в торговом центре? Прозрение пришло внезапно, когда он увидел маленький пакетик в руках Инги из знаменитого ювелирного магазина. Не хило. Нет, просто прекрасно. А девочка не промах. Она раскрутила Тимофея на золото? На брюлики? За какие такие? А ответ напрашивался сам собой. Инга кокетливо убирала волосы за уши, вертела бокал в тонких пальцах, облизывала губы кончиком языка. Да она его соблазняет, черт ее раздери. Этого склизкого хлюпика в очках и с кейсом в руках. Богатого хлюпика, хлюпика от которого зависели дальнейшие продвижения компании. Чернышев ухмыльнулся. Узнавал свои методы, Инга прекрасно знала тот мир, в котором вращался Артур. Она действовала, так же как и он. Брала от жизни все, ни больше, ни меньше. Вот и этот клерк, он нужен ей и не важно, какой ценой. Инга слишком походила на самого Чернышева. Он не привык видеть, как женщина ловко манипулирует мужчинами, не просто манипулирует, а крутит как марионетками. Вот и этот повелся. Еще немного слюной изойдется.

Артур почувствовал, как перед глазами стелется пелена ревности. Жгучей, необъяснимой. Он испытывал это чувство впервые, оно поднималось из глубины души, медленно отвоевывая его сознание кусочек за кусочком. Может, она уже давно спит с этим

клерком или кто он там? Зам. директора частного банка. Может именно поэтому вчера все прошло так гладко. Чернышев чувствовал, как в воспаленном мозгу появляются картины одна красочней другой. Он резко встал из-за стола, зазвенели тарелки, и Инга со своим собеседником обернулись. Она окинула Артура удивленным взглядом, а Тимофей, чтоб его, помахал ему рукой, приглашая к ним. Артур и не думал отказываться, он быстро подошел к их столику и демонстративно уселся между ними.

— Какая встреча, дорогое начальство, — пропел он, отвешивая ей поклон и игнорируя протянутую руку Тимофея. А если честно ему хотелось впечатать свой кулак в чисто выбритую физиономию этого гада. Инга улыбнулась, очаровательно так, в глазах блеснули дьявольские искорки.

— Артур, какая встреча? Ты, и в торговом центре. С женой пришел? Где Алена?

Артур почувствовал как дергается мускул на его щеке. Как ловко она напомнила о его жене. Как вовремя.

— А Герман Вениаминович уже вернулся из Европы? — парировал он и залпом допил свой виски. Достал сигарету, подкурил и выпустил дым в сторону.

Тимофей смотрел на них обоих и глупо улыбался:

— Так вы здесь с супругой? Может, познакомите нас?

Артур обернулся к нему и усмехнулся:

— Она сейчас в отделе нижнего белья можете сходить, познакомится.

В тот же момент Инга наступила ему на ногу. Чувствительно так, каблуком. Артур сжал бокал в руке еще немного, и стекло треснет, но стерпел.

— Мы с Тимофеем встретились в ювелирном магазине, я как раз сережки новые купила, а он своей жене подарок на годовщину выбирал. Так я ему помогла, все-таки у них десять лет совместной жизни, и нужно что-то особенное.

Артур посмотрел на кредитора и вдруг отчетливо заметил обручальное кольцо и такой же пакетик как у Инги только немного покрупнее. Тимофей поставил его на столик рядом с бокалом.

— Мы даже букет вместе выбирали. Я подумала, что на годовщину в самый раз белые гладиолусы.

Тимофей быстро кивнул, снял очки, протер их тряпочкой.

— Маша любит белые цветы, а я как-то и подзабыл. Совсем растерялся. Вот встретил Ингу и она меня так выручила вы себе не представляете.

О, он представлял, еще как представлял. Себя. Полным идиотом. Дураком. Подумал, что они любовники. А если и да, то, какое ему дело? Что он вообще только что устроил? Пусть этот тип совсем тупой, а вот Инга явно поняла, что Чернышев бесится. Она загадочно улыбалась и бросала на него взгляды из-под пушистых ресниц. Убил бы стерву. Ну почему каждая их встреча заканчивается военными действиями? Каждый разговор напоминает поединок. Ведь между ними ничего нет.

"Да, Чернышев, между вами ничего нет. Перестань вести себя как идиот. Ты смешон. Она тебя не хочет, не хочет, черт бы ее разодрал"

Артур нервно закурил еще одну сигарету, и тут в бар вплыла Алена с пакетами и лучезарной улыбкой.

— Ой, а я смотрю ты тут не один? Инга, как я рада тебя видеть.

Последующие полчаса превратились в пытку: Инга мило болтала с Аленой, а Тимофей рассказывал Артуру о последней поездке в Африку. На хрен Чернышеву его Африка? Он

вообще хотел смыться подальше из этого бара. Он все еще чувствовал себя полным идиотом. Вот например Инге совершенно наплевать, что он с Аленой. А у него реакция — полный неадекват.

Артур направился в мужской туалет, уже хотел яростно распахнуть дверь, как услышал стук каблуков позади себя.

— Можно подумать, что ты ревнуешь, Чернышев, — ее низкий бархатный голос отдавался в мозгах как набат.

Артур резко к ней обернулся и почти впечатал в стену. Поставил руки по бокам от ее лица. Она улыбалась. Красивая, самоуверенная, наглая.

— Отвечу твоими словами, маленькая — ты слишком большого мнения о себе.

Артур разрывался между желанием ее хорошенько потряхнуть и смять ее губы своими губами. Желание сделать это прямо сейчас стало невыносимым и Артур стиснул челюсти.

— Неужели? А что ж ты так взорвался?

— Слишком много чести взрываться для такой как ты?

— Какой такой? — Инга улыбнулась, провела языком по губам, явно провоцируя его. И Артур вспыхнул, прекрасно осознавая, что сейчас она манипулирует им сами и ей это хорошо удастся.

— Шлюхи, — ответил Артур и успел перехватить ее руку, занесенную для удара. Теперь ее глаза метали молнии, но Инга вырвала руку и насмешливо сказала:

— Ну конечно, как в том анекдоте — " Она тебе дала? Нет, а тебе? Тоже нет! Вот бл***ь" правда?

Артур выпустил ее руку.

— Слишком умная да?

— Да уж какая есть, не блондинка.

Она намекнула на Алену, и он хорошо этот намек понял. Поморщился, вспоминая как жена стрекотала без умолку о новых лифчиках, о колготках, о помаде, которую выторговала на два евро дешевле. Совершенно не понимая, что при мужчинах это неуместно. Рядом с Ингой Алена казалась пресной, безвкусной и неинтересной. Артур разозлился из-за этого контраста. Лицо Инги находилось так близко, что он чувствовал запах ее дыхания. Наглая, самоуверенная дрянь, оскорбила его жену и вместе с ней и его тоже. Скажи мне кто твой друг...

— Да пошла ты!

— Только после тебя, милый, только после тебя.

Инга прошла мимо него и хлопнула дверью дамского туалета. Артур яростно ударил по стене, сбивая костяшки пальцев.

— Сука!

А на душе странное облегчение. Тимофей не ее любовник, а он погорячился, но признать свою вину? Артур по жизни ненавидел извиняться. Наоборот, чувствуя себя виноватым, он становился еще агрессивней, как сейчас. Это защитная реакция еще с детства. Механизм, помогающий не прогнуться и не сломаться ни под кого.

Инга укатила с Тимофеем, а Артур повез Алену домой. Он сдержал свое обещание, этот вечер они провели вместе перед телевизором. Алена даже приготовила ужин. Не ахти какой, но приготовила. Артур увильнул от секса с ней, но спать лег в общей спальне. Точнее он не спал, смотрел в потолок и пытался уснуть, тогда как жена мирно посапывала у него на плече, обхватив его торс руками. Около часа ночи зазвонил его сотовый. Артур лениво

протянул руку за аппаратом на тумбочке, но когда увидел номер — резко сел на постели.

Уже через минуту он полностью оделся. Алена проснулась, в недоумении глядя, как он подхватил ключи от машины и рванул к двери:

— Ты куда?

— Спи. Я скоро буду, — бросил он и выскочил из спальни как ошпаренный.

Я приехала в ночной клуб "Сова" ближе к десяти вечера. У меня было превосходное настроение. Сегодня мне удалось вызвать в нем ревность. Нет, ее зачатки, а значит Чернышев уже ко мне равнодушен. Если честно я не ожидала встретить его здесь. Я и в самом деле поехала развлечься, устроить себе легкий шопинг. Терапию золотом, как это называл Герман, когда хотел ко мне подмазаться. Тимофея я и правда встретила случайно, но встрече была рада. Мы выбрали подарок его жене, а потом решили выпить по холодному коктейлю и распрощаться. Артура я заметила сразу, как только вошла в темное помещение. Наверно я узнавала его по запаху, по животным флюидам, исходящим от него. Заметила и решила подействовать ему на нервы. Я, конечно, не была уверена в успехе, но все же мне удалось его разозлить. Банальная ревность — "почему она дает ему и не дает мне". Но это уже чувства, это уже то, что мне было нужно, и я ликовала, а потому настроение у меня было по высшему классу. Я даже не обратила внимание, что обещанной охраны в "Сове" ни сном ни духом, а среди публики одни малолетки, хотя мне были обещаны взрослые посетители. Кроме того "Сова" оказался стриптиз-баром. В таких заведениях я раньше никогда не пела. Но я уже приехала, да и гонорар был обещан нехилый и аванс я уже получила. Так мне и надо, не нужно было соглашаться, но отступить поздно. Я привела себя в порядок в гримерке и вышла на сцену. Толпа завелась с пол оборота, поначалу мне даже нравилось, что все смотрят на меня, а не на голых девушек. Беспредел начался внезапно. Кто-то из толпы крикнул, что им обещали голых певиц, и они за это заплатили, а потом меня узнали, и требования, чтобы я разделась, стали произноситься все настойчивей. Я еще не чувствовала опасность, а когда она грозно надо мной нависла в виде наступающей толпы стало уже поздно. Барабанщик рявкнул мне чтобы я быстро шла за кулисы. Он пытался сдержать толпу, как и два желторотых охранника, которым с трудом удавалось оттащить от сцены особо прытких. Когда народ понял, что я пытаюсь сбежать — они озверели.

— Пусть эта сучка разденется.

— Нам обещали эротическое шоу со знаменитой певицей. Эй, мы заплатили, почему она не снимает трусы? Почему она до сих пор в платье?

Кто-то из них запрыгнул на сцену и сцепился с музыкантами. Началась драка. Мною овладела паника, я ринулась за кулисы, дрожа как осиновый лист, а крики доносились все отчетливей, все сильнее. Толпа прорвалась на сцену. Я бросилась к гримерке на ходу набирая номер Артура, больше звонить было некому:

— Артур, мне нужна помощь, Артур они разорвут меня на части...приезжай, мне больше некому позвонить, фанаты, они меня узнали...Артур мне страшно

Мне и правда было страшно. Впервые в жизни меня трусило от ужаса и я обливалась холодным потом. Я слышала, как бьются инструменты, как вопит озверевшая толпа.

— Где ты? — прокричал он в трубку

— В "Сове", — жалобно пропищала я и закрыла за собой дверь. Господи тут даже окон нет, если они сюда ворвутся, то живой я отсюда не выйду.

— Сейчас буду, не бойся, закрой дверь и жди меня. Где твоя охрана? Послышался грохот за дверью, словно кто-то упал, я вскрикнула.

— Инга, ты меня слышишь? Я буду через пять минут.

Мне казалось, что я прождала целую вечность, что я прожила за эти минуты всю свою жизнь. Никогда в жизни я еще не боялась так сильно, меня колотило, трясло словно в лихорадке. За дверью слышались звуки борьбы. Наконец-то в гримерку громко постучали.

— Это я, открой. Черт, совсем охренели, — послышался звук удара.

Я бросилась к двери, распахнула настежь, и тут же Артур подхватил меня на руки, легко, как пушинку. На его лице виднелись глубокие порезы, по щеке текла кровь, а в руке я увидела пистолет. Не успела удивиться, Артур проорал прямо у меня над ухом:

— Расступились нахрен, не то завалю, два раза думать не буду.

Для убедительности Чернышев выстрелил несколько раз в потолок, и я прижалась к нему так сильно, словно желая раствориться в нем, спрятала лицо на груди, зажмурилась от страха, чувствуя, как он несет меня куда-то.

— Дура! Ты куда сунулась?! Какого черта ты здесь одна? Идиотка! Они могли тебя убить, изнасиловать, покалечить! Что ж ты такая ненормальная, а?

Нас уже не преследовали. Драка продолжилась и без меня. Послышался вой полицейских сирен и скорой. Вот и повеселилась. Когда я почувствовала свежий воздух, ко мне вернулась способность думать. Руки Артура сжимали меня крепко, уверенно и мне стало хорошо. Я почувствовала себя с ним в безопасности. Как когда-то, много лет назад. Его сердце колотилось у меня под щекой гулко, хаотично и я даже улыбнулась — это от волнения за меня. Дежавю, черт возьми, только я уже не Васька, но именно сейчас мне ужасно захотелось ею стать. Забыть о ненависти и боли, позволить украсть у судьбы этот маленький кусочек счастья. Перемирие. Пусть ненадолго. Только на одну ночь.

Артур бережно вынес Ингу с черного хода и устроил на переднем сидении джипа, прикрыл своей курткой. Девушка дрожала от пережитого стресса, кутаясь в тонкую ткань. Сейчас она больше не походила на стервозную и занозчивую Орлову. На Артура Инга не смотрела, направила взгляд в окно и он подумал о том, что у нее самое нежное лицо из всех что ему доводилось видеть. Как трогательно ее ресницы бросают тень на бледные щеки, а полные губы слегка подрагивают. Каштановые кудряшки выбились из прически. Странное чувство всколыхнулось в нем, новое, сильное. Еще ни разу в своей жизни он не испытывал ничего подобного. Щемящая нежность, желание защищать и оберегать. Или нет... стоп... когда-то это уже было. В другой жизни, не в этой. Только он не позволит себе вспоминать, неприятно и больно. Там все кончилось быстро и некрасиво. Первая вспышка гнева на нее за то, что сунулась петь без охраны, без своего агента в ночной клуб уже утихла. Он помнил, как наорал на нее, как тащил к выходу на руках, сквозь озверевшую толпу. Кто-то полоснул его "розочкой" по лицу и руке. Раны кровоточили и саднили, но сейчас ему было все равно. Он вытащил эту сумасбродку из пекла. Артур вздрогнул, когда заметил на ее щеке слезу. Сердце болезненно сжалось. Обычно женские слезы его раздражали, но сейчас глядя на одинокую слезинку на нежной коже, он невольно протянул руку и смахнул ее большим пальцем.

— Испугалась?

Инга кивнула и плотнее закуталась в куртку.

— Куда едем? Отвезти тебя домой?

Она отрицательно качнула головой и снова отвернулась к окну.

— Могу к себе на дачу, там сейчас никого нет.

Теперь она едва заметно кивнула и Артур облегченно вздохнул. На даче есть аптечка, нужно будет обработать себе раны и привести их обоих в порядок. Потом он отвезет ее в город и посадит на такси. Ей нужно прийти в себя после всего что случилось.

Инга несмело на него посмотрела:

— Спасибо, что приехал.

Артур усмехнулся, но улыбка получилась вымученной. Он сам себя не понял, когда услышал ее взволнованный голос, ее просьбу вытащить ее оттуда и у него в глазах потемнело.

Он гнал машину как ненормальный, на красный свет, по встречной, мчался сломя голову и дико боялся за нее. Странное чувство, новое и пугающее. Ему еще не доводилось опасаться за чью-то жизнь кроме своей.

Артур занес Ингу в дом, крепко удерживая одной рукой, другой открыл дверь, захлопнул ногой и отнес девушку на диван. Она все еще дрожала. Артур стянул с нее плащ и увидел, как она обхватила себя руками, словно защищаясь. На ее правой щеке виднелась ссадина. Он протянул руку, чтобы дотронуться, но Инга невольно отпрянула. Артур осторожно убрал с ее лица прядь волос и нежно коснулся ссадины, ощупал скулу.

— Припухло, но кость цела. Подожди, там, в холодильнике, есть лед.

Он хотел уйти на кухню, но Инга вдруг схватила его за руку. Артур обернулся, встретился с ней взглядом. Сердце замерло, пропуская удары.

— Что?

— Не уходи, — прошептала она и коснулась раны на его ладони, потом поднесла его руку к губам и он застонал. Такое нежное мягкое прикосновение, а выбило почву из-под ног похлеще страстных объятий.

— Ты что? — хрипло спросил Артур, видя, как она прижимает его руку к щеке. Невольно провел большим пальцем по ее нежной коже и закрыл глаза от наслаждения. Инга потянула его к себе, и Артур стал возле нее на колени, посмотрел в эти зеленые, темные как омут глаза и сошел с ума. Он нервничал, нервничал настолько, что у него тряслись руки. Ему не верилось, что это происходит на самом деле — она его позвала, сама. Артур судорожно глотнул слюну, чувствуя, как пересохло в горле. Инга обхватила его лицо ладонями, медленно наклонилась и поцеловала в губы. Артур вздрогнул от неожиданности, промедление длилось секунду, он жадно приник к ее рту, поглощая ее дыхание, сминая ее мягкие сладкие губы, вторгаясь языком в нежную мякоть. В этот раз она отвечала на поцелуи неистово, страстно, притягивая его к себе все ближе и ближе за ворот рубашки. Он дико хотел ее, но уже не мог наброситься, он хотел заставить ее трепетать, дрожать, умолять, стонать для него. Нет. Ему не нужен быстрый секс. Только не с ней. Ею он хотел упиваться долго, как умирающий от жажды, который растягивает каждый глоток драгоценной влаги. Артур снял с нее туфельки и сжал ее ступни ладонями. Холодные. Она замерзла. Сейчас он ее согреет, нежно, не торопясь. Артур покрыл поцелуями пальчики ног. Инга смотрела на него затуманенным взглядом. Другим взглядом, не таким как всегда и Артуру стало не по

себе, стало невыносимо больно от этого взгляда. В ее прекрасных до умопомрачения глазах плескалась не только страсть. Артуру не верилось, что он видит в них нечто большее, чем желание. Его ладони скользнули по ее бедрам по гладкой шелковистой коже, поднимая трикотажную юбку к поясу. Как же он мечтал ласкать эти ноги, прикасаться к ним, гладить, целовать, поднимаясь все выше. Почему она молчит? Артур посмотрел на Ингу, словно ожидая ее разрешения, и она снова поцеловала его сама. Не то, что тогда, в проклятом клубе, где он воровал ее поцелуи насильно. Артур спустил лямки платья с ее плеч. Осторожно провел кончиками пальцев по груди и коснулся сосков. Инга всхлипнула и снова посмотрела ему в глаза. Черт, никто и никогда не вкладывал в свой взгляд столько смысла, как она. Артур обхватил пальцами твердые вершинки, сжал, снова погладил и увидел, как ее глаза закрываются, с чувственных губ сорвался легкий стон. Инга выгнулась навстречу ласке. Какая красивая у нее грудь, идеальной формы, соски большие, темные, стоят торчком взывая к ласке. Он не удержался, взял один из них в рот и с жадностью втянул в себя, нежно посасывая, царапая зубами. Инга прижала его к себе. Его руки нашли резинку ее трусиков и медленно стянули вниз.

— Я хочу ласкать тебя, пробовать на вкус. Я хочу, чтобы ты кончала для меня еще и еще. В тот раз...я не могу забыть...Твои стоны стоят у меня в ушах, я думал о тебе каждую ночь. Инга... позволь мне любить тебя.

В ответ она погрузила тонкие пальцы в его непослушные волосы и притянула к себе, к своим сомкнутым коленям. Мужчина почувствовал, как бешено, колотится его сердце прямо в горле. От одной мысли, что он прикоснется к ней, войдет в ее желанное до боли тело у него мутился рассудок.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Артур развел ее ноги широко в стороны, склонил между ними голову, развел нежные лепестки лона. Кожа там внизу оказалась горячей и влажной. Ни одного волоска на гладком лобке и его это дико возбудило. Ему захотелось снова увидеть, как она кончает, почувствовать губами пульсацию ее лона. Он безошибочно нашел кончиком языка клитор, от восторга ему хотелось кричать. Инга распахнула ноги еще шире, откинулась на спинку дивана, сжимая руками налитую грудь с возбужденными сосками, и теперь уже застонала громко, призывно. Артур облизывал ее не торопясь пробуя на вкус твердую горошинку, с восторгом чувствуя как она увеличивается под его губами. Никогда он не думал, что подобная ласка сведет с ума его самого. Он ласкал женщин и раньше подготавливая их к самому акту, лишь дразня, чтобы они расслабились и позволили ему овладеть собой. Сейчас ему хотелось дарить наслаждение, почувствовать судороги ее тела. Он обхватил клитор губами нежно скользя по нему языком, начал посасывать угадывая по трепету, по хриплым стонам, какие прикосновения подводят ее к экстазу. Вот оно. Клитор затвердел, стал острым тугим, он чувствовал, как она истекает влагой, еще один нежный удар языка и бедра девушки дернулись в его руках. Он услышал ее крик, не останавливаясь ни на секунду, сходя с ума от жаркой пульсации ее лона, вылизывая ее соки. Артур не удержался, погрузил в нее сразу два пальца и громко застонал, чувствуя, как сильно сокращаются мышцы влагалища, чувствуя, какая она тугая внутри, скользкая и горячая. Его член уже был готов взорваться. Теперь он двигал пальцами быстрее, глядя на ее бледное от страсти лицо. Задышающийся рот. Артур потянул ее к себе, подхватил под ягодицы, прошелся широко раскрытым жадным ртом по ее телу вверх, захватывая губами соски и еще выше по шее.

— Я хочу тебя, — шепнул ей в ухо, и замер, ожидая ответа, если оттолкнет его сейчас —

он с ума сойдет, — маленькая, я так сильно тебя хочу...

— Так возьми, — прошептала тихо, хрипло, но от ее голоса и от того как томно она это произнесла, у Артура задрожали руки. Он полез в карман за презервативом и почувствовал, как Инга перехватила его запястье:

— Не нужно

Артур продолжал открывать пакетик, нервно дрожащими от нетерпения пальцами, но Инга сама расстегнула змейку на его джинсах, высвободила твердый, налитый кровью член и направила в себя. Артур уже не мог сдерживаться, он резко подался вперед и наполнил ее до упора. Блестящий пакетик упал на пол. Инга приподняла бедра сама, насаживаясь на его член, вбирая в себя полностью, она двигалась быстрее, чем он, доводя его до исступления, вращая бедрами как в диком танце, а потом останавливалась, и Артур не понимал, кто кого сейчас сводит с ума. Они менялись ролями, то он вел эту сладкую схватку, то она отбирала инициативу. Он уже рычал от нетерпения, врезаясь в ее горячее лоно все сильнее и резче, чувствуя, как она выгибается ему навстречу, отдаваясь жадно, неистово, подставляя соски его поцелуям. Он страстно ласкал эти безумно красивые вершинки, малиновые от его нежных укусов. Закинул ее ноги к себе на плечи, теперь он двигался рывками, удерживаясь за спинку дивана, выбивая из нее громкие крики, стоны. Он чувствовал, как головка члена касается матки, боялся, что причиняет ей боль, но она не давала отстраниться, она раскрывалась навстречу жадно, неутомимо. Он понял, что она хочет, чтобы он брал ее грубо, на грани с болью и от этой мысли Артуру казалось, что сейчас совсем потеряет голову. Ее бурный оргазм застал его врасплох, мышцы влагалища так сильно сжимали его член, что он чувствовал, как на него накатывает волна наслаждения, еще немного, и он кончит. Слишком долго хотел ее, слишком долго терпел это бешеное желание. Инга не дала ему отстраниться, она сжала его ягодицы руками и подалась навстречу извиваясь как змея, насаживаясь на его, готовый взорваться каждую секунду, пульсирующий член все быстрее и быстрее, и Артур впервые в жизни закричал, крик перешел в рычание, а оргазм был просто ослепительным, разрушительным. Она все еще двигалась, выжимая из него все, до последней капли. Артур так и застыл, опираясь на диван, глядя в ее томно прикрытые глаза. Он был опустошен, так бурно он еще не кончал ни разу. Словно его вывернуло наизнанку, высушило, обнажило все нервы. Почувствовал, как ее тонкие руки обняли его за шею. Как же она прекрасна, просто ослепительна. Он нежно поцеловал ее в губы и подумал о том, что если бы эта женщина принадлежала ему, он бы никогда ее не отпустил. Артур лег на диван и положил Ингу на себя, притянул к себе на грудь. Он не мог разговаривать, в горле пересохло. Тело все еще подрагивало после урагана страсти. Он нежно гладил ее по спине кончиками пальцев и думал о том, что так хорошо ему еще не было ни с одной женщиной.

Инга заговорила первой. Она приподняла голову и осмотрела его лицо:

— Разукрасили тебя мои фанатики на славу. Где у тебя здесь аптечка?

— Хочешь быть моим доктором? — Артур все еще поглаживал ее по спине и выпускать девушку из объятий ему не хотелось.

Инга улыбнулась, но не ядовито как раньше, а даже нежно. Убрала волосы с его лба.

— Черт их знает, где побывали их битые бутылки, и кто из них пил. Нужно продезинфицировать. Рыцарь ты мой.

Артур глупо кивнул. Ему понравилось то, как она сейчас с ним разговаривала. Слово "мой" не насторожило как с другими женщинами, а наоборот прозвучало для него

СИМВОЛИЧНО.

Спустя несколько минут, он сидел в кресле, а Инга, облачившись в его рубашку, промывала раны на его щеке. Нежно так касалась, словно боялась причинить боль. Артур смотрел, как она сосредоточенно вытирает кровь, даже губу прикусила. Инга пригладила его волосы назад и принялась за ссадину на лбу. Руки нежные, от каждого прикосновения хотелось заурчать.

— Тут бы швы наложить не мешало, — сказала она и приложила к ране ватку со спиртом, — больно?

Инга подула на рану, словно ребенок и Артур снова почувствовал щемящий прилив нежности. Ему нравилось что она о нем заботится. О нем никогда и никто не заботился за всю его проклятую жизнь. Даже Алена.

— Вот так... — Инга деловито приклеила лейкопластырь, — Чернышев, останется шрам. Но твой внешности он даже придаст шарма.

Артур усмехнулся.

— Ну и черт с ним, пусть остается, иди ко мне.

Ему не верилось, что она ласкова и игрива, что она позволяет себя целовать, перебирать свои роскошные локоны. Вспомнил, как вытаскивал ее из гремерки, дрожащую перепуганную и прижал к себе еще крепче.

— Зачем туда сама поехала? — проворчал он, рассматривая ее синяк на скуле.

— От скуки, очень захотелось пошалить, — Инга улыбнулась, а в глазах плясали чертики.

— Пошалила? Они на сувениры могли тебя порвать!

— И порвали бы, если бы ты не приехал, — ответила Инга и уже серьезно посмотрела на него, — спасибо. Не думала, что поможешь.

— Зачем тогда звонила? — Артур провел пальцем по ее губам, — ты же меня ненавидишь.

— Я же сказала спасибо, — Инга укусила его за палец.

— Одним "спасибо" сыт не будешь, — усмехнулся Артур и поцеловал ее в губы.

— О, кстати, насчет сытости. На твоей даче есть что-нибудь съедобное? — спросила Инга, отвечая на его поцелуи.

— Можно наведаться к холодильнику, но думаю кроме хлеба, молока и банки варенья там ничего нет. Это приносит уборщица, она тут моет три раза в неделю.

— Хочу варенье, — шепнула Инга и быстро встала с ковра. Артур проследил за ней голодным взглядом. Ее ноги, черт, ну почему он не может на них насмотреться. Голыми, они казались еще идеальней, а от мысли, что кроме его рубашки на ней больше ничего нет, он снова терял голову. Послушно поплелся за ней на кухню. Инга деловито открыла холодильник, наклонилась за молоком, и Артур увидел голые упругие ягодицы, по телу прошла судорога, и у него снова встал, словно он не кончал всего лишь каких-то полчаса назад.

— Точно, тут молоко, хлеб и варенье, — Артур подошел к ней сзади резко развернул к себе.

— Ты что?

Инга удивленно смотрела ему в глаза, сжимая в руках пакет молока.

— Хочу тебя снова, с ума схожу так хочу...

Он приподнял ее за талию и впился в ее рот яростным поцелуем, желание зашкаливало с такой силой, будто он голодал целый месяц. Пакет выпал из рук на пол и лопнул, жидкость растеклась под столом. Инга обхватила шею мужчины руками и жадно отвечала на поцелуи, ее губы были горячими, требовательными. Она не только отдавала, она брала с той же ненасытностью, как и он сам. Прижалась к нему, сильнее просовывая колено между его ног, надавливая на возбужденную плоть, намеренно пробуждая еще большее желание.

— Маленькая, ты что со мной делаешь а?

Она не ответила, лишь позволила приподнять себя еще выше, Артур усадил Ингу на кухонный стол, широко развел ее ноги в стороны, расстегнул ширинку и яростно вонзился в ее тело. Инга вскрикнула, подалась вперед, навстречу, но Артур не позволил ей вести, он заставил ее прогнуться назад, лечь на стол навзничь, накрыл ее груди ладонями и вдавливался в совершенное гладкое тело с каким-то диким остервенением, ее стоны сводили его с ума, а он хотел ее все больше и больше. Всю, без остатка, заполнить, разорвать, заклеить. Он уже не ласкал ее грудь, а жадно сжимал руками, надавливая на соски. Инга металась под ним, она охрипла, ее руки судорожно хватались за стол. Теперь у него получилось свести ее с ума окончательно, поработить, заставить принадлежать ему целиком. Ее оргазм был для него особой музыкой, он хотел, чтобы она кончала без перерыва, сходила с ума, безумствовала, царапала ему спину. И она словно угадывала его желания, оставляя на его коже кровавые бороздки. Он излился в ее тело, с удивлением понимая, что снова кричит, что его собственный экстаз, во второй раз, еще ярче, чем в первый. Они устали оба, выдохлись, не могли даже пошевелиться. Оба взмокли от пота, их тела дрожали. Артур все же нашел в себе силы поднять ее на руки и отнести на постель. Они уснули в одежде, голодные, уставшие и опустошенные. За окном уже занимался рассвет.

Артур проснулся резко, от чувства странной пустоты, подскочил на постели. Инги рядом не оказалось. Неужели ушла? На душе заскребли кошки. Черт, он все еще валяется в штанах, но без рубашки. Мужчина спустил ноги на пол. В доме тихо. Потом услышал шорох, звон стекла и улыбнулся, она на кухне. Внутри стало тепло, уютно. Артур потянулся, как хищник после хорошего сна и пошел в душ, быстро обмылся под прохладными струями воды, обернулся в полотенце и вернулся в спальню. Он услышал легкие шаги и не смог сдержать довольной улыбки, когда Инга зашла в комнату с подносом в руках. Только эта женщина могла с утра выглядеть как королева. Без косметики, в слегка помятом платье, но королева. Спина прямая, походка царственная. Принесла ему завтрак. В постель.

— Пришлось с утра сбегать в магазин, не то я бы умерла с голоду, — Инга грациозно поставила поднос на маленькую тумбочку, — глазели на меня как диковинное чудовище в вечернем платье, босиком с утра пораньше в таком захолустье.

Артур схватил ее за талию, попытался с ней к постели и усадил к себе на колени.

— Они все мечтали оказаться на моем месте.

— Ага, особенно бабулька с ведром молока. Кстати я у нее купила свеженькое. То мы вчера уничтожили.

Ее запах сводил его с ума, никогда женщина не пахла так восхитительно. И никогда еще ему не приносили завтрак в постель. Инга потянулась за своей чашкой кофе, осторожно пересела с колен Артура на краешек кровати.

— Я ужасно проголодалась, французская диета не для меня.

Артур откусил кусок бутерброда с сухой колбасой, и с удивлением на нее посмотрел.

— Французская диета?

Инга засмеялась

— Утром кекс вечером секс, если не помогает завтрак отменить.

Когда она произнесла слово "секс" в нем, словно ртуть в градуснике, поднялось резкое возбуждение. Он отложил бутерброд в сторону. Инга с невозмутимым видом продолжала есть. Но он увидел огонек в ее ведьминских глазах. Она провела кончиком языка по губам, слизывая крошку хлеба и Артур вздрогнул. Наваждение какое-то, эта женщина сводила его с ума. Инга доела бутерброд и взяла блюдце с вареньем, окунула в розовую мякоть указательный палец и облизала, нагло глядя ему в глаза. Артур судорожно сглотнул, в горле тут же пересохло. Девушка снова окунула палец в варенье, а потом провела по его губам. Артур почувствовал, как сердце замедлило ход, а потом застучало как бешенное. Инга не унималась, она провела пальцем по его голой груди, оставляя розовый след, потом наклонилась и слизала с его кожи варенье. Он шумно выдохнул. Черт, да она сейчас с ума его сведет, он просто слетит с катушек. Инга ласкала мягкими губами его соски, спустилась по груди вниз к животу. Сдернула с него полотенце и вопросительно на него посмотрела, ее глаза затуманились, подернулись дымкой.

— А еще завтрак можно соединить с ужином, — сказала она хрипло и обхватила его член ладонью.

Артур глухо застонал, он смотрел, как тонкие пальчики крепко сжимают раскаленную плоть, медленно пробегая по всей длине. Прежде чем он успел опомниться, она снова погрузила руку в блюдце с вареньем, и когда холодное желе прикоснулось к раскаленному члену, Артур вскрикнул и тут же задохнулся, потому что дерзкий женский рот глубоко вобрал его плоть, а язык вылизывал и порхал по бархатной головке.

— Черт, ты что творишь? — Артур задыхался, дрожа всем телом.

— Возвращаю долги — ответила Инга и приняла член так глубоко, что он вскрикнул, схватил ее за волосы, убирая их с лица, чтобы видеть, как эти чувственные губы страстно его ласкают. Она ускорила темп, и он уже рычал, не пытаясь ее остановить, на его лбу пульсировала вена, лицо побледнело от страсти. Инга не давала ему отстраниться, ее руки порхали по его телу, сводя с ума разжигая безумный пожар.

— Маленькая, прекрати, я сейчас кончу, — он сжал ее волосы, в кулак, пытаясь отстранить, прекратить сладкую пытку, но Инга и не думала покоряться, она начала двигаться быстрее, подводя его к самой грани, и снова останавливаясь. Артур дернул ее на себя резко, так что она почти упала ему на грудь. Поднял подол платья и чуть не задохнулся когда увидел, что на ней нет нижнего белья.

— Так ты ходила в магазин?

— Конечно, ведь никто об этом не знает кроме тебя — проворковала Инга, не давая ему проникнуть в свое тело. От мысли, что кто-то смотрел на ее упругие ягодицы, под тоненьким платьем, его кровь забурилась, перед глазами появилась красная пелена и

Артур насадил ее на себя так грубо, что она вскрикнула, а он почувствовал дикое удовольствие. Наказать эту маленькую стервочку, заставить ее покориться. Теперь он сжимал ее талию, и двигал ее тело все сильнее, вонзаясь во влажное лоно. Острые кончики ее грудей натянули тонкую материю платья, и Артур озверел, он просто потерял над собой всякий контроль. Они оба стонали и кричали как дикие животные. Инга стянула платье через голову, отшвырнула в сторону, и теперь он видел как колыхается ее грудь в такт его

толчкам. Длинные волосы хлещут по его телу, падают девушке на лицо. Артур привлек Ингу к себе, жадно нашел ее губы, упиваясь криками, стонами, прерывистым дыханием. Они оба взмокли, тряслись от страсти. Мужчина приподнял ее, и опрокинул на постель, не покидая разгоряченное тело, подхватил ноги под колени и снова ринулся вперед, теперь глядя ей в лицо, выбивая из нее протяжные громкие стоны. Инга приподнялась, обхватила его шею руками, прижалась грудью к его груди и, задыхаясь, прохрипела:

— Давай, трахни меня, ты ведь хотел этого, давай. Я не хрустальная не рассыплюсь.

Даже в постели не сдается, даже в сексе пытается взять верх. И его это заводило, ему хотелось покорить ее, поработить, заставить умолять его и просить пощады. Артур вышел из ее лона, развернул девушку спиной к себе, и сильно сжимая налитую грудь жадными ладонями, ворвался в ее тело сзади.

— Так тебе нравится? — спросил он, сжимая пальцами твердые кончики груди, перекатывая их, без капли нежности, скорее причиняя легкую боль.

— Сильнее — простонала Инга, и Артуру показалось, что сейчас он просто взорвется не физически, а эмоционально от дикого первобытного возбуждения. Теперь он двигался в ней так резко и быстро, что с каждым толчком с его глаз сыпались искры, а она уже не стонала, а выла, кусая подушку, царапая его руки, крепко сжимающие ее бедра, прогибаясь все сильнее, как голодная самка.

— О господи, да... да... да... — она рванулась назад, к нему, прижалась влажной спиной. Артур скользнул рукой по ее плоскому животу к нежным горячим складочкам и как только дотронулся до тугого твердого клитора, сжал его двумя пальцами, она кончила, сотрясаясь всем телом, выкрикивая его имя. Чувствуя сильные сокращения женского лона, Артур последовал за ней, крепко прижимая девушку к себе одной рукой, двигаясь в ней с такой бешеной скоростью, что мышцы на теле окаменели от дикого напряжения, которое вырвалось из него горячей лавиной как извержение вулкана, сметая все на своем пути. Каждый оргазм с ней, походил на атомный взрыв выносящий мозг, опустошающий настолько, что сознание на мгновение просто отключилось. Еще какое-то время они стояли на коленях, дрожащие, мокрые от пота. Инга облокотилась, об него тихо постанывая. Все еще придерживая ее правой рукой под грудью, Артур лег на постель, так и не покидая из ее тела.

Впервые, после такого количества секса, ему не хотелось сбежать, уйти. Нет, он хотел находиться рядом с ней, кожа к коже, вдыхать запах ее разгоряченного тела, целовать завитки волос на ее затылке. Искушенный, избалованный, умелый любовник он еще никогда не получал так много, более страстной женщины в его жизни еще не было. Они словно одно целое, словно две половинки, такие похожие и такие разные. Артур нежно гладил ее плечо кончиками пальцев, целовал мягкую мочку уха и не понимал, что с ним происходит. Это не Артур поработил ее, это Инга полностью овладела им. Его мыслями, его телом и его волей.

Потом они долго нежились в ванной, намывая друг друга, смывая липкое варенье с кожи. Артур смеялся вместе с ней, сдувая на нее пену и чувствовал себя счастливым. Да, он был счастлив впервые за всю свою пустую, поверхностную жизнь. Они забыли о времени, оно просто исчезло, растворилось. С Ингой все казалось простым, понятным, интересным. Они обедали прямо в постели, кормили друг друга. Даже ссорились шутя, когда Артур стащил из ее тарелки кусок копченого мяса. Разговаривали ни о чем, и Инга смеялась, заразительно, заливисто, от души. А Артур ловил себя на мысли, что впитывает каждое ее движения, каждый взгляд, взмах ресниц, любит нежной шеей, тонкими руками,

поворотом головы. В ней все идеально: от кончиков шикарных волос, до ухоженных ногтей, от умения готовить вкусную еду, до безудержности в любовных играх. Таких женщин не бывает, он еще не встречал, никогда. Если бы встретил раньше, то никогда бы не отпускал, никогда бы не смог расстаться. По таким, как Инга сходят с ума, и Артур понимал, что после этой ночи все станет по-другому, его жизнь станет совсем другой. Что она чувствует к нему? Влечение? Желание? Ненависть как раньше? Что творится в этой маленькой головке, когда она смотрит на него и улыбается так, что сердце щемит от ее красоты. Артур наслаждался каждой минутой, каждым мгновением. Забыл о том, что они враги, что у каждого из них своя жизнь и они оба не свободны. Забыл пока не зазвонил ее сотовый. Ее проклятый, чертовый сотовый. Инга встрепенулась, быстро встала с постели, и вышла из спальни. Артур слышал ее голос, доносящийся с кухни:

— Да, милый... Где я? Уехала отдохнуть за город. Конечно сама, что за вопрос. Я тоже, дорогой, я тоже. Ты когда приедешь? Через два дня... Я буду ждать, я уже жду... Считаю каждый день.

Артур яростно сжал руки в кулаки, чувствуя, как волна бешеной ревности поднимается в нем. Ревности на которую он не имел ни малейшего права. Только теперь это чувство поселилось в его груди, и будет подтачивать как червоточина медленно и ядовито, разъедая его серной кислотой.

Инга вернулась в спальню, потянулась за платьем.

— Он звонил?

Она кивнула, и надела платье через голову.

— Не помню где мои трусики?

— В зале на ковре, если не ошибаюсь.

Он встал и пошел за ней как пес за хозяйкой. Инга быстро одела шелковые слинги, подняла чулки и затолкала их в сумочку, потом подошла к зеркалу.

— Отвези меня домой, хорошо? Герман через час позвонит на домашний. Не хочу его злить.

Артур ничего не ответил, вернулся в спальню, быстро оделся, застегнул все пуговицы на помятой рубашке. Тронул ссадины на щеке. "А шрам и правда останется. И не только на лице" — Артур поправил часы на запястье и посмотрел на обручальное кольцо. Ему захотелось сдернуть его с пальца и зашвырнуть в окно.

Инга все еще крутилась перед зеркалом, поправляя непослушные волосы, припудривая лицо, тщательно замазывая синяк. Сколько раз он наблюдал, как женщины одеваются, прежде чем уйти из его квартиры и с трудом сдерживался от приступа раздражения. Сейчас он испытывал разочарование. Он не хотел, чтобы все заканчивалось так же банально, как и с другими. Подошел к Инге сзади, обнял за талию и посмотрел через зеркало:

— Когда я увижу тебя снова?

Инга усмехнулась:

— Завтра понедельник, значит, увидимся на работе.

Артур повернул ее к себе:

— Ты знаешь, о чем я. Когда я увижу тебя наедине?

Инга поправила прядь волос за ухо, а потом погладила его по щеке:

— Я позвоню тебе сама. Поехали, Герман не любит, когда меня нет дома. Тем более он скоро приедет.

"Прости, Бобик, ты очень милый, но твоей хозяйкой я не стану", — почему то пришло

ему на ум.

— Позвонишь когда? — требовательно спросил Артур и тут же почувствовал себя идиотом. Сколько раз тот же вопрос задавали ему случайные любовницы. Тогда он бесился, его злило что они спрашивают, раздражала их назойливость. Теперь он сам спросил и как дурак ждал ответа.

— Позвоню, когда будет время обязательно, — пообещала она — поехали.

Артур высадил ее неподалеку от дома и долго смотрел вслед, потом поискал свой сотовый и выругался когда понял, что в нем уже давно закончилась батарейка.

ИГРА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Я быстро поднялась по лестнице к себе в комнату и упала на постель. Меня трясло. Я понимала, что сегодня переступила все границы, но я дорвалась до него, до его тела, до его ласк. Все было так, как я представляла, нет даже лучше. Мне было с ним слишком хорошо, мне было феерически хорошо. Артур снова показал мне, как легко может управлять моим телом и возносить меня к самым острым вершинам наслаждения. Раз за разом. Его горящие страстью глаза, жадные руки, дерзкие губы — все это свело меня с ума. Он меня чувствовал. Я не знаю, как передать это словами, он чувствовал, чего я хочу в данный момент, насколько глубоко хочу, насколько порывисто. Наши тела пели в унисон так громко, что каждая клеточка во мне до сих пор дрожала. В моих воспоминаниях не было и десятой доли того урагана, который он обрушил на меня за эту ночь. Но я все равно помнила, зачем все это сделала. Я все равно не отступилась от мести, даже наоборот я возненавидела его еще сильнее. За то что он так хорош, за то что он самец и секс-машина не знающая усталости. Наверняка он такой всегда и со всеми. Я лишь одна из...сотни? Тысячи? Интересно он запомнил бы мое имя, если бы я не была его начальницей? Но я испытывала триумф. Впервые за все время, что я его знала, Артур спросил, когда мы встретимся снова. Он не ушел с равнодушной миной, он не сказал, что позвонит сам, в конце концов, он даже не назначил новую встречу. Нет. Он спросил, когда увидит меня снова. А вот теперь начиналось самое трудное. Устою ли я? Смогу ли играть дальше по его правилам? Кто из нас сломается? Позвоню ли я ему? Возможно, но он будет ждать и мучиться. Я устрою ему адскую пытку. Дал слабинку — получи удар ниже пояса. Когда-то нежная, маленькая Васька, провожая любимого спрашивала: "Когда ты приедешь? Ты позвонишь?". Он отвечал ей, что конечно позвонит и вечером вернется и мог выключить сотовый на неделю, а появится через две. Артур, я верну тебе все сторицей. Теперь ты будешь ждать. Только мне будет очень трудно, но я справлюсь. Обязательно справлюсь. Я подошла к зеркалу и ужаснулась — на скуле синяк, губы искусаны, истерты и стали припухшими и ярко-алыми, он их терзал, а я кусала, когда он яростно брал меня снова и снова. Не жалея, проникая так глубоко, что я орала как раненное животное. За эту ночь я кончила в несколько раз больше, чем за всю жизнь. Только от сознания, что это ЕГО руки, ЕГО язык, ЕГО плоть. Черт бы его подрал. Только бы Герман не заметил. Я скинула платье и ужаснулась еще больше. На ногах отпечатки от его пальцев, соски стали красными и воспаленными, а заветное местечко истерто так, что, я, наверное, с трудом смогу сесть на стул. Столько секса за один день у меня не было с тех пор... Ха! С тех пор как я с ним рассталась. Точнее с тех пор как он меня бросил. Черт, а Герман вернется через два дня. Нужно дуть в аптеку за мазью от синяков. Во мне сражались разные чувства — ярость, блаженство, дикая радость и любовь. Проклятая все ни как не дохнувшая любовь к моему палачу. Жалела ли я о том, что произошло? Не капли! Я получила то, что хотела и как хотела. Я буду жалеть лишь в том случае, если сдамся легко во второй раз, если проиграю, а сейчас жалеть не о чем. Я быстро переоделась, расчесала непослушные волосы и решила сходить в парикмахерскую. Я хотела выглядеть еще лучше, чем раньше. Я должна излучать радость жизнью в тот момент как он будет ждать моего звонка. Очень скоро Артур получит по электронной почте фотографии с аварии и у

него начнутся большие неприятности. Гораздо большие, чем были сейчас. Зазвонил домашний телефон, и я быстро ответила. Конечно, это был Герман. Я услышала его голос и почему то испытала раздражение. Впервые за все семь лет, что мы вместе.

— Детка, ты уже дома моя хорошая?

— Дома. Вот пойду сегодня в косметический салон, красоту наводить для тебя, милый.

На самом деле я хотела посетить солярий и купить мазь иначе синяки на моем теле Герман обязательно заметит. Был еще один способ скрыть от него "следы преступления". Это заняться с ним безудержным сексом и просить его оставить на мне синяки. Мысль, о том, что мне нужно будет спать с Германом показалась крайне неприятной. На душе даже кошки заскребли. А избежать ведь не получится. Герман соскучился и первым делом потащит меня в постель.

— Милая, у тебя все в порядке? Почему ты молчишь?

— Я задумалась.

— О чем?

— Может перекраситься в другой цвет?

Он засмеялся, а я подумала о том, что до сих пор мне прекрасно удавалось создавать у него впечатления, что я пустоголовая кукла, которая интересуется шмотками, своей внешностью и деньгами.

— Нет, я не хочу, чтобы ты меняла цвет волос. Мне больше нравится этот. Но ты можешь изменить прическу, если хочешь. Милая я приготовил тебе сюрприз. Совершенно необычный сюрприз и я очень нервничаю.

Я хмыкнула про себя. Тоже мне разнервничался. Купил наверное какую-то фигню и не знает понравится ли мне.

— Любой сюрприз от тебя любимый это шедевр, — пропела я.

— Инга, через два дня у нас годовщина — семь лет как мы вместе. Я хочу чтобы ты пригласила гостей, твоих сотрудников и устроила настоящий банкет. Я хочу чтобы у нас был праздник, а потом мы уедем на пару дней кататься на яхте и исчезнем для всего мира.

Ну вот. Какой к черту банкет?

— Я сегодня же разошлю приглашения, милый. Я удивлена, что ты не забыл.

Зато я забыла. Первый раз за эти семь лет.

— Конечно, не забыл, я записал, — засмеялся Герман, — Инга, я соскучился. Мы целую неделю будем вместе, а потом я уеду. Ну, все, целую. Отдыхай.

Отдыхай. Он думает, что я отдыхаю. Я швырнула телефон на постель. Ровно через секунду он зазвонил снова, я схватила проклятый смартфон и замерла. О-о-о! Так быстро? Часа три прошло, как расстались или четыре. Уже звонит? Желание ответить было диким, просто пальцы сами тянулись. Я положила смартфон на стол, отключила звук и с наслаждением смотрела, как он жужжит. Звонок стих, а через пару секунд снова начал вибрировать. Я закурила и, не сводя глаз с аппарата, поджала ноги под себя, уселась поудобней, задумчиво глядя на цифры. Ну, какого это когда тебе не отвечают, а? Как только стих звонок я отключила сотовый и засунула его в сумочку. А теперь, Чернышев, послушай мой автоответчик.

Михаил Геннадьевич ждал меня в маленьком кафе с уютными зонтиками и кушал мороженное. Элегантно так с салфеточкой. Постоянно промакивал губы, а другую салфетку расстелил на коленях. Завидев меня, он оживился, даже улыбнулся. Я села напротив, тут же

появился официант, которому я заказала лимонад со льдом.

— Инга, вы очаровательны, каждый раз забываю насколько вы красивы, и поражаюсь снова и снова.

Старый хрыч и он туда же.

— Вы сказали, что у вас срочная информация, — намекнула я совсем непрозрачно.

Геннадьевич тут же собрался, вытер губы и полез в свой кейс.

— Узнал я кое-что о нашем подопечном. Кое-что очень интересное. Артур играет на бирже. Довольно по-крупному. Он не рискует, редко проигрывает. Я подумал, что вам это будет интересно.

— Не совсем в этом разбираюсь, — я, конечно слышала как люди делают на этом деньги, но... для меня это был лес густой.

— Инга, давайте на чистоту. Мы уже начали работать вместе и я как вы понимаете уже хорошо знаю ваши мотивы.

Меня покорило, но я не могла отрицать, что Геннадьевич вполне мог узнать обо мне все. Из любопытства или в других интересах, но мог.

— Допустим.

— Ваша цель — сломать Чернышева, раздавить, если я правильно понял.

— Допустим, вы правы.

— Так вот, у меня есть один друг, который за небольшие премиальные заставит Чернышева проиграть и проиграть по крупному. Проиграть так, что тот вынужден будет продать свою долю акций в "ТрастингСтрое". Конечно, в надежде выкупить. На самом деле покупателем можете быть вы.

Я понимала, к чему он клонит, и хоть совершенно не разбиралась в игре на бирже, мне стало ясно, чем это может грозить Чернышеву, а так же его тестю.

— Это действительно возможно?

— Конечно. Все возможно. Если правильно играть. Мой друг именно этим и занимается. Только вам нужно будет с ним встретиться лично. Я дам вам номер его телефона и вы договоритесь.

— Хорошо. Но только если вы дадите мне гарантию, что я ничем не рискую.

Геннадьевич ехидно улыбнулся:

— Вы — моя основная зарплата в последнее время, так что работодателями не разбрасываются.

— Хорошо, давайте мне номер телефона.

— И еще — вот фотографии, которые вы просили. Подробности по делу будут позже, но это мне удалось раздобыть очень быстро.

В парикмахерскую я пошла в чудесном настроении. Если все удастся — то я еще и разорю Чернышева в полном смысле этого слова. Нужно будет вечером почитать про игру на бирже. Даже самой стало интересно. Но до вечера я не дождалась, и пока симпатичный парикмахер Витюня колдовал с моими волосами, я читала курс по правильной игре на бирже в своем смартфоне. Через три часа я уже примерно понимала, как знакомый Геннадьевича может заставить Чернышева продать акции.

Артур положил сотовый на стол, с трудом сдерживая желания швырнуть его об стену. Инга не отвечала, а потом и вовсе выключила сотовый. Хотя, может, у нее села батарейка

как и у него? Ничего он позвонит ей вечером и возможно они пойдут вместе в какой-нибудь ресторанчик, а потом... От мысли что может быть потом кровь забурлила. Весь день Чернышев прибывал в приподнятом настроении. Он стойко вытерпел истерику Алены, а потом отправил ее к подруге, лично подвез и сунул в руки кредитку, намекая, что та может "пошалить". Алена тут же подобрела, чмокнула его в щеку и выпорхнула из машины. Все мысли Артура были об Инге. Он не мог отвлечься, не мог думать о работе, не мог говорить с друзьями. Он просто постоянно перебирал в памяти каждое сказанное ею слово. Истолковывая его по-своему. Ближе к вечеру он уже начал томиться. Набрал ее номер снова и, услышав автоответчик, разозлился. С трудом сдержался, чтобы не сесть в машину и не приехать к ней самому. Нельзя. Инга не свободна, компрометировать ее так явно — это просто неуважение. Будь проклят ее папик. Когда он там собирался приехать? Через два дня? Целых два дня. Так у них еще есть время. Две ночи и два дня. Артур в предвкушении закрыл глаза. Впервые он думал о женщине уже после секса. Не просто секса, а сумасшествия, взрыва. Ему хотелось продолжения отношений. С адреналином, с долей риска. Когда Инга в очередной раз не ответила на звонок, а потом отключила сотовый, Артур нахмурился. Он все еще не хотел себе признаваться, что с ним просто не хотят говорить. Но сомнения уже закрались в душу. Он не выдержал — через полчаса стоял возле ее дома и смотрел на темные окна.

"А птичка все еще летает" — подумалось ему, и на душе стало неприятно. От мысли, что Инга где-то развлекается, и при этом выключила сотовый, у него по телу прошла дрожь. Где она? В очередном клубе? Если да, то с кем? Впервые Артур сталкивался с таким поведением. Обычно после бурной ночи женщины звонили ему сами, да что там, телефоны обрывали. И как он поступал? Черт, а вот, так же как и Инга, отключал, когда особо доставали. Так что он ее достал? Артур накручивал себя постепенно, мысли вертелись в голове, цепляясь одна за другую, выстраиваясь в цепочку. Только цепочка походила на удавку. Завтра они встретятся в офисе, и он поговорит с ней, назначит новую встречу или вообще трахнет ее в этом чертовом кабинете и она забудет, как ее зовут. После этой страстной ночи Артур может разговаривать с ней по-другому, в конце концов теперь их связывали совсем другие отношения. Они стали любовниками. Как ни посмотри, но это так.

Постояв под ее окнами, Артур уже было двинулся с места, как вдруг ее машина появилась за поворотом. Инга вышла из "тайоты", тут же показался охранник, он ловко загнал автомобиль в гараж. Артур набрал ее номер снова. Глядя на девушку сквозь затемненные стекла джипа, который он поставил в тени деревьев. Инга потянулась за сумочкой, Артур смотрел, как она лихорадочно ищет мобильный, достала, взглянула на дисплей и чтоб ее так... Артур не верил ни ушам, ни своим глазам — она отключила сотовый, сунула обратно в сумочку и прежде чем он успел отреагировать скрылась за воротами.

"Не понял! Она только что отключила мне звонок?! Нет, это на самом деле происходит? Она просто нагло сбросила вызов? Что за???? Мать ее. Ни хрена себе! Ничего я поговорю с тобой завтра!"

Артур завел мотор, и покрышки с визгом прокрутились по асфальту. Он гнал по трассе и ловил себя на мысли, что от бешенства ему хочется вернуться обратно, вломится в ее дом и вытрясти из нее правду. Какого черта она не ответила? Ей что не понравилось? Еще как понравилось, орала как драная кошка! Он не понимал ровным счетом ничего. Или с ним играют? Зачем? Чего она добивается?

Позвонил Пашка и Артур включил громкоговоритель:

— Ты где?

— Еду.

— Слышу, что едешь, может, заскочишь?

— Я устал, домой хочу.

— У меня новости есть и неплохие. То есть я добыл имена и фамилии. Только их тут как минимум три сотни, будешь искать?

Артур выдохнул и выматерился про себя.

— Буду. Завтра после работы заеду. Ты вечером дома?

— Ну, ради тебя задержусь. Я сегодня с телкой одной познакомился, так назавтра у меня назначена встреча. Будь добр, приедь пораньше, не ломай кайф.

— В шесть у тебя буду.

— Договорились, а что хмурый такой? Вчера куда пропал?

— Завтра расскажу. Все, давай...

Алена уютно устроилась на мягком диване и закурила. У нее было чудесное настроение. Артур еще с утра уехал на работу, прислугу она отправила отдыхать, а сама наслаждалась свободой. Как ловко ей удалось обвести всех вокруг пальца, всех, включая драгоценную мамочку. Вначале она ужасно расстроилась, когда поняла, что собственный организм сыграл с ней злую шутку. Де и зачем ей нужен сейчас ребенок? Все раскрылось в тот злополучный день, когда она хотела обратиться в клинику и сделать аборт. Там она и узнала что у нее не беременность, а воспаление яичников. Тошнило ее скорей всего после итальянской кухни, которую она отведала у любимой подружки и скорей всего отравилась. Что ж так даже лучше. Она хотела рассказать Артуру, но он приехал за ней такой взволнованный, озабоченный судьбой ребенка и Алена не захотела признаваться. Пусть бегаёт за ней, бережет ее здоровье и даже не пытается сбежать. Вон как изменилось его отношение. Разговаривает по-другому, ночует дома. Разве что вчера затерялся, но зато как подлизывался сегодня, карточку золотую отдал. Алена уже договорилась с доктором, когда придет время, они симитируют потерю ребенка. Артур будет чувствовать виноватым, папочка купит ей новую машину и отправит отдыхать в Европу. Кстати к слову — таблетки она пить не перестала. Алена растянулась на диване и закинула ногу за ногу с наслаждением затягиваясь сигаретой. Вот и усмирит она Артура наконец-то. За столько-то лет. Надоело отбиваться от его телок. Если он думает, что она тупая дурра, то так даже лучше. Он и не знает со сколькими его Аленушка разделалась, чтобы отвадить их от ее мужа. Начиная с проклятой замухрышки с которой он встречался. Как там ее звали? Алена прикрыла глаза. Черт с ней она не помнит имени его девки, но зато она зорошо помнила как ловко от нее избавилась, от нее и от ее ублюдка. Артур наивный дурак, всегда считал себя умнее других. Она следила за ним когда он поехал к своей маленькой дурочке. А еще она ловко сняла слепок с его ключа и имела свойц собственный от их милого гнездышка. Она вошла в квартиру после него. Когда увидела сколько денег он оставил этой дурочке разозлилась, а прочтя записку вообще пришла в ярость. "Маленькая, у меня сейчас очень большие неприятности. Не знаю, сколько времени меня не будет. Не пытайся со мной связаться, я приеду, как только смогу. Если не станешь ждать — все пойму. Здесь деньги на первое время. Квартира полностью уплачена на год вперед. Прости, но объяснить ничего не смогу. Могу только обещать, что обязательно приеду. Артур"

Алена эту записку наизусть помнила, потому что перечитала несколько раз. К моменту

ее написания, Артур уже сделал ей предложение и они подали заявление в ЗАГС. Это означало, что после свадьбы он собирался иметь эту дрянь в любовницах. Так и говорит, что обязательно вернется. Соперниц Алена не любила.

Только Артурик не знал, что та беременна, а вот Алена знала о ней все и куда бить и давить тоже знала. Она могла стерпеть легкие интрижки на одну ночь, но постоянных пассий всегда двигала с дороги и очень часто не без помощи своего папочки. Почему-то именно эту она ненавидела особой ненавистью, черной, ядовитой. Алена забрала деньги себе, оставила ей всего тысячу долларов — достаточно для этой лахудры и для аборта и для отступных. Написала ей размашисто записку ловко, подделав почерк Чернышева. К этому у нее сохранился талант еще с детства. Подписывать чеки вместо папочки, чтобы скрыть покупки и подделывать почерк своей матери, чтобы скрыть плохую оценку в школе или прогул. Аленка еще тогда любила погулять, и девственности она лишилась совсем не так, как думал Артур, а еще лет в пятнадцать. С кем? А она и не помнила. Алена очень любила когда мальчики предлагали ей секс, так она чувствовала себя значимой. Правда, они ее быстро бросали, но всегда находился новый. Пока она не встретила Чернышева и не влюбилась. Тогда она решила, что он будет принадлежать ей. Алена пускала пыль в глаза, разбрасывалась дорогими подарками, кичилась красотой и деньгами, а Артур погулял пару недель и свалил. Некрасиво свалил, сказал ей в глаза, что она ему надоела и в постели его не устраивает. Ох как она горевала, локти кусала, использовала все уловки и ухищрения. Папочка отказался ей помогать и она решила пустить в ход тяжелую артиллерию — наплоталась таблеток, но с умом ровно подсчитав количество лекарства. Так чтобы уснуть, но не умереть. Отец чуть не поседел, обещал, что Чернышева вернет и вернул. Каким способом Алenu не волновало. Она папочке доверяла. Не важен метод важен результат. Они поженились. Свадьба была роскошной, просто великолепной, если не считать того что жених надрался как свинья, трахнул свидетельницу в туалете, а потом хвастался своей победой за свадебным столом. Алена стерпела. Прорыдала всю ночь но стерпела. А потом медовый месяц, вот там Артур оторвался по полной, он имел все что движется начиная от стюардессы заканчивая обслугой в гостинице. Он показывал Алене насколько она ему безразлична. Она терпела и это, знала что перебесится. Он перебисился, успокоился, а потом под их окнами появилась та дурочка. Артур спал после очередной попойки с друзьями, а Алена увидев ее с окна чуть с ума не сошла от страха. Не дай бог Артуру прс деньги скажет эта замухрышка, что тогда будет? Охранник передал Алене письмо. Поначалу ей даже жалко стало эту дурочку. Но кто виноват? Разве не должна была она сделать аборт? А не сделала, что бы у нее у Алены Артура увести. Подумала об этом и пришла в ярость. Отправила девку восвояси. Охраннику сказала, чтобы тот передал ей все от имени Артура. Не передаст она в три шеи выгонит и работу тот себе вряд ли найдет. Да и еще — пусть выгонит ее со двора, попрошайку несчастную. Больше Алена ее не видела. Прошло время и все забылось. Артур уже гулял меньше, привык вроде, только к Алене всегда относился очень холодно. Вот и беременность прихлась кстати, а точнее лже-беременность. Иногда при болезни яичников тесты бывают положительными, так и в случае Алены. Сейчас настал момент наслаждаться спокойствием, пока все считают ее беременной никто не станет действовать ей на нервы, да и Артур дома ночует. Вот только все это продлится недолго через месяц нужно будет симитировать выкидыш,

Внезапно внизу хлопнула дверь, и Алена подскочила с дивана, выбросила окурок в окно и бросилась к своей сумочке, побрызгала в воздух духами. Вернулся Артур. Не дай бог заметит, скандал закатит нереальный. Она ведь притворялась что ей плохо от дыма сигарет, а сама вдруг курит. Вопросов не оберешься. Но Артур не зашел в залу, он поднялся по лестнице к себе в комнату и Алена услышала как он хлопнул дверью. Злой. Последнее время он часто бывал именно таким — неменяемым. Как вернется с офиса, так и злится. Алена вынырнула из залы, сунула в рот жевательную резинку и медленно поднялась на второй этаж. Муж нервно ходил по кабинету, а потом выматерился так громко, что зазвенели стекла.

— Сука! Вот тварь а!

Алена внутренне сжалась. К такому Артуру на глаза лучше не попадаться. Может это он на нее зол, лучше закрыться в комнате и переждать бурю. Как назло муж выскочил из кабинета и увидел Алену.

— Какого черта ходишь за мной? — прогремел он и яростно на нее посмотрел.

— Услышала, что ты вернулся, вот пришла посмотреть, может нужно чего.

— Да! Нужно! Ты можешь исчезнуть? Желательно совсем?!

Алена от неожиданности быстро заморгала, и на глаза навернулись слезы. Она всегда плакала, когда на нее кричали, еще с детства. Защитная реакция. Обычно все сразу бросались ее жалеть.

Артур выдохнул и отвернулся:

— Не плачь. Все, прости, неприятности на работе, погорячился я. Слышишь?

Алена поняла, что нащупала слабое место и разрыдалась в голос, закрыв лицо руками.

— Вот дьявол. Лена, прости, ну? Не плач, хорошо? Я не хотел. Иди ко мне, иди — я сказал ко мне. Вот так.

Алена прижалась к груди мужа и спрятала лицо, все еще всхлипывая. Артур погладил ее по голове, она слышала, как гулко бьется его сердце, словно после пробежки.

— Я сейчас должен уйти, а ты можешь к маме съездить. Когда вернусь, покажешь мне что купила, хорошо?

Алена крепче прижалась к нему, целуя его шею, жилка под кожей яростно пульсировала. Он в бешенстве и с трудом держит себя в руках. Дернулся от ее поцелуя как от укуса.

— Все, я опаздываю к Пашке.

Освободился от ее объятий и быстро спустился по лестнице. Алена услышала, как снова хлопнула дверь, а потом отъехала машина. Плакать она не перестала. Слова Артура были правдивыми и то, что он извинился, ничего не меняло. Он и на самом деле хотел, чтобы она исчезла. Притом навсегда. Только Алена исчезать не собиралась. Так просто — точно нет. Девять лет положила на него. Долгих девять лет добивалась его изо дня в день. Так что терпи Артур. Денежки отца тратил, замом компании стал, яхта своя есть, тачки, золото, дом. За все это нужно платить. Алена вытерла слезы и вернулась в залу. Снова закурила. Только настроение испортилось окончательно. Нужно позвонить Гоше, пусть привезет ей розовеньких таблеточек, которые давал ей попробовать пару недель назад. Тогда Алена сможет уснуть и расслабиться, а если еще таблеточки вином запить так вообще настроение поднимется еще выше.

Свободен.

Я посмотрела на настенные часы — опаздывает минут на десять. К встрече я была готова. Точнее я думала, что подготовилась и морально и физически. После посещения салона, как и у любой женщины, уверенность в собственной привлекательности возросла эдак раза в два. Я кардинально ничего не меняла — только челка покороче и легкое осветление отдельных прядей, что в общей массе сделало волосы более рыжими и светлыми. Наряд я подобрала с особой тщательностью, но как всегда в строгих тонах. Очень люблю, когда элегантность совмещается с сексуальностью. Костюм юбка и жакет, а под жакетом кофточка топ. Совмещение игривости и скромности, хотя топ обтягивал тело как вторая кожа, а на юбке разрез до бедра. Ну и чем бы себя занять? Тишину нарушила Света, она прибежала с выпученными глазами и сказала, что позвонили с одного из объектов — работник упал с большой высоты и сейчас его отвезли в ближайшую больницу. Я позвонила прорабу. Естественно они нарушили правила безопасности, точнее нарушил их работник, а я всегда следила, чтобы каждый из них подписал бумагу о правилах. Конечно, жаль беднягу, но выплачивать компенсацию мне совсем не хотелось. Прораб сказал, что парень пострадал несильно, упал на мешки с цементом, но поломал руку и скорей всего получил сотрясение мозга. Каску не застегнул, и во время падения она слетела с головы.

Артур вошел кабинет как раз в тот момент как я орала на прораба за то, что тот не проверил стремянку, за их общую безалаберность и постоянно нетрезвое состояние.

Чернышев деловито, кивком головы "выгнал" Свету и сел на стул напротив меня, откинулся на спинку. Артур осматривал меня с ног до головы, дерзко, раздевая. Его взгляд изменился после той ночи на даче. Теперь он смотрел на меня как на свою собственность. Не скажу, что мне это не нравилось. То есть с одной стороны я вся напряглась читая в его глазах наглое неприкрытое желание взять меня сейчас и прямо здесь, а с другой стороны эта его самоуверенность до чертиков бесила. Просто зашкаливала злость на него именно за то что он так в себе уверен. Я продолжала допрашивать прораба, выматывая ему нервы. Заметила краем глаза как Артур встал со стула и двинулся ко мне. Я напряглась, примерно представляя, что сейчас будет. Он встал сзади и я чувствовала как его горячее дыхание обжигает мой затылок. Сильные руки легли мне на талию, и я с трудом сдержалась чтобы не вздрогнуть.

— Думал о тебе всю ночь, — прошептал мне в затылок, и я почувствовала, как пересохло в горле. Собрав всю волю в кулак, я увернулась от его рук и отошла в сторону, посмотрела на Чернышева — он улыбался. Пока что улыбался, потом подошел к двери и закрыл ее на ключ. Вот от этого поступка у меня зашкалил адреналин. Артур снова подошел ко мне и схватил меня в охапку, жадно прижался губами к моей шее, я снова увернулась, но он не отпустил. Теперь его руки прошли по ребрам, поднимаясь к груди. Я сделала глубокий вздох, и ударила его локтем, от неожиданности он разжал руки. Закончив говорить с прорабом, я выключила звонок и повернулась к Артуру.

— Не люблю, когда мне мешают, прости, если сильно ударила.

Он уже не смотрел на меня с желанием, в его глазах мелькало непонимание и гнев.

— Ничего стерплю.

Повисла пауза и я села за стол.

— Ты должен съездить на объект сто тридцать восемь — там работник пострадал. Проверь все ли с ним в порядке. Насколько я поняла там были нарушены правила безопасности, но я хочу, чтобы ты явился раньше, чем его страховой агент.

Артур прищурился, теперь он сверлил меня взглядом.

— И тебе доброе утро, — процедил он.

— Утро добрым не бывает, когда нарушаются элементарные правила на наших объектах.

Чернышев закурил, пустил дым в мою сторону.

— Значит, все вернулось на круги своя. Ты — босс, а я подчиненный?

— А разве что-то изменилось?

Я тоже закурила, зашла Светочка с чашкой кофе — для меня.

— А мне уже здесь кофе не предлагают? — Артур зло посмотрел на Свету.

— Я сейчас и вам сделаю. Как всегда — ложка черного и одна сахара?

— Верно, да поживей.

Света вышла, а я с наслаждением увидела, как сузились его зрачки и потемнели глаза.

— Артур, давай все проясним прямо сейчас. Ты меня выгнали из неприятности, и я тебе за это благодарна. После всплеска адреналина у нас случился закономерный в такой ситуации секс. Хороший секс, можно сказать чудесный. Вот и все. Ты ведь не думаешь, что все это должно иметь продолжение?

Теперь его глаза стали почти черными, он затянулся сигаретой так сильно, что я подумала, что сейчас он взорвется.

— Хороший секс, говоришь?

— Ну да. Совсем неплохой.

— Ты не отвечала мне на звонки, а потом выключила телефон.

В этот момент я расхохоталась и увидела, как дернулся его кадык, а руки сжались в кулаки.

— Я сказал что-то смешное? — процедил он сквозь зубы.

— Ты, правда, думаешь, что то что было между нами что-то значит? Ради бога Чернышев не строй из себя девственницу, которую лишили невинности, а потом не перезвонили.

Чернышев медленно встал:

— Значит, ты признаешь, что намеренно отключала мои звонки?

— Хмммм — да. Признаю. Мне не хотелось вчера с тобой разговаривать. Тем более днем я была не одна, вечером тоже, так что прости, если разочаровала. Зато теперь я могу тебя выслушать. У тебя есть проблемы, Артур?

— Проблемы есть у тебя, Инга — он ткнул в мою сторону указательным пальцем — Скажи, что с тобой? Нет, просто я хочу понять, что у тебя ко мне? Почему ты всегда со мной воюешь не на жизнь, а на смерть? Есть какая-то причина или ты просто стерва?

— Просто стерва, дорогой, тебя этот ответ устроит?

В этот момент он резко сгреб меня за шиворот и дернул к себе через стол. Поднял со стула с такой силой, что я доставала до пола лишь носочками, чтобы не упасть пришлось опереться о стол двумя руками. Моя грудь касалась его груди. Тело отреагировало мгновенно на трение о грубую матерью его рубашки, соски напряглись и вызывающе уперлись ему в грудь. Чтоб их так.

— Не устроит. Ты со мной играешься? В кошки мышки? Или есть другая игра, Инга? Так вот, заруби на своем курносом носике — я уже в эти игры сыграл когда ты пешком под стол ходила, поняла? Я знаю твои шаги наперед, и ты мне лжешь, ясно?

Он ухмыльнулся, посмотрев на мою грудь и на соски, так красноречиво натянувшие тонкую материю топа. Теперь я разозлилась на себя.

— Руки убрал! — прохрипела я, чувствуя, как топ предательски сползает вниз.

— Помнится мне ты просила, чтобы я засунул их тебе поглубже, и не только руки, — его голос вибрировал, то ли от злости, то ли от возбуждения. Между нами как всегда проскакивали искры тока. От его слов к мои щекам прилила кровь.

— У тебя хорошая память, Чернышев. Отпусти я сказала. Вчера просила, а сегодня мне это уже не нужно.

Он оттолкнул меня так резко, что я просто рухнула на стул. Сердце колотилось как бешенное.

— Нашла еще кого-то, пока любовника нет?

— Не твое дело. На объекте тебя ждут. Отчитаешься через час. Свободен.

— Что?! — его глаза округлились, и я знала, что перегнула палку — все-таки он мой зам, а не просто мальчик на побегушках. Но меня понесла нелегкая, и остановиться я уже не могла

— Я сказала — свободен и в мой кабинет без стука больше не входить.

Я задыхалась, мне нужно было срочно включить кондиционер посильнее и вообще даже выпить.

Я услышала, как он тихо процедил:

— Сука.

Хлопнул дверью так яростно, что задребезжали стекла. Я закурила и руки тряслись, сигарета ходуном ходила. Раунд выигран. Но какой ценой. На минуту мне показалось, что он меня ударит или разложит на столе как пособие для анатомии и вонзится в мое тело снова. Мне этого хотелось. Физически, желание налетело так внезапно, что я даже поморщилась от отвращения к самой себе. Стоит ему ко мне прикоснуться и все — я готова. Трусики мокрые, сердце колотится. Сволочь. Ну почему я не могу реагировать на него как на других мужчин? А еще меня злило, что он не унижался и не о чем не просил, разозлился — да, психанул так, что чуть не прибил — да, но не просил. А я ведь хотела его сломать. Не получилось. Хотя, по самолюбию ударила хорошо.

Я открыла ноутбук и вышла на почту, которую открыла под другим именем. Ну, вот тебе и первая бомба, Чернышев. Загрузив в письмо фотографии с аварии, я нажала "отправить". Не колеблясь ни секунды. Пусть понервничает, пусть побежит к тестю узнавать, откуда посыпались неприятности.

Артур приехал к Пашке ближе к полудню. Тот нагло проорал: "открыто".

Чернышев толкнул дверь, потом запер на замок и зашел в залу. Пашка валялся на диване с сигаретой в зубах и смотрел телевизор.

— Хорошо живем, братан? Чего не на работе?

— А меня босс отпустил. Вот сегодня утром проснулся, посмотрел в зеркало и сказал — Пашка, на работу можешь не приходить, там и без тебя справятся. Ты забыл, что босс — это я?

Артур усмехнулся.

— Ну, где там твои фотки? Давай начнем разбирать наших красавиц.

— Красавами можно назвать далеко не всех.

Пашка спустил ноги с дивана:

— Кофе будешь?

— Буду, да покрепче, а у тебя коньку не найдется?

— Найдется, армянский с выдержкой подойдет.

— Тащи и лимон порежь, хорошо?

— Чаевые заплатишь?

Чернышев развалился в кресле:

— Так заплачу — не унесешь.

Пашка вернулся довольно быстро, деловито наполнил рюмки.

— Ну, ты вначале расскажи, что там у тебя с новой начальницей.

— Не сыпь мне соль на яйца. Хреново все.

Пашка выпил коньяк, проглотил лимон.

— А что так? Ты ж ее вроде как? Или я ошибаюсь.

Артур криво усмехнулся.

— Не я ее, а она меня. Черт, Пашка, походу влип я. Мне было с ней хорошо. Не просто хорошо у меня искры с глаз сыпались. Со мной твориться какая-то странная и нездоровая фигня. Я думаю об этой... каждую секунду, понимаешь, у меня колом стоит целыми днями, будто со школы не трахался.

Пашка смотрел на друга с нескрываемым интересом:

— Это любовь, — и заржал.

— Заткнись, придурок. Я серьезно. Только сегодня утром эта сучка меня так отшила, будто я ее уже совсем достал. Вот стерва. Чего ей надо?

— Артур, а чего надо тебе? Нет, ну, правда, чего хочешь ты от этих отношений?

Чернышев не ответил, тоже выпил, поставил рюмку и закурил.

— Она не свободна, ты тоже. Ваши отношения дальше редких встреч раз в неделю не зайдут. Тем более тебе нечего терять, а ей есть. Новицкий так просто не отпустит.

— А чем я хуже него? Бабки есть, я могу обеспечить десять, таких как она и притом без малейших усилий.

— А кто тебе сказал, что ей это нужно? Посуди сам, зачем ей менять годами проверенного Новицкого на тебя кобелину?

Артур бросил гневный взгляд на Пашку:

— Ты говори да не заговаривайся.

— Да ладно это ведь не секрет что ты трахаешь все что движется. Она тебя отшила?

— Еще как. Не просто отшила, а словно по морде надавала как зарвавшемуся щенку.

— И тебя это заводит еще больше... — констатировал Пашка.

— Вот именно. Я ее хочу. Не только физически, я хочу чтобы она принадлежала мне вся. Целиком. Чтобы кроме меня никто на нее не ложился, понимаешь?

— Собственник, эгоист и ревнивец. Похоже, ты влюбился.

Артур промолчал, а потом довольно серьезно ответил:

— Если то что я чувствую, называется именно так, то похоже, что — да. Ладно, все хватит. Показывай фотки.

— Смотри, вот эта и эта похожи...ну немного.

Артур заржал:

— Похожи на кого на Ингу? Да они с ней рядом не валялялись.

— Ладно, поехали дальше. А как тебе эта?

— Не очень. Листай, я скажу, когда остановиться. Листай — листай.

Пашка прокручивал фотографии отпуская комментарии, порой настолько едкие, что они вместе смеялись держась за животы. И вдруг Артура как током ударило.

— Стоп! — рывкнул он — Стоп, я сказал!

— Что такое? Увидел одну из бывших?

Артур даже побледнел немного.

— А ну-ка назад.

— Не ори. Вот. И что? Замухрышка замухрышкой.

— Тихо.

— Василиса Лавриненко Прекрасная. Опаньки! На лягушку она гораздо больше похожа.

— Заткнись, мать твою! — рывкнул Артур и увеличил фотографию...

Пашка притих, видя, как Артур схватил ноутбук, и впился в девушку взглядом.

— Это че, та Васька что ли? Та самая? Ага, точно она. Помню помню, еще тогда думал и что ты в ней нашел?

— ЗА-ТК-НИ-СЬ я сказал! Ни слова больше!

ПРОШЛОЕ....

— Чего тебе? Ты вообще кто такой?

Артур посмотрел на неопрятную женщину, приоткрывшую дверь его бывшей квартиры.

— Тут девушка жила. Месяцев пять назад — Василиса. Не знаете куда переехала?

— Не хватало мне еще про каждую шалаву, жившую в этой квартире, знать. Пошел отсюда.

Артур ловко просунул ногу в проем двери, не давая закрыть, и протянул женщине сто долларовую купюру.

— Может, вспомните?

Зеленая бумажка исчезла мгновенно за ее пазухой необъятных размеров.

— Может и вспомню. Жила тут одна. Хозяин сказал, съехала и можно въезжать. Вроде говорил, девка хорошая была с пацаном раньше жила. Вот и все. Почем мне знать, куда она делась?

— Ничего не оставляла на случай если искать будут?

— Нет, ничего — женщина пожалала полными плечами.

— Я хозяину звонил, у него сотовый отключен, номер новый знаете?

— За номер еще бабок дай, — нагло заявила девица, и Артур протянул ей пятьдесят долларов.

— Записывай.

Хозяин про Ваську ничего не знал, та съехала внезапно, даже не предупредила, соседи позвонили, что вода протекает. Трубу рвануло в ванной, а в доме уже никого не было. Артур сел на лавку возле пятиэтажки и закурил. Ушла Васька. Наверное, к опекуну вернулась. Да, точно как он сразу об этом не подумал. К опекуну.

Иван Владимирович открыл ему не сразу, а когда все же дверь распахнулась, Артур увидел, что пожилой мужчина смотрит на него с нескрываемой неприязнью, можно сказать с ненавистью.

— Уехала она — куда не сказала.

— Мне ничего не передавала?

Старик смерил его гневным взглядом:

— Я бы сказал тебе, сынок, да только язык не поворачивается в моем-то возрасте. Ты бы шел своей дорогой подальше, да побыстрее.

И дверь захлопнул. Артур ударил кулаком по стене с такой силой, что обручальное кольцо порезало палец. Поехал в клуб, а вот там ему сообщили прелюбопытную новость — Васька рассчиталась. Точнее, в один прекрасный день, уехала с одним из богатеньких клиентов и больше не вернулась.

— Во как? — Спросил Артур, чувствуя, как обида и горькое разочарование закипают в нем, — И что за клиент?

— А хрен его знает, — ответила официантка, — он за ней давно наблюдал, цветочки таскал, подарки, а потом увез. Все логично. Ты зайдешь?

Она кокетливо повела плечами.

— В другой раз.

Вот так и пропала Васька из его жизни навсегда. Канула в никуда. Растворилась в этом маленьком болоте-городишке. Артур больше не искал. Выбрала жизнь получше чем с ним — удачи. Ей он желал только самого хорошего. Нет, он лгал самому себе. Его раздирала злость, на нее, на себя. Упрекнуть не в чем, но от этого не легче. Все. Разошлись пути дорожки. В разные стороны. Почему-то он думал, что Васька будет ждать. Он был в этом уверен. А Васька совсем не промах, строила из себя тихоню, а сама очень ловко нашла ему замену. Все эти месяцы пока Артур ждал, чтобы состоялся суд, и страсти с аварией утихли, он думал о Ваське. Точнее он предвкушал, как бросит потом Алену и вернется домой. Шикарный особняк Рахманенко Артур домом не считал. Оказывается возвращаться было некуда. Васьки и след простыл. Ну черт с ней. Все бабы одинаковые. Кто девушку кормит тот ее и танцует. Артур кормить перестал и нашелся другой. Такова правда жизни и упрекнуть Василису не в чем. Чернышев сам вел себя как скотина последнее время. Только все же грызла душу обида. Он-то думал, что Васька его любит. По-настоящему, не за деньги или другие блага, а просто любит. Ведь она не раз говорила ему об этом, и хоть он в ответ молчал, но каждое такое признание собирал на ниточку памяти. Он ей верил. Напрасно верил. У каждой любви своя цена. У кого-то больше, у кого-то меньше.

— Долго молчать будем?

Артур хлопнул крышкой ноутбука.

— Так вспомнилось прошлое. Это и все?

— Все. Остальные вообще тихий ужас. Инги среди них точно нет.

Артур налил себе еще коньяка и снова выпил.

— Ты про Ваську ты больше ничего не слыхал?

— Нет. Так же как и ты. Да забудь о ней все бабы продажные вопрос только в цене. Только настроение тебе испортил.

— Значит ты все знал? И про то, что с другим мужиком ушла тоже знал?

Пашка поморщился:

— Ну знал и что с того?

— Могбы и сказать.

— а зачем, братан? У тебя тогда проблем было во — по-горло. Ушла и ушла себе.

Можно подумать ты жениться собирался?

Артур хмыкнул:

— Не собирался, но мне с ней хорошо было. Понимаешь? Мне просто было хорошо.

Смотрел на нее и душа радовалась. А черт с тобой, все равно не поймешь.

Смартфон Чернышева пикнул, возвещая о новом электронном письме. Артур нажал на сообщение.

— Что за хе***я? — проворчал он.

— А что там?

— Не знаю. Кто-то файлы прислал. Отправитель — аноним.

— Может там вирусы? Кто знает — сотри.

Но Артур уже открыл один из файлов, и смартфон выскользнул у него из рук.

Пашка поднял сотовый, посмотрел на дисплей:

— Мать твою!!! Это что за хрень?!

Артур судорожно глотнул воздух, дернул воротник рубашки, задыхаясь.

— Это с аварии, — прохрипел он, осекся на полуслове.

Пашка просмотрел все фото несколько раз.

— Тут есть письмо, слушай: "За все в жизни приходится платить и за это ты тоже заплатишь". Ну и наезд! За такое и порвать на британский флаг можно.

Артур выхватил смартфон и перечитал сам.

— В следующем бабок попросят, вот увидишь.

— Не думаю...

Артур закурил, отпил коньяк из горлышка.

— Там не к чему придраться, этот мужик был пьяным. Кто-то хочет меня выбить из колеи, понервировать. Помнишь, я говорил тебе, что Алене тоже прислали фото?

— Помню. По мейлу?

— Да.

— Что за мейл ты смотрел?

— Нет, спрошу у нее. Знаешь что, Пашка, давай-ка назови своему хакеру Гоше. Пора его подключить — пусть этот мейл пробьет. С какого сервера, откуда. Хорошо? Пора прищучить этого придурка с фотками.

Смартфон зазвонил в руках Артура и тот вздрогнул:

— Да, привет Игорь, ну что там у нас? ЧТО?!!!!! НЕ ПОНЯЛ!!!! Ты что сейчас сказал Мать твою, да я тебя урою живьем!!! Ты что урод? Я за что тебе платил?! Сюда немедленно! Я у Пашки!

Артур выключил телефон и схватился за волосы. Еще секунда и он взвывает!

— Что там?

— Игорь только что проиграл мою долю в "ТрастингСтрой", сделал ставки и был вынужден их продать! Бл****ь! Я в заднице! Ты понимаешь в какой я заднице, Пашка?!

— Успокойся, акции можно выкупить.

— У кого? Мы играем онлайн на "Форварте" понимаешь? Там искать кого-то, как иголку в стоге сена.

Артур так взвыл, схватил бутылку и опорочил ее залпом почти наполовину.

— Успокойся! Сейчас к Гоше поедem. Пусть вычислит нам адрес IP и твоего анонимщика и покупателя акций. Он у нас в этих делах мастер. Все. Артур, поставь бутылку, при таких неприятностях нужно думать трезво.

— Черт, мы с Игорем годами играли, таких проколов никогда не было. Никогда! Рахманенко узнает — зарoет живьем!

Артур яростно поставил бутылку на стол.

— Сейчас этот урод приедет — я ему все зубы пересчитаю.

Игорь приехал через пятнадцать минут, весь красный, запыхавшийся, и ужасно перепуганный. Артур встретил его яростным ударом в челюсть, но тут же Пашка скрутил друга и повалил на пол.

— Остынь! Остынь, я сказал, не то будешь со мной драться. Остынь немедленно!

— Меня обманули, понимаешь, Артур, обманули. Я сделал ставки, казалось на выгодных условиях еще вчера вечером, а утром эти акции просто грохнулись вниз, а ставил я "ТрастингСтрой" как всегда. По тому же сценарию. Кто-то вынудил меня это сделать. Это была грязная игра, Артур. Я здесь ни при чем, с таким же успехом на моем месте мог быть кто угодно.

Артур молчал и вдруг посмотрел на Пашку:

— А мне кажется что фотографии и акции дело рук одно и того же человека, — тихо сказал он, — слишком много совпадений и все в один день. Поехали к Гоше. Пусть найдет мне этого анонима. Я к нему лично в гости приду.

Гоша жил в квартире больше похожей на тех. станцию. Повсюду компьютеры, старые новые, зап. части, диски. Полный хаос. Он встретил гостей в ярко-зеленой майке и потертых драных джинсах. Длинные светлые волосы падали ему на лицо. На вид Гоше не дашь больше двадцати.

— Привет. Заходите. У меня бардак, хотя Пашка уже привык, ему не в первой.

Они прошли в залу, которая и на залу не походила. В центре компьютер, пепельница заваленная окурками и пустые бутылки из-под пива.

— Пиво будете?

— Тащи, — скомандовал Пашка и уселся на стул возле компьютера. Гоша побежал на кухню и уже через пару минут нес три запотевшие бутылки.

— Рассказывайте.

— Нужно пробить адреса. У Артура большие неприятности — поможешь выкрутиться — он в долгу не останется.

Спустя час Гоша посмотрел на гостей и радостно сообщил:

— Анонимного отправителя писем вычислил, а вот этого с "Форварта" вычислю максимум дня через три. Отправитель письма видно профан, он особо не шифровался. Открыл левый мейл и письмо отправил, а сервера все наши. Обычно особые умники режутся на заграничных серверах и оттуда шлют, тогда письмо не отследишь, а этот и не старался или вовсе в этом ни шарит. Так что адрес IP у меня есть. Тот даже почту не удалил.

— По этому адресу реальный можно вычислить? — спросил Артур.

— Можно, если только тот тип не с ноутбуком на улице к какому-то кафе подключился.

Тогда можно. Адрес вычислю мигом. Ты Артур ему пару писем напиши, а он пусть ответит. Посмотрим — с того же адреса письма шлет или он меняется. Если меняется хреново, а если тот же, то я тебе его вычислю.

— Сколько по времени?

— Тоже пару дней.

— Хорошо, давай. Я в долгу не останусь.

Позвонила Алена. Артур тяжело вздохнул и ответил.

— Да.

— Милый, а нас на банкет пригласили.

Артур закатил глаза:

— Какой банкет? Какой нафиг сегодня банкет, Алена? У меня неприятностей вагон, а ты с банкетом.

— Инга с Германом что-то отмечать собрались. Ты не поверишь, они пригласили нас в "Плазу". В "Плазу"! Я никогда там не была.

Артур посмотрел на Пашку, хотел было отказаться, но вдруг передумал:

— Ты хочешь пойти?

— Очень-очень хочу.

— Значит пойдём. Когда банкет?

— Завтра. Ты когда дома будешь?

— Ложись без меня, у меня дел по горло. Все — давай.

Голова у Артура раскалывалась на мелкие осколки.

— Так, Чернышев, пора тебе обо всем забыть и отвлечься. Сегодня по бабам. Гоша, ты с нами?

Хакер отрицательно мотнул головой, усиленно клацая по клавиатуре:

— Так я и думал. Артурыч, без возражений. Сейчас возьмем себе по три массажистки, и они вмиг заставят тебя забыть о проблемах. Поехали тут неподалеку тайский массажный кабинет.

У каждого своя цена

Герман вернулся рано утром. Совершенно неожиданно, не сообщив о приезде. Я ждала его ближе к вечеру, но он устроил мне сюрприз. Не особо приятный. Появился на пороге нашей спальни с чемоданом, с цветами. Увидев его, я поняла, что даже немного соскучилась. Все-таки столько лет вместе. Наверное, то же самое чувствуют супруги, даже если чувства уже остыли. Привычка. Да, я к нему привыкла. Герман долгое время заменял мне маму, папу, друга, любовника, всех в одном лице. Новицкий отшвырнул чемодан в сторону, цветы на пол и ринулся ко мне, раздеваясь на ходу. Изображать страсть было трудно. Особенно после того как я испытала ее в подлинном виде. Герман был неистов, если такое вообще можно про него сказать. Его неистовство заключалось в том, что он ненасытно целовал меня всю от кончиков пальцев до кончиков волос. Я громко стонала, прикрыв глаза, и ждала, когда он все же наконец-то войдет в меня и все это закончится. Особой мужской силой Герман не отличался и кончал всегда довольно быстро. Зная о своем недостатке, он слишком много времени тратил на прелюдии как истинный джентльмен. Он ласкал меня языком, а я думала о том, что недаром говорят, что секс у женщины в голове и оргазм тоже. Головой я не возбуждалась и тело не реагировало. Я хотела другие пальцы, другие губы и другого мужчину. Хотя этот, несомненно, был более достоин моего желания чем тот. Устав от изощрений Германа я потянула его к себе и томно простонала:

— Милый иди ко мне, я так соскучилась, я кончу, как только ты войдешь, обещаю.

Он тяжело задыхался, пристроился у меня между ног и медленно погрузился в мое лоно. Я изобразила неистовый оргазм, не забывая кричать, чтобы он сжимал меня сильнее, что он и делал, а я, помня о синяках, надеялась, что теперь у меня есть "алиби". Все закончилось минуты через три. Он и, правда, соскучился, обычно ЭТО длилось от пяти до десяти минут. Потом он шептал мне в ухо всякие глупости, а я лежала на его волосатой груди и впервые чувствовала себя оскверненной. Это было непередаваемое чувство гадливости. Не к Герману, а только к себе. Выдержать его домогательства целую неделю выше моих сил.

Я очень надеялась, что у него появятся неотложные дела, и он укатит обратно гораздо раньше. Герман болтал без умолку и задавал кучу вопросов, пока я не пошла в ванную, а когда вернулась, он уже спал. Я тяжело вздохнула, села возле зеркала с феном в руках. На глаза навернулись слезы. Ну почему у меня все не как у людей? Почему, я не могу быть счастлива? Почему, я сплю с нелюбимым, и вся моя жизнь сплошная ложь и притворство? Я устала, я смертельно устала от всего этого. Вот закончу с Чернышевым и уеду, куда глаза глядят. За эти годы у меня появились и свои сбережения. Довольно немаленькие, хватит до конца жизни.

Артур позволил Алене завязать ему галстук, бросил взгляд в зеркало и понял, что бессонная ночь не прошла для него просто так. Под глазами синяки. Ни Тайские массажистки и количество выпитого не помогли забыться. Проблемы уже душили. Артур с ужасом думал о том, что тесть все узнает. Рахманенко конечно будет рвать и метать. Если не получится вернуть акции за ближайшие дни, придется самому разговаривать с тестем. Артур бросил взгляд на Алену:

— Как ребенок? Что врачи говорят?

— Все хорошо, беременность протекает отлично. Артур, я с собой Лиду возьму, она всегда мечтала побывать в "Плазе" как узнала, что мы...

Артур передернул плечами. Лида — их свидетельница, та самая, которая мило прямо на свадьбе отдалась ему в туалете, а потом еще не раз встречалась с мужем своей драгоценной подруги и делала превосходный минет на заднем сидении авто.

— Бери кого хочешь, Алена. Хоть слона.

Как можно быть такой дуррой? Лидке вовсе не "Плаза" нужна она хочет, чтобы Артур оттрахал ее в темном уголке, она уже не раз названивала ему и просила о встрече. Что ж может сегодня ее мечта сбудется.

Они приехали к знаменитому ресторану в столице. Артур помог обеим женщинам выйти из машины и ухмыльнулся когда обе взяли его под руку. Символично — жена и любовница. Хотя Лида и любовницей не была, так развлечением иногда, когда не хотелось тратить деньги и идти по борделям. Ее можно было разложить на заднем сидении машины, или на травке за городом. А вообще она ему давно до смерти надоела, и он не встречался с ней уже более полугода.

Их встретили у входа, провели к столику для особо важных гостей. Артур искал глазами Ингу, а когда увидел, сердце на секунду замерло, а потом забилось с новой силой. Кровь прилила к лицу и отхлынула. Инга стояла рядом с Германом и заботливо поправляла ему галстук, они о чем-то шептались и девушка улыбалась. Она ярким пятном выделялась среди других гостей. Только Инга могла одеться так, что в глазах мужчин она была более раздетой, чем если бы на ней не было платья и вовсе. Легкая бронзово-золотистая ткань обтянула фигуру настолько плотно, что был виден каждый изгиб стройного тела. При этом платье было длинным, чуть ниже колен. На груди вырез почти до середины живота, две полоски ткани прикрывали груди наполовину, соединяясь между собой тоненькими цепочками. Спина полностью обнажена. Волосы Инга собрала в очень высокую прическу, длинная шея и плечи невольно притягивали взгляд. Герман не сводил с нее восхищенных глаз. Его рука покоилась на ее талии, и Артур видел как тот поглаживает девушку. Оба не скрывали, что их связывают сильные чувства. Не просто любовница и папик, а пара. Артур почувствовал, как в нем закипает гнев, поднимается из глубины души черной тучей и обволакивает сознание.

— Добрый вечер, — демонстративно громко произнес он и парочка обернулась.

— А вот и дорогие гости, — воскликнула Инга и пошла к ним навстречу. Она обняла Алену, поцеловала в щеку, потом познакомилась с Лидой и лишь после этого поздоровалась с Артуром. Герман был более сдержан он поприветствовал женщин, отвесив каждой из них изысканный комплимент, потом пожал руку Артуру. Принесли напитки и они сели за стол. Спустя минут десять появился Рахманенко с бывшей женой. За столом стало весело. Артур словно сквозь вату слышал разговоры, отвечал на вопросы. Ковыряться вилкой в тарелке. Он следил за Ингой. Ничего не мог с собой поделать, глаза сами возвращались только к ней. Он мрачнел все больше и больше, глядя, как она заботится о престарелом любовнике, наполняя его тарелку. Как иногда что-то шепчет ему на ухо и тот довольно улыбается. "Еще немного и эти двое уединятся где-нибудь на лестнице" — подумал Артур и осушил бокал с виски. Внезапно Новицкий встал и попросил внимания.

— Мы собрались здесь по очень радостной и очень важной для меня причине. Во

первых сегодня ровно семь лет как мы с Ингой вместе, ровно семь лет как я люблю эту прекрасную умную женщину.

Раздались аплодисменты, и Артур нехотя тоже похлопал.

— Так вот. В этот знаменательный день я хочу сделать ей подарок при свидетелях, подарок, который она, несомненно, заслужила и достойна его больше чем кто-либо другой. Милая...

Инга встала рядом с Германом.

— Инга, я немного волнуюсь, поэтому надеюсь, что ты простишь мне мое немногословие. Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Раздались возгласы, снова аплодисменты, а Артуру показалось что ему дали под дых. Он сверлил Ингу глазами, ожидая ее ответа. Вначале ему даже показалось, что она удивлена. В этот момент Герман достал из кармана бархатную коробочку и взял Ингу за руку.

— Ты станешь моей женой?

Колебание длилось всего секунду, а потом Инга тихо сказала "да" и Чернышеву показалось, что он присутствует при дурной комедии, в которой он исполняет второстепенную и самую дурацкую роль. Конечно, она согласилась. Кто бы сомневался. Выйти замуж за мешок денег. Стать мадам Новицкой. Наверняка даже не смела, мечтать об этом. Герман одел на безымянный пальчик Инги кольцо с огромным бриллиантом и под общие рукоплескания они поцеловались. Артура чуть не стошнило. Он резко поставил бокал на стол и, сделав вид, что ему позвонили быстро удалился с сотовым на веранду. Прохладный ночной воздух привел его немного в чувство. Какой фарс. Просто мерзко. Продала себя подороже. А вдруг она любит этого старого придурка? Нет, не может этого быть, если бы любила, не изменяла бы ему направо и налево. Чернышеву захотелось уйти с проклятого банкета немедленно. Вот так бросить там всех их лицемеров и просто уехать. Послать к чертям собачим и Алену, и ее гребаного папашу и Ингу с Германом вместе с "ТрастингСтроем".

— Что заскучал?

Голос Лиды прозвучал над самым ухом и Артур усмехнулся.

— Соскучилась? — спросил он

— Очень, — ответила Лида и вызывающе облизала губы.

Через пару минут она уже страстно ласкала ртом его член, опустившись перед ним на колени в туалете ресторана, а он смотрел на себя в зеркало и курил. Лишь иногда поглаживая ее по голове как хорошую домашнюю собачонку. В нем закипала злость с каждым толчком в горячий женский рот, с каждым движением ее языка он приходил в бешенство, а перед глазами стояла Инга. Инга со своим папиком в постели. Инга голая, извивающаяся под Новицким и стонущая так сладко и развратно. Артур резко оттолкнул девушку так, что та чуть не упала, и ударил кулаком о стену.

— Уходи — процедил он сквозь зубы, — уйди, я сказал!

Лида вскочила с колен, размазывая слезы обиды по щекам.

— Скотина ты, Чернышев, — прорыдала она и кинулась к раковине, а Артур вышел из туалета, на ходу застегивая ширинку.

— Мило!

Артур поднял голову и увидел Ингу, она курила возле туалета, видимо ожидая, когда тот освободится.

— Верно, очень мило — процедил Артур.

Как назло следом вышла Лида, поправляя на ходу прическу. Инга засмеялась оскорбительно, заливисто и Артуру захотелось ее ударить. Желание было столь невыносимым, что он непроизвольно сжал руки в кулаки.

— Победа за победой, неотразимый Чернышев теперь развлекается в женском туалете с подружкой жены.

— А маленькая шлюшка выходит замуж за богатенького папика и трахается со своими подчиненными — парировал Артур.

Инга перестала смеяться.

— Да пошел ты!

— Только вместе с тобой, маленькая.

Усмехнулся Артур.

— Не называй меня так! — Инга, казалось, вышла из себя моментально.

— Почему это?

— Потому что! — отрезала она и хотела уйти, но Артур уже не мог остановиться, он схватил ее за локоть и поволок на лестницу за туалетами. Втолкнул за дверь и припечатал к стене.

— Все ответы неправильные, Инга. Что тебе надо? А? Чего ты хочешь? Денег? Они у тебя есть? Что бы я тебя трахнул? Так ты не даешь. Что тебе надо от жизни, певчая птичка? А?

Инга с ненавистью на него посмотрела:

— Когда-нибудь поймешь, ты все сказал?

— Нет не все!

Артур жадно приник к ее рту, схватив за лицо обеими руками, придавив к стене так сильно, что чувствовал каждый изгиб ее тела. Она не сопротивлялась, но и не отвечала. Стояла как холодное мраморное изваяние. Он покусывал ее губы, проникая в рот языком, распаяясь все больше и больше, пока вдруг не отшатнулся и выругался матом.

— С ним ты тоже такая холодная? Сколько стоит твоя любовь, Инга? Сколько он тебе платит? Может, я заплачу больше? Чего ты хочешь?

— Всего, — ответила она тихо, — я хочу всего, Артур, ты можешь дать мне все? Верность, любовь, счастье, можешь?

Его сердце колотилось как бешенное, даже дышать стало больно.

— Шутишь? — он усмехнулся.

— И не думала. Сколько стоит твоя верность? Сколько стоит твоя любовь, Артур? Хочешь, отвечу? А несколько, грош им цена: и любви и верности. От тебя воняет твоими бабами, от тебя воняет цинизмом. Я ненавижу таких как ты, ясно?

Впервые Артуру показалось, что сейчас она честна, только почему в ее голосе столько горечи и боли? Почему она вся трясется как от страха? Сколько ненависти в словах, будто и впрямь ненавидит именно его. Только за что?

— Ясно, — Артур разжал руки и выпустил ее, — ясно. Быть его женой престижней, чем моей любовницей, спать с нелюбимым мужчиной приятней, чем стогать от страсти в моих руках. Ты кукла. Красивая, пустая кукла, на которую нашелся богатый покупатель. Ты выставила себя на аукцион, а он купил. Иди. Давай, наслаждайся жизнью.

Ее глаза сверкнули, и она яростно выпалила:

— Я кукла? А кто тогда ты? Разве тебя не купила пустоголовая дура, которой ты изменяешь с каждой особью женского пола? Она или ее папочка? Сколько стоил Артур

Чернышев? Я притворяюсь?! А ты? Вся твоя жизнь лживое и вонючее болото! Маскарад Мишура! Ты хоть сам-то себя знаешь, Чернышев? Какой ты на самом деле? Хотя думаю, ты таким был всегда!

Она хотела уйти, но Артур снова схватил ее за руку и дернул к себе, прорычал ей в лицо:

— Что ты знаешь обо мне? Что ты вообще понимаешь в этой жизни? Ты хоть раз работала физически? Ты знаешь, что такое разгружать по ночам фургоны, а утром блевать от голода и усталости? Знаешь?

— Знаю! Знаю намного лучше тебя!

Инга выдернула руку и гордо пошла к двери.

— Станешь его женой — пропадешь!

— Ничего, ты ведь женился и все еще не пропал, вот и я как-нибудь разберусь.

Артур догнал ее в два шага и повернул к себе:

— Ты ведь его не любишь!

— А ты не любишь ее! Как мы похожи, Чернышев, не правда ли?

Артур обхватил ее лицо ладонями:

— Но я мог бы любить тебя, — прошептал он, сам не веря, что произнес это вслух, — я мог бы любить тебя, Инга...

Его губы почти соприкасались с ее губами, и он продолжал шептать, чувствуя как учащается ее дыхание:

— Я мог бы сделать тебя счастливой, если бы ты позволила... Я думаю о тебе каждую минуту, я вспоминаю каждую твою улыбку, каждый стон... Инга.

Он коснулся губами ее губ, посмотрел в зеленые глаза немного затуманенные, и почему то влажные, будто вот-вот заплачет.

— Маленькая моя...позволь мне доказать тебе...

— Нет, — Инга оттолкнула его с такой силой, что Артур схватился за стену, задыхаясь как после стометровки.

— Когда-то я умела любить, очень давно, а теперь разучилась и тебе советую. И еще. Никогда больше не смей говорить со мной о об этом. Слышишь? Никогда!

Она распахнула дверь и он услышал стук каблуков. Убежала. Артур прислонился к стене и закрыл глаза. Потом достал сигарету и закурил, руки тряслись от дикого напряжения. Впервые в жизни он заговорил с женщиной о любви. И это казалось откровением, словно распахнулась в сердце невидимая дверь, за которой прятался ураган. Да, он мог бы любить эту стервочку, нет, зачем лгать, он уже ее любил. С ним никогда не происходило ничего подобного. Она, то обжигала его ледяным холодом, то опаляла адским пламенем, в ее присутствии можно было забыть о спокойствии. Она как наказание, как вечный соблазн, как недостижимая мечта.

Артур вернулся в залу и, увидев, как Инга танцует с Германом, потащил Алену в залу, не спуская глаз с Инги, он поцеловал жену в губы и прижал к себе сильнее. Инга отвернулась и положила голову на плечо Германа. В ярком свете люстр на безымянном пальчике сверкнуло кольцо.

Приветы из прошлого

— Чернышев, просыпайся. Пьяная рожа. Давай, вставай.

Артур с трудом разлепил тяжелые веки и подскочил на диване. Осмотрелся по сторонам и застонал, взявшись за голову. Он у Пашки. Как сюда попал? Не имел понятия. На определенном моменте память заклинило, вырубилло как электричество от сильного напряжения. Ныла рука, ребра. Артур потрогал лицо и почувствовал ссадину.

— Ты хоть помнишь, что вчера вытворял?

— Ммммм, — промычал Артур и снова схватился за голову снова.

— Я вытащил тебя с какой-то зачуханной дискотеки, где ты нажрался в хлам и подрался с охраной. Хорошо хоть там мои ребята были, меня набрали. Ты вообще как там оказался, Чернышев?

Артур закрыл глаза. Он сам не помнил. После банкета поругался с Аленой, послал ее куда подальше прямо возле ресторана и поехал куда глаза глядят. По дороге выцепил какую-то девку, которая ловила попутки, и с ней закатился в паб на окраине города, а дальше провал. Похоже в пабе выпивка была паленной.

— Вали в ванну. Гоша звонил, дал адрес того с "Форварта", который акции твои купил. Слышишь, пьянь? Адрес у меня есть. Возьмем ребят и поедем твои акции возвращать.

Артур уже более осмысленно посмотрел на друга:

— Аспирин есть?

— Есть и кофе есть. Давай приводи себя в порядок. Шмотки мои оденешь, твои на тряпки похожи.

Артур поплелся в ванную и стал под холодный душ. Внутри пустота, выжженная прерия. Не радовало уже ничего, ни секс, ни выпивка. Женщины надоели, приелись, опостытели. Все кроме одной. Артур еще до конца не понимал, что именно чувствует к Инге, но это чувство его раздирало на части. Вспоминая ее вчерашние слова Артур понимал, что она совсем к нему не равнодушна, даже более того, она борется со своими чувствами и она ему не доверяет. А мог бы Артур и правда любить ее? Быть ей верным? Ответ давался тяжело. Можно сказать адски тяжело, но он был и как ни странно был положительным. Да, ради того чтобы рядом удержать такую женщину, как Инга, Чернышев готов измениться. Да и зачем ему другие женщины, если эта стоит тысячи? Он не позволит ей выйти замуж за Германа, неважно как, но не позволит. Пора начать завоевывать ее, так как не завоевывал еще никого. Главное понять, что именно ей нужно. Чего хочет Инга Орлова. Где он прокалывается, где та заветная кнопка, нажав на которую он получит "бинго"?

Когда вышел из ванной друг уже приготовил чашку кофе.

Артур закурил, взял свежую газету и на первой же полосе городских новостей увидел улыбающуюся Ингу и Германа. Заголовок гласил: "Нефтяной магнат больше не скрывает свою любовницу". Выдрав первую страницу, Чернышев сложил пополам газетный лист, сунул его в карман. Прочтет по дороге.

Они поднялись по старой обшарпанной лестнице пятиэтажного дома. Артур посмотрел на Пашку и тот, приподняв футболку, показал ему пистолет. Чернышев кивнул и протянул руку. Друг отдал ему оружие. Их было пятеро, как и обещал Паша. Возле кожаной двери компания остановилась. Артур громко постучал.

— Вам кого?

Раздался мужской голос за дверью.

— Вы, мать вашу, совсем оборзели, уже третий раз нас заливаете, не откроете полицию вызову! — заорал Артур и кивнул друзьям.

— Никого мы не заливаем. Сейчас открою.

Как только дверь приоткрылась, Артур сильным ударом ноги выбил ее вовнутрь помещения. Они накинулись на щедедушного парня, который и пискнуть не успел, за шиворот потащили в комнату.

— Стойте на дверях. А ну-ка, привяжи уroda.

Артур приставил пистолет к голове мужчины:

— Кто купил акции "ТрастингСтроя"? Отвечай, не то мозги вышибу!

Парень отрицательно мотал головой, его глаза расширились от ужаса при виде пистолета.

Артур швырнул его на стул, а Пашка привязал несчастного кабелем, выдернутым из телефона.

— Никто! Вы о чем?! Я ничего не понимаю! Вы кто такие?!

— Сейчас поймешь!

Артур приставил дуло к его голове и надавил.

— Кто?! Кто заставил тебя вести грязную игру? Ответишь честно мы уйдем и забудем о тебе.

Мужчина трясся от ужаса, глядя на бледного от злости Артура.

— Не знаю о чем вы.

Артур ударил его рукояткой пистолета по лицу. Парень закричал, дернулся, его глаз тут же заплыл. Из ссадины потекла струйка крови.

— Я считаю до трех, на счет три я одену глушитель, и начну простреливать тебе коленки. Давай, говори! Просто скажи кто это.

— Я не знаю, не знаю. Я только выполняю заказы — это моя работа, понимаете? Я инвалид! Я болен, я так зарабатываю на жизнь. Она пришла, дала много денег и я согласился.

Артур нахмурился:

— Она?!

— Да — она. Это была женщина. Очень красивая женщина. Мне даже показалось, что я ее где-то видел.

Артур почувствовал, как сердце пропустило удар, потом еще один и еще.

— Красивая говоришь?

— Очень, очень красивая, не трогайте меня. Я не знаю, кто она, не знаю имен, да и в моем бизнесе они не нужны, — прорыдал парень.

Артур спрятал пистолет за пояс, и вдруг еще не понимая, что творит, достал из кармана помятый газетный лист:

— Посмотри, вот эта женщина?

Парень уставился на снимок, часто моргая.

— Там, на столе, мои очки, я плохо вижу.

Артур схватил очки несчастного, нацепил их ему на нос.

— Эта женщина? — рявкнул он, в душе искренне надеясь, что ответ будет отрицательным.

— Да, да это она. Она приходила ко мне два дня назад.

— Ни хрена себе — присвистнул Пашка и Артур почувствовал, что ему становится нехорошо. Он приказал друзьям развязать парня, а сам, пошатываясь, пошел к двери. Значит это Инга, можно было догадаться, только его слепая страсть застилала ему глаза. Он видел только красивое личико, стройную фигурку, тогда как эта стерва вела свою игру, непонятную грязную игру именно против него.

Артур слышал, как Пашка говорит парню, чтобы тот забыл о том, что они приходили и что если вызовет полицию они вернуться и разнесут его хату в щепки. Артур медленно спускался по лестнице. Потом позвонил Гоше.

— Привет. Ну как адрес анонима нашел?

— Нашел. Вот только что получил окончательный результат. Улица Байрона три. Говорит о чем-то?

Артур сел на ступеньку и достал сигарету, зажигалка как назло не работала.

— Говорит, Гоша. Еще как говорит. Спасибо.

Пашка сел рядом с ним и поднес зажигалку к сигарете Артура.

— Ну что? Знаешь кто это?

— Да, Паш, знаю. Я теперь много чего знаю, но не все.

— Она?!

Артур кивнул и затянулся сигаретой.

— Ничего не понимаю, зачем ей все это? Что у нее против тебя лично есть? Может ты кого из ее родни обидел? Черт, она тебе явно мстит. Да, это похоже на месть.

— Похоже. Я хочу знать больше, хочу знать почему. Поехали одного придурка найдем.

— Кого?

— Да так есть один, похоже, ее очень давний знакомый. Как-то в клубе ее с ним видел. Когда у парней там спрашивал — сказали, знают его, сигнализации у них устанавливал. Нужно найти его. Я хочу знать кто такая Инга Орлова на самом деле и что ей от меня нужно. А еще я хочу получить свои акции обратно, и для этого мне потребуются козыри. Хотя бы один, против нее.

15 ГЛАВА (окончание)

Герман смотрел на меня так впервые, словно вдруг увидел кого-то чужого и непонятного.

— Ты хочешь сказать, Инга, что согласилась лишь для того чтобы не ставить меня в неловкое положение?

Уф, как же это трудно. У меня самой было такое чувство, что меня ударили мешком по голове при том два раза. Один раз Герман, а второй раз Артур. Еще больше мне хотелось остаться одной, подумать обо всем чтобы никто не мешал, даже поплакать, но Герман рядом и требует ответа.

— Герман, пойми, это слишком серьезный шаг. Ну зачем нам все это? У тебя

прекрасная семья, дети. Что я тебе дам? Я бесплодна, я с жуткими тараканами и я...

— Тебя не люблю, — закончил за меня Герман и я не нашла что на это ответить.

— Я прав, Инга? Это то что ты хотела сказать? Ну и что что не любишь, разве я требовал от тебя любви? Дети? Так у меня их трое? Что еще? Твои тараканы — я к ним привык. Я хочу знать истинную причину по которой ты мне отказываешь, Инга.

— Герман, это истинная причина. Я не готова, я не могу сейчас сию минуту дать тебе ответ.

Он нахмурился, я видела как он нервно постукивает пальцами по ручке кресла.

— Хорошо. Я не буду торопить, только последнее время мне кажется, что что-то происходит. Нехорошее. У нас все в порядке, Инга?

По спине прошел легкий холодок, Герман посмотрел на меня и его зрачки сузились.

— Есть что-то, чего я не знаю?

Я тяжело вздохнула. Только его подозрений мне сейчас и не хватало для полного счастья. Герман резко встал с кресла.

— Инга, я всегда был добр с тобой, нежен. Ведь так?

Я кивнула и насторожилась.

— Так вот, Инга, я могу быть и очень злым. Я не хочу показывать тебе насколько я умею быть злым.

А как я не хочу этого. Черт, неужели я себя выдаю, он что-то чувствует, я должна его задобрить и немедленно.

— Герман, милый, все у нас хорошо. Ничего не происходит все девушки волнуются перед тем как дать ответ. Это нормально. Давай я сделаю тебе массаж, настоящий с маслом как ты любишь, а завтра поедем кататься на яхте.

Но к моему удивлению любовник не отреагировал на мое предложение, он все так же мрачно на меня смотрел.

— Никакой яхты не будет и массажа не нужно. Я уезжаю. Роберт натворил дел в школе, притащил мой пистолет и я вынужден вернуться в Вену. Так что ты пока останешься одна, и у тебя будет много времени на размышления. Если твой ответ все же будет "нет" то придумай очень хорошую причину для отказа. И еще — запомни хорошо, что я не дурак и не слепой. Так просто прими к сведению.

Я попыталась его обнять, чтобы сгладить ссору, но Герман легко отстранил меня от себя.

— Не надо. Я сейчас не в настроении, Инга, совсем не в настроении. На банкете ты меня порадовала. Я думал, что вернусь в Вену с хорошим настроением, несмотря на то, что мой старший сын делает проблемы, но нет. Теперь я буду думать о твоём отказе, и мне очень не нравятся те причины, которые ты назвала, потому что это неправда.

Мне было нечего ответить, я мудро решила, что подумаю об этом потом. Когда у меня будет время разложить все по полочкам. Герман уехал, а у меня на душе остался неприятный осадок и очень плохое предчувствие. Как бы он не приставил ко мне слежку. Нужно быть очень внимательной теперь. Черт, ну почему все так сложно? Кто мог подумать, что Новицкий захочет жениться на мне. Господи, только не это, я не хочу быть ни чьей женой. Я хочу СВОБОДЫ, простого счастья человеческого, без притворства и лжи. Я, черт возьми хочу перестать быть Ингой Орловой, я хочу не скрываясь ездить на могилку моего сына. Я хочу, чтобы все закончилось. Зазвонил мой сотовый и машинально ответила.

— Да.

— Инга, это Иван, помните меня, я знакомый Геннадьевича.

— Господи, что с вашим голосом?

— Я решил, что вы должны об этом знать. Сегодня у меня был Чернышев, ну тот у которого мы с вами...

— Тссс, не надо по телефону и что?

Теперь я не просто похолодела меня начало трясти, так сильно что зуб на зуб не попадал.

— Они избили меня, и я все им сказал. Я не хотел, но я слабый больной человек. Инга они знают, что заказчиком были вы.

И он отключился, я медленно осела в кресло и закрыла лицо руками. Ну вот и началось. Сколько времени займет у артура узнать кто я такая на самом деле? Я должна быть готова и к такому повороту событий. Но так даже лучше. Теперь будем играть в открытую, пусть знает кто ему мстит. Говорил мне о любви, как он вообще смел заикнуться о чувствах после того как трахал подружку своей жены в туалете? Сволочь. Ничто и никогда его не изменит. Лишь на секунду мне хотелось ему поверить. Господи, Васька отдала бы все на свете за слова о любви, а Инга их не приняла. Ингу она разозлили, взбесили. Он хочет дать мне счастье?! Пусть вернет мне моего мертвого сына! Пусть вернет мне моего мальчика! И я разрыдалась, не могла остановиться. Счастье? Где оно? Под землей мое счастье, мое сердце. Все закопано там с Егоркой. Я не плакала так с того самого дня как ходила на кладбище перед отъездом с Германом. Меня прорвало. Как плотину. Я скрутилась калачиком на постели в позе эмбриона и рыдала, кусая подушку. Я даже не смогу родить, я не смогу больше быть матерью. У других могла быть надежда на забвение, другой ребенок. А у меня нет даже надежды. Какое нахрен счастье? Пусть мне не будет так больно. Большого мне не нужно. Нет, я лгу нужно — пусть ему будет больнее, чем мне.

Маски сброшены

Артур смотрел на Валеру, который не торопился пустить его в квартиру, держал на пороге. Оба помнили последнюю встречу, на которой подрались. Особенно хорошо ее помнил Валера, ведь Артур увел его девушку. Сейчас или он выгонит Чернышева и будет прав или...давить на больное место. Какое такое место может быть у парня, которого в тот вечер оставила без объяснений Инга?

— Чего тебе?

— Знаю, что я, наверное, последний человек, которого ты хотел бы видеть, но мне нужна твоя помощь.

Тот удивленно хмыкнул.

— Даже так? Сигнализация? По работе?

Артур нахмурился, но потом решил идти ва-банк.

— Нет, я хочу, чтобы ты рассказал мне об Инге. Она меня бросила, продинамила как идиота. Думаю, что и с тобой она поступила точно так же. Вот пришел поговорить по душам, по-мужски.

Валерий долго на него смотрел, скрестив руки на груди.

— А знаешь, заходи. Есть что рассказать. Она меня еще со школы динамила.

— Я водки взял, будешь? — спросил Артур и почувствовал облегчение, он даже не надеялся, что все удастся настолько легко. Иногда все же стоит говорить людям правду, ну или почти правду.

Они прошли в аккуратную двухкомнатную квартиру, обставленную довольно экстравагантно. Помещение больше походило на залу дискотеки, чем на комнату. Стены выкрашены в черный цвет, на них наклеены маленькие неоновые звезды, вместо лампочки светящийся шар. В углу профессиональный синтезатор.

— Музыку пишешь? — спросил Артур, устраиваясь на небольшом кожаном черном диване.

— Ага, балуюсь иногда. Ты подожди, я сейчас закуску организую. Можешь курить, пепельница на подоконнике.

Артур воспользовался разрешением закурить и достал из кармана пачку сигарет, бросил на стол. Станный парень этот Валера. Хотя довольно интересный тип. Значит, он знал Ингу еще со школы и Артур не ошибся — Инга и правда жила в этом городе. Сегодня он узнает очень много интересного о ней. Потому что завтра он разорвет эту наглую сучку и потребует вернуть акции. Он вытрясет из нее всю правду, он заставит ее пожалеть об этой игре в кошки мышки. Теперь ответный удар за Чернышевым.

Вернулся Валера. Принес рюмки, красную икру, нарезанный хлеб и шоколадные конфеты.

— Все что нашлось в жилище холостяка. Наливай.

Артур наполнил рюмки и они выпили.

— За знакомство. Я — Валера.

— Артур.

Мужчины пожали друг другу руки.

— Так ты знал Ингу с детства?

— Еще как знал, мы за одной партой сидели. Только тогда она была невзрачнейшей и училась плохо. Родители алкоголики поколачивали ее, и она постоянно прятала синяки.

— Да, тяжелое детство всегда оставляет отпечаток. Ты говоришь, она была невзрачной? Инга такая красивая женщина, что по ней и не скажешь.

— Инга...Имя, какое придумала. Да она внешность изменила, все ее папик постарался, сделал конфетку из серой мышки.

— А я думал, что она еще в школе была пожирательницей мужских сердец.

Артур поднес ко рту бутерброд с красной икрой.

— Кто, Васька? Пожирательницей?! Да Васька собственной тени боялась и...

Артур поперхнулся хлебом и посмотрел на Валеру:

— Как ты ее сейчас назвал?

— Кого?

— Ты только что назвал Ингу другим именем, — Артур чувствовал как к горлу подкатывает тошнота.

— Какая она нафиг Инга? Это псевдоним сценический, ее папик постарался ей новые документы сделать. Василиса ее звали раньше. Васька, просто Васька.

Чернышеву показалось, что он задыхается, он расстегнул пуговицы рубашки, осушил залпом рюмку водки. Руки тряслись так сильно, что ему казалось, собеседник сочтет его психом.

— У тебя школьные фото остались той Васьки? — хрипло спросил Артур и снова закурил. Ему было плохо, реально паршиво. Даже в ушах начало шуметь.

— Конечно, есть. Сейчас покажу. Посмотришь на нее раньше. Вот умора. Ты ее не узнаешь.

Валера подошел к ящику комода и достал толстый альбом.

— Вот смотри.

Подал Артуру и Чернышев едва не выронил его из рук. Открыл первую страницу, пролистал, и ему стало плохо. Так плохо, что в глазах потемнело. Рядом с Валеркой сидела девочка лет четырнадцати. И Артур ее узнал. Узнал с первого взгляда. Это Васька. Его Василиса Прекрасная.

— Вот и Инга. Правда, не похожа?

Артур судорожно глотнул слюну. Он не помнил, что дальше говорил Валера, потому что теперь его сердце колотилось словно бешенное. Он лихорадочно вспоминал, каждый жест, каждый взгляд и пазл сложился. Настолько хорошо сложился, что картинка стала перед глазами. Вот на кого была похожа Инга. Неуловимо, незаметно, но похожа. Жесты, поворот головы, улыбка. Черт ее раздери, а ведь это и правда она. Его Васька. Вернулась. Чтобы уничтожить. Это она отравила ему жизнь и играла с ним в жестокие игры. Артур захлопнул альбом и севшим голосом сказал:

— Спасибо, Валера. Что-то я плохо себя чувствую. Я, пожалуй, пойду...Насчет сигнализаций — ты мне визитку дай, может как-нибудь созвонимся, сделаю тебе заказ.

Артур не мог вести машину, его постоянно заносило на встречную полосу, пришлось остановиться и выйти из автомобиля. Сердце грозило вырваться из груди, разорваться на части. Ловко она его. Как же ловко. Только зачем и за что? Он потребует ответа. Одно дело Инга, а другое Васька. Ваську он заставит говорить, и она, черт подери, все ему скажет. Он

вытрясет из нее эту дурь. Изменилась, не просто изменилась, стала совсем другой, но внутри, там внутри живет та маленькая девочка, которую он вытащил из дерьма. Девочка, которая его любила. Как она вчера сказала: "Я любила когда-то и разучилась". Инга и Васька. В голове не укладывалось. Закипала бешенная злоба, на нее, за то что обвела его вокруг пальца, за то что все это время наверняка издевалась и насмеялась над ним. Над его чувствами, над его признаниями. Ведь она-то знала о нем, намного больше чем он думал. Артур снова сел за руль и рванул в офис. Она там. Не могло быть иначе. Теперь она каждый день там. Маленькая сучка, которая рыла ему яму. Красивая, умная сучка. Только сейчас Артур знает кто она такая и воевать они будут в открытую. Хочет войну? Она ее получит.

Дверь в кабинет распахнулась, и я увидела Артура. Он курил, прямо в помещении, пуская дым в мою сторону. Захлопнул дверь ногой, потом повернул ключ в замке. Поначалу я подумала, что он снова будет меня домогаться, но потом поняла — это не страсть. Он зол, он взбешен настолько, что у него дергался кадык, его глаза сощурены, а челюсти сжаты так сильно, что на скулах играют желваки.

— Так это ты мать твою?! — рявкнул он, без предисловий — ты та сука, которая прислала мне те долбаные фотографии, ты та сука, которая выкупила мои акции?

Я попятилась назад, чувствуя, что сейчас не поможет ничего, ни мои отговорки, ни чего. Я не спрячусь за привычной маской, я даже не смогу дать отпор. Он все знает. Он уже знает кто я. Каким образом как, неизвестно, но знает. Вот с этой минуты и от этого разговора зависит кто станет победителем в дальнейшем.

— Да, я именно та сука, — ответила я и нагло на него посмотрела, — что теперь?

Напрасно я его злила, понимала, что в него словно зверь вселился, а остановиться не могла. Карты на стол, маски долой. Я готова к бою и драться буду без правил.

— Теперь, — он двинулся в мою сторону, — теперь ты скажешь мне почему? Не смей лгать, иначе я удушю тебя прямо здесь. Мне уже нечего терять.

Я усмехнулась:

— Мне тоже. Все что мог, ты у меня уже отобрал!

— Говори, у нас много времени офисы уже закрыты, я внимательно тебя слушаю.

— Мне нечего тебе сказать, кроме того, что я уже сказала. А теперь выйди вон из моего кабинета.

— Твоего кабинета?! Ты обманом влезла в эту компанию и в мою жизнь, как змея, — Артур подскочил ко мне и толкнул меня в сторону двери.

— Я спросил, а ты отвечай! Отвечай, сука чокнутая или я за себя не отвечаю!

Артур в бешенстве был страшен, я почувствовала как у меня пробежал мороз по коже. А ведь офисы и правда закрыты, мне никто не поможет. Хотя, что он мне может сделать? Ударить? Убить? Я уже мертва, больше не будет.

— Я та кого ты бросил! Та кого ты лишил в этой гребаной жизни всего! Может, пошевелишь мозгами и вспомнишь?

— Я уже вспомнил, просто жду, когда ты мне скажешь сама! — рявкнул он.

— Ну, раз вспомнил, значит, сам все понимаешь. Мне нечего добавить. Просто пошевели не членом, а мозгами.

Артур снова толкнул меня к стене:

— Я них***я не понимаю, Инга. Какого черта ты творишь? Ты возомнила себя богом?

Его кулаки то сжимались, то разжимались, мышцы под футболкой напряглись, стали

каменными, на лбу пульсировала жилка. Он на грани. Вот-вот взорвется. Одно неверное слово и Артур потеряет над собой контроль. Но я его не боялась, точнее, боялась, но не могла остановиться. Видно переполнилась чаша терпения, долгая чаша из восьми лет. Теперь все вырвалось наружу, лавиной, и меня уже нельзя было остановить. Я дерзко посмотрела ему в глаза и с вызовом ответила:

— Мщу тебе. И знаешь? Знаешь я рада, что ты все понял. Как-то скучно мстить когда другая сторона не знает откуда на сыпятся неприятности.

Артур нервно дернул себя за воротник футболки, он задыхался. Впервые я видела его в таком состоянии. Он проорал так громко, что зазвенели стекла:

— Мстишь? За что? За то, что было восемь лет назад? Чего я лишил тебя? Девственности?

— И ее тоже, — я достала сигареты и закурила, стараясь сохранять ледяное спокойствие.

— Ну, ты ненормальная! Если все бывшие девственницы начнут мстить своим первым мужчинам — мы нахрен вымрем.

— Было бы неплохо.

Артур обхватил переносицу двумя пальцами, судорожно глотнул воздух:

— Я так понимаю ты это серьезно. Ты мне мстишь за то, что я бросил какую-то девчонку восемь лет назад? Да у меня таких потом вагон и маленькая тележка была!

— Ха! Я в этом и не сомневалась.

— Я даже не помню, как ты выглядела!

— И в этом тоже!

Артур в ярости разбил пепельницу о стену, а я рванула к двери, надеясь спастись бегством, мне не нравилось как разворачивалась наша беседа. Я помнила Артура в ярости, теперь я больше не Инга, я Васька, а Ваську он мог и ударить. Но Артур меня схватил за руку и сжал так сильно, что я поморщилась от боли. Теперь мы смотрели друг другу в глаза, готовые порвать на части — я его, а он меня. Артур схватил меня за лицо, грубо, причиняя боль и процедил:

— Мать твою, я оставил тебе на год оплаченную квартиру, я оставил тебе столько денег, что их хватило на безбедное существование еще пару лет. Я договорился, чтобы тебя не увольняли с клуба. Да! Я не попросился! Я мать твою, струсил, побоялся. Но кто меня нахрен осудит? Мне было всего двадцать два года. Ушел как сумел.

— Я. Тебя осуждаю я.

Я оттолкнула его от себя, потерла подбородок саднивший как после ушиба и все же повернула ручку двери.

— Ты выкупила контрольный пакет акций, чтобы насолить мне? — спросил он устало, словно выдохся после вспышки гнева.

— Нет, я выкупила тебя — с потрохами. Я позволю тебе остаться в компании, и никто не узнает, что акции у меня, а ты станешь хорошим мальчиком и будешь за это работать, как положено. На меня работать, на мою кампанию. "ТрастингСтрой" теперь мой.

Он яростно захлопнул дверь, когда я попыталась ее открыть.

— На тебя? — Он истерически захохотал, — Да ты больная на всю голову. Ты просто психованная дура! И не пытайся сбежать. Мы закончим этот разговор. Сегодня. Хватит играть.

Я усмехнулась и вернулась к столу. Он хочет продолжать разговор? Хорошо. Мы

продолжим. Прямо сейчас.

— Я психованная дура. А ты кто? Эгоист, сексуально озабоченный, без тормозов, развратен, лжив. Мне перечислить еще или на этом остановимся?

— Давай, перечисляй. Мне даже интересно.

Артур сел на стул напротив меня и закинул ногу за ногу.

— Давай, что ты обо мне знаешь? Я слушаю. Ты ведь сделала домашнее задание, Инга?

Я тоже села. За столом даже почувствовала себя уверенней.

— Начнем. В 2004 ты женился на Алене, и вы укатили в медовый месяц. В 2005 ты познакомился с какой-то страшной актрисулькой Настей и изменял с ней Алене полгода. Потом ты ее бросил и переключился на Олю. Симпатичную девушку я бы сказала, ей ты тоже изменял. Потом тоже бросил. В 2006 Рахманенко сделал тебя ген. директором и ты начал уверенно губить кампанию. Потом ты пристрастился к казино и проиграл кучу бабок. Тебе пришлось взять со счета фирмы. Точнее украсть. Правда гадам всегда везет, и ты отыгрался, но после этого в казино не ходил. В 2007 твоя Алена пыталась покончить с собой, потому что ты решил ее бросить. В 2008 — ты трахал все что движется, а что не движется, толкал и трахал. И так до того времени пока мы познакомились. Кто из нас болен, Артур? Кто психопат и социопат, а?

Чернышев все это время смеялся, громко оскорбительно.

— Круто. Нет, я польщен, моя персона интересовала тебя все эти годы, тогда как я забыл, как тебя звали.

Это было больно, но я сдержалась. Я не позволю ему взять верх, не позволю мною манипулировать как раньше.

— Ну, все. Ты отомстила? Ты довольна? Что дальше?

— Я еще не закончила, это только начало, Артур. Только начало.

Он вдруг схватил меня за волосы и выволок из-за стола.

— Ты охренела совсем? Да по тебе психушка плачет. Да, я бросил тебя. Да, мать твою, бросил, но у меня были причины. А ты? За что ты мстишь? Ты вообще ненормальная?

И я не выдержала, я не могла не сказать, я должна была это выплеснуть, чтобы раздавить его окончательно.

— За то, что дал денег на аборт. Швырнул мне подачку в тысячу долларов. За то, что убил нашего ребенка, скотина! Вот за что! Пять тысяч долларов пожалел, тварь! Я стояла как побирушка под твоими окнами и умоляла сжалиться и дать гребаных пять тысяч долларов! Наш ребенок был бы жив! Ты убийца! Ты виноват в смерти нашего сына. Ему было всего два месяца, он был маленький, но уже боролся. Сукин сын, ты спрашивал — чего я хочу?! Я хочу, чтобы ты сдох! Чтобы это ты лежал там под холодной землей. ТЫ А НЕ ОН!!!!

Артур выпустил меня внезапно, и я пошатнулась. Слезы градом катились по моим щекам. А он побледнел, казалось, его лицо стало землистого цвета.

— Ребенок... ты была беременна?

— Не притворяйся! Господи, как же я тебя ненавижу. НЕНАВИЖУ!

Ему удалось меня сломать. Нет, это не я его раздавила, а он раздавил меня. Я бросилась прочь из кабинета. Мчалась, размазывая слезы по лицу, спотыкаясь, по лестнице. Мне тоже хотелось умереть. Я устала, я хотела к моему мальчику. Там мне будет хорошо. Там я смогу плакать и молиться. Я села за руль "тайоты" и рванула по трассе. Дождь бил в ветровое стекло, а по моим щекам катились слезы. Внезапно на повороте меня занесло, машину

развернуло на встречную полосу, закрутило, швырнуло в сторону.

— "Мамочка" — этот голос появился в голове, зазвучал в ушах, сквозь визг покрышек.

— "Мамочка моя"

Я жала на тормоза, со всех сил, но дорога была слишком скользкой. Откуда доносится этот нежный голос? Где ты? Где ты мой маленький?

"Мамочка не надо" — голосок умолял меня бороться за свою жизнь, а я устала, мне хотелось бросить руль и отправиться к нему.

— Я хочу к тебе, — жалобно всхлипнула и посмотрела вперед. Меня неумолимо несло к боковому ограждению. Еще секунда и будет удар прямо в лоб.

"Не надо, мы скоро встретимся, я обещаю, обязательно встретимся, только не сейчас. Живи, мамочка, живи"

Когда-то я тоже шептала моему малышу именно эти слова, но если он просит меня, разве я могу отказать? Я крутанула руль и "тайота" полетела в кювет, прочесала по кустам к деревьям и почувствовала сильный удар. Меня дернуло вперед, ремень безопасности впился мне под ребра. Раскрылась "воздушная подушка". Сработала сигнализация, она выла и выла, а я рыдала склонив голову на руль. Сегодня мой малыш впервые со мной заговорил. Все эти годы он даже мне не снился, а сейчас пришел ко мне сам. Мой маленький ангелочек.

Незнание не освобождает от ответственности.

Артур гнал машину стараясь, не упустить ее из поля зрения. Поначалу это было желание заставить говорить. Инга воспользовалась моментом и ускользнула. Ее признание ошеломило его, ввергло в ступор. Она не может сбежать после того как вывалила на него жуткие обвинения. Чернышев жаждал объяснений. Какой ребенок? О чем она вообще говорит? Какое к черту пять тысяч долларов? Аборт? Какой к черту аборт, если он даже не знал о ее беременности. Артур бросился за Ингой. Увидел как "тайота" сорвалась с места, чуть не врезавшись в ограду и поехал следом.

Уже через несколько минут Артур понял, что Инга в невменяемом состоянии, ее машина виляла по дороге, словно она была пьяная, ее выносило на встречную полосу, заносило на поворотах. Постепенно все мысли об странных обвинениях отошли на второй план. Он начал нервничать. "Тайота" набирала скорость и уже выжимала на городской трассе больше 140 км. В час. В такой оивень это могло очень плохо кончиться.

— Стой, сумасшедшая! Ты же разобьешься!

У него похолодело все внутри, когда он увидел, как автомобиль Инги закрутило на месте, швырнуло в сторону. "Тайоту" неумолимо несло в боковое заграждение. На секунду Артуру показалось, что Инга просто не пытается восстановить управление машиной и ему стало страшно. Этот дикий ужас иголками покалывал кожу и стекал струйками холодного пота по спине.

— Крути руль! Господи крути руль, черт тебя раздери! Что же ты творишь?

Она словно услышала его, машина резко повернула и понеслась в кювет. Артур притормозил, бросил джип у обочины и кинулся следом. Дождь хлестал как из ведра, уже через секунду он промок насквозь. Поскальзываясь на мокрой траве, мужчина продирался сквозь кусты к машине. Сигнализация орала так громко, что наверное ее было слышно за версту. Подбежал, задыхаясь, дернул на себя — дверь. Заклинило. Инга уронила голову на руль.

— Черт! А! Черт! Инга!

Артур выбил стекло, просунул руку и отворил дверцу машины. Схватил ее за плечи и вытащил наружу. Инга вся тряслась, но не от холода, у нее началась истерика, молчаливая, похожая на ступор. Она смотрела остекленевшим взглядом сквозь него и вдруг громко закричала и начала вырываться. Артур яростно прижал ее к себе, стиснув так сильно, чтобы она не могла вырваться. У него кружилась голова. Только что он пережил самое страшное потрясение за всю свою жизнь. Она могла погибнуть. У него на глазах. Сотрясаясь от пережитого шока, Артур лихорадочно гладил ее по спине, по волосам и шептал срывающимся голосом:

— Тихо! Тихо! Все позади! Слышишь! Тсссс!

Но услышав его голос, Инга снова попыталась вырваться и закричала:

— Не прикасайся ко мне! Не смей ко мне прикасаться!

Артур сжимал ее с той же силой не давая вырваться.

— Успокойся, я просто отвезу тебя домой!

— НЕТ!

— Просто отвезу домой, слышишь? Твоя машина уже не поедет дальше, попутку тебе не поймать.

Инга подняла к нему мокрое лицо.

— Отпусти, — прохрипела она, — я никуда с тобой не поеду.

— Поедешь!

Инга ударила его по лицу, потом по груди. Артур все еще сжимал ее за талию. Несмотря на жестокое сопротивление, взвалил на плечо и понес к дороге. Открыл переднюю дверцу, засунул ее в джип и сел за руль. Инга, казалось, немного успокоилась, она смотрела в лобовое стекло.

— Я не знал, — прошептал он, все еще глядя на дрожащую девушку. Она молчала.

— Давай поговорим об этом, — сделал он еще одну попытку.

— Нам не о чем говорить, — ответ был резким, словно пощечина, — все, что хотела я уже сказала. Или отвези меня домой, или дай поймать попутку.

Артур повернул ключ в зажигании и сорвался с места. Он достал с заднего сиденья куртку и набросил Инге на плечи. Она не отреагировала, сидела как каменное изваяние, не шевелясь. И Артур вдруг понял, что она изменилась. Она больше не похожа на холодную и высокомерную стерву. Ее подбородок дрожал. Держитесь. Глокает слезы. В душе всколыхнулось острое желание прижать ее к себе. Крепко прижать и держать в объятиях пока она не перестанет дрожать, но он не смел. Теперь между ними пропасть. Огромная, непреодолимая пропасть из ее ненависти и его непонимания. Ярость Артура притупилась, после того как испугался за нее столь сильно, он уже не мог злиться.

Джип остановился возле виллы, и девушка, сбросив его куртку, вышла из машины, по-прежнему молча. Артур долго провожал ее взглядом до самой двери и еще некоторое время сидел, глядя на ее окна. На душе стало пусто. Будто только что там выжгли огромную черную дыру. Он должен узнать, что произошло тогда. Узнать сам. Шаг за шагом. Такими страшными обвинениями просто так не разбрасываются. Артур взял сотовый и набрал номер Яценко.

— Доброй ночи, дружище. Не спишь?

— Черт, ты хоть видел который час?

— Не так уж и поздно, если учесть, сколько бабла ты от меня получаешь. Пойди, умойся. Я через пять минут буду возле твоего дома.

И отключил звонок. В этот раз он будет искать сам. Это его дело. Сугубо личное.

— Я хочу знать все о Василисе Лавриненко. Все, начиная с 2004 года.

Яценко выглядел помятым и очень сонным.

— Я тебе комп включу, кофе сварю. Разбирайся сам. Я пойду спать. Закончишь — захлопнешь за собой дверь, хорошо?

Артур кивнул и посмотрел на экран компьютера.

— Давай, запускай базу данных и можешь идти спать хоть до утра.

Когда Яценко вышел из кабинета, Артур откинулся на спинку стула и принялся читать. Уже через секунду подскочил, вперед вглядываясь в монитор. Нервно пролистал в поисках свидетельства о рождении. Нашел. Дрожащая рука скользнула в карман в поисках сигарет. Достал одну, сломал нечаянно. Теперь уже пот градом катился по спине — после свидетельства о рождении Егора Лавриненко, шло свидетельство о смерти, выданное в городском роддоме номер два.

Артур закрыл глаза, напряглись все мышцы на теле. Ему было больно. Это было странное чувство безысходности и собственного бессилия. словно он стоял в комнате без окон и дверей и сходил с ума оттого, что стены давили на него со всех сторон. У него с Василисой был сын. Ребенок. Маленькое существо. Его ребенок. Он никогда раньше не задумывался о том, что может быть отцом, даже беременность Алены его волновала по стольку по стольку. Он не чувствовал, что внутри жены развивается ЕГО дитя. Он вообще ничего не чувствовал по отношению к Алене и всего что ее касалось. Васька... Как же давно это было, и в тоже время от воспоминаний о ней всегда становилось тепло, а сейчас горько. Неужели все случилось именно так, как она говорила? Нет, не говорила — кричала, выплескивая на него ярость и боль.

"Я хочу, чтобы ты сдох! Ты, а не он!"

По телу пробежал холодок. Сколько жгучей ненависти в ее словах. Мать, потерявшая ребенка, имеет право на такую ярость. Только одно не складывалось у него в голове — почему Инга обвиняла в смерти малыша его? О каких деньгах она говорила? Артур перебрался на диван и закрыл глаза. Не спалось, домой не хотелось совсем. В ушах шумело.

"Роддом номер два. Завтра же поговорю с главврачом. Я должен знать, почему умер мой ребенок. Господи, МОЙ РЕБЕНОК. Наш с Васькой"

Воспоминания о девушке из прошлого нахлынули с новой силой и окрасились в другие краски. Она больше не была одной из многих. Она стала особенной, выделилась из общей массы. Васька-Инга. Милая, нежная Василиса и жесткая, холодная, властная Инга. Как они обе могли уживаться вместе? Или Инга это железный панцирь, а под ним спряталась одинокая, слабая израненная душа?

"Я все узнаю, а потом мы с тобой поговорим Васька-Инга, откровенно поговорим. Мы оба задолжали друг другу этот разговор, а долги нужно возвращать, даже спустя восемь лет"

Артур вошел в кабинет главврача с неизменным букетом цветов и коробкой конфет. Женщина, сидевшая за небольшим полированным столом, что-то писала в журнале. Подняла голову, посмотрела на посетителя из-под круглых очков. Лицо у нее мягкое, полное. Сама она круглая, маленького роста, под белой шапочкой виднеются темно рыжие кудряшки. На вид лет сорок пять — пятьдесят.

— Счастливым папашам прием по понедельникам. Кто вас впустил?

Артур нагло сел на стул и положил букет возле женщины.

— Антонина Михайловна, здравствуйте.

— И вам не хворать. У меня перерыв, заслуженный, между прочим. Между двумя кесаревыми, а вы мне мешаете отдыхать.

Артур знал, как здесь все работает. Достал из кармана конверт и подтолкнул к главврачу. Она взяла презент пухлой ручкой, заглянула вовнутрь и сунула деньги в журнал.

— Я вас слушаю, молодой человек, только быстро. Постарайтесь уложиться в пятнадцать минут.

Артур улыбнулся.

— Постараюсь. Семь лет назад вы здесь работали?

— Работала, я тут уже пятнадцать лет. Вы по-существу пожалуйста.

— Мне нужно узнать об одной роженице. Это было в июне 2005 года. Ровно семь лет назад почти день в день.

Антонина Михайловна задумалась, а потом усмехнулась.

— Вы хоть представляете, сколько рожениц за это время прошло через мои руки?

— Представляю. Ну, может архивы, журналы.

— Нет, это просто невозможно и это не пятнадцать минут, а гораздо, гораздо больше.

Вы можете обратиться в другой день или позвоните, и я постараюсь помочь и...

Артур протянул еще один конверт поувесистей первого.

Главврач тяжело вздохнула. Бросила взгляд на часы.

— Я постараюсь, но ничего не обещаю. Как звали ту роженицу?

— Василиса Лавриненко, темненькая такая худенькая, очень молоденькая тогда была.

Антонина Михайловна сняла очки и протерла их полкой халата.

— Можете спрашивать. Я ее помню, сама роды принимала. Да и как забыть? Трагедия-то какая. Мы всем роддомом ей помогали.

Артур откашлялся.

— Расскажите мне. Просто все расскажите, — хрипло попросил он и взялся за горло. Гортань странно саднило, как во время гриппа.

— Да, что рассказывать? Грустно все это. Мне она иногда по ночам снится, как проснусь, так и плачу. Это вы привыкли врачей бесчувственными считать, а для нас каждый умерший младенец личное горе. Приехала она на двадцать девятой неделе, воды отошли и схватки начались. Мы как могли, пытались остановить, но роды начались стремительно. Родила малыша, весил всего девятьсот грамм. Эх, приедь она раньше. Укол бы успели сделать для раскрытия легких, а так. Поздно уже было. Я ее помню, сама еще девочка, худая, бледная. Она тут санитаркам помогала, полы драила, больных переносила, судна мыла. Лишь бы позволили в патологии рядом с малышом оставаться. Бывало, зайду к ней, а она молоко цедит, плачет и цедит. Я-то знаю, что малыш в плохом состоянии, а она говорит: "вот выйдем с Егоркой, грудью кормить буду". Потом вроде немного оклемался малыш, вес набрал. Мы уже и вздохнули с облегчением. Выписывать хотели. Она еще убежала на один день. Вроде с отцом покупать кроватку да коляску. Мы тоже кое-чего подкинули. Принесли мешками вещи от своих детей.

Антонина Михайловна вытерла глаза платочком.

— Не могу. Как вспомню...ох... слезы на глаза сами наворичиваются. Перед выпиской ему плохо стало. Посинел весь, задыхаться начал. Мы его к аппаратам искусственной вентиляции подключили. Диагноз неутешительный — бронхопульмональная дисплазия. Таких малышей выхаживают сейчас и у нас, а тогда оборудования нужного не было, лекарств тоже. Я Василисе предлагала в платный центр в столицу обратиться. А там сволочи, такую цену заломили. Мы старались, вроде собрали, кто сколько мог. Жалели сиротку. Да и сейчас такие мамы молоденькие, одиночки, редко так трусятя особенно если дите больное. Здоровых бросают. А она не отходила от него. Бывало, уснет на стуле, он только пикнет, а она уже на ногах. В общем не нашла она тогда пяти тысяч долларов. Говорят к папаше ребенка ходила за два дня до смерти Егорки, а тот... Слов нет... Тот сукин сын отказал ей. Представляете, просто отказал. Господи как же нехристей таких земля носит?

Артур побледнел, сжал челюсти, чувствуя как воздух в легкие уже почти не поступает, а сердце бьется, словно в горле.

— Умер Егорка во сне, у нее на руках. Василиса тихо просидела как мышка, мы обнаружили только утром. Отобрать не могли. Как она кричала. Господи, у меня этот крик всю жизнь в ушах стоять будет.

Артур резко встал со стула, протер лицо трясущимися руками.

— Водички?

Он кивнул и разлил пол стакана, пока донес до пересохших губ.

— А вы брат Василисы?

Он кивнул, не в силах сказать правду. Испытывая, жгучий стыд за то, в чем не был виноват. Стыд и горечь, едкую горечь и тошноту, которая комом застряла в горле.

Перед тем как попрощаться с главврачом тихо выдавил.

— А может отец ребенка и не знал? Может, обманул его кто?

Антонина Михайловна внимательно на него посмотрела, словно в душу, заглядывая.

— Незнание, молодой человек, не освобождает от ответственности. Особенно ответственности за смерть ребенка.

Потом ткнула ему конверт в руки.

— Это вы да? Вы, тот поддонок, который денег не нашел! Вон цепь на шее золотая, поди дороже пяти тысяч стоит? Заберите свои деньги. Убирайтесь. Нелюдь!

Она вытолкала Чернышева за дверь, а он даже не сопротивлялся. Сел на пластмассовый стул и прислонился головой к холодной стене. В ушах звучали ее слова: "незнание не освобождает от ответственности...не освобождает...когда речь идет о смерти ребенка...от ответственности...смерть ребенка...смерть...смерть"

Артуру захотелось заорать и заткнуть уши руками.

Я сломалась. Как игрушка у которой кончилась батарейка зарядом на восемь лет. Просто отключилась. Все тело ломило как при тяжелой болезни. Я так наревелась, что не могла, с утра, открыть глаза меня хватило лишь на то чтобы сделать себе чашку кофе и вернуться в постель. Я забралась под одеяло, чувствуя озноб. Наверное, я все-таки простудилась вчера после того как насквозь промокла под дождем, скорей всего поднялась температура. Последние события меня просто доконали. Несмотря на долгие годы подготовки, самовнушения я не учла одного нет точнее двух вещей: я все еще не смирилась с гибелью сына и я по-прежнему безумно люблю его проклятого отца. Я поняла это в тот момент, когда он вытаскивал меня из разбитой машины. Словно произошел щелчок внутри. Он заботливо набросил мне куртку на плечи, а я сидела и думала о том, что не могу его не любить. Я слабая, я ничтожество и я не способна идти до конца. Что он там бормотал? Что не знал? Я в это не верила.

Посмотрела на часы. Черт, нужно идти на работу. Сегодня никак нельзя отлежаться. Есть важные переговоры с партнерами из Америки насчет материалов, партнеры договаривались именно со мной, спихнуть на кого-то из офиса не получится. Я встала с постели, оделась, чувствуя, как меня буквально подбрасывает от лихорадки. Приму аспирин в офисе и все пройдет.

Внизу меня уже ждал таксист. Чернышев позаботился о "тайоте", ее еще ночью забрали в ремонтную мастерскую.

Простояв в утренних пробках, я наконец-то приехала в офис. Светочка заботливо поинтересовалась приготовить ли мне чай, потом спросила как я себя чувствую. Я вымученно ответила, что все хорошо. Прошла в кабинет, села за стол. Мне становилось все хуже, я порылась в ящиках и лекарств не нашла. Черт, как я могла забыть, я же отдала их Наташе из бухгалтерии. Ладно, вот переговоры проведу и пошлю Свету в аптеку. Странно Герман уже пару дней не звонил и трубку не поднимает. Обиделся. Я понимала, что рано или поздно этот разговор с Германом состоится, и буду вынуждена ему отказать. Я не выйду за него замуж не при каких обстоятельствах, пусть хоть на части режет. Еще лет восемь я его выносить не собиралась. Да каких там восемь, я бы рассталась с ним хоть сегодня. Пусть обижается. Я, конечно, понимала, что с Германом шутки плохи, но, в конце концов, что он мне сделает? Убьет? Не думаю, что он на такое способен, скорей всего просто оставит меня без денег. Не беда это мы уже проходили. Я чувствовала, как меня клонит в сон, прилегла на тахту. Посплю пол часика. Пока Света не разбудит. Уснула моментально. Просто выключилась.

Мне снилось озеро чистое хрустальное, гладкое как зеркало. Я смотрела, как сплывают рыбки в воде, и чувствовала себя счастливой. А потом меня кто-то взял за руку, я обернулась и увидела мальчика — светловолосого, голубоглазого. Он улыбался и сжимал в ручке маленькую удочку.

— Мама, вот я и вернулся. Давай вместе рыбу ловить. Ты обещала, что научишь.

Да — это мой Егорка. Я его узнала, во сне он будто и не уходил от меня навсегда, там мы были самой обычной семьей и я помнил, что и в самом деле обещала его научить ловить

рыбу, как Иван Владимирович учил меня когда-то.

— Раз обещала, будем ловить, — я потрепала его по нежной щечке, и мы вошли в воду. Егорка дал мне удочку.

— Давай, мама, покажи мне как...

Я нацепила на крючок красного червячка и забросила леску. Клынуло сразу. Егорка радостно пищал, прыгал на месте, а я вытасила большого толстого карпа, его чешуя блестела на солнце. Я засмеялась, хотела показать Егорке и вдруг увидела, что сын зашел в воду при том довольно далеко. Я закричала на него, потребовала немедленно вернуться на берег, но он уходил, а я словно вросла в землю и не могла двинуться с места. Держала в руках рыбу и кричала:

— Вернись! Вернись немедленно! Егор!

Мальчик посмотрел на меня и улыбаясь прокричал:

— Я вернусь, я вернусь очень скоро, мамочка, ты только жди меня с папой вместе хорошо?

И он исчез, скрылся под водой. Я в ужасе заорала, как ненормальная:

— Егорка! Егорушкааааа! Егор!

Кто-то трусил меня, трусил сильно, так что голова разболелась, я приоткрыла глаза, и словно все расплылось, как в тумане. Чья-то рука легла на мой лоб.

— Да она горит вся. Похоже, бредит. Тут температура точно под сорок.

Я узнала голос Светочки, а потом услышала Чернышева, он тоже приложил руку к моему лбу.

— Кипяток. Значит так, ты дуй в аптеку, а я сейчас врача знакомого позову.

— Может скорую?

— Иди-иди за аспирином и градусник купи.

Мне под голову подсунули подушку и заботливо прикрыли одеялом. Я уже не могла пошевелиться, мне было тепло и хорошо, хоть и зуб на зуб не попадал. Я слышала голос Артура, как он кому-то звонит, называет адрес офиса, но глаза открыть не могла. Потом почувствовала, что он придвинул стул к тахте и сел рядом. Что-то прохладное коснулось моей руки, и я поняла, что это он меня трогает. Отнять сил не было. Артур гладил мою ладонь, нежно прикасаясь шершавыми пальцами.

— Заболела, маленькая, простудилась. Сейчас врач приедет, и Светка лекарства принесет. Все будет хорошо. Ты поспи, а я тут с тобой посижу.

Вроде и его голос и не его. У Артура никогда не было этого странного тона. Что-то новое появилось в интонации, другое. Будто заботится обо мне. Может, я все еще сплю? Его пальцы гладили мои волосы, щеки и я начала снова погружаться в сон. Из приятного забытья меня вырвал чужой голос:

— Так, Инга, просыпайтесь. Открываем глазки и смотрим на меня.

Я с трудом разлепила тяжелые веки и словно в тумане увидела пожилого седого человека, склонившегося ко мне. Он сунул мне в рот градусник, заставил приподнять блузку и принялся прослушивать меня холодным фонендоскопом. Я вся дрожала, меня лихорадило, подбрасывало, кашель появился — сухой, неприятный.

— Курим?

Я кивнула, присмотрелась и увидела Артура, он стоял у окна, отвернулся пока врач осмотр проводил. Запищал градусник.

— Тридцать девять и восемь. Значит так — у вас бронхит. В самом разгаре. Подхватили

видно несколько дней назад, а после того как вчера промокли, начался кризис. Дыхание мне ваше не нравится. Жесткое дыхание, может перетечь в бронхопневмонию. Поэтому я назначу вам антибиотики, обильное питье, постельный режим. Есть, кому за вами ухаживать?

Я отрицательно качнула головой и тут же услышала голос Артура:

— Есть. Вы лекарства выпишите, а ухаживать будем обязательно.

— Тут уколы надо поделать, антибиотик лучше внутривенно вливать. Могу к вам Соню прислать. Адрес скажите — она каждый день ездить будет.

Я снова легла на подушку, у меня не было сил сопротивляться, отвечать им. Пусть только оставят меня в покое.

— Вы мне ее телефон лучше дайте — я сам с ней договорюсь.

Доктор пожелал мне скорейшего выздоровления и ушел.

Проводив его, Артур подошел ко мне и подал руку:

— Поехали.

Я тяжело вздохнула. Как же легко пользоваться ситуацией, когда я так беспомощна.

— Куда?

— Домой отвезу, — сказал он.

— Я сама доберусь.

— На чем? Твою машину вчера забрали в ремонт.

— На такси, — устало ответила я, потянувшись за сумочкой и вдруг вспомнила про переговоры.

— Черт этот Вильямс звонил?

— Звонил. Я сам сделку закрыл на твоих условиях. Поехали. Я не съем тебя. Потом ненавидеть будешь. Выздоровеешь и ненавидь сколько душе угодно.

Как же он изменился, словно, другой человек и нет сил анализировать, нет сил искать подвох. Я устала, мне плохо и я хочу спать.

В машине я все же заснула, я уже не могла пошевелить ни руками, ни ногами. Меня бросало то в жар, то в холод. Подбрасывало на сидении. По лицу катились ручейки пота. Артур поднял меня на руки и куда-то понес. Наверное, в дом. Машинально я склонила голову ему на грудь и, слушая биение его сердца, снова отрубилась.

Ночью мне было плохо совсем, я металась на постели. Сбрасывая одеяло. Кто-то заботливо укрывал меня снова, клал холодные компрессы мне на лоб, подносил воду к моим пересохшим губам. Все как в тумане, как во сне.

Я проснулась днем. Тело уже не ломало, но чувствовалась слабость. Открыла глаза и вдруг подскочила на постели. Голова предательски закружилась. Я не дома. Постепенно я начала узнавать окружающую обстановку и вдруг все поняла, а когда осознала полностью, вскочила с кровати, завернулась в простыню и пошатываясь пошла на, уже так хорошо знакомую мне, кухню. Там позвякивали чашки, и пищал чайник.

— Ты что творишь, Чернышев? Ты какого черта притащил меня к себе на дачу?

Он обернулся и самодовольно улыбнулся. Нет, он улыбается мать его так? Это издевательство?

— Проснулась. Ты с постели, зачем встала?

— Я о чем тебя спросила? Какого, черта ты делаешь?

Артур отвернулся к плите, деловито переворачивая яичницу.

— Завтрак делаю.

Я вернулась в спальню, принялась лихорадочно искать свои вещи, но ничего не нашла, даже лифчика.

— Я их спрятал, и ты отсюда не уйдешь, пока температура не спадет. Для всех мы в командировке. Светка молчать будет.

Артур стоял в дверях и по-прежнему улыбался. Может заехать ему по наглой роже? Он что себе позволяет?

Я истерически засмеялась.

— Ты все продумал, да? Все решил? Как всегда? Ты думаешь все так просто? Ты поухаживаешь за мной, завтраком покормишь, и все уладится?

Улыбка с его лица исчезла. А я снова зашла в приступе кашля.

— Не кричи. Тебе нельзя.

— Где мои сигареты? — рявкнула я.

— Врач запретил курить, я их выкинул.

— Ты что оборзел совсем?

— Точно. Совсем.

Я завернулась поплотнее в простыню и пошла к двери, Артур резко выставил руку вперед и загородил проход. С того момента как он узнал, кто я, все изменилось и его отношение ко мне тоже, только теперь я его не понимала, я очень не любила чего-то не понимать и не предвидеть заранее. Меня это сильно нервировало и начинала чувствовать себя беспомощной.

— Куда?

— Такси ловить.

— В таком виде?

— Быстрее поймаю.

Я попыталась пройти, но он не дал.

— Отпусти. По-хорошему прошу, — процедила я сквозь зубы.

Артур усмехнулся, глаза угрожающе блеснули:

— А то что?

— Кричать буду, пусти, я сказала, — я ударила его по руке — все равно что бить по стволу дерева, он не шелохнулся.

— Кричи.

Я набросилась на него с кулаками, стараясь проскользнуть, протиснуться между ним и дверью, но он одной рукой удерживал меня, а другой дверь. Стоял как скала. От чрезмерной физической нагрузки у меня закружилась голова, и я повисла на его руке как тряпка. Артур подхватил меня за талию и понес в спальню.

— Скотина, — прохрипела я.

— Верно, я скотина, а ты сейчас ляжешь в постель. Через полчаса Соня укол придет делать.

Артур уложил меня на кровать и насильно закутал в одеяло, словно в кокон вместе с простыней.

— Ты можешь кричать, драться, ругаться, но ты отсюда не выйдешь. Поэтому смирись и наслаждайся жизнью, Инга.

— Я не Инга! — Выкрикнула злобно, словно выплюнула.

— Знаю, но ты уже и не Васька. Я еще не решил, как тебя называть.

Он издевается, просто надумал отплатить мне за все что я сделала. Точно, он будет мне мстить. Здесь я в его власти, нас никто не будет искать и он может делать со мной все что угодно.

— Пока что будешь — маленькая, раз ни Инга, ни Василиса тебя не устраивает.

Мне захотелось запустить в него чем-то тяжелым, но в этот момент он сказал нечто такое, от чего у меня все внутри задрожало.

— Я сделал яичницу, глазунью с колбасой. Как ты любишь и сладкий чай с малиной, три ложки сахара. Всегда удивлялся, как у тебя до сих пор попа не слиплась.

Ушел, а я так и осталась смотреть ему вслед. Это что он только что сказал? Нет, мне не послышалось? Да, я любила яичницу глазунью, я обожала чай с малиной, очень сладкий чай. Но это было в другой жизни, когда я еще не сидела на всяких здоровых диетах и не заботилась о фигуре. Это было восемь лет назад. Когда я жила с ним и по выходным Артур кормил меня завтраком. Не забыл. Не забыл, черт его раздери, а говорил, что не помнил, как я выгляжу. Почему это упоминание вызвало странное чувство ностальгии и тоски. Тоски по нему, по той любви. Я тогда была счастлива. То были самые лучшие дни в моей жизни. Слезы навернулись мне на глаза.

Артур вернулся с подносом в руках, и я отвернулась к стене, не хотела, чтобы он заметил, как блестят мои глаза.

— Плачешь?

— С чего бы это? — огрызнулась я.

Он поставил поднос на столик.

— Зачем? — спросила я уже спокойней.

— Так вспомнилось. Старые добрые времена.

Он посмотрел мне в глаза, и я снова отвернулась. Меня не нужно жалеть и вину свою он этим никогда не загладит. Во мне закипала злость при том стремительно, как цунами.

— Поешь. Если что надо — зови. Я в зале.

Я швырнула поднос ему в след и истерически заорала:

— Зачем тебе это все? Зачем? Хочешь заделаться хорошим? Так со мной не получится! Я насквозь тебя вижу! Хочешь, чтобы акции вернула? В чем подвох, Артур?

Он резко вернулся обратно и сгреб меня в охапку не давая пошевелиться. Я вырывалась, отбивалась, пыталась царапаться, а он придавил меня к себе и вдруг прошептал:

— Захотелось вспомнить, как было раньше. Захотелось вернуться туда, назад, к тебе.

Я пнула его еще сильнее.

— Поздно вспомнил, тебе не кажется?

Он вдруг обхватил мое лицо ладонями.

— Да, маленькая, поздно, очень поздно. Я знаю. Все слишком поздно, только ничего не могу с собой поделать.

В двери постучались, и Артур выпустил меня из рук.

— Это медсестра. Ложись. Потом поговорим. Пойду, уберу здесь, и приготовлю тебе завтрак еще раз, и только попробуй не съест, мое терпение не безгранично. Накормлю насильно.

— К черту тебя, твой завтрак и твою медсестру.

Артур повернулся, снова улыбаясь, только зрачки сузились.

— Прогонишь Соню — сам уколы делать буду. Так что хорошо подумай, прежде чем сделаешь ошибку. Я не шучу.

Он вышел, а я нырнула под одеяло. Сволочь. Не за что не позволю, чтобы он делал мне уколы, такой и убьет ненароком.

К вечеру мне снова стало плохо. Температура поднялась, и я тихо дрожала под одеялом. Артур не подходил ко мне, за исключением случаев, когда принес мне обед и несколько раз чай с малиной с лекарствами. Все остальное время я то спала, то бодрствовала. Я уже не порывалась сбежать. Чем быстрее почувствую себя лучше, тем быстрее от него избавлюсь. Не драться же мне с ним, в конце концов, чтобы уйти?

Артур зашел ближе к вечеру с очередной чашкой чая и увидел, что я трясусь под одеялом.

— Морозит?

— Да.

— Попей чаю, я принесу еще одно одеяло.

Я и не подумала высунуться. Руку протянула, начало ломить кости, я спрятала ее обратно и свернулась калачиком. Сколько времени антибиотик действует? Через три дня должно полегчать, вот тогда и уеду. Артур вернулся через пару минут с пуховым одеялом, укрыл меня и потрогал мой лоб снова.

— Ого! Прими аспирин.

Я протянула руку за таблеткой, быстро проглотила, запив чаем и отвернулась к стене, укрылась почти с головой. Меня все еще трусило. Чернышев выругался, послышалось шуршание одежды, и уже через секунду я подскочила как ужаленная — он залез под одеяло и прижал меня к себе.

— Не возникай, поняла? Я просто тебя согрею, а то трясешься как собака моей соседки.

Стало смешно. Притом впервые за все время нашего общения. Артур обхватил меня руками и прижал спиной к своей голой груди, его кожа показалась мне прохладной и я затряслась с новой силой. Услышала, как он тихо засмеялся и начал растирать мои плечи руки, согревая. Он впервые так заботился обо мне. Это оказалось приятно, несмотря на мою злость и ненависть к нему. По телу растекалось тепло, в груди пощипывало, голова слегка кружилась. Наверняка в чай коньяка добавил. Постепенно я переставала дрожать, а он прижал меня к себе еще плотнее, и я удивленно почувствовала бедром его эрекцию. Кровь бросилась мне в лицо, и стало жарко. До меня дошло, что я в одних трусиках, и он об этом знает. Хоть Артур и не пытался меня домогаться, от мысли, что он настолько близко и настолько сильно меня желает я снова начала подрагивать, но уже от борьбы с собой. Воспаленное, болезнью и коньяком, сознание играло со мной злую шутку. Я начала возбуждаться. Некстати, не к месту. Неосознанно пошевелила бедрами и его рука, растирающая мое плечо в попытке согреть, остановилась.

— Ты можешь перестать дергаться? — спросил он хрипло.

Еще чего? Ты держишь меня насильно в своем доме, ты разговариваешь со мной как со своей собственностью, ты влез ко мне в постель и я не воспользуюсь моментом совершить эту маленькую месть?

Уже намеренно я вильнула бедрами, чувствуя трение и твердый от возбуждения член.

— Ты нарочно да?

Я притворилась, что сплю и снова пошевелилась. Артур склонился надо мной, всматриваясь в мое лицо.

— Притворяешься, — шепнул мне в ухо, — я ведь могу и ответить.

В подтверждение своих слов он скользнул ладонью по моему плечу к шее и я почувствовала его прохладные губы на своем горячем затылке. Тело тут же напряглось, предательски реагируя на ласку. Соски затвердели и уже не от холода, а от возбуждения. Они жаждали прикосновений, я чувствовала его сильную руку на своем горле. Артур спустил руку ниже, к груди, и коснулся соска. Я сцепила зубы, чтобы сдержать вздох, продолжая притворяться спящей. Шершавый палец медленно обвел напряженную вершинку, не касаясь кончика, и мое тело покрылось мурашками. Он обхватил сосок большим и указательным пальцем, слегка сдавливая и перекатывая. Низ моего живота тут же опалило жаром. Холодно уже не было. Дышать становилось все труднее. Теперь его рука скользнула по ребрам к животу. Я напряглась. Если коснется меня там, то все поймет, но ладонь вернулась к груди. Он ласкал меня осторожно, едва прикасаясь кончиками пальцев. Я даже не думала, что Артур способен на такую нежность. Губы целовали мою шею, и дыхание щекотало кожу. Спиной я ощущала стальные мышцы на его груди. Захотелось прижаться еще сильнее, но я не смела пошевелиться. Пусть считает, что я сплю.

После нескольких минут этой пытки я уже думала, что сойду с ума. Между ног пылал огонь. Первобытное желание принять его вовнутрь, до упора, уже пульсировало в помутившемся сознании. Я вся напряглась, мышцы сводило от невероятного напряжения. Я уже мечтала, чтобы его дерзкие пальцы спустились ниже и притом немедленно. И Артур словно почувствовал мое желание, резко скользнул к низу живот, и от неожиданности я распахнула ноги, позволяя проникнуть еще дальше. Он накрыл мое лоно рукой, слегка надавливая, но, не лаская, и я не выдержала — застонала. Артур тут же убрал руку, и я услышала как он встает с постели.

— Согрелась? Вот и отлично.

Я мысленно послала ему проклятия, когда услышала, как он вышел из спальни, хлопнула дверь балкона. Пошел курить. Мое тело пылало, выпитый с чаем коньяк ударил в голову. Мне нужна была разрядка, немедленно, пусть даже без него. Думает, что теперь может играть со мной в свои игры как когда-то? Черта с два.

Господи, какие нежные у него сегодня были ласки, какие умелые. Как же мне хотелось снова, чтобы он прикасался ко мне, трогал меня. Входил в мое тело. Пусть ненависть ненадолго отступит и все вернется назад. Я закрыла глаза и обхватила налитую грудь ладонями. Если бы между нами не стояла ненависть какого это было бы чувствовать нежность его пальцев каждый день? Если бы он касался моих сосков, как сейчас, если бы ласкал мое лоно, проникая в него жадными пальцами. Я не поняла, как сама прикоснулась к себе там. Вздрыгнула, представляя, что это он ласкает меня. Услышала собственный стон и испуганно открыла глаза. Артур стоял напротив меня и смотрел. Я хотела натянуть одеяло, спрятаться от огненного взгляда почерневших глаз, но от стыда, что меня застали, не могла пошевелиться.

— Продолжай, — хрипло скомандовал он, — не останавливайся, раз начала.

Это был вызов, я не умею, не отвечать на вызовы, тем более такие наглые. Пусть смотрит и изойдется слюной. Но одно дело, когда я все это проделывала перед Германом, который и не волновал меня, а мог и совершенно "исчезнуть" если закрыть глаза и начать

фантазировать, а другое — Чернышев, который облокотился о стену, скрестил руки на груди и смотрит на меня черными от страсти глазами. Возникло желание натянуть одеяло на голову и сделать вид, что ничего не было. Только это означало поражение. Продолжая смотреть ему в глаза, я медленно провела руками по груди, лаская соски. Артур сжал челюсти так сильно, что скулы ясно прорисовались под темной кожей. Нервничает... То ли еще будет. Я прогнулась назад, прикусив губу, и показывая всем видом, как мне нравится себя трогать. Одна рука скользнула по животу к скрещенным ногам. Я внимательно наблюдала за ним из-под опущенных ресниц, за тем как менялось выражение его лица, раздвинула ноги, и он подался вперед, с трудом взял себя в руки и снова облокотился о стену. Я дерзко облизала сначала один палец, затем другой и наконец-то прикоснулась к себе там. Ощущения совсем другие, чем с Германом, острые, пугающие, взрывоопасные и все это под его жгучим взглядом. Я решила закрыть глаза и отстраниться от всего, пусть смотрит и сходит с ума. Мои пальцы порхали привычно, и уже скоро я начала тихо постанывать, зная что его это заведет еще больше. Только мне хотелось его ласк, чтобы это он прикасался ко мне, чтобы там были его пальцы, но я бы никогда не посмела ему в этом признаться.

Я скорее услышала, чем увидела стремительное движение, Артур сел рядом со мной. Первым порывом было скрестить колени, но он словно понял и удержал мои ноги распахнутыми. Почувствовав сильные руки на своей горячей коже, я изогнулась, возбуждение начало нарастать, и игра превращалась в реальность. Он так близко, он видит меня настолько раскрытой и бесстыдной. Внезапно я почувствовала приближение оргазма. В тот же миг Артур отбросил мои руки с такой силой, что я открыла в испуге глаза.

— Дальше — я сам, — хрипло простонал он и мою руку сменили его умелые пальцы. Он намеренно не давал мне кончить, то скользил во внутрь моего разгоряченного, истекающего влагой, лона, то гладил клитор, недостаточно сильно, лишь едва касаясь. Я изгибалась навстречу ласке, с моих губ срывались громкие стоны, дыхание со свистом вырывалось наружу. Я балансировала на грани ошеломительного оргазма, которого он мне не давал, то подводя к самой точке, то отбрасывая назад, когда гладил мои бедра и живот, давая успокоиться.

— У меня получается лучше, — самоуверенно заявил Артур, в очередной раз не давая мне взорваться, — я могу дразнить тебя бесконечно долго, тогда как ты не смогла бы продержаться и пары минут.

Я уже жалобно всхлипывала, забыв про всякий стыд, мне хотелось, чтобы его пальцы проникли в меня глубоко и резко, чтобы он дал мне то, чего я жаждала, то, что маячило в моем сознании, нарастая как напор воды, которая вот-вот прорвется наружу.

— Хватит, — простонала я.

Артур убрал руку и склонился ко мне:

— Прекратить тебя ласкать?

— Только попробуй, — ответила яростно, чувствуя как краснею от его дерзкого взгляда и нагло продолжила, — кончу без тебя.

Его взгляд изменился, он стал серьезным, даже побледнел, а потом хрипло произнес:

— Ты кончишь сейчас, кончишь со мной и только для меня.

Я почувствовала, как он ввел в мое лоно сразу три пальца, надавливая большим на клитор, теперь уже намеренно сильно, и выгнулась дугой, навстречу ласке с горла вырвался вопль. Оргазм затопил меня как цунами, закрутил в диком водовороте. Меня швырнуло к

нему на грудь, а его пальцы проникли еще глубже, исторгая из тела безумные крики удовольствия. Артур впился в мои губы, глотая каждый мой судорожный выдох, каждый стон. Я цеплялась руками за его плечи, содрогаясь всем телом, всхлипывая, словно в истерике.

— Да моя маленькая, какая же ты сладкая, какая тугая и горячая. Кричи для меня, я обожаю когда ты кричишь.

Артур осторожно положил меня на подушки и медленно очень медленно погрузился в мое лоно. От чувства совершенной наполненности я томно закрыла глаза. Он двигался во мне так осторожно, словно ощупывая изнутри, его горячие жадные губы нашли мою грудь, лаская языком все еще твердые, как камушки, соски. Теперь он возбуждал меня медленно. Растягивая удовольствие, а мне хотелось, чтобы он двигался быстрее, резче, сильнее, я даже подалась вперед, пытаюсь сменить ритм. Артур придавил меня к постели и прошептал на ухо:

— Сегодня я буду сводить тебя с ума. Сегодня мы играем по моим правилам.

Он, то наращивал темп, то снова сбавлял, заставляя меня выкрикивать его имя или громко ругаться, когда я пыталась отобрать у него инициативу, он останавливался, а я сатанела от злости и возбуждения. Царапала его спину, кусала его за шею, пытаюсь разозлить. Когда он снова озамер в самый ответственный момент, бросая меня на грани, от избытка чувств я его ударила по щеке и тут же распахнула широко глаза. Наши взгляды встретились. Теперь он прожигал меня насквозь. Я испугалась, увидев, как запульсировала жилка у него на виске. Ударит в ответ? Но Артур схватил меня за руки, завел их мне за голову и толкнулся вперед так резко, что я вскрикнула.

— Ты сама напросилась, — процедил сквозь зубы и снова сильно вонзился в меня. Я закричала, подалась вперед, распахнув ноги еще шире, — ты еще попросишь меня остановиться.

Теперь он двигался так быстро и яростно, что кровать под нами жалобно скрипела, а я охрипла от криков. В какой-то момент он выпустил мои руки, подхватил меня под ягодицы, врезаясь все глубже, сильнее. Я извивалась под ним, оставляла кровавые полосы на его груди и спине, но он не останавливался и когда новый взрыв накрыл меня с головой, я почувствовала, как мышцы влагалища плотно обхватили его раскаленный член. Сокращения матки были столь сильными, что мне показалось, что от наслаждения я теряю сознание. Еще никогда я не испытывала ничего подобного. Почему с ним, каждый раз лучше предыдущего? Как ему удастся иметь над моим телом такую власть?

— Как же сладко ты кончаешь, — простонал он, — как сильно сжимаешь меня внутри.

Сегодня ты принадлежишь мне, ты моя, слышишь, ты моя...

Теперь уже он рычал, терял самообладание, а я двигалась ему навстречу в первобытном желании почувствовать пульсацию его члена внутри себя, поглотить его всего, заставить его корчиться от страсти, кричать, стонать. Он обхватил ладонью мое лицо.

— Ты моя...моя...моя... — его тело внезапно напряглось, он прогнулся назад, сильно сжимая мои бедра и громко застонал, содрогаясь в судорогах оргазма. Я притянула его к себе, мокрого, скользкого от пота и подумала о том, что он прав. Я принадлежала только ему всегда, с того самого момента как увидела впервые, только больше я не позволю себя сломать, больше он не сможет сделать мне больно.

Артур лег на спину, все еще сжимая меня одной рукой за талию, крепко, по-хозяйски.

— Люблю тебя, — шепнул тихо, едва шевеля пересохшими губами, но я услышала,

попыталась освободиться, но он удержал. Потом притянул к себе на грудь и крепко обвил меня руками, чтобы не сбежала. Через несколько минут он уснул, а я смотрела в темноту и не знала, как мне отреагировать на его слова. "Люблю" Артур сказал мне впервые, только я не была уверена, что это не банальная благодарность за хороший секс, черт возьми, изумительный секс, самый лучший в моей жизни. Может с годами Чернышев уже не считает зазорным сказать своим любовницам приятные слова? Может, для него они значат не больше чем "спасибо"? Я закрыла глаза, уютней устроилась на нем, в горячем коконе его рук. Впервые расслабилась полностью и даже сама обняла его за шею. Меня баюкал его запах, биение его сердца, тепло его кожи. Болезнь возвращалась и прогрессировала и это не бронхит, а моя хроническая болезнь этим мужчиной. Моим первым мужчиной, единственным, которого я когда-либо любила и ненавидела.

Туда, где лгать невозможно.

Артур проснулся ближе к вечеру, розоватые солнечные лучи пробивались через прозрачные занавески, он приподнялся на локте и посмотрел на спящую рядом девушку. Она свернулась калачиком, поджав ноги и обняв подушку. Спит. Совсем как ребенок. Рот приоткрыт, синеватые веки подрагивают, прядь волос упала щеку. Артур осторожно потрогал ее лоб — прохладный. Теперь он рассматривал ее пристально, изучая каждую черточку, запутываясь в воспоминаниях как в паутине. Ища сходство и он его находил, черт возьми видел так явно, что даже не верилось как раньше он этого не замечал. Даже ее поза во сне. Васька всегда сворачивалась комочком на краю постели. Заметил родинку на правом боку, маленькую, словно раздвоенную. Убрал волосы с лица — за маленьким ухом небольшой шрам. Когда-то, в клубе, где она пела, произошла драка разбила окно и кусочек стекла поранил кожу. Артур помнил этот шрам, сам останавливал кровь, клеил пластырь, а она хныкала, что он выдирает ей волосы. Это его Васька — никаких сомнений. Что он чувствует теперь? Артур совершенно запутался. Собственные эмоции наложились друг на друга как картинки. Нежность к Ваське и страсть к Инге. Получалась гремучая смесь странная и непонятная. Чувства слились в одно целое. Тогда, восемь лет назад, она значила для него намного больше, чем он мог себе признать. Любил ли он? Теперь ему казалось, что любил. Своеобразной любовью с долей жестокости и эгоизма, но любил. Любит ли сейчас? Не просто любит, он с ума сходит по этой самоуверенной, упрямой женщине. Если раньше он не понимал этого сумасшедшего влечения то теперь все стало на свои места. Подсознательно его потянуло к ней снова, как и много лет назад. Она просто ЕГО женщина. Это где-то заложено глубоко внутри, в уголках памяти, на самом первобытном уровне в подкорке мозга. Ее запах, ее тело, ее движения все в ней создано для него. Вот почему увидев ее снова, Артур потерял голову. Просто он узнал ее. Неосознанно, но узнал. Сколько раз он вспоминал нежную девочку Ваську? Довольно часто, но всегда запрещал себе думать о ней. Воспоминания для слабаков. Он не собирался страдать из-за бывшей, которая так быстро нашла ему замену. Легче было выкинуть из головы и он выкинул, засунул далеко-далеко воспоминания и думал, что забыл, а она вернулась. Яростный ангел мщения. Настало время поговорить. Честно, по душам и решить, как они будут жить дальше. Будут ли ненавидеть друг друга или построят на пепелище разрушенных чувств что-то новое? Самое страшное для Артура было в этот момент то, что он прекрасно понимал — последнее слово все таки за ней, за Ингой. Она будет решать, простить его или нет, а ему останется только принять любое ее решение.

Артур не выдержал и притянул ее к себе, как когда-то. Девушка не сопротивлялась, уютно устроилась у него на груди, продолжая спать. Что она скажет, когда проснется? Все вернется на круги своя или изменится?

Артур услышал, как попискивает ее сотовый, протянул руку к тумбочке. На дисплее написано "Герман". Пусть звонит. Только его сейчас не хватало. В прошлый раз, Инга подорвалась и сбежала. Только звонок Новицкого все же Артура встревожил. Реальность вернулась. Инга приняла предложение папика, а сам Чернышев безнадежно женат. Эти минуты, когда они вместе, ворованные, и в скором времени окончатся или им обоим придется принимать сложные решения. Девушка приоткрыла глаза и тут же села, на постели

натягивая на себя простыню.

— Мне послышалось или кто-то звонил?

Артур раздумывал ровно секунду:

— Папик твой звонил, беспокоится, наверное.

Она схватила сотовый и Артур почувствовал укол ревности. Явный и болезненный. Подумал, что Инга сейчас перезвонит Новицкому, но она отключила мобильник и бросила его обратно.

— Тебе уже лучше?

— Намного. Отдай мои вещи, я не могу целый день ходить в одних трусах и мне нужно в душ.

Артур посмотрел на девушку, чувствуя легкую перемену в ее голосе. Она больше не разговаривала с ним свысока.

— Ты можешь надеть мою футболку.

Инга встала с постели, заворачиваясь в простыню.

— Я хочу, чтобы ты знала, что никакого отношения ни к записке, ни к отказу в помощи я не имею, — быстро сказал Артур и тут же замер, ожидая реакции.

Инга посмотрела ему в глаза, и устало ответила:

— У меня нет причин сомневаться в том, что я видела своими глазами.

— Значит, война продолжается? Ты по-прежнему меня ненавидишь и по-прежнему мечтаешь отомстить?

Девушка усмехнулась:

— А ты боишься? Ты прав — ничего не изменилось и не изменится никогда. Ты продолжаешь лгать, отрицая свою вину. У тебя не хватает смелости признаться. Так что для меня ты — трус и подлец, а секс ничего не меняет. И твоя внезапная забота тоже.

Она хотела пойти в ванную, но Артур удержал ее за руку:

— Я не писал эту записку, Инга. Я клянусь тебе, что не писал. Какой смысл мне отпираться, если ты говоришь, что видела ее своими глазами?

— Где моя сумочка?

"Решила уйти, ничего не меняется, она мне не верит"

— Уходишь? Иди. Сама все решила, вынесла приговор и приводишь в исполнение? А как же мое слово? Мне не положена защита?

— Где моя сумочка?

Артур поднялся с постели, достал из горшка с цветком ключ и открыл шкаф. Бросил Инге сумку.

— Давай! Вали! Я держать не буду! Никогда и никого!

Инга порылась в сумке, достала паспорт, потом пожелтевший клочок бумаги из-под корочки.

— На, смотри. Я ее сохранила. Знала, что когда-нибудь ты все будешь отрицать.

Она бросила записку ему на колени. Артур развернул сложенный вчетверо лист и быстро пробежался по нему глазами.

— Похоже, — задумчиво произнес он, — даже очень. Только это все же не мой почерк.

Инга ухмыльнулась.

— А чей?

— Не знаю. Хотя, мне очень хотелось бы узнать. Подожди, у меня сохранились накладные, я дописывал там от руки. Сейчас ты увидишь, что я не лгу.

Артур взял пиджак, висевший на спинке стула, и сунул руку во внутренний карман. Достал бумаги.

— Вот, посмотри здесь и здесь, а теперь на записку. Я букву "т" по-другому пишу и букву "А", у меня она на печатную похожа, а тут завитушка внизу.

Инга внимательно рассмотрела оба документа.

— Допустим. Хотя твой почерк мог измениться за несколько лет.

Артур вспыхнул.

— Найди человека, который устанавливает подлинность документов, и он тебе скажет, что это писал не я.

— Тогда кто? Кому это нужно кроме тебя?

Артур задумался и тяжело вздохнул:

— Пока что не знаю, но это можно вычислить.

Инга вдруг расхохоталась:

— А пока ты будешь выяснять, мы иногда будем трахаться у тебя на даче? Ты ведь для этого привез меня сюда? Или для того чтобы получить акции обратно? Или чтобы я вернула тебе снимки с аварии?

Артур побледнел, волна бешенства снова поднималась изнутри как ураган.

— Ловко, ничего не скажешь. Чего ты добиваешься? Хочешь посадить меня? Разорить? Что доставит тебе удовольствие, Инга?

Она отбросила простыню и одела его футболку.

— Когда ты останешься без гроша в кармане, а твоя жена тебя бросит, я хочу чтобы ты узнал цену денег и предательства. Когда-то я стояла под твоими окнами и просила денег, не так уж и много для тебя, на лечение моего ребенка. Твой охранник передал мне ответ — если ты будешь раздавать бабки каждой своей потаскухе, то ты разоришься.

Артур почувствовал, как внутри него что-то щелкнуло как затвор оружия.

— Когда это было? Ты помнишь число?

— Помню, я никогда его не забуду. Девятнадцатого августа, а двадцать первого он умер! Потому что ты пожалел денег для своей бывшей потаскухи! Он умер, а ты живешь и наслаждаешься жизнью, ждешь ребенка, купаешься в роскоши, имеешь любовниц, а он...он лежит под холодной землей. Ему холодно и одиноко.

Ее голос сорвался на крик и перешел в стон. Артур резко привлек ее к себе.

— Я не знал. Мне не сказали, что ты приходила. Инга, поверь, послушай меня!

— Скотина! Как же я тебя ненавижу! Ненавижу!

Она ударила его по лицу, а Артур перехватил ее руки, прижав к себе так сильно, что почувствовал, как сбивается ее дыхание.

— Я не знал.

— Ложь! Наглая и трусливая ложь!

Она яростно пыталась высвободиться, но Артур продолжал ее удерживать.

Внезапно Инга обмякла в его руках и зарыдала.

— Никогда тебя не прощу. Никогда.

Артур гладил ее по дрожащим плечам, по растрепанным волосам:

— Тссс. Я докажу тебе, что это не я. Я сделаю все чтобы ты мне поверила. Я сейчас ненадолго уеду, пообещай мне, что дождешься моего возвращения. Просто подожди и я привезу доказательства. Я, кажется, начинаю догадываться кто мог это сделать.

Инга резко оттолкнула его от себя

— Тебе не кажется, что это мы уже проходили? Я больше не Васька чтобы ждать у моря погоды, ясно? Я не буду тут сидеть, и считать ворон. Найдешь доказательства — флаг тебе в руки. Для меня ты все равно подлец. Где мои вещи?

Артур не верил, что все это происходит на самом деле. Впервые он так умолял, впервые хотел, чтобы ему верили, а получал от нее удар за ударом. Она словно ядовитая змея жалила его в самые больные места. Каждое слово иголками в сердце. Чернышев схватил ее за плечи:

— Я не знаю, как мне загладить свою вину. Я никогда раньше не извинялся за то чего не делал, но ты...ты заставляешь меня чувствовать себя полным дерьмом. Только нет суда без следствия ясно? Нет. Просто дай мне шанс доказать тебе, что я невиновен в смерти нашего ребенка. Не твоего, Инга, а нашего. Может мне не так больно как тебе. Я не знаю, что такое быть отцом, но я никогда, слышишь? Никогда бы не позволил моему сыну умереть. Хотя бы потому, что в детстве дал себе слово, что у моего ребенка будет семья и счастливое детство в отличии от меня. А теперь уходи, если хочешь.

Чернышев открыл шкаф и швырнул ей вещи.

Они оба замолчали. Воздух наэлектризовался, казалось было слышно как гулко бьются сердца у них обоих.

Инга одела юбку, стянула футболку через голову повернувшись к нему спиной. Артур сжал челюсти. Сердце отсчитывало удар за ударом. Вот и все. Сейчас она уйдет.

— Помоги застегнуть, — попросила Инга внезапно, приподняв волосы. Артур дрожащими руками застегнул лифчик на кнопки. Девушка надела кофточку, поправила воротник.

— Поехали со мной, Артур. Потом будешь искать доказательства.

Чернышев в удивлении смотрел на нее, но не возразил, быстро оделся, подхватил пиджак. Когда они сели в его джип Артур тихо спросил:

— Куда едем?

— Туда, где лгать невозможно.

Бог простит.

Мне это было необходимо. Я должна была видеть его лицо, чтобы понять. Нет, не простить. К такому шагу я еще не готова, только понять — лжет ли он мне снова. С той секунды как мы ступили за каменную ограду кладбища, мы не обмолвились ни словом. Артур шел за мной настолько тихо, что иногда я оборачивалась проверить, не сбежал ли он, испугавшись страшного груза вины. Нет, не сбежал. Мне было трудно определить, что именно он чувствовал в эту минуту. С того самого момента как Чернышев понял куда мы едем, он словно отстранился от внешнего мира, его лицо превратилось в непроницаемую маску.

Я привела его к знакомой серебристой оградке и пропустила вперед. Звонко чирикали птицы, жужжали пчелы над цветами. Мне казалось, я слышала удары своего сердца. Не знаю, сколько времени мы простояли молча. Здесь царит вечность, и время теряет свой смысл, оно или бежит или останавливается. Для меня оно всегда тормозило свой неумолимый ход. Я ждала. Терпеливо ждала, когда Артур обернется и что-то скажет или просто посмотрит на меня. Когда это все-таки произошло, я почувствовала, как ком подкатывает к горлу. Артур изменился, если вообще люди способны меняться за считанные минуты. Оказывается способны. Наверное, он стал старше, лет на десять. Нет, у него не появились вдруг морщины или седые волосы, просто пропал блеск в глазах. Потух. Черты лица заострились, он побледнел, между бровей пролегла скорбная складка. Так притворяться невозможно. А потом он привлек меня к себе. Не властно, не резко, а просто протянул мне руку, и когда я вложила горячую ладонь в его подрагивающие пальцы, он обнял меня. Это были иные объятия. В них смешалась горечь, боль и сожаление. Я услышала его шепот:

— Мне жаль, мне так жаль...если бы я мог все изменить...если бы мог. Прости. Я не знаю, что еще можно сказать, каждое слово пустой звук. Мне жаль, что ты пережила это сама, без меня.

Я не знаю, что со мной произошло, наверное, я ему поверила. Может, мне хотелось поверить, но жестокая ядовитая ненависть перестала грызть мою душу и отравлять каждый мой вздох. Она отпустила меня. Дала мне спокойно вздохнуть. На меня навалилась пустота, черная тоска. Я смертельно устала, выдохлась, развалилась на мелкие кусочки. Оказывается все это время я жила, дышала, двигалась только благодаря жажде мести. Она кормила меня изо дня в день, давала силы, а теперь я сломалась.

— Я хочу сменить табличку на памятнике, — шепотом сказал Артур, поглаживая меня по спине и плечам, — я хочу, чтобы здесь было написано — Чернышев Егор.

Я освободилась из его объятий.

— Это право нужно заслужить. Ты не был ему отцом никогда.

Прозвучало жестоко, но это правда. Если Артур думает, что его вины в этом нет, то он ошибается. Может он и не писал той записки и не знал о рождении сына, но он и не пытался узнать. Он меня бросил на произвол судьбы. Такое не прощают. Уж точно не я. Пусть нет ненависти, но и доверия и прощения так просто не вернуть и не заслужить.

Артур промолчал, он не ответил на мою колкость и не пытался оправдаться. Теперь он вез меня домой, и я видела, как стиснуты его челюсти, как пульсирует жилка на виске.

Можно подумать, что он в ярости. Каждый мускул на его теле напряжен, он натянут как струна.

— Ты права — это нужно заслужить, — сказал он вдруг и посмотрел на меня, — я не жду от тебя прощения, я не о чем тебя не прошу. Я понимаю тебя. Может тебе трудно в это поверить, но я понимаю. Ты вправе мстить, у тебя были для этого все основания.

Я промолчала. Знаю, что права, без него знаю, но этого не легче. Я ничего не добилась. Разве что заполучила его в свою постель. Вызвала в нем угрызения совести и узнала, что на самом деле это письмо писал не он. Я хотела не этого. Я хотела его раздавить, сломать, уничтожить, а сломалась сама.

Когда я выходила из машины, Артур схватил меня за руку.

— Прости, — сказал он снова, а я яростно выпалила:

— Этого слишком мало. Бог простит.

Его лицо исказилось как от сильной боли, а я даже не почувствовала триумфа. Я проиграла. Притом по всем фронтам. Осталось только поговорить с Германом и можно жить дальше. Здесь. В этом городе, рядом с моим сыном.

Артур поставил машину в гараж и зашел в дом. В нем все клокотало от ярости.

— Алена!

Крикнул он и прислушался, с веранды доносились голоса. Женские голоса.

Чернышев с грохотом распахнул стеклянную дверь и женщины вздрогнули, повернули головы. Артур не успел заметить как Алена затушила сигарету о стену и бросила за спинку плетеного кресла. Лида закинула ногу за ногу и хищно улыбнулась.

— Не прошло и полгода, как мой блудный муж заявился домой! — пискляво крикнула Алена и вскочила на ноги.

— Только не лги мне, что ты был в командировке. Я все про тебя знаю, про тебя и сучку Новицкого. Ты ее трахаешь и уже давно. Лида видела вас и...

Истерично кричала она, и вдруг Артур сгреб ее за шиворот.

— Ты маленькая и подлая тварь, ты! Это ты написала записку? Отвечай, не то я вытрясу из тебя правду!

Его глаза расширились, а ноздри трепетали. Алена от неожиданности захлопала глазами.

— Ты о чем? Ты не заговаривай мне зубки! Я спрашиваю, ты спишь с ней? Ты спишь с Ингой?

Артур потрянул жену с такой силой, что она вскрикнула

— Восемь лет назад, Василисе написали записку и украли деньги, которые я оставил. Это могла быть только ты!

Алена не понимала, о чем он говорит, она только с ужасом смотрела на перекошенное от бешеной злобы лицо мужа, то на подружку, которая с места не двигалась, чтобы ей помочь.

— О чем ты, Артур?

Чернышев достал из кармана пожелтевший лист бумаги и ткнул ей в лицо, схватил за затылок как паршивую собачонку и припечатал носом к записке.

— Эту проклятую писульку написала ты? Отвечай, тварь! Я знаю, что ты умеешь подделывать почерка, мы с тобой это проворачивали и не раз, когда требовалась подпись

твоего папаша!

Алена тряслась всем телом.

— Я отнесу ее на экспертизу и все равно узнаю, только тогда я просто убью тебя, поэтому отвечай сейчас — это сделала ты?

Артур впился пальцами в затылок Алены с такой силой, что у нее от боли подогнулись колени.

— Да. да отпусти...Да! Это я написала!

Пальцы Артура разжались и он отшатнулся от нее, посмотрел на как мерзкое насекомое. Алена истерически захохотала:

— Да! Это написала я! Не знаю где ты ее взял и какого черта выясняешь отношения сейчас, но это и в самом деле я. А что здесь такого? Эта потаскушка хотела тебя увести. Она думала, если залетит, то ей удастся тебя заполучить. Думаешь, она сделала аборт? Нет, эта сучка выносила маленького ублюдка и приперлась вымогать деньги. Ты должен быть мне благодарен, что я разделалась с шантажисткой. Ты должен...Ай...

Артур схватил ее за горло и силой сжал, у него в голове помутилось. Он хотел давить пальцами все сильнее и сильнее, хотел почувствовать ее агонию.

— Я бер...беремен...нна.

Слова дошли до сознания сразу, полоснули острым ножом и Чернышев разжал пальцы. Алена схватилась за горло и закашлялась.

— Тебе это с рук не сойдет, я все расскажу...я позвоню...я...отец с дерьмом тебя...

Вдруг послышался голосок Лидочки, звонкий такой, залиvistый.

— А ты не слушай ее, Артурик, врет она все. Аленочка твоя не беременна.

— Заткнись! Сука! — Алена бросилась к подруге и толкнула в плечо, — Пошла вон отсюда! Вон пошла!

Артур схватил Алену за шкуру и отшвырнул к стене.

— Говори! — скомандовал он, глядя на Лиду, — Говори раз начала!

Лида пожалала полными плечиками:

— А что говорить? Поначалу она и правда думала, что беременна, а потом узнала, о воспалении, а идея удержать тебя была столь заманчивой. Столь сладкой. Вот она и решила, поддержать в тебе уверенность, а потом подстроить выкидыш.

— Сука! — взвизгнула Алена, но в тот же момент Артур ударил ее по лицу с такой силой, что ее голова отлетела назад, а с уголка рта потекла струйка крови.

Он развернулся и быстрыми шагами пошел к себе в комнату, достал из шкафа чемодан и принялся кидать в него свои вещи. Алена заскочила следом за ним.

— Куда собрался? К ней да? К ней уходишь?

Артур, молча, срывал рубашки с вешалки.

— Это она да? Она тебя подговорила меня бросить, она все подстроила.

Артур захлопнул чемодан и пошел к двери. Алена бежала следом.

— Уйдешь к ней, папа выкинет тебя с фирмы, папа посадит тебя снова...Папа.

— Заткнись! — процедил Артур и отшвырнул ее от себя снова. Вдруг Алена взвыла, вцепилась в его руку.

— Не уходиии! Артур, не уходиии! Я все прощу. Я...я все тебе прощу, только не оставляй меня...Артур. В чем я виновата? В чем? В том, что любила тебя?

Чернышев обернулся:

— Любила? Ты не умеешь любить, Алена. Ты любишь только себя драгоценную. Ты

виновата в смерти моего ребенка, во всей той лжи, во всей грязи в которую втянула и меня и себя. Бумаги о разводе получишь по почте, а компания и так не принадлежит ни твоему папочке, ни мне. Так что укс, а шантаж не удался.

Артур отворил входную дверь, и Алена снова вцепилась ему в руку:

— Бросишь — застрелюсь! — взвизгнула она.

Артур усмехнулся:

— Мог бы, застрелил тебя сам, жаль только сидеть из-за такой падали. Пошла вон!

Нужно было это сделать еще пару лет назад, какого я тянул непонятно!

Он быстрыми шагами направился к гаражу:

— Артур, не уходи! — Алена упала на землю и протянула к нему руки:

— Прости меня, я...люблю тебя...прости...

— Бог простит, — ответил Чернышев и сел за руль.

— Уедешь — больше не переступишь порог этого дома никогда!

— Только в своих страшных кошмарах.

Лида помогла Алене подняться с земли, но та оттолкнула подругу:

— Сука! Пошла вон! Убирайся! Это все ты! Ты!

Лида хмыкнула:

— Он все равно с тобой не будет. Если хочешь знать мы были любовниками все эти годы.

Алена бросилась к Лиде, но та ударила ее ногой с такой силой, что молодая женщина согнулась пополам от боли.

— Дура ты, просто жалкая дура. Он никогда тебе не принадлежал. Так только на бумаге. Можешь теперь ею в туалете подтереться.

Лида гордо пошла к воротам, а Алена закрыла лицо руками и зарыдала.

— Я его не отдам, — всхлипнула она, — никому не отдам. Он мой. Мой.

Вчера

Я медленно положила сотовый на стол. Герман приезжает через несколько дней. Вроде бы все как всегда и говорил он со мной ласково, даже сказал, что соскучился, но меня мучили сомнения. Он словно чего-то недоговаривал. Как будто мысль обрывалась на полуслове. О предложении стать женой ни слова. Даже не намекнул. О том, что не отвечала на звонки тоже. Хотя, я придумала хорошее объяснение и самое банальное, которое вполне подходило для капризной любовницы — я обиделась на него. В это можно было поверить, ведь я и раньше так поступала.

Рабочий кабинет не изменился, но мне он казался другим. Я видела теперь все в ином свете. Переложила папки с договорами на край стола и закурила. Последнее время я слишком много курю. Я все время думала о том, что говорил мне Артур, о том, как он вел себя последние дни и том, что меня снова засасывает, как в болото дикая потребность находиться с ним рядом. Дышать с ним одним воздухом, смотреть в его пронзительно синие глаза, а еще я хотела снова услышать "люблю тебя". Эти слова пульсировали в висках. Его голос, которым он их произнес.

"Не смей, Васька. Не смей — он тебя снова сломает, только теперь ты уже не возродишься. Теперь ты сдохнешь если он бросит. А он бросит обязательно, когда ты перестанешь быть загадкой и сукой"

После нашей последней встречи с Артуром прошло три дня. Я выздоровела. Остался кашель, в горле еще першило, но я все-таки выздоровела и без уколов, только с таблетками. Почему-то мне казалось, что мне стало лучше, когда он обо мне заботился. Становилось все труднее твердить себе, что все это только месть, я уже себе не доверяла. Стоило нам оказаться наедине и все мои бастионы рушились, он проникал мне под кожу как яд, как наркотик, как моя личная разновидность героина, сквозь поры, сквозь каждую клеточку.

И самое страшное, я уже впала в зависимость снова. Нет бывших наркоманов, есть временно "чистые", я была "чистой" семь лет, пока не встретила снова и не получила очередную дозу Артура Чернышева.

В дверь постучали.

— Да, Света, можешь зайти.

Я все еще делала вид, что просматриваю документы.

— Переверни, может, тогда врубишься что там написано.

Я резко подняла голову. Артур стоял, прислонившись к двери спиной и смотрел на меня. Не так как всегда. По-другому. Ни цинизма, ни наглости. Таким я его не знала.

— Войти можно? Я все-таки не Света.

Я растерялась. Обычно этот тип вваливался в мой кабинет как к себе домой, отворяя дверь с носока. Он спрашивает разрешение? Кто нынче сдох в лесу?

— Заходи, присаживайся.

Я щелкнула ногтем по селектору:

— Светочка, мне как всегда и Артуру черный без сахара.

Улыбнулась и посмотрела ему в глаза. Да. Я тоже помню, какой кофе ты любишь.

Удивлен? Я многое помню. Например, какую музыку ты слушаешь когда тебе тоскливо,

какую зубную пасту покупаешь и каким кремом для бритья ты пользуешься. Сколько шрамов на твоём теле, что выводит тебя из себя и как можно к тебе подластиться. Я все помню Артур, а что помнишь ты кроме чая с малиной и яичницы? Конечно я не сказала этого вслух. Увидела, как он удивленно приподнял брови, а потом сел напротив меня, облокотился об стол.

— В голубом ты неотразима. Насчет кофе — польщен.

Обе фразы прозвучали на одной ноте как комплимент.

— Спасибо. Итак.

Он откинулся на спинку стула, затем достал из папки лист и протянул мне.

Я прочла. Один раз. Затем еще и еще и еще и никак не могла понять, что там написано.

— Что это значит?

— Я увольняюсь и всю свою долю передаю Инге Орловой. Все ценные бумаги, акции и долю в недвижимостях.

Я не поняла, нахмурилась, положила документ на стол. Мне казалось, что под ногами разверзлась земля, и я медленно падаю в пропасть.

— Не поняла. Это такая шутка? Сегодня не первое апреля.

Артур усмехнулся:

— Верно, не первое и это не шутка. Ты хотела компанию — она твоя. Доля Рахманенко незначительная и ты с легкостью можешь заставить его отдать ее тебе.

Я не понимала, решительно не понимала ничего. Что он только что сделал? Подарил мне свое состояние до последней копейки или у меня бред шизофренички?

— Ты сошел с ума? Рахманенко твой тесть, Алена твоя жена и...

— Алена очень скоро перестанет быть моей женой, и я хочу, чтобы ей не досталось ни копейки, когда она судом будет пытаться оставить меня без трусов.

Я резко встала.

— Ты разводишься? Бросаешь беременную жену? История повторяется? Забери к черту свои проклятые бумажки. Выйди вон из моего кабинета. Ты так ничего и не понял. Ничему тебя жизнь не научила. Снова бросаешь беременную женщину и снова без гроша?

Он встал так же резко, как и я и перегнувшись через стол сцапал меня за воротник.

— Это ты ничего не поняла. Ты не видишь дальше своей ненависти и злобы. Алена не беременна, она меня обманула и это Алена написала тебе ту проклятую записку и именно она тогда выгнала тебя из моего дома. А еще Алена вместе с ее папочкой заставили меня жениться восемь лет назад. Грязным шантажом и угрозами.

На меня словно вылили ушат холодной воды, я с трудом удержалась на ногах. Голова предательски закружилась и к горлу подступила тошнота. Перед глазами пронеслись картинки из прошлого, встречи с Генадьевичем, даты, числа. Меня начало колотить.

— Авария, — хрипло пробормотала я.

— Именно, маленькая, авария. Проклятая авария, из-за которой я тогда пропал и не вернулся. Рахманенко вытащил меня из СИЗО, а потом и из-за решетки, я отделался легким испугом в обмен на свободу. Вот почему я был тогда груб с тобой, вот почему бесился и уходил, я пытался расстаться и снова возвращался.

Он разжал пальцы, и я рухнула на стул.

— Почему ты мне ничего не сказал? — я не узнавала свой голос. Мне казалось, что только что меня ударили в самое сердце ножом, а потом провернули его несколько раз.

— Струсил, — жестко ответил Артур и закурил, — мне пригрозили тюрьмой, а еще и

тем, что с тобой разберутся люди Рахманенко, тогда я его боялся и струсил. Сбежал.

Я, пошатываясь, подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Меня трусило, подбрасывало, зуб на зуб не попадал. Почувствовала его сильные руки на своих плечах и сломалась. Обернулась к нему и ударила по щеке, потом еще раз и еще. Он стоял, не шевелясь, не пытаясь меня остановить, не сопротивляясь.

— Почему ты мне не сказал, почему? Все могло быть иначе! Трус! Жалкий трус! Дурак! Идиот!

У меня началась истерика, все выплеснулось наружу. Я уже не могла держать себя в руках, я била его по груди и срывалась на крик.

— Почему? Я имела право знать!

— Прости, — тихо сказал он и обхватил мое лицо ладонями.

— Как ты мог вот так просто уйти? Сволочь! Я же любила тебя! Я могла пройти с тобой все. Я бы ждала тебя сколько надо... Ненавижууу!

Хотела ударить. А вместо этого зарылась в его волосы пальцами и притянула к себе. Мы соприкоснулись лбами, оба дрожали.

— Я любила тебя..., - простонала я и почувствовала, как он прижимает меня к себе еще сильнее.

— Я знаю. Тогда я этого не понял. Я жалею о каждой минуте, которую провел не с тобой, о каждом дне без тебя. Я искал тебя... было уже поздно...

По моим щекам текли слезы. Наверно так я расставалась со своей ненавистью, болезненно, горько. Не знаю как это получилась, но я сама его поцеловала, коснулась его губ губами и он вздрогнул. Поцелуй был соленым от моих слез.

Сейчас я целовала его иначе, не как расчетливая Инга в стремлении соблазнить. Сейчас я целовала того Артура с которым рассталась много лет назад. Я поглощала его дыхание, прижимаясь к нему всем телом, я целовала любимого из прошлого, а не ненавистного из настоящего. И он почувствовал перемену во мне, отвечал страстно, но его губы больше не порабощали, нет, он целовал меня даря ласку, вытирая слезы с моих щек большими пальцами, перебирая мои волосы на затылке.

— Не плачь, я все еще не могу видеть твои слезы, — шептал мне на ухо, спускаясь горячими губами к шее, — не плачь, я больше никогда не уйду, если ты не прогонишь.

В этот момент мы оба замерли, понимая, что его слова требуют моего ответа. Если оттолкну сейчас, то больше он никогда мне этого не скажет, даже если попрошу, а если отвечу, то потеряю себя снова. Я посмотрела ему в глаза и захлебнулась. За такой взгляд Васька отдала бы полжизни. А Инга? Нет больше Инги, никогда не было. Пусть она сгинет навсегда. Я хочу счастья, я хочу любить его сегодня, сейчас, пусть это самообман, но я устала бороться. Я больше не могу и не хочу...

— Не уходи, — тихо ответила я, — никогда больше не уходи.

Артур застонал и снова нашел мои губы, его руки лихорадочно гладили мою спину, плечи. Мы остро нуждались в этой близости оба. Не в сексе, не в очередной схватке, а именно в близости. Сейчас, немедленно, я хотела его всего, такого, дрожащего неуверенного в себе, слабого. В этот момент он был моим. Впервые за все время, что я его знала. Я принялась лихорадочно расстегивать его рубашку, а он мою блузку. Мы понимали, что нас могут застать в любую минуту, но остановиться уже не могли. Артур потянул мой лифчик вниз, и закрыл мне рот губами, когда я хотела вскрикнуть от прикосновения его горячих пальцев к соскам. Таким тугим и чувствительным. Мне было мучительно сладко в его руках,

сладко до горечи. Я касалась его голой груди жадными ладонями, наслаждаясь прикосновением к его коже. Я позволила чувствам вернуться, я дотрагивалась до него с любовью и понимала, что сейчас мне с ним хорошо по-настоящему потому что я это я. Артур поднял мою юбку до пояса, затем подхватил меня под колени и посадил на стол. Прилюдий не было, мы испытывали жадную потребность друг в друге немедленно, и когда его пальцы отодвинули полоску трусиков в сторону я нетерпеливо притянула его к себе. Почувствовала как твердый член осторожно раздвигает стенки лона заполняя меня всю, и подалась вперед принимая его как можно глубже. Мы замерли, тяжело дыша и стараясь не издать ни звука, посмотрели друг другу в глаза и вдруг Артур тихо спросил:

— Ты все еще любишь меня, Василиса Прекрасная?

От неожиданности я задохнулась, а он подхватил меня под ягодицы и проник еще глубже. Я сдержалась от стога и закусил губу. Артур снова пронзил меня резким толчком и остановился.

— Скажи мне, — жарко прошептал у самых моих губ, — ты любишь меня?

Я не была готова к ответу, очевидному для меня, но не для него. Он снова посмотрел мне в глаза. Неужели в его взгляде я больше не вижу цинизма, неужели вот этот Артур настоящий?

— Не останавливайся, — попросила я и притянула его к себе за воротник. Артур перехватил мои руки.

— Скажи мне правду сейчас.

— Нет.

— Что нет? — он снова пронзил меня резким движением бедер, и я выгнулась ему навстречу. Его язык трепетал на твердом камушке соска, лишая меня разума.

— Я...не...люблю...тебя, — простонала я и схватила его за волосы. Ложь. Наглая, трусливая ложь, но на большее я сейчас не способна. Может быть, когда-нибудь я смогу сказать это снова, но не сейчас. Тогда он вдруг приподнял мои ноги под колени и опрокинул навзничь на стол, сметая одной рукой на пол все папки.

— Нет? — толчок его члена внутри оказался настолько сильным, что у меня закатились глаза, я вцепилась пальцами в его плечи, пытаюсь увернуться, но он был безжалостен.

— Нет? — теперь его движения стали хаотично прерывистыми. Я его разозлила, оскорбила, я чувствовала его обиду и желание услышать другой ответ. Сейчас он меня наказывал, врезаясь в мое лоно с остервенением, с диким напором. Кричать я не могла — за дверью Светочка и она все может услышать, я прикусила губу до крови и простонала:

— Нет.

— Врешь, — глаза Артура блеснули от страсти и гнева, — врешь или снова мстишь.

Давай, отомсти мне, маленькая, заставь меня поверить, что ты больше не любишь. Зачем это все, если ты равнодушна ко мне?

Я поднялась и обхватила его шею руками, оплела торс ногами. Ко мне неумолимо приближалась развязка, его голос хриплый, полный страсти, сводил меня с ума. Он не сбавлял темп, подводя меня к экстазу быстро и беспощадно.

— Посмотри мне в глаза. Я хочу, чтобы ты сейчас смотрела мне в глаза. Вот так, нет, не закрывай. Смотри.

Я балансировала на грани безумия. Я чувствовала, что еще одно его движение внутри моего тела, и я кончу.

— Я люблю тебя.

— О господи, — я закрыла рот рукой впиваясь зубами в запястье

— Нет, смотри на меня, маленькая, я хочу видеть, как потемнеют твои глаза когда ты кончишь. Хочешь, я повторю тебе то, что сказал?

— Да! — он удерживал мой взгляд не переставая пронзая меня словно насквозь, на грани с болью, проникая так глубоко, что я задышалась от желания закричать на весь офис.

— Я люблю тебя...

Оргазм был настолько мощным, что меня подбросило как от удара. Я смотрела ему в глаза и ничего не видела, сотрясаясь в его руках, корчась от сладких судорог, не имея возможности даже застонать. Внезапно он зарылся лицом между моих грудей и сжал меня так сильно, что я всхлипнула. Мышцы на его теле напряглись, он вздрагивал, а я гладила его голую, влажную от пота спину. Мне больше не хотелось оттолкнуть его, выгнать. Я не стыдилась того что произошло между нами сейчас. Я пустила его обратно в свое сердце, но если он снова разобьет, я убью его.

Отдышавшись, мы посмотрели друг на друга. Артур застегнул мою блузку, поправил мои волосы, нежно, заботливо. Я натянула на него рубашку, вытерла следы помады со щеки, спрыгнула со стола, одернула юбку, чувствуя как промокают от нашей влаги мои трусики. Придется мыться в туалете и снять их совсем. Артур вдруг неожиданно привлек меня к себе.

— Ты помнишь, что я тебе сказал?

Я пожала плечами и хотела поправить чулок, но он удержал меня.

— Я сказал тебе то, что никогда и никому еще не говорил — я сказал, что люблю тебя.

— Это всего лишь слова, — ответила я и все же поправила чулки. Артур наблюдал за мной и вдруг снова поцеловал требовательно и грубо:

— Не выйдет.

Я удивилась.

— Что не выйдет?

— Не выйдет больше отстраниться от меня и сбежать.

— Я никуда не бегу, только не понимаю чего ты хочешь, Артур. Чего ты ждешь? Что я снова будет как когда-то? Я больше не Васька. Мне нужно гораздо больше чем просто слова.

— Чего ты хочешь? Я ушел от Алены, я отдал тебе все, что у меня есть, ты забрала мою душу, мое сердце, ты забрала меня всего.

Мне не верилось, что он говорит мне это. Наверное, я сплю. Артур Чернышев не способен унижаться.

— Давай, рви меня на части. Ты этого хотела? Я открыт и не сопротивляюсь, бей побольнее. Давай. Прогони меня. Скажи, что не хочешь быть со мной, скажи, что не любишь, скажи мне это сейчас. Не молчи.

Я рывком обняла его и спрятала лицо у него на груди. Я больше не могла его отталкивать. Я хотела его любви так жадно, как утопающий желает глотка воздуха.

Артур крепко прижал меня к себе.

— Не можешь, да?

— Не могу, — ответила я честно, и мне стало легко. Пусть все горит синим пламенем. Все. И его проклятая жена, и Герман со своим предложением. Мне плевать. Я больше не уступлю его никому. Он мой. Он только что дал мне это право.

В дверь постучали, и мы отстранились друг от друга.

— Инга, вам звонит Герман Вениаминович, вы можете ответить?

Я увидела, как сжались у Артура челюсти и как он напрягся.

— Да, Светочка, переводи.

Герман говорил не о чем. Просто болтал, раздражая меня, а еще больше Чернышева. Новицкий словно чувствовал, что я больше не принадлежу ему. Что именно сегодня я ушла от него навсегда. Он удерживал меня на линии вопросами, разговорами, нежностями, а я нервно курила и смотрела на Артура. Когда, наконец, разговор был окончен, Чернышев отнял у меня трубку и бросил на рычаг.

— Ты больше не вернешься к нему, — скорее утверждение, чем вопрос.

— Ты больше не вернешься к ней, — парировала я.

— Ты не выйдешь за него замуж! — продолжал он, сверля меня взглядом.

— Ты разведешься с ней немедленно!

— Ты переедешь ко мне навсегда!

Мы замолчали. Он ждал ответа, снова, а я тянула паузу.

— Когда? — спросила я, и Артур серьезно посмотрел мне в глаза и ответил без тени насмешки:

— Вчера.

ЗАМКИ НА ПЕСКЕ

Герман курил сигару и раскладывал фотографии на столе как пасьянс. В кабинете царил полумрак. Тусклый свет настольной лампы освещал только снимки, сам Новицкий оставался в тени. На фотографиях Инга и Артур. Каждый снимок запечатлел то страстный поцелуй, то яростные объятия или животное совокупление в салоне автомобиля, или на широкой постели, или на лестничной площадке офиса. Герман брал каждый из снимков, подолгу рассматривал и клал обратно. Настенные часы отсчитывали минуты, в тишине шелестела глянцевая бумага. Можно было подумать, что он собирает эротический коллаж. Новицкий вернулся из Европы еще три дня назад, вернулся после звонка Алены Чернышевой, которая в истерике обвиняла Ингу в том, что та увела ее мужа. Алены кричала в трубку, что Артур ее бросил ради девки Новицкого. Герман не поверил. Он всегда считал Алену истеричной особой с манией преследования. Он не верил до тех пор, пока сам не увидел своими глазами. Новицкий организовал за Ингой профессиональную слежку. Его человек ходил за ней по пятам и фотографировал. Доказательства были переданы Новицкому спустя сутки. Герману они показались вечностью. Он ждал. Заперся в номере гостиницы в кромешной тьме и ждал приговора. Реальность оказалась более жестокой, чем его собственные домыслы. Герман думал, что возможно это случайная вспышка страсти, интрижка или просто флирт. Все оказалось гораздо хуже. Они выглядели безумно влюбленными, эта парочка. Влюбленными и счастливыми. Такие мелкие детали заметит лишь ревнивый глаз обманутого любовника. На первых снимках Инга и Артур выходят из офиса, лишь присмотревшись можно заметить как мужчина слегка касается ее пальцев рукой. Дальше хуже, они оба в кафе смотрят друг на друга так, словно никого рядом не существует, а дальше... Герман снова взял снимок где Инга и ее молодой любовник страстно занимаются сексом. С Новицким Инга никогда себе такого не позволяла, да и он бы не решился прижать женщину к стене и оприходовать ее в одежде на прокуренной лестничной площадке офиса. На лице женщины экстаз, рот приоткрыт в немом крике наслаждения, глаза закатились, пальцы судорожно впились в плечи мужчины, который буквально вдавил ее в стену. Всего лишь двадцать четыре часа, сутки наблюдений, а эти трахались как кролики как минимум раз пять. Новицкий смял фотографии, сбрасывая их в кучу и поджигая одну за другой. Нет, это не просто случайная связь и он уже точно знал, что в прошлом эти двое уже были любовниками. У Новицкого заняло всего лишь полчаса узнать о Чернышеве все, включая его отношения с Василисой Лавриненко восемь лет назад. Герман чувствовал, как по его спине стекают ледяные ручейки пота. Маленькая дрянь использовала его. Использовала так ловко и искусно, что Германа начинало тошнить от одной мысли, что его поимели как мальчишку. Все эти восемь лет она хотела отомстить Чернышеву. Она задумала это еще тогда когда перестала корчиться от ломки после затяжного запоя в его доме. Вот почему она позволила ему себя менять, вот почему жила с ним все это время — Инга вынашивала планы мести. Герман мог простить ей этот обман, если бы она и правда отомстила и забыла. Он бы даже восхитился ее изощренным умом и фантазией, только одно грызло его и сводило с ума — она любила того, кого собиралась уничтожить. Любила столь безумно, что на каком-то этапе ее собственная месть обернулась против нее. Только Чернышев вряд ли отвечал ей взаимностью. Герман слишком хорошо знал таких типов как Артур. Такие не исправляются, может сейчас он и

проводит с Ингой незабываемые дни и ночи, но он не любит ее, так как Новицкий, он снова ее сломает и тогда Герман уже не соберет ее по кусочкам. Он не мог ненавидеть Ингу как ни старался. Для него она была не только любовницей, а еще и ребенком, которого он спас и выходил после затяжной болезни — Герман мог все простить и забыть, он готов был закрыть глаза на измену, мог бы начать все сначала. Новицкий ненавидел Чернышева, вот его он захотел уничтожить сам. Молодой самец, неутомимый любовник, бабник, циник и негодяй, манипулятор играющий с Ингой как с марионеткой. От Чернышева нужно избавиться и все станет на свои места. А Инга, она со временем успокоится, станет его женой, начнутся новые обязанности, новая жизнь в статусе супруги нефтяного магната. Ингу он не отпустит, потому что не смыслит жизни без своей певчей птички. Он любил ее так страстно и безумно, на сколько способен любить мужчина в последний раз. Герман бросил взгляд на часы — механизм запущен, завтра Чернышева арестуют. На этот раз его никто не отмажет ни Рахманенко, ни собственные адвокаты. Новицкий уже знал, что Артур переписал свою долю в компании на Ингу. Проверил наличность Чернышева — копейки все было вложено в акции — соперник на мели, если сильно постараться то и те крохи, которые у него остались будут временно недоступны. С Рахманенко Герман встретился еще накануне вечером, получил все необходимые документы про аварию, которая случилась восемь лет назад, аварию со смертельным исходом, где Чернышеву, благодаря тестю, удалось выйти сухим из воды.

Артур вдохнул запах свежей краски и осмотрел помещение. Эта небольшая трехкомнатная квартира в центре города казалась ему хоромами. Неким пристанищем спокойствия. Они выбрали ее вместе с Ингой. Почему-то он не мог называть ее Васькой как раньше, язык не поворачивался, для него она Инга — гордая, красивая, яркая. Правда иногда в моменты самой интимной близости, когда он поработал ее своей силой и страстью, она превращалась в Василису, он узнавал ее заново. Когда Артур пришел к ней в то утро в офис он сам не знал чего именно ждет от их встречи. Он понимал, что сегодня они — или навсегда потеряют друг друга, или обретут снова. Вот только не знал он, что нужно сказать, как можно заставить простить. Артур просто отдал ей то, чего она так желала. То к чему стремилась в своей мести, и этим ее обезоружил — он отдал ей компанию. А потом позволил выбирать. Когда кричал ей в неудержимом порыве: "Давай, рви меня на части" сам боялся, что сейчас она выставит его за дверь. Инга была такой же непредсказуемой, как и он сам, поэтому с ней Артур был откровенен, только искренность может достигать до израненного сердца. Артур никогда не говорил женщинам ничего подобного. Он сам сотни раз выслушивал убеждения в любви и в верности, которые коробили его. Любовь к Инге, едва зародившаяся, зыбкая, вязкая затягивала его как в болото. Инга по-прежнему оставалась загадкой, даже не смотря на то, что Артур знал, что там под маской безразличия и стервозности прячется его маленькая Васька. Когда он думал, что покорила ее — она обливала его ледяным презрением, а когда думал, что сейчас выставит за дверь — сама бросилась ему в объятия. Артур не знал, какое у них будущее и будет ли оно совместным. Он хотел ее сейчас, всю, без остатка. Не знал до тех пор, пока сам не сказал "навсегда". Только сейчас он не себе не верил, а ей. Будет ли такая женщина как Инга с ним всегда, или пройдет время и он станет ей неинтересен. Слишком они похожи, чтобы быть уверенным в завтрашнем дне. Эти три дня были самые счастливые за все годы жизни. Самые горячие и самые незабываемые. Любовь превращает взрослых людей в дураков. Артур чувствовал себя

именно так — полным идиотом, счастливым идиотом. Они проводили вместе двадцать четыре часа в сутки. Вместе выбрали квартиру, вместе перевезли его вещи, вместе ходили к адвокату подготавливать документы о его разводе. Артур чувствовал, что если сейчас не даст ей уверенности в том, что у него нет от нее секретов — он очень быстро ее потеряет. Инга не прощает лжи и измены. Для нее он должен будет стать другим. Готов ли он к этим переменам в себе? Он еще не знал. Артура сжигала страсть, он еще никогда не желал женщину так сильно. Только ее запах или улыбка пробуждали в нем первобытные инстинкты охотника. Он хотел ее постоянно. Везде. А она отдавалась ему с самозабвением, она брала от него все, что он предлагал, не брала, а жадно забирала, отдавая взамен. Инга его опустошала и наполняла заново. Каждый всплеск неудержимой страсти превращался в изошренную пытку. Они занимались любовью везде, где было можно, а еще больше, где нельзя. По дороге к адвокату, когда он свернул в лесопосадку лишь случайно увидев в вырезе блузки ложбинку соблазнительной груди, на даче куда они поехали ночевать в первый день, в гостиничном номере снятом на час посреди перерыва между важными встречами с партнерами, на лестничной площадке офиса, куда он затащил ее не в силах дожидаться вечера. Артуру казалось, что каждый раз последний на сегодня, и что теперь они могут спокойно беседовать, ужинать, завтракать. Но как только оказывался с ней рядом, улавливал запах ее кожи или украдкой трогал ее за руку у него снова вставал, ни усилие воли, ни привычная сдержанность и контроль над желаниями ничего не помогало. Он как подросток, не контролирующей эрекцию, жаждал развязки чтобы испытать облегчение. У Артура еще никогда не было столько секса, безудержного, страстного и горячего. Инга не надоедала, наоборот он жадно желал находится рядом с ней, как только терял ее из поля зрения испытывал физический дискомфорт. Инга поработала его, подчиняла его волю, и бороться не оставалось сил. Если это и есть любовь, то, черт возьми, она прекрасна. Ночью, когда Инга, уставшая и опустошенная, охрипшая от криков после очередной любовной схватки, спала склонив голову ему на грудь он лихорадочно думал о том, что так не бывает. Что скоро станет плохо. Так всегда случается, после ослепительно яркой полосы света придет и черная полоса. Скоро вернется Герман. Артур впервые испытывал странный страх перед соперником, хоть и осознавал, что на его стороне молодость влюбленность, но он слишком хорошо понимал, что то что давал Инге Новицкий — Артур наверняка дать не сможет. У него нет такого несметного богатства, он еще до сих пор женат, и он не предлагал Инге брак. Хотя она и не просила. Даже странно, но Инга не пыталась его захомутать и получить целиком. Именно это настораживало и именно это влекло больше всего. Какой выбор она сделает после того как поговорит с папиком? У того есть весомые аргументы и сила. Что выберет Инга? А что выбрал бы он сам? Ответ был очевиден — он сам в свое время сделал выбор выгодный только для него самого. Если Инга вернется к Герману? От этой мысли становилось неуютно, сердце начинали сжимать ледяные тиски страха. Страх потерять. Артур смотрел на спящую женщину и думал, на что он сам готов пойти чтобы удержать ее рядом? На многое. Он не уступит ее никому. Он хочет бороться. Инга принадлежала только ему всегда.

Артур посмотрел на часы. Скоро она придет с вещами. Вчера они перевезли его барахло, а сегодня Инга поехала за своими чемоданами. Попросила Артура не сопровождать ее, чтобы лишней раз не мелькать перед людьми Германа. Сегодня они начнут новую жизнь. Артур готов к переменам. Он готов начать жизнь сначала и измениться для нее.

В дверь позвонили. Артур удивленно обернулся. Они только въехали, их адреса не знает даже Пашка. Может это хозяйка квартиры или соседи?

Как только повернул ключ в замке — дверь с грохотом отворилась, Артура сбили с ног, и придавили к полу, скручивая руки за спину. В затылок ткнулось холодное дуло пистолета, а перед глазами лишь тяжелые ботинки.

— Артур Чернышев, вы арестованы по обвинению в преднамеренном убийстве, у вас есть право сохранять молчание, каждое слово, сказанное вами, будет использовано против вас. У вас есть право на один звонок, право на адвоката — если у вас нет адвоката, вам будет предоставлен бесплатный защитник.

Я вышла на улицу с тяжелыми чемоданами, охранник помог мне поставить их в багажник, проводил удивленным взглядом. Обычно их ставили в известность, если я уезжала, сейчас это было неожиданностью для них. Впрочем как и для меня.

Я сама не понимала, как решилась на это. Каким образом Чернышеву удалось перевернуть мою душу наизнанку. Он подарил мне счастье, так же как когда-то боль и горе. Я как пересохшая губка впитывала его страсть, нежность. Я растворялась в нем. Он постоянно был рядом со мной, он заполнил собой все пространство. Я смотрела на него и понимала, что уже не смогу быть как раньше холодной, злой и нетерпимой. Мне было хорошо. Слишком хорошо, я боялась того урагана чувств который проснулся во мне с новой силой. Сейчас это уже не была нежная влюбленность Василисы, я горела в огне. Как только позволила чувствам взять верх над разумом, последний и вовсе исчез. Сейчас я любила его как зрелая женщина, я задыхалась от эмоций переполняющих меня при каждом его прикосновении. Каждое слово, каждый стон сводили меня с ума. Я пожирала минуты счастья как голодающий, дорвавшийся до праздничного торта. Кусок за куском, жадно оглядываясь, чтобы никто не отнял — не то убью. Как только Артур дал мне право себя любить, я сошла с ума. Вся моя ненависть превратилась в пылающий комок страсти. Меня не страшил Герман, мне стало на все наплевать — я хотела быть счастливой и любимой. Даже в самые лучшие минуты моей жизни с Артуром, в прошлом, он не был со мной настолько близок и нежен. Нежен только в отношении ко мне в любви он как всегда был неутомим и неистов. Мне нравилась его резкость и грубость. Его доминирование надо мной в постели, он порабощал меня, я не могла устоять, когда его синие глаза горели страстью. Я знала ЧТО он может мне дать. Настолько удовлетворенной и голодной одновременно, я еще никогда не была. Меня заводила сама мысль, что это он прикасается ко мне, он берет меня, он ласкает меня своими умелыми пальцами или доводит до безумия дерзким языком. Я хотела его постоянно, я находилась в непреодолимой зависимости от секса с ним. Чем больше он мне давал, тем больше мне хотелось забрать. Даже с Германом где я испробовала, казалось, все мыслимые и немыслимые способы получать удовольствие и не получала, с Артуром я могла кончить только от его хриплого шепота мне в ухо. Он мог возбудить меня короткой фразой о том что хочет облизать мои сладкие губки и я, черт возьми, не понимала какие именно, потому что он облизывал меня всю с ног до головы. Он мог собирать мои оргазмы, как коллекционер, оттягивая собственное наслаждение на часы. Он мог ехать со мной в машине и, глядя на дорогу просунуть руку мне между ног и довести до экстаза лишь парой легких касаний через влажные трусики.

Я больше не хотела войны. Я жаждала быть рядом с ним и начать все сначала. Доверяла

ли я ему? Скорее нет, чем да, но сопротивляться уже не могла. Только теперь наши отношения были совсем другими, Артур относился ко мне как к равной. Я боялась думать о том, что будет дальше, я не строила планов, я просто была счастлива.

Я припарковала машину возле подъезда и как только вышла увидела как несколько полицейских волокут Артура к бобику с синей мигалкой. Все мое тело заледенело. Я подбежала к ним, но мне преградили дорогу двое человек в форме. Я крикнула одному из тех, кто тащил Артура к машине:

— Куда вы его везете? Что происходит? Что черт раздери происходит? — Артур обернулся, его глаза вспыхнули.

— Инга!

— Молчать!

Артур дернулся, делая движение в мою сторону, но один из полицейских ударил его в живот и затолкал в машину.

Меня смерили холодным презрительным взглядом:

— Он арестован, а вы кто такая?

Меня затошнило, я поднесла руку к горлу, чувствуя как мне непреодолимо хочется закричать.

— Я...я его девушка.

Полицейский окинул меня оценивающим взглядом:

— Нам не положено открывать информацию не близким родственникам. Вы можете все узнать в отделении. Хотя такого рода информацию может получить лишь его жена и если не ошибаюсь у него она имеется.

Мои щеки вспыхнули, словно после хороших пощечин.

— Арестован за что, просто скажите, я прошу вас.

— По обвинению в убийстве. Пропустите.

Полицейский пошел к машине, я сунула руку в сумочку и побежала за ним, схватила за рукав.

— Эй, вы, что себе позволяете? Мешаете полиции при исполнении? А ну-ка уберите руки.

Я незаметно вложила в его ладонь свернутые купюры.

— Просто скажите куда его...Скажите мне.

— Пока что в СИЗО.

Я бросилась к своей машине, на ходу доставая сотовый. Застыла. И кому я буду звонить? Герману? Кому?

Мною овладело отчаянье. Я села за руль, чувствуя, как сердце колотится в горле. Снова схватилась за телефон, набрала номер Геннадьевича.

— О, Инга! Я уже думал вы обо мне забыли, и...

— Я прошу вас, мне срочно нужен адвокат, хороший адвокат.

В трубке молчали.

— Вас арестовали?

— Нет, не меня, мне нужен адвокат, — истерически закричала я.

— Для кого?

— Мы можем с вами встретиться?

— Конечно. Через полчаса на нашем прежнем месте.

Я завела машину и сорвалась с места. Мне нужны были деньги. Срочно снять

наличность. В банке мне ответили, что на моих счетах все по нулям, а карточки заблокированы. Я в недоумении хлопала глазами, потом указала номер своего личного счета — и тот закрыт. Постепенно мною овладевала паника. Я не понимала, что происходит, откуда на меня все это сыплется. Пока не зазвонил мой сотовый. Увидев имя Германа на дисплее, я побледнела. Я все поняла. Дрожащими руками поднесла трубку к уху.

— Все деньги переведены на мой счет в Швейцарии, у тебя нет ни копейки. Геннадьевич не будет ждать тебя через полчаса на назначенном месте — ему уплачено за то чтобы не помогал тебе. Я перекуплю любого адвоката которого ты наймешь.

Я замерла, сердце замедляло свой ход, наконец, немного придя в себя, я тихо спросила:

— Чего ты хочешь, Герман?

— Возвращайся домой — поговорим.

Я кивнула сама себе, понимая, что перечить ему бесполезно. Его голос доносился издали и казался глухим и металлическим.

— Я приеду.

— Шмотки свои вези обратно, — скомандовал Новицкий и отключил звонок.

ПРАВО ВЫБОРА

Герман сам впустил меня в дом. С совершенно невозмутимым видом, будто ничего не произошло. Он даже поцеловал меня, как всегда после расставания. Забрал чемоданы, поставил у порога.

— Я приготовил тебе твой любимый коктейль. Охрана не появится до утра, так что у нас вся ночь впереди.

Я шла следом за любовником, и мне не нравилось его спокойствие, меня настораживало, что он не набросился на меня с обвинениями. Я ожидала чего угодно только не этого. Я слишком хорошо знала Германа чтобы понять — он спокоен, потому что ему нечего опасаться, потому что в отличии от меня он все знает и все продумал. Сколько времени у него было на то что бы захлопнуть меня в ловушку? День? Два? Неделя? Как давно он знает обо мне и Чернышеве и что именно?

— Я заказал ужин из итальянского ресторана, скоро накроют на стол.

— Я не голодна. Герман, не тяни — говори.

Он прищурился и улыбнулся — ласково, как кот, играющий с мышкой которая точно никуда не денется.

— Давай сначала выпьем.

— Я не пришла сюда распивать с тобой коктейли и ужинать при свечах, ты заставил меня это сделать. Так что говори или..

— Или что? Куда ты пойдешь, Василиса? Петь по кабакам? Ведь у тебя нет ни копейки. Старая любовь не ржавеет верно? Ничего ее не берет ни время, ни расстояние ни подлость самого объекта страсти?

Он не называл меня Василисой с тех пор как мы стали любовниками, с тех пор как он купил мне новые документы.

Я промолчала, мне было нечего ему ответить. Сейчас не помогут ни ложь, ни притворство. Герман знал слишком много, я видела по его лицу, по взгляду, что он приготовился к этому разговору, как я готовилась к своей мести — тщательно и все продумав.

— Bravo! Ты сделала меня как мальчишку! Отымела по полной программе, даже моим врагам не удавалось так водить меня за нос. В какой-то мере я восхищен. Только ты разочаровала меня. Ты его простила да? Простила после того как он бросил тебя как ненужную собачонку, после того как умер твой сын, после того как все эти годы он даже не вспоминал о тебе — ты его простила.

— Я люблю его, — тихо ответила и отпила коктейль из бокала. Герман кивнул.

— Конечно, любишь иначе ты бы завершила начатое, а так скисла посреди дороги, а ведь могла загнать его в угол, да так чтоб не выбраться. Я взял на себя смелость закончить начатое. Ты помогла мне затянуть удавку.

Я поставила бокал и с ужасом посмотрела на Германа:

— Что ты имеешь ввиду?

— То, что вы нарыли с Генадьевичем, помогло мне вытянуть дело на свет и запустить механизм заново. Твой любимый предстанет перед судом и получит заслуженное наказание.

Я вскочила с кресла:

— Это был несчастный случай, который подстроили Алена и Рахманенко! Нельзя судить дважды за одно и тоже преступление.

Герман закурил сигару, налил себе коньяк.

— За одно и тоже — нет, а за другое очень даже можно. Это Чернышев тебе сказал, что все подстроили Алена и тесть? А ты уверена, что это правда? Например, ты не знаешь самого важного — пострадавший и Артур были знакомы. Они вместе проворачивали грязные делишки — сбывали ворованные автомобили. За сутки до аварии они поссорились дома у потерпевшего. Вдова рассказывала, что Артур ушел от них с угрозами, ее муж не выплатил положенной суммы. Кстати, после его смерти доля партнера автоматически переходила к Артуру.

Я судорожно глотнула воздух, мне становилось не по себе. Я чувствовала как меня затягивает в зыбкую трясицу, в сети, которые расставил для меня Герман и что я иду прямо к нему в лапы.

— Это ложь! Того мужчину сбил автомобиль и он умер сразу после аварии.

— Неужели? А вот судмедэкспертиза утверждает, что он умер после ударов по голове чем-то очень тяжелым. Я расскажу тебе как все было — Чернышев повздорил с напарником, забил его до смерти, испугался, перенес к себе в машину, отъехал на несколько километров, влил несчастному в рот водки и положил под колеса автомобиля, а потом наехал на него, сымитировав несчастный случай.

— Ложь! — истерически закричала я, а Герман захохотал мне в лицо:

— Ложь, которая очень быстро станет правдой. Например, мы можем поднять документы с обыска машины и найти в них записи о бутылочных осколках и следах крови потерпевшего в салоне автомобиля. Например, они могли тогда потеряться. В общем десятка твоему любимому обеспечена.

Я схватилась за горло, мне стало трудно дышать.

— А если учесть его криминальное прошлое... так обвинитель может сплясать победный танец прямо сейчас.

— Какое криминальное прошлое? — пробормотала я

— А ты не знала? Чернышев сидел по-малолетке за кражу. Отсидел от звонка до звонка, а потом пошел в армию, на суде это учтут и не в его пользу.

Я медленно села на стул. Это был мат. Быстрый, в три хода. Шах и мат. Герман отсалютировал мне бокалом и улыбнулся. Он знал, что победил.

— Чего ты хочешь. Герман? Ведь ты непременно чего-то хочешь?

— А если нет? Если я просто отмстил тебе как ты ему? Может мне достаточно разлучить вас и смотреть, как он гниет в тюрьме, а ты снова спиваешься?

У меня начали трястись руки, я поднесла ко рту сигарету, и Герман дал мне прикурить от позолоченной зажигалки.

— Верно, я чего-то хочу. Точнее у меня вначале к тебе вопрос — за что ты его так любишь? Назови мне хоть одну причину и возможно я подумаю о том, как пойти тебе на уступки. Что в нем есть кроме молодости? Постоянно стоящий член? Деньги? Власть? Чтс тебя к нему так тянет? Почему ты не смогла забыть его все эти годы несмотря на то что я дал тебе все?

Теперь усмехнулась я:

— Если я назову тебе хоть одну причину — это уже будет не любовь. Не любят за что-

то, Герман, любят потому что любят.

Наверное, я попала в цель потому что он болезненно поморщился. Только что я еще раз подтвердила, что все это время я его использовала.

— Хорошо. Ты права. Но для меня этот ответ неудовлетворительный. Значит так — ты возвращаешься ко мне навсегда, и мы завтра же уезжаем в Европу. Через время, когда я разберусь с разводом, ты выйдешь за меня замуж. В обмен на это твой Чернышев получит пять лет, а при хорошем поведении выйдет через три года. Я могу гарантировать, что там его не тронут, и он останется целым и невредимым и никакие отверстия на его теле не пострадают. Ты ведь понимаешь, что я имею в виду?

Я тяжело вздохнула и пошла ва-банк:

— Я уеду с тобой и выйду за тебя замуж, а с Артура снимут все обвинения.

Герман затушил сигару и положил ногу на ногу.

— Я не волшебник. Не выйдет, Вась, ничего не выйдет — механизм запущен. Делс достали из архива и им заинтересовались в верхах — нераскрытое преступление, выплывшее через восемь лет — вызов для правосудия. Самое лучшее, что я могу сделать — это найти ему хорошего адвоката и заткнуть рот вдове потерпевшего. Чернышев отсидит за непреднамеренное убийство и выйдет с чистой совестью. Это все что я теперь могу сделать.

Я понимала, что он прав. Он не лжет мне, это и правда самое лучшее, что может произойти в такой ситуации. Только Герман не понимал, что я просто так не сдамся, пусть он сейчас победил и я вынуждена уехать с ним, но я найду способ сбежать от него. Я не брошу Артура, в этот раз все будет по-другому.

— Я согласна.

— Конечно, согласна — у тебя просто нет другого выбора. Стоп — выбор есть всегда. Ты можешь остаться здесь и ждать его десять лет, он выйдет закоренелым зеком и вы заживете весело и счастливо, если за это время он не сдохнет в тюрьме. Ведь ты понимаешь, что у меня достаточно связей чтобы превратить его пребывание там в ад?

Я все понимала. Герман сделал домашнее задание лучше, чем я когда-то. Он учел все и направил мое же оружие против меня, он завершил начатое мной возмездие.

— Хорошо, я согласна. Я на все согласна, Герман, ты прав. Позволь мне только встретиться с ним последний раз и...

— Нет! — Это был единственный, раз когда Герман крикнул на меня, — нет. Пусть думает, что ты его бросила как и он тебя когда-то. Ведь ты хотела причинить ему боль — вуаля твоя мечта исполнилась. И не говори, что папочка не заботиться о своей маленькой птичке.

Сволочь. Он продумал даже это.

— Тогда позволь мне попрощаться с Иваном Владимировичем и..

— Чтобы ты передала записку своему любимому? Нет, Василиса, с Иваном Владимировичем прощаешься при мне по телефону. Еще пожелания?

Я стиснула зубы:

— Нет. Только вопрос.

— Спрашивай.

— Кто сказал тебе о нас с Артуром?

— Алена.

Я кивнула. Конечно, кто же еще, эта ведьма всегда умела испортить мне жизнь, вот кому нужно было мстить в первую очередь.

— Из-за этой суки умер мой ребенок, — пробормотала я и слеза скатилась у меня по щеке. Герман привлек меня к себе. Я не сопротивлялась. Да и смысла сопротивляться не было.

— Я накажу любого, кто причинит боль моей девочке.

— И Рахманенко тоже?

— И его тоже. Рано или поздно. И не говори, что я о тебе не забочусь. Давай все забудем, Инга. Поцелуй меня, моя хорошая. Я ужасно изголодался по тебе.

А вот это уже слишком.

— Я устала, Герман. Давай покончим со всем этим и уедем.

Я высвободилась из его объятий. Новицкий прищурился, как всегда когда начинал злиться. Внезапно он ударил меня по щеке так сильно, что в голове зашумело:

— Шлюха. Ему ты давала всегда и везде. Пошла отсюда! Пошла вон! — зашипел он и его глаза налились кровью. Впервые он поднял на меня руку. Я медленно пошла вверх, в спальню. Щека горела, но на душе было больнее, там разразился панический ураган.

В эту ночь я не могла уснуть, я думала об Артуре, который наверняка меня ждал. Одинокий, брошенный всеми без гроша в кармане. Ничего, я что-нибудь придумаю. Герман ударил меня ниже пояса без предупреждения. Я приду в себя и дам сдачи. Не сейчас, спустя время, но обязательно дам.

ЗА ВСЕ НУЖНО ОТВЕЧАТЬ

Артур облокотился о холодную обшарпанную стену и закрыл глаза. Сколько времени осталось до суда? Две недели? Три? Месяц?

До сегодняшнего дня он ждал. Каждый день ждал, что она с ним свяжется. Хоть как-то. Единственный звонок, который ему позволили сделать был к ней — Инга не ответила, просто не подняла трубку. Через пару дней появился адвокат — прилизанный полноватый тип с залысынами. Артур слышал его имя и раньше — адвокат не из бесплатных слишком известный, слишком хороший адвокат, только кто его нанял? Рахманенко? Алена? Инга? На этот вопрос Аркадий Юрьевич Собко Артуру не ответил. Сказал, что это не имеет значения. Пока что Чернышев прибывал в СИЗО. Адвокат настоял на изоляции подследственного до вынесения приговора. Какие причины указал — неизвестно, но Артур не попал в ни в "маломестку"* [2] ни в "многоместку" [3] пока что его содержали в одиночке. Артур понимал, что это временная отсрочка и рано или поздно вливаться в "коллектив" придется. Чернышев хотел знать, кто именно нанял Собко для защиты, если это Рахманенко или Алена он собирался отказаться от адвоката. Обязанным им он больше быть не хотел. Лучше в "многоместку" и отмотать полный срок, чем снова попасть на крючок. Артур "прописки" [4] не боялся, он хорошо помнил, как это было в детской колонии. Правила тоже помнил. В него их вбили сапогами по голове. Больше всего Артур ждал суда и не потому что так хотел определенности, а он надеялся, что увидит Ингу. Его мучили сомнения. Разумом он понимал, что скорей всего Инга завершила начатое и посадила его за решетку. Из головы не выходила записка, посланная ею вместе со снимками: "за все в жизни нужно платить". Но с другой стороны, не могла же она так притворяться, уехать собирать вещи, найти с ним квартиру. Было больно. Впервые больно. Тоска как крыса подтачивала изнутри. Осознание, что все что было между ним и Ингой просто ее изощренная игра, сводило его с ума. Чем больше он думал и анализировал ее поступки тем больше убеждался, что истина именно в этом. Больше никто не мог вытащить на свет дело восьмилетней давности и предъявить ему новые обвинения. Кроме Инги и Рахманенко с Аленой у него нет врагов. Кроме того, только эти трое знали о проклятой аварии все. Артур хотел чтобы виновником его неприятностей оказались жена и тесть, но понимал, что Алене это не нужно. Припугнуть — да, но реально посадить? Только Инга способна на такой безжалостный удар в спину. Она не скрывала, что ненавидит его так люто, что не побрезгует ни чем. Женщина вынашивала планы мести восемь лет. Она продумала каждый свой шаг и расставила ловушки повсюду. Если бы Артуру не было так больно — он бы аплодировал ей стоя. Только Инга играла не только с его жизнью, но и с его чувствами. Она вывернула ему душу наизнанку, она заставила его полюбить. Впервые в жизни. Вот такой была ее месть — вернула ему долг сторицей и тем же оружием.

"Что ты знаешь о ней? Ничего. Только то, что она хотела тебе показать. Способна ли Инга на такую подлость? Способна. Без сомнения. И возможно даже не считает себя виноватой".

Артур знал, в чем его обвиняют, адвокат не скрывал, что при самом лучшем раскладе Чернышева ждет, как минимум пять лет лишения свободы. Если попадет под амнистию или

подаст апелляцию, то выйдет через три. В прошлый раз Рахманенко удалось скрыть то, что пострадавший и подозреваемый встречались и повздорили за день до гибели первого. Они не просто повздорили — Мишка присвоил себе больше половины выручки. Он проиграл почти всю долю Артура в казино первый раз и снова влез в долги. Чернышев заехал напарнику по физиономии. Хорошо заехал, возможно, даже нос сломал. На суде эти подробности не всплыли, и вдова пострадавшего дала ложные показания. Сейчас она утверждала, что ей угрожали. Что ж в это Артур мог поверить — у Рахманенко свои способы убеждать.

Лязгнули замки на железных дверях, Артур поднял голову.

— Чернышев, на выход — к тебе посетитель.

Артур сложил руки за спиной и последовал за конвоиром.

— Кто?

— Не велено. Руки за спину и пошел впереди.

Артура завели в комнату, разделенную на две части прозрачными перегородками. Посередине ходил охранник. Когда Артур посмотрел на свою посетительницу, к горлу подступила тошнота. Алена. Кто еще мог добиться свидания так быстро? Только она и деньги ее папочки. Артур усмехнулся и посмотрел на охранника.

— Уводи. Свидания не будет.

Увидел, как жена бросилась к стеклу, схватила трубку, она что-то кричала.

— Чернышев, следующие свидание сможешь получить только после суда или утверждения приговора. А там дальше, если не успеешь — пойдешь по этапу и в "карантин". Так что ты подумай, прежде чем свиданиями разбрасываться.

— По фиг. Уводи, я сказал. К этой меня не зови больше.

Повернулся спиной, сложил руки за спину и пошел к выходу.

— Дурак, Чернышев. Жена все-таки. Тут многие мечтают о свиданиях и никто не приходит, а она два часа прождала, передачу передала.

— Она мне не жена, а передачу пусть засунет себе в задницу.

Передачу он все-таки получил. Алена вложила туда фрукты, шоколад, сигареты и письмо. Артур отдал все конвоирам, все кроме сигарет и письма. Долго смотрел на лист бумаги, выглядывающий из вскрытого конверта. Достал. Развернул.

"Артур, любимый. Это не я и не отец. Мы ничего не знали. Это Инга и папик ее. Это все они. У Новицкого связи везде есть. Папа все узнал. Они с Ингой после того как тебя арестовали уехали в Австрию. Она тебя кинула. Артур, любимый, я сделаю все, чтобы вытащить тебя оттуда. Я буду ждать, я буду приезжать на свидания. Только прости меня. Я не могу без тебя. Я с ума схожу. Я заставлю папу выволить тебя. Он все сделает, он..."

Артур разорвал письмо на мелкие кусочки. Закурил. Значит все-таки Инга. Можно было не сомневаться. Он просто дурак, который клюнул на приманку и попал в ловушку. Она притворялась, притворялась лишь за тем, чтобы он потерял бдительность. Артур захохотал. Истерически, громко, до слез. Круто его провели. Ирония — он попал в тюрьму именно по тому делу, из-за которого бросил ее когда-то. Идеальный план мести — наказать его тем чего он пытался избежать. Завершила начатое и отправилась со своим любовником отмечать победу. Там и свадьба не за горами. Артур лег на койку. Чертов Собко. А вот его точно нанял Рахманенко. Да пошли они все. Если суждено отсидеть — он отсидит. Сколько ему светит без адвоката? Десятка? Пятнашка "строгача" [\[5\]](#)?

Артур забарабанил в дверь.

— Дай бумагу и карандаш.

— На хрена тебе?

— От адвоката хочу отказаться.

— Вот придет к тебе и откажешься. Я тебе не бюро добрых услуг. Утомонись.

Герман привез меня в шикарный особняк в Вене. Судя по всему, дом он купил недавно. С тех пор как он вернул меня обратно, прошло два месяца. Два кошмарных, нескончаемых месяца. Он изолировал меня от внешнего мира насколько смог. Наш телефон прослушивался, с моего сотового я могла позвонить начальнику охраны и самому Герману. Повсюду меня сопровождал телохранитель. Сторожевой пес Гоша. Эдакий двухметровый верзила, который всегда и на все мои вопросы отвечал односложными ответами. Он следовал за мной повсюду от супермаркета до парикмахерской. Он незримой тенью присутствовал в доме, и я бы не удивилась, обнаружив его за дверью туалета. Впрочем, весь дом был оборудован как крепость с многочисленными камерами наблюдения. Новицкий больше не поднимал на меня руку и не повышал голос. Я знала, что он ждет, когда я перебежусь и приду к нему сама, так бывало и раньше. Он приезжал раз в неделю, привозил очередной безумно дорогой и совершенно мне не нужный подарок. Ужинал со мной, возил в кабак или клуб, а потом уезжал и снова на неделю. Слава богу, не настаивал на сексе, иначе у меня бы съехала крыша. Каждый раз, когда я спрашивала о суде, он болезненно морщился и отвечал что на это уйдет время. Что он обязательно поставит меня в известность. Я нарочно давала ему понять, что нахожусь с ним рядом только из-за его проклятого ультиматума, а он упорно делал вид, что ему наплевать на мои чувства и мое мнение. Чем больше я упрячилась, тем непреклонней становился он. Меня бесило его холодное спокойствие. Он обращался со мной как с вышедшим из-под контроля подростком — ласково, но строго. Пока я не поняла, что нахожусь в тюрьме. Просто красиво обставленной, шикарной тюрьме. Герман отрезал меня от внешнего мира. Он оградил меня от общения насколько мог. Наказывая за непокорность. Иногда мне казалось, что скоро я не выдержу и сломаюсь. Меня преследовали мучительные головные боли. Я и раньше страдала мигренями, а сейчас постоянно находясь в нервном стрессе, я с ума сходила от приступов до рвоты, до тошноты. Я думала об Артуре каждую секунду. Я медленно сходила с ума, зная, что он там один, что он наверняка думает, что это моих рук дело. Благодаря Герману я узнала о Чернышеве больше чем когда-либо. Мой любовник, в надежде вызвать во мне презрение и отвращение к Артуру дал почитать его дело. Все то, чего я не знала раньше, неприкрытая правда о том какой на самом деле Чернышев. Как отсидел за кражу, как проворачивал грязные делишки с Рахманенко, как изменял Алене. Только Герман просчитался — чем больше я узнавала о жизни Артура, тем больше сходила по нему с ума, тем сильнее убеждалась в том, что под маской циника скрывается одиночество и боль. Я уже не могла его ненавидеть. Если мое безрадостное детство все же скрасил Иван Владимирович и заботился обо мне, то Чернышев хлебнул горя сполна. Я представляла себе голодного подростка, вынужденного воровать чтобы выжить и мое сердце сжималось от жалости. Если бы не мой опекун в кого бы превратилась я? После месяца на улице? Наверное, ожесточилась бы похлеще Артура. Он выбрался из грязи сам. Когда мы встретились восемь лет назад, я даже не могла предположить, что Чернышев когда-то сидел.

В этот раз Герман приехал довольный. Впервые за эти два месяца я видела его в таком

чудесном настроении, хоть он и пытался скрыть свою радость. Только что-то подсказывало мне — радость Новицкого я не разделю, скорей всего мне она принесет боль и разочарование. Только я не предполагала, что меня это просто подкосит. Когда, едва сдерживая радость, Герман сообщил мне о том, что Артур отказался от адвоката за неделю до суда, я почувствовала как кровь отхлынула от моего лица и предательски закружилась голова.

— Что значит отказался?

— А вот так, обратился в прокуратуру и потребовал другого защитника.

Герман сидел напротив меня в кресле и попивал портвейн. Его забавлял мой ступор, веселила моя паника. Он наслаждался своим триумфом.

— Ты же обещал мне! — закричала я, — ты поклялся, что сделаешь все возможное ты...

— Я сделал. Кто же мог предположить, что он откажется от адвоката?

Я стиснула кулаки, с трудом удерживаясь чтобы не вцепиться в наглое лицо Новицкого.

— Найди ему другого адвоката. Ты обещал! Ты обязан ему помочь!

— Я никому ничего не обязан. Все что обещал — я выполнил. Кроме того суд уже состоялся и вынесен приговор, который вступит в силу через две недели.

Я, шатаясь, опустилась на стул, чувствуя, как немеют ноги, снова подступает тошнота и резкая головная боль.

— Сколько? — хрипло спросила я.

— Пятнадцать лет. Без права подачи апелляции. В колонии строгого режима.

Если бы Герман вонзил мне в сердце нож, мне не было бы настолько больно. Я задохнулась. Всхлипнула захлебываясь в рыдании, рвущемся из груди.

— Сволочь! Ты мне поклялся!

— Пятнадцать лет, Инга. Я сейчас уеду, вижу, ты не в настроении беседовать дальше, а ты подумай. Просто взвесь все "за" и "против". Стоит ли он того чтобы ты убивалась. Пятнадцать лет — это кусок жизни. Ты забудешь его через год. Если станешь моей женой, я сделаю все чтобы, ты была счастлива. А еще я не понимаю, откуда в тебе столько наглости?! Да, я рад, что так вышло и не стану этого скрывать. Думаешь, мне было приятно вытаскивать твоего козла... из дерьма? Да я бы лично его придушил, если бы тебя не пожалел.

— Убирайся! — выкрикнула я, — Убирайся, сейчас же! Ты, все подстроил ты!

Мне показалось, что я лечу в пропасть. Только не стремительно, а медленно, перед глазами поплыло, руки и ноги онемели. Я сползла на пол.

— Можешь убиваться, это закономерная реакция на поражение. Ты не любишь проигрывать и не умеешь, но в этот раз ты все же проиграла. Хоть и не мне. Ты просто потерпела полное фиаско. Я дам тебе время смириться. Я подожду. Все проходит и эта блажь тоже пройдет. А когда ты одумаешься, я буду рядом. Ты моя, Инга. Ты принадлежишь мне, и я не намерен тебя отпускать.

Он ушел, а я закрыла глаза. Меня била крупная дрожь как при лихорадке. Как только за ним закрылась дверь, меня вывернуло наизнанку прямо на белый ковер. Меня рвало долго и беспощадно. Так что внутренности разрывались на части.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО

Прошла неделя. Каждый день длиннее столетия. Мне казалось, что я как зверь, запертый в клетке. Мне хотелось вырваться на волю. Я искала лазейки и не находила. Я даже не могла никому позвонить. Только с сотового Германа. Мне казалось — я вот-вот на стены полезу. Дойдя до крайней степени отчаянья, я все же решила просто уйти. А что мне мешает? Свое обещание Герман не выполнил и меня уже рядом с ним ничего не держало. Только я ошиблась. Как только попыталась выйти из дома, дорогу мне преградили.

— Не велено, — сказал Гоша и тупо посмотрел мне в лицо. Не в глаза, а где-то чуть ниже переносицы.

— Что значит не велено? — переспросила я.

— Не велено вам из дома выходить. Только с разрешения босса.

— Да ты что совсем ополоумел? А ну пошел вон, я собираюсь отсюда уйти, и никто меня не остановит.

Гоша и глазом не моргнул. Как стоял горой, так и остался стоять, только меня в сторону отодвинул, вроде едва прикоснулся, а такое впечатление, что хорошенько толкнул.

— У меня указание вас из дома не выпускать без ведома Германа Вениаминовича. Только с его разрешения, а он такого разрешения мне не давал.

Я, молча, смотрела на него и лихорадочно думала. Герман повторяет все в точности как тогда, когда впервые притащил меня к себе домой. Он запер меня в комнате и ждал, пока я оклемаюсь. Я не собиралась повторять то, что уже проходила. В конце концов, кроме дверей есть еще и окна.

Вернулась в спальню, швырнула чемодан на пол и задумалась. Налички у меня нет, карточки все заблокированы. Конечно, у меня имелся запас на такой вот черный день, но хранила я его не в банке, а в месте гораздо понадежней. Только добраться до этого места мне пока не судьба. Из наличности у меня пару сотен долларов в кошельке — это разве что на такси да дешевый мотель. Ни на билет на самолет, ни на что не хватит. Я снова осмотрелась по сторонам. От безысходности начиная задыхаться, поднесла руку к горлу и пальцы легли на золотой кулончик. Дьявол, да ведь у меня драгоценных украшений на целое состояние. Кольца на пальцах, браслеты, цепочки, сережки, зажигалки — если все это продать у меня соберется очень приличная сумма. Я лихорадочно опустошила все футляры, шкатулки и скинула бижутерию в сумочку. Потом посмотрела на окно. Я на втором этаже — прыгнуть не получится, только спустится на первый, и свалить с окна на кухне. Немного подумав, я переделалась в домашнюю одежду и высунулась в окно. Если сбросить сумку в кусты, то я смогу забрать ее позже. Через ограду переберусь по дереву. Кроме Гоши в доме из охраны никого нет, только обслуга, а Гоша тупой чурбан и не допрет так быстро. Я выбросила сумочку в окно и пошла на кухню. Гоша проводил меня равнодушным взглядом. Он знал, что я любила сама готовить себе и ужин, и обед. Так что мой поход на кухню его не насторожил. Закрыв за собой дверь на защелку, я поставила на плиту сковородку и залила маслом. Пусть потрескивает, чтобы Гоша думал, что я что-то жарю. Я открыла окно и легко запрыгнула на подоконник, через секунду я уже была во дворе, прокралась к кустам за сумочкой, но ее там не оказалось. Выпрямилась и осмотрелась по сторонам — никого. Но ведь я точно помнила, что сумку сбросила именно сюда, тогда кто ее взял? На этот вопрос

ответ стал понятен сам собой, когда я увидела, что ко мне идет Гоша и размахивает моей сумочкой. Он, молча, вложил ее мне в руки и тихо сказал:

— Камеры по всему дому и на кухне и в вашей спальне.

Прежде чем я успела ответить он достал из-за полы пиджака газету и протянул мне.

— Герман Вениаминович просил дать вам почитать на досуге.

Когда я увидела заголовок статьи на первой странице, мне снова стало плохо.

"Страшная трагедия в семье видного политического деятеля и бизнесмена Рахманенко"

Я посмотрела на Гошу и пошла в дом с гордо поднятой головой, стараясь подавить приступ головной боли и тошноты. Как только оказалась у себя в комнате заперла дверь и снова раскрыла газету, которую явно привезли или прислали оттуда. Здесь такое не продавали. В Вене не будут распространять газеты из нашего захолустного городишки в России.

"Все мы наблюдали за процессом, развернувшимся два месяца назад, когда тесть Рахманенко был арестован по обвинению в убийстве, а так же признан виновным и получил срок пятнадцать лет колонии строгого режима. На этом неприятности в известной семье не закончились. Два дня назад единственная и любимая дочь Рахманенко умерла от передозировки психотропными препаратами. Вчера ночью, несчастный отец, не выдержав такого горя, застрелился в своем кабинете. Как показало предварительное следствие накануне вечером Рахманенко..."

Я посмотрела, что внизу статьи рукой Германо дописано несколько строчек: "Я безжалостен к твоим врагам, моя певчая птичка, можешь представить насколько я беспощаден к своим. Не советую тебе попасть в их число"

Газета выскользнула из моих пальцев, и я медленно опустилась на постель. Я ожидала от Германа чего угодно, только не этого. Я думала, что он способен разорить Рахманенко, я думала он может оставить его и Алену "без трусов", но я не ожидала, что он может их просто устранить. Притом так быстро. Мне стало жутко. С кем я жила все эти восемь лет? Как я упустила в его характере эту жестокость? Неужели я настолько была занята своей мстью и обидами, что не видела кто такой на самом деле Герман? А что вообще я о нем знаю? Я никогда не наводила о нем справки. Герман Новицкий — олигарх, женат и имеет троих детей. Меня интересовало только то, что он мог мне дать, а вот где он взял, то, что раздавал, меня не волновало, а должно было. Герман годами держался на плаву и становился только богаче. Я видела красивую сторону его жизни — светские рауты, приемы, встречи с официальными партнерами. На самом деле я не задумывалась о том, каким образом Герман нажил свое состояние, а нужно было задуматься. После того как он устранил Рахманенко и Алену как мусор, сжевал и выплюнул не подавившись, то скорей всего он не раз устранял не потребных ему людей. Мне стало страшно, впервые я начала бояться Германа. Одно дело знать о его обширных связях, взятках и недюжинном уме, а совсем другое понимать, что он брезгует идти по трупам в полном смысле этого слова. Герман показал мне истинное лицо в надежде припугнуть, но это не блеф. Я чувствовала, что меня он сотрет в пыль и не задумается, если поймет, что я не останусь с ним. Герман решил жениться на мне. Не знаю из большой ли любви или из престижа. Все его друзья завели себе новые семьи с молоденькими женами. Это нынче в моде. Герман не допустит чтобы в его кругах узнали о том что от него сбежала любовница. Уничтожить меня станет делом принципа и утверждения своего могущества.

Головная боль усиливалась. Я поняла, что без лекарства не продержусь, и так терпела

два месяца. Мне нужно срочно справиться с приступами мигрени и начать думать. Инга включай мозги. Все. Эмоции в сторону. Перед тобой сильный противник, а твоя сила в твоей слабости. Меняй тактику. Начиная играть, раньше тебе всегда это удавалось. Только для начала нужно избавиться от изнуряющей головной боли и тошноты, собраться и идти в бой. Я что-нибудь придумаю. Мне просто нужно прийти в себя, оправиться после удара и снова завоевать доверие Германа, а потом я придумаю как быть дальше. Я обязательно сбегу. Только не так как сегодня. Я все взвешу и сделаю это тогда, когда Герман не будет от меня ожидать подвоха.

Я встала с постели и пошла в ванную, брызнула в лицо холодной водой. В висках пульсировало и снова беспощадно тошнило. Последний раз мне было так плохо, когда я ждала Егорку. Мысль о сыне болезненно отдалась в сердце, и оно зашло от резкого приступа боли. Нет. Сейчас я не позволю себе раскисать. Я куплю чертовый "синкаптон*1" если только дадут без рецепта, и снова почувствую себя человеком.

Я снова переоделась и вышла в залу к Гоше, который сидел на диване и читал книгу. Интересно о чем может читать этот "шкаф" без мозгов? Посмотрела на обложку и едва сдержалась от ироничного смешка.

"Секрет" — книга об исполнении желаний.

— Мне нужно в аптеку, — заявила я.

Гоша отложил книгу и внимательно на меня посмотрел, а потом спросил:

— Зачем?

— За прокладками, тампонами и лекарствами от головной боли при месячных.

"Получи фашист гранату", — подумала я, увидев, как вытянулось его лицо. Он больше ничего не спросил, позвонил видимо Герману. Запинаясь, объяснил, что я собралась в аптеку и зачем. На минуту его щеки зарделись, и я все же усмехнулась. Судя по всему, Герман сделал издевательское замечание и Гоша покраснел еще больше. Потом он закрыл сотовый и встал с кресла:

— Поехали. Я вас отвезу.

— Что значит, без рецепта не продаете?

Чертова граница. У нас такого почти не бывает, каждое лекарство достать можно, а тут сдохни, но принеси рецепт.

— Госпожа, я понимаю, что вы сейчас очень расстроены, но нам запрещено продавать это лекарство без рецепта.

Во мне поднималась волна ярости, головная боль становилась просто невыносимой. У меня даже в глазах потемнело, а приступ тошноты бросил меня в холодный пот, прикрыв рот рукой, я жалобно простонала:

— Туалет...господи. Где у вас туалет?

Девушка указала мне на белую лакированную дверь и я пулей понеслась туда, даже свет не включила. Упала на колени, обхватила унитаз руками, и меня снова вывернуло наизнанку. По лицу стекали капли пота, а ноги и руки дрожали от напряжения. На этот раз приступы мигрени меня просто доконали, раньше они проходили через пару дней и не сопровождались изнуряющей тошнотой и жуткой рвотой. Хотя у меня всегда болела голова, если я сильно нервничала. Только сейчас видно постоянный стресс и жуткая депрессия ухудшали положение. Придется тащить Германа к врачу, еще один день таких приступов и я слягу, тогда ни о каком побеге и речи быть не может. Я умылась водой из-под крана,

прополоскала рот и, пошатываясь, вышла из туалета. От слабости кружилась голова. Я подошла к девушке за прилавком:

— Дайте мне пока что аспирин.

Аптекарь протянула мне сиреневую пачку аспирина и еще одну коробку.

— Я просила только аспирин, — устало заметила я.

Девушка странно мне улыбнулась и я решила, что она ненормальная. Меня колотит, я на ногах еле стою, а эта улыбается.

— Я думаю ваша болезнь, госпожа, вызвана не только мигренью. Это самый лучший тест на беременность в нашей аптеке. Я советую вам сделать его перед тем как начнете принимать лекарства и...

Я засмеялась. Наверно это был верх неучтивости, и девушка тут же замолчала. Потому что смеялась я долго и истерично. Хотя мне хотелось на нее наорать или ударить. Какая нахрен беременность? У меня не может быть детей. Мне удалили одну из маточных труб спустя год после родов, начался воспалительный процесс, а вторая вся во внутренних спайках и проходимость у нее меньше двадцати пяти процентов, с таким диагнозом детей усыновляют или делают ЭКО. Никакая операция не поможет. Герман таскал меня по врачам в свое время, они мне вынесли приговор еще шесть лет назад.

— Я не беременна у меня просто приступ мигрени. Вы, моя милая, прежде чем предлагать своим покупателям тесты на беременность сначала задумайтесь — а не оскорбите ли вы этим кого-то. Например, у меня не может быть детей, я бесплодна, а вы только что мне об этом напомнили.

Девушка покраснела и старалась на меня не смотреть. Она явно была смущена и очень пристыжена. Мне даже стало ее жаль. Наверно всю свою злость я сорвала на ней.

— Простите госпожа...Вы, несомненно, правы.

Наверняка эти несчастные продавцы или аптекари копейки тут получают и их основной доход — бонусы от продаж. Может она должна в день десять таких тестов продать или не получит нормальную зарплату.

— Ладно, это вы меня простите. Вы просто выполняете свою работу. Давайте ваш тест — я его покупаю.

С аптеки я вышла в жутко подавленном состоянии. Села в машину и отвернулась к окну. Почему моя треклятая жизнь вечно рушиться, разваливается на осколки? Почему я не могу просто быть счастлива. Почему меня оставляют все, кого я люблю? Почему я и правда не могу покупать тест на беременность и бояться залететь? Почему мои проклятые месячные приходят, когда им заблагорассудится и ни одни гормоны меня не берут. Почему я купила этот тест, когда можно сразу выкинуть его в мусорку? Я вспомнила, как Герман потащил меня в больницу со страшными болями это было во Франции шесть лет назад. Оказалось у меня воспалительный процесс в маточной трубе — ее удалили, а когда я поинтересовалась состоянием второй трубы, врач только смущенно опустил глаза. Герман пытался меня лечить, видя мое отчаянье, но во всех клиниках, куда он меня водил постоянно отказывали. Врачи говорили, что любая операция не принесет эффекта. Герману предлагали ЭКО. Разве они знали, что он и не думал иметь со мной детей, просто пытался вытащить из депресняка?

Зайдя в свою комнату, я достала аспирин, набрала в стакан воды и положила таблетки на кончик языка. Бросила взгляд на коробку с тестом. Смотрела я на нее очень долго. Потом отложила таблетки на стол и взяла упаковку, принялась читать инструкцию. "Тест

эффективен еще до задержки".

Когда у меня были месячные последний раз? Я даже не помнила. Может сразу после приезда из Европы в мой Мухосранск? Нет, последний раз они были, когда Герман уехал после своего последнего визита. Точно, я еще тогда довольно плохо себя чувствовала. У меня так всегда, когда климат поменяю — пару дней пойдут, и потом жди несколько месяцев.

Ну и нафиг я его купила? Несмотря на то что меня неумолимо тянуло выкинуть пластмассовую палочку в мусорку, я все же пошла в туалет, сжимая ее в руке. Раз купила — использую, чего зря выбрасывать. Все равно я увижу там одну полоску, и в этом нет никаких сомнений.

Я сделала все как написано в инструкции и положила палочку на раковину. Через два дня вернется Герман. Я должна взять себя в руки и попытаться убедить его, что все теперь по-прежнему. От мысли о сексе с Новицким меня снова затошнило. Как все просто было до того как я снова встретила Артура и как стало сложно теперь. От одной мысли, что пальцы Германа снова будут ко мне прикасаться по телу пробежала мерзкая дрожь. После Чернышева все другие мужчины исчезли, стали просто бесполоыми существами. Как он там? Я не знаю о нем ничего. Где он? В какой колонии? Куда можно написать? Как потом найти?

Я не понимала, почему Артур отказался от адвоката, меня это мучило и сжирало. Что он хотел сказать своим отказом? Почему предпочел сесть на пятнадцать лет, а не отделаться пятью годами?

Я, наверное, никогда этого не узнаю. Мною снова овладело отчаянье. Пятнадцать лет. Артур исчез для меня на долгие пятнадцать лет. Герман предлагал мне подумать об этом. Только он не знал, что восемь лет, вдаль от него я все равно любила. Что для меня еще пятнадцать? По щекам покатались слезы. Я хотела все вернуть назад. Это я во всем виновата. Я со своим маниакальным желанием отомстить. Я открыла ящик Пандоры, а закрыть уже не смогла. Если бы не заставила Геннадьевича вытащить дело Артура снова, то Герман никогда бы не докопался до этого сам.

Я склонилась над раковиной и уже в который раз за сегодня умылась холодной водой. Машинально взяла тест и отправила в мусорку. Вдруг меня словно током ударило. Иногда так бывает, когда разум понимает гораздо позже, чем воспринимает тело, точнее взгляд. Я стремительно вытащила тест из урны и поднесла к глазам. Посередине красовались две жирные красные полоски.

У меня подкосились ноги, и я осела на холодный кафель. Рука с пластмассовой палочкой мелко подрагивала. Их было две. Они были настолько яркими, что сомневаться в результате не приходилось. А вдруг это ошибка? Вдруг это бракованный тест?...Этого не могло быть на самом деле. Я ринулась из комнаты с тестом в руках, потом одумалась, сунула тест в сумочку и быстро спустилась по лестнице.

— Гоша! Мне нужно в аптеку снова — я прокладки там забыла.

Телохранитель болезненно поморщился от слова "прокладки". Чертов женоненавистник. Да, болван, у нас бывает менструация. Прикинь?

Я ворвалась в аптеку и девушка за прилавком даже побледнела от неожиданности. Видно она решила, что я пришла жаловаться. Когда я потребовала у нее еще тесты и притом совершенно разных фирм, она уже смотрела на меня как на сумасшедшую, а мне было наплевать.

Через полчаса я обложилась в туалете десятью разными палочками и гипнотизировала их взглядом. Все они показывали мне две полоски. Все до единой. С разной

чувствительностью.

Я БЕРЕМЕННА. Да, черт возьми, я беременна и я знаю с точностью до чисел, когда это произошло.

По щекам потекли слезы, в три ручья. Меня колотило, меня скручивало, мне хотелось орать и топтать ногами. Я жду ребенка. У нас с Артуром снова будет малыш. Его малыш. Мой малыш. Егорка вернулся ко мне, как и обещал в моих снах. Господи! Спасибо тебе за это чудо! Спасибо, господи!

Я смотрела на многочисленные полоски и беззвучно рыдала, раскачиваясь из стороны в сторону. От счастья. Впервые за восемь лет я рыдала от счастья.

Не знаю, сколько я просидела в туалете на полу с тестами в обеих руках. Какой у меня срок? Около десяти недель. Вот почему меня рвет. Девушка-аптекарь — цены тебе нет. Я пошлю тебе букет цветов. Я вскочила с пола и прижала руки к грудям — они побаливали налитые, тугие. Да, так было в прошлый раз.

И вдруг мне стало страшно. Первая радость и эйфория уступили место дикому страху. Если узнает Герман — моему ребенку не жить. Он не даст мне родить от Артура никогда. Я долго смотрела на свое отражение в зеркале.

— На этот раз я буду сражаться, — прошептала я и снова открыла сумочку, достала коробочку со снотворным и повертела в руках. Интересно, что думает по поводу развода госпожа Новицкая?

А еще именно в этот момент я поняла, что готова ждать Артура не только пятнадцать лет, а целую вечность. Мы готовы. Нас теперь двое и мы будем за него бороться.

СОПЕРНИЦЫ

Герман приехал через несколько дней. Как всегда в прекрасном настроении с букетом роз и очередной безделушкой. Я встретила его тепло и радушно, чему он несказанно удивился. Вместо привычной кислой физиономии он видел меня снова накрашенной и при полном параде. На самом деле я приготовилась к этому вечеру настолько тщательно, что мне нужно было, чтобы он поверил в мои перемены. Конечно, я не бросилась к нему на шею, но разыграла отличный спектакль сплошное раскаянье и сожаление. Я сказала что все обдумала и готова измениться ради него, что моя страсть к Артуру просто увлечение и чувство из юности и на самом деле он, несомненно, прав и я должна думать о будущем. Герман мне не особо поверил, я видела, как он ищет подвох, а найти не может. Наверняка ему сообщили, что я пыталась удрать пару дней назад, поэтому моим заверениям о том, что я одумалась, он не поверил. Тогда я предложила ему устроить вечер прощения. Он простит меня, я его и мы начнем все с чистого лица. Этого Герман не ожидал, у него даже выражение лица изменилось. Я сказала, что приготовила ему сюрприз и для этого нужно подняться ко мне в спальню. Герман сомневался ровно несколько секунд, пока моя рука не скользнула за пояс его брюк и я не облизала его ухо дерзким язычком. Он завелся. Сразу. С пол-оборота. Он изголодался и соскучился, в этом я не сомневалась. Уже через пару минут мы откупоривали бутылку шампанского и страстно целовались.

— Иди в душ милый, я присоединюсь к тебе через несколько минут. Ведь у меня сюрприз.

Герман распалился настолько, что готов был опрокинуть меня на ковер сейчас и немедленно. Секс в мои планы не входил, я приготовила ему сюрприз совсем иного рода.

— Нет. Я хочу, чтобы ты зашел в ванную. Иди же...ну...

Там его ожидали лепестки роз, свечи и запах ароматических масел. Я включила его любимый блюз, и Герман растаял окончательно. Мне нужно было подбросить ему снотворное, и я знала, что за нами наблюдают глазки видеокамер. Таблетки были приклеены на дно ведра со льдом, снаружи. Ловко отцепив их и зажав в кулаке, я наполнила бокалы пошла к ванной комнате, на ходу снимая халатик, зная что обнаженная грудь и попа отвлекут внимание наблюдателей от руки с бокалом. Я незаметно бросила в жидкость несколько таблеток и наклонилась подобрать так неловко упавший халатик, открыв для обзора вид сзади. Я смотрела на таблетки, гипнотизируя их взглядом, чтобы быстрее растаяли. Перебросив халат через руку и частично прикрыв им бокалы я вошла в ванную. Водрузила шампанское на тумбочку. Герман уже с ума сходил от нетерпения, но я тянула время. Теперь я медленно обмывала его в ванной, лаская руками, поддразнивая и считая про себя минуты. Таблетки уже должны были раствориться в шампанском. Наконец-то я подала ему бокал. Пролила немного ему на грудь и принялась слизывать жидкость с его тела. Он осушил свой залпом и потянул меня в ванную. Я отбивалась шутливо, но довольно настойчиво. Герман словно и не выпил спиртное со снотворным. Он был бодрее чем обычно. Еще немного и я уже не смогу сопротивляться. Он уснул внезапно, еще секунду назад покусывал мои соски и пытался проникнуть в меня пальцами и вдруг обмяк и осел в теплую воду. Я потормошила его для уверенности. Он спал, даже похрапывал во сне. Я вернулась в

комнату совершенно голая и мокрая и демонстративно громко сказала:

— Уже несу милый, а где ты его спрятал?

Несомненно, я знала, что его сотовый лежит в кармане пиджака. Заперев дверь в ванной комнате изнутри я открыла сотовый и начала искать номер его жены. Господи как ее там зовут? Вера? Тамара? Ах да — Галина. Мне ответили не сразу. Наконец-то я услышала довольно приятный низкий голос:

— Да, Герман, я слушаю.

Судорожно глотнув воздух, я решилась:

— Это не Герман, это Инга.

В трубке воцарилась тишина, но лишь на несколько секунд.

— Чем обязана?

В голосе тут же почувствовалось напряжение, и я сразу перешла к делу:

— Мне нужна ваша помощь.

— Забавно! Ты звонишь мне с телефона любовника и просишь о помощи? Ты, которая восемь лет отнимает у меня мужа, а у детей отца? Да как ты смеешь?!

Я проглотила обиду — она права и имеет право на меня злиться. Даже если она меня сейчас пошлет далеко и надолго я не могу на нее обижаться.

— Герман решил на мне жениться.

В трубке снова пауза, а потом она, еле сдерживая гнев, ответила:

— И что? Ты звонишь мне, чтобы сказать об этом? Ты звонишь, чтобы убедиться в том что я знаю? Или чтобы поставить меня в известность?

Довольно сдержанно и с чувством достоинства. Не набросилась на меня с упреками и оскорблениями.

— Нет, я звоню вам, чтобы вы помогли мне сбежать от него, потому что я становиться его женой не намеренна.

Теперь в трубке замолчали на долго. Она видимо раздумывала. Потом спросила:

— Это шутка или издевательство?

— Ни то ни другое. Ваш муж заставляет меня выйти за него замуж, насильно удерживает в своем доме. Я в тюрьме и буду в ней томиться, пока не соглашусь. Без вас мне отсюда не сбежать.

— Вы лжете, Герман на это не способен.

— Нет, это вы лжете сами себе и должны понимать что из себя представляет ваш муж. Если вы мне не поможете — мне придется принять его предложение.

Галина снова замолчала.

— Нам нужно поговорить, — продолжила я, — это конечно трудно сделать, он следит за каждым моим шагом.

— Хорошо. Давай встретимся. Где и когда?

— В косметическом салоне "Ванда", завтра в десять утра я буду делать там эпиляцию. Придите раньше под видом клиентки, там и поговорим.

— Завтра в десять я буду там.

Я стерла последний звонок и положила сотовый на тумбочку. Теперь я достала припрятанную бутылку виски и вылила почти всю в унитаз, затем влила немного Герману в рот и отпила глоток сама. Потом я схватила свой сотовый и позвонила Гоше, изображая пьяную, пролепетала:

— Гош...мы тут...мы тут немного напились...и...ик...Герман...он ну совсем того...Я сама его до кровати никак...ик...Гошенькаааа помоги...Ох как мутит меня...боюсь усну, а он в ванной и...

Охранник пришел через пять минут. Окинул меня жадным взглядом. Халатик едва прикрывал мою грудь и голую попку. Я, шатаюсь, завела его в ванную и показала на Германа. А потом меня и правда стошнило и я вырвала в унитаз. Спасибо токсикозу. На этом моменте Гоша вытянул Германа из воды, взвалил его, мокрого, на плечо и оттащил в постель. Снова бросил на меня взгляд полный вожделения и скрылся за дверью. Я вытерла Германа насухо и прикрыла покрывалом. Сама разделась и легла рядом. Завтра утром Новицкий вылетит из дома пулей, опаздывая на встречу, а у меня свидание с его женой. Завтра решится моя судьба. Если Галина откажется я, наверное, сойду с ума. Сбежать нужно до того как Герман приедет снова. До того как проанализирует вчерашние события.

Утром Новицкий подорвался с постели часов в десять, со страшной головной болью. Я слышала, как он ищет таблетки аспирина. Я притворилась спящей. Он долго смотрел на меня. совершенно голую, наконец-то прикрыв покрывалом, поцеловал в губы. Я потянулась как сытая кошка и потащила его обратно в постель, но как я и ожидала — Новицкий опаздывал на встречу и потому ласково отстранился от меня, хоть и хотел остаться. Про то, что произошло ночью, он не спрашивал. Наверняка понимал, что напился. С ним такое иногда случалось. Особенно если смешать спиртное. Наверняка, умываясь в ванной, он видел полупустую бутылку виски и пустую бутылку шампанского. Сказать мне, что он не помнит, чем мы занимались ночью, он не решался. Это значило признать, что мой сюрприз не удался, Герман слишком обрадовался переменам, которые со мной произошли, чтобы сейчас разрушить все то, что возродилось вчера. Он промолчал. С ним часто случались фиаско в постели, я делала вид, что ничего не произошло, а он обычно отмалчивался и сегодня он тоже не решился расспрашивать меня. Как только Новицкий уехал, я пошла одеваться. В моем расписании присутствовал косметический салон и поэтому Гоша уже поджидал меня в машине. Я безумно нервничала, и мне хотелось закурить. Да что там закурить, я хотела для смелости допить виски и прикончит пару сигарет подряд.

Гоша в салон не пошел он остался ждать меня на улице. Я никогда раньше не видела жену Германа и поэтому, войдя в помещение, осмотрела всех присутствующих. С моих губ даже сорвался стон разочарования. Галины среди них точно не было. Ни старушка с ярко фиолетовой шевелюрой, ни молодая женщина в татуировках не могли быть Галиной Новицкой. Меня встретила косметолог и увлекла в кабинет пахнувший спиртом, маслами и кремами для лица. На соседнем топчане лежала женщина с закрытыми глазами и в наушниках. Как только мы вошли, она открыла глаза и пристально на меня посмотрела.

— Эльза, оставьте нас на час как я и просила. Это та женщина, с которой я должна была встретиться.

Теперь настал мой черед удивляться.

— Это вы?

Миниатюрная, очень симпатичная и довольно молодая пациентка не могла быть Галиной Новицкой, которая в моем представлении, несомненно, была холеной дамой со старомодной прической, средних лет и уж точно непривлекательной.

— А это ты, — тихо сказала она и посмотрела на меня бархатными карими глазами, не с высока, но явно оценивая. Я была поражена. Мать троих взрослых детей, она казалась

очень тоненькой и хрупкой, ее модная короткая стрижка делала ее моложе своих лет. Несомненно, Новицкая очень красивая женщина. Герман просто идиот, как он мог изменять ей со мной.

— Удивлены?

— Очень, — призналась я, — я представляла вас совсем другой.

— А вот ты именно такой и была в моем представлении. Впрочем, я лгу. Я знаю тебя в лицо. Присаживайся, Эльза принесет нам кофе. Ты куришь?

— Уже нет.

— И я бросила.

Мы снова рассматривали друг друга, и мне стало неловко. Одно дело знать об эфемерной жене своего любовника, а другое лицезреть ее и беседовать. При том отрицательных эмоций Новицкая у меня не вызывала и это смущало еще больше.

— К делу, — сказала она, — у нас мало времени. Я уже знаю, что все, что ты сказала правда, и тебя держат на коротком поводке. У нас ровно сорок пять минут. Именно столько, сколько длится сеанс у косметолога. Через пятьдесят минут Гоша зайдет сюда и увидит меня. Мне бы этого не хотелось. Он меня знает в лицо. Рассказывай и не лги. Я почувствую подвох, я хорошо выучила людей, Инга. Если ты хочешь чтобы я помогла тебе — заставь меня поверить.

И я рассказала. Рассказала ей все. Не скрывая ни малейшей подробности. Начиная с того самого момента когда умер мой сын. Новицкая не перебивала, она слушала молча и очень внимательно. Когда я закончила, женщина не смотрела на меня, она прикрыла глаза, и казалось, погрузилась в свои мысли. Я не знала, верит ли она мне, а от волнения меня снова начало тошнить. Я стойко терпела приступ токсикоза, но видимо очень побледнела, не выдержав, я все же выбежала в туалет, а когда вернулась Новицкая уже сидела в кресле и пила воду со льдом.

— Ребенок от Германа? — спросила она, глядя прямо мне в глаза.

— Нет, ребенок от того человека которого я люблю. Если Герман узнает — заставит сделать аборт.

Я знала, что рискую, если Галина решит воспользоваться моментом, она просто запишет на диктофон все, что я говорила и отдаст Герману.

Галина вдруг полезла в сумочку и достала сотовый, она протянула его мне.

— Раз звонила с его мобильного — у тебя своего нет или он заблокирован. Значит так, позвонишь мне сегодня вечером. Мне нужно подумать. Не знаю, хочу ли я лезть во все это. Герман далеко не безобидный богатенький Буратино. Мне не хочется неприятностей.

Я кивнула. Почему-то эта женщина не вызывала у меня презрения или ненависти. Она мне нравилась. Мы с ней в чем-то были похожи и я ей верила. Наверное, потому что больше верить было некому. Если Новицкая мне откажет в помощи — я пропала.

Домой я вернулась очень взволнованная. Я ждала вечера, лежа в постели, читала книгу и поглядывала на часы. Я понимала, что моя судьба решиться очень скоро и от меня здесь ничего не зависит. Она зависит от того согласится ли Новицкая помогать мне или пошлет меня и будет права. Спустя три часа Новицкая назначила мне новую встречу на этот раз в магазине нижнего белья. Через три дня. Она согласилась мне помочь.

Каждый день превратился в монотонную вереницу часов и минут. Я не знала чем себя

занять. Наверно я окончательно извела Гошу и всю обслугу капризами, приказами и просто постоянным нытьем. Но час настал, черепашьими темпами, но все же настал, и я встретила с Галиной в назначенное время. Она ждала меня в примерочной, куда я забежала с очередным комплектом нижнего белья, дразня Гошу полуобнаженной натурой. Я достала его так, что он отошел к самому входу в магазин и принялся читать газету, чтобы не видеть меня в разных лифчиках и трусиках, в которых я выбегала "покрасоваться" перед зеркалом.

— Много сделать для тебя не могу, — говорила Новицкая, помогая мне переодеться в очередной наряд, — сама понимаешь большую часть времени Герман проводит дома. Тебе нужно исчезнуть.

Я выбежала в залу и снова забежала обратно. Я еще не понимала к чему она клонит, но ход ее мыслей был понятен.

— В котором часу делается последний обход в сутки?

Я задумалась:

— В двенадцать ночи, а потом уже в два часа.

— Отлично, нам нужен именно этот отрезок времени. Продумай, как ты избавишься от камер наблюдения. Теперь Гоша. Его нужно устранить. Подумай как. Снотворное это самый лучший вариант. У тебя в запасе четыре дня.

Я снова выбежала в залу и вернулась через пару минут.

— В четверг между двенадцатью ночи и часом ты должна сбежать. Машину возьмешь свою. Унеси деньги, драгоценности все, чтобы они поняли, что ты сбежала. На выезде из города, возле заправки тебя будет ждать другой автомобиль. В нем будут документы: паспорта, права, медицинская страховка, билеты на самолет, деньги на первое время. Это все что я могу для тебя сделать. Драгоценности оставишь в своей машине и пересядешь.

Вернувшись в очередной раз из залы магазина с двумя новыми комплектами, я осмелилась и попросила:

— Мне нужны так же документы и права для мужчины. Хорошие реальные документы.

Галина посмотрела на меня.

— Это не мои проблемы, — сказала серьезно, — я и так сильно рискую, помогая тебе. Твоему любовнику я помогать не собираюсь. Тем более он сидит. Не хочу быть замешана в какой-нибудь грязной игре.

— Галя, мне очень жаль, что все так вышло. Я вас не знала...И...

Новицкая отвернулась:

— Он так решил и ты не виновата. Он всегда принимает решения за других. На твоём месте могла оказаться другая. С тех пор как ты позвонила, у меня появилась надежда, что с твоим исчезновением моя жизнь наладится. Я никогда не думала, что он решится нас оставить. Он мог месяцами жить за границей, но всегда звонил и приезжал и поддерживал видимость идеального брака. Ты не знаешь, что такое когда тебя предаёт тот с кем ты прожила двадцать лет. Когда я вышла замуж за Германа, мне было восемнадцать, в том же году родился наш старший сын. Потом через два года дочь. Младший сын родился перед вашей с ним встречей. Все эти годы я поддерживала его, помогала во всем, а когда он сколотил состояние я стала ему не нужна. Ведь молодая жена, известная певица, фотомодель престижней тридцати восьмилетней стареющей обузы.

Мне вдруг безумно захотелось ее обнять. Эту сильную женщину, которую я невольно заставила страдать долгие восемь лет. Галина не заслуживала такого предательства от Германа.

— Зачем вы мне помогаете? — тихо спросила ее.

— Потому что все еще люблю его. Потому что, так же как и ты жду ребенка. Его ребенка.

Я тяжело вздохнула. Герман...Сволочь. Несмотря на то что он решил бросить Галину он продолжал делить с ней постель когда приезжал домой.

— Он знает?

Новицкая отрицательно качнула головой.

— Нет. Я не сказала. Это ничего бы не изменило, и держать его ребенком я бы не стала. Кроме того Герман слишком решительно настроен на развод, так что он и меня бы заставил сделать аборт. Ты знаешь, почему я решила тебе помочь?

Потому что ты в таком же положении, как и я. Знаешь что? Я достану документы для твоего парня. Фотография есть?

Я задумалась. Потом кивнула, полезла в сумочку, достала записную книжку и выудила очень старый снимок восьмилетней давности. Я хранила его долгие годы, не решаясь на него взглянуть.

— Вот. Только это.

Новицкая сунула фотографию в карман.

— Через четыре дня. Верни мой сотовый. Больше мы общаться не будем. Машина будет ждать тебя ровно два часа — если ты опоздаешь, то ее отгонят. Так что у нас есть только одна попытка.

С этого момента мы перестали быть соперницами мы стали сообщницами.

КТО Я ТЕПЕРЬ?

Я думала сутки. Целые сутки я просчитывала каждый свой шаг. Продумывала каждый жест. Мне предстояла нелегкая задача. Во-первых камеры. Мне нужно отключить их как минимум на час или два. Это нереально. Тех. обслуживание работало круглосуточно, и в этом я убедилась в первый же день, когда попробовала перерезать провода. Все восстановили за полчаса. Кроме того в этот момент охрана работала в усиленном режиме. Мне хватило ума не разрезать, а порвать провода, словно они ссохлись или были перегрызены мелким зверьком. Теперь я должна была придумать, как мне избавиться от камер и я придумала. Ночью, во время обхода, я украла записи с камеры за прошлые несколько дней. Я отыскала необходимый мне кусок отрезком в два часа. Теперь мне нужно подумать, как отвлечь охранника из комнаты наблюдения и поставить кассету. Запись должна заменить съемку в реальном времени. Я решила, что легкий пожар на кухне отвлечет всех в правое крыло дома. Я смогу поставить кассету. Теперь Гоша. С ним труднее всего — хоть он на вид и казался тупым и совершенно отрешенным, на самом деле Гоша был самым лучшим сторожевым псом которого только можно подыскать, но у Гоши была слабость и это я. Точнее он бы не решился в открытую со мной флиртовать, но наблюдал он за мной с превеликим удовольствием. Я должна заманить его в ловушку, как и Германа. Найти к нему подход и заставить выпить со мной. Дело не из легких. Тонких намеков Гоша не понимал и поэтому придется его соблазнять. И я придумала как. Хотя до конца не была уверена, что у меня получится. Запасных вариантов не было, и времени на их обдумывание тоже. Оставалось самое главное — сесть в машину и выехать за ворота. Для этого их должны открыть. Самая трудная задача, но разрешимая. Если вызвать скорую помощь, например, то ворота откроют. Когда машина с мигалками въедет во двор, у меня будет ровно три минуты чтобы выехать из гаража. Я засекала время, наблюдая за въезжающими автомобилями несколько часов из своего окна. Если вылететь на полной скорости, то я успею. Я выиграю как минимум десять минут. Пока все поймут, что я сбежала, пока разберутся с ложным вызовом, машина скорой помощи будет мешать погоне. Потому что я буду выезжать, как только та въедет во двор. Мы просто разъедемся в разные стороны, а вот когда скорая припаркуется возле дома, она закроет все пути к отступлению, так как будет вынуждена стать поперек двора преграждая выезд за ворота. Если я промедлю, то и я тоже застряну в ловушке. За десять минут, выжав сто сорок километров в час, или даже больше я успею отъехать на приличное расстояние и сменить машину. Теоретически все складывалось. А вот практически я могла проколоться на любом этапе побега.

Теперь я обрабатывала Гошу. Начала с того, что постоянно вертелась у него под носом и пыталась с ним заговорить, на меня он реагировал как всегда — холодно и с раздражением. Мне не удавалось ни на миллиметр приблизиться к нему ближе, чем несколько дней назад. Я даже не представляла себе каким образом смогу заманить его в ловушку и кроме того я сделала неприятное открытие — Гоша не употреблял спиртное, так что снотворное мне не поможет и тогда я решила, что у меня нет выбора, я должна рискнуть и нейтрализовать Гошу другими способами.

Мне было страшно, что подобная мысль пришла мне в голову, но иначе я не могла. Или

Гоша, или я с ребенком — в чью пользу перевес и так всем понятно.

Утро четверга стало для меня самым волнительным, я старалась вести себя как обычно, ничем не привлекая внимание охранников и не вызывая подозрений у Гоши.

Ближе к шести вечера я выбралась на кухню готовить ужин как всегда. Поджарив яичницу с беконом я "нечаянно" уронила тряпку на огонь и подождала пока разгорится пламя. Потом я истошно завопила, включилась сигнализация. Полилась вода из противопожарных установок на потолке. Как я и предполагала вся охрана сбежала в правое крыло. Во всеобщей суматохе я проникла в комнату с камерами для наблюдения и поставила кассету. С этой минуты все экраны показывали запись вчерашнего вечера. Я тут же вернулась на кухню, причитая вместе с обслугой, и позволила эвакуировать себя на улицу. Пожар был потушен за двадцать минут. Инцидент исчерпан, но Гоша сказал, что отныне я буду готовить ужин в его присутствии. Я поворчала для вида и, конечно же послала его куда подальше про себя. С этой секунды часики начали тикать. Еще через несколько часов я набрала полную ванну и пошла мыться, рассчитав время так, чтобы Гоша в этот момент был занят обходом, а не наблюдением за мной. Хотя вчера я вошла в ванную комнату секунда в секунду в это же время. Если кто-то наблюдал за мной, то видел все с точностью до минуты. Завернувшись в полотенце, я выбежала оттуда ровно через полчаса. Гоша как раз заканчивал осмотр территории. Я вцепилась в него мокрыми руками и завопила, что в сток упала моя сережка, и там что-то забилося, вода не спускается и достать подарок Германа, я тоже не могу. Гоша пытался послать кого-то из своих людей, но я просила именно его и жалобно заглядывала ему в глаза. В конце концов, он согласился и пошел со мной в спальню. Я шла следом. Сейчас настал один из самых решающих моментов. Я думала ударить Гошу по голове в тот момент, когда он наклонится к воде. Ударить его заранее приготовленной бутылкой от шампанского. Все пошло не так. Как только я замахнулась, Гоша обернулся и схватил меня за руку. В этот момент я поняла, что все кончено. Он скрутит меня в считанные секунды. Не знаю, откуда во мне взялась эта смелость — я ударила Гошу в пах коленом, он поскользнулся и грузно рухнул в ванную он тащил меня за собой. Я отбивалась молча, царапаясь и даже кусаясь, но что я по сравнению с этой грудой мяса. Еще немножко и его руки дотянутся до моего горла. В этот момент я зацепила рукой включенный в розетку фен. Высушив волосы, я забыла его выключить. Гошу убило мгновенно, а я даже не успела испугаться или почувствовать угрызения совести. Смотрела на посиневшее, почти почерневшее лицо Гоши и понимала, что в этой битве мог быть только один победитель и скорей всего не я, но жизнь распорядилась иначе. Теперь счет пошел на секунды. Я вытащила из кармана Гоши ключи от гаража и от машины. Быстро переоделась и бросилась к телефону, набрала "03" и вызвала скорую. Кстати я не врала, хотя, Гоше не помогли бы ни при каком раскладе — он был мертв. Мертвее не бывает. Я убила его, нечаянно, но убила. Я вышла с черного хода на улицу и пробралась к гаражу. Как только услышу сирену скорой, я должна открыть гараж, и быть готова нажать на педаль газа со всей силы. Я сидела в машине и тряслась от напряжения. Едва заслышав оглушительный вой сирен я открыла гараж, моля бога чтобы сейчас на меня не обратили внимание. Машине скорой помощи открыли не сразу, но как только она въехала за ворота, я вдавила педаль газа такой силой, что покрышки заверещали от резкого движения. Я вылетела за ворота на бешеной скорости, даже не услышала и не увидела, что происходит у меня за спиной. Я мчалась навстречу неизвестности и сейчас, если меня поймают я уже не просто Инга Орлова — я убийца. Герман мне не простит побега никогда. Рядом на сидении лежала моя сумочка

с драгоценностями. Я не знала, зачем Галина сказала взять все это с собой и оставить в машине. Я поняла это гораздо позже. В аэропорту, когда стояла в зале ожидания. В белом парике, в темном костюме и очках на пол лица сжимая в руках билет на самолет. На экране плазменного телевизора шла сводка новостей именно тогда я поняла, что подразумевала Галина под словом "исчезнуть". Я увидела свой обгоревший автомобиль, оттуда извлекли тело обгоревшей женщины. Так же сумочку с драгоценностями. По словам полицейских, женщина не справилась с управлением, врезалась в ограждение, проехала еще несколько метров. Машина вспыхнула от того что треснул бак с бензином и искры из-под покрышек вызвали возгорание. Инга Орлова умерла, в той машине. Ее больше нет. Я не стала задумываться о том что за женщину нашли там и как Галина смогла все это устроить, наверное, перед ней тоже стал трудный выбор и она его сделала ради ее ребенка, как я ради своего. Эта смерть уже на ее совести — не на моей. Я посмотрела на паспорт. Фото мое, но волосы очень светлые — хорошая работа в фотошопе. Отныне я — Анна Свиридова и мне двадцать три года. Студентка мед. института, отдыхала в Австрии перед новым семестром. Когда объявили посадку я бросила последний взгляд на плазменный экран и попрощалась с Ингой. Хоть я ее и любила, но все же ее время кончилось. Она умерла не сегодня, а гораздо раньше, когда я простила Артура. Кто я теперь? Я и сама не знала. Жизнь в очередной раз дала мне шанс начать все сначала. Без ненависти, без мести, без яда сжигающего меня все эти годы.

Возможно это вторая часть, а возможно на вторую не потянет. Так что все зависит от глав. Сколько наберется до конца романа.

СНОВА ВЕРНУТЬСЯ

Я посмотрелась в маленькое зеркальце и не поверила сама себе. Как все же цвет волос и прическа меняют людей. Вопрос "кто я?" так и остался на повестке дня нерешенным. На меня смотрела юная кукла Барби. Наивная, красивая, очаровательная. Даже не верилось, что это воздушное создание и есть я. Волосы, выкрашенные в очень светлый тон, золотисто-пепельные легкими локонами падали мне на плечи, за ушами я заколола их заколками с вычурными цветами. Высокий лоб открыт глаза намеренно округлила и ресницы удлинила, как только могла. На губы светло-розовый блеск. Куда подевалась роковая красавица Инга? Сейчас я прелестная нимфетка мне и двадцать три не дашь, не то что двадцать пять. За окнами золотой листопад октября на мне надето платье из тонкой белой шерсти, такое же белое пальтишко, белые сапожки. Образ нужно холить и лелеять. Теперь я сама себя не узнавала. Анечка — студентка медицинского, и ни у кого это не вызовет сомнений. Я проехала на такси по знакомым улицам и с трудом сдержалась, чтобы не остановиться возле дома Ивана Владимировича, но мне туда нельзя. Если Герман усомниться в моей гибели, там он будет искать меня в первую очередь. Я знала, кто мне должен помочь и поможет, потому что иначе и быть не могло. Таксист остановил в старом районе с обшарпанными пятиэтажками. Я расплатилась и кокетливо улыбнулась, оттачивая свои чары на несчастном парнишке, тот покрылся ярко-алым румянцем и даже забыл взять из моих рук купюры.

Оглядевшись по сторонам, я нашла нужный мне дом. Как же давно я здесь не была. Восемь лет назад, всего единственный раз, Артур привозил меня к своему другу. Но я бы нашла это место с закрытыми глазами. Все что касалось Артура, я помнила отчетливо и слишком остро. Поправив шарфик, я зашла в подъезд, поднялась по лестнице и нажала на звонок возле красивой, оббитой светлой кожей, двери. Открыли мне не сразу. На пороге возникла слегка потрепанная девушка с припухшими от сна глазами, и вопросительно на меня посмотрела:

— Вам кого?

— Папу. Если можно.

Она окинула меня критичным взглядом, но дверь отворять полностью не торопилась и на ее лице появилось странное выражение:

— Ты кто такая?

Я понимала, что девушка видимо подружка или жена и явно недовольна симпатичной гостье.

— Я его давняя знакомая, — ответила я.

— Вот что, знакомая, катись-ка ты отсюда, пока я сама тебя с лестницы не спустила и...

— Лара, кто там?

Послышался голос Пашки и через секунду дверь распахнулась. Друг Артура совсем не изменился — все такой же рыжий здоровяк. Мы смотрели друг на друга долго. Я видела, как вытягивается его лицо, округляются серые глаза

— Ну ни хренаськи! Ва...

— Анечка, — перебила я и многозначительно на него посмотрела.

Он усмехнулся:

— Проходи, Анечка. Лариса нам сейчас кофе заварит.

Девушка злобно фыркнула, но возразить не посмела. Я прошла в просторную залу следом за Пашкой. Он все еще бросал на меня взгляды полные удивления, а я с наслаждением села на мягкий диван и сбросила пальто. Я устала, проголодалась, и постепенно отпускающий токсикоз сменился чувством первобытного голода.

— Какими судьбами? Ты не в Австрии? Замуж вышла?

В его словах слышались издевка и ирония.

— Не в Австрии и замуж не вышла. Я к тебе поговорить, серьезно поговорить.

В этот момент зашла Лариса и поставила на столик две чашки с кофе и кубышку с сахаром.

— Ларочка, там, в пиджаке бумажник. "Визу" возьми и сходи по магазинам эдак часика на три, хорошо?

Девушка прожгла меня взглядом полным ненависти, но бумажник достала и карточку тоже. Через десять минут за ней закрылась входная дверь.

— Милая, послушная — как всегда на пару месяцев, а потом захочет вселенную, а я не смогу подарить. Ну, так что, Василиса, может коньячку за встречу с давней подружкой?

— Я не пью.

Пашка подвинул ко мне пачку сигарет.

— И уже не курю.

Он смотрел на меня, слегка прищурившись. Видно было, он много чего хотел мне сказать не особо приятного, но ждал, когда я начну говорить. Я глубоко вздохнула и спросила:

— Как он там? Где он? Когда ты в последний раз его видел?

Пашка все же принес коньяк, наполнил свой бокал и тихо, но настойчиво попросил:

— Сначала рассказывай, а потом вопросы задавать будешь. Отвечу если посчитаю нужным. Рассказывай, как ты Чернышева за решетку определила.

Я рассказала ему все. Начиная с той минуты как увидела, что Артура арестовали. Последнее время я говорила только правду, даже странно стало после стольких-то лет сплошной лжи. Я знала, что Пашка мне не верит, да и не ждала от него ничего кроме подозрений, только у меня имелось два веских доказательства того, что я не лгу. Когда я закончила говорить, Пашка усмехнулся:

— Значит, охранника на тот свет отправила и сбежала? А Новицкая тебе помогла да?

Я кивнула.

— Складно поешь, только я сам так петь умею.

Я знала, что он это скажет, сунула руку в сумочку и достала газету, которую купила сегодня утром прямо выйдя из парикмахерской. Пашка взял ее у меня и развернул. Я видела, как меняется выражение его лица по мере прочтения.

Он отложил газету в сторону.

— Круто. Значит автокатастрофа? Отстал я от жизни за несколько дней.

Я кивнула снова.

— Я теперь вне закона.

Пашка встал с кресла и прошелся по комнате, потом закурил. Он думал, лихорадочно, нервно. Я ему не мешала. Потом остановился напротив меня.

— Новицкий поверит в этот фарс?

Я не знала. Очень надеялась, что поверит, но теперь я понимала, что недооценивать

бывшего любовника мне точно нельзя. Пашка дымил в мою сторону, и я чувствовала как к горлу подступает тошнота. Резко встала.

— Туалет где?

— Там. Эй, ты чего?

Я побежала в том направлении, что он показал, и меня как всегда вывернуло наизнанку, я даже дверь за собой закрыть не успела.

— Я воды принес, на, попей, а то совсем бледная как мертвец.

Я, пошатываясь, поднялась с колен умылась холодной водой и протянула руку за стаканом, в тот же момент меня снова затошнило, и я скрутилась над раковиной.

— Да, что с тобой, черт возьми? Ты больна?

Я, задыхаясь, прополоскала рот и взяла у него стакан, жадно опорожнила.

— Да, Паш, больна. Если мои подсчеты верны — месяцев через шесть выздоровею.

Пашка оторопел.

— Беременная что ли?

Я кивнула и почувствовала, что приступ отступил.

— От кого? От Чернышева?

— Да. У тебя соленые огурцы есть?

Это был второй аргумент в мою пользу, с этого момента Пашка свое отношение ко мне изменил. Уже через пару минут я грызла огурец и запивала водой, а Пашка снова мерил комнату шагами.

— Зачем вернулась? Ему пятнашку впаяли. Так что могла и не дергаться, сидеть в Австрии или еще куда дернуть.

— Я хочу вытащить его оттуда.

Пашка усмехнулся:

— Это как позвошь узнать? Строгач, без права апелляции как ты его вытащишь?

— Артур не убивал этого типа и у меня есть доказательства.

— Наивная. Да кто это дело третий раз поднимать будет? У них глухарь раскрылся, и козел отпущения нашелся. Так что доказательствами можно известное место подтереть.

Я понимала, что он прав. Почему то мне казалось, что как только вернусь и достану бумаги, выкуплю у Геннадьевича, все образуется, только Пашка прав — третий раз дело Артура пересматривать уже не станут. Я почувствовала, как по щекам потекли слезы, смахнула рукой, а они все равно текли, и я отвернулась от Пашки. Он сел рядом со мной.

— Отсидит он, Вась, от звонка до звонка отсидит. Смирись. Ждать пятнадцать лет на это никто не способен. Жизнь продолжается. Уезжай, начни все сначала. Артур поймет.

Нет, это они ничего не понимали, я не уеду и ждать тоже не стану. Я вытащу его оттуда.

— Я к нему на свиданку через пару дней поеду, все расскажу. Ты не горюй, Васек, все хорошо будет.

— Я хочу его увидеть, — прошептала я.

Пашка вздохнул.

— Мне подготовить его нужно. Артур думает, это ты его туда определила. А может теперь и сам считает, что ты погибла, если у них там вообще вести с воли быстро распространяются.

— Я сама с ним поговорю. Разрешение на свидание есть?

— Есть.

— Я с тобой поеду.

Пашка кивнул.

— Тебе есть, где остановиться?

Нет, остановиться мне было негде. Риск что меня узнают, был очень велик. Все-таки известность злая штука.

— Я устроюсь, квартиру сниму. Что-нибудь придумаю.

— У меня останешься пока. Места хватит. Завтра выезжаем. Туда сутки добираться да и свидания ждать тоже сутки придется. Ему пока разрешили краткосрочное. В строгаче можно только три свидания в год. Два по четыре часа и одно на день.

Пашка протянул руку и вытер слезу у меня со щеки.

— Вот теперь узнаю тебя. Изменилась ты, Вась, другая стала, только как любила его тогда, так до сих пор и любишь. Жаль не сложилось у вас. Наворотили вы всякого. Ты крепись, все хорошо будет.

В этот момент я разрыдалась, обняла Пашку и завывала. Во мне словно щелчок произошел. Он гладил меня по голове и что-то тихо говорил, а я его не слышала. Когда наконец-то успокоилась, то задыхаясь спросила:

— А девушка твоя?

— Домой сегодня пойдет. Ты отдохни. Тебе теперь о себе заботиться надо. Вот с Артуром увидишься, и начинай жизнь сначала.

Утром я взяла машину Пашки, пришло время доставать запасы из "банка". У меня была припасена круглая сумма, которая собралась за долгое время. Неприкосновенный запас. Я подозревала, что возможно окажусь в ситуации, когда Герман отберет все, что мне дал. Только Новицкий не учел, что я тоже не дура и пути к отступлению у меня были. Кроме того, все свои акции я переписала на имя Ивана Владимировича еще до того как все завертелось. Правда сделала я это, потому что Рахманенко не доверяла, но сейчас я точно знала, что "ТрастингСтрой" в безопасности. Простаивается пока, но не продан. Я займусь этим потом. Когда страсти улягутся. Я вышла из машины и, приподняв воротник пальто, прошла за кладбищенские ворота.

Когда через час я села в машину в моей сумочке лежала увесистая упаковка денег. Этой суммы мне хватит на безбедное существование на много лет вперед.

Добирались мы поездом с одной пересадкой. Пашка был прав — сутки ехали, но я усталости не чувствовала, я хотела чтобы время шло быстрее, я хотела его увидеть одним глазком. Прикоснуться к нему, дотронуться, сказать, что буду его ждать и двадцать лет, если будет нужно. Сердце отсчитывало километры. Могла ли я предположить, когда первый раз возвращалась, что буду молить бога о том, чтобы позволил нам снова быть вместе? Я вернулась чтобы уничтожить, а теперь... теперь, я просто женщина. Его женщина. Так было всегда и это не изменят ни годы, ни лишения.

Мы приехали в маленькую деревню неподалеку от колонии, сняли комнату у пожилой милостивой женщины. Выгодный бизнес иметь жилье возле мест заключения — без хлеба точно не останешься.

Я смотрела на колючую проволоку, на вышки охраны, на людей в серых костюмах с номерами и чувствовала, как сердце отсчитывает каждую секунду, бьется беспрестанно,

даже тошнота отступила. Пашка все это время молчал. Видимо он лихорадочно думал о том, как встретит меня Артур, а я, глядя на заграждения, на мрачные здания, думала совсем о другом. В моей голове проносились разные картины, мозг работал так быстро, что я не поспевала за собственными мыслями и вдруг я отчетливо поняла — мне туда нельзя. Совсем нельзя.

— Остановите машину! — крикнула я.

Пашка вздрогнул и повернулся ко мне:

— Что опять плохо?

— Нет. Не плохо. Просто я передумала. Все. Дай мне выйти.

Частник остановил авто и я вылезла из машины. Вдохнула осенний воздух полной грудью.

— В чем дело? — Пашка не понимал, почему я подорвалась так неожиданно.

— Я не пойду на свидание. Все, Паш, иди сам. Я потом тебе все объясню.

Он усмехнулся:

— Быстро ты ход назад дала. Очень быстро.

— Паш, ручка и листик есть?

— Есть.

Он с угрюмой гримасой влез в сумку и достал мне тетрадку и карандаш.

Я быстро и размашисто написала: "Я люблю тебя. Я вернулась, но ждать пятнадцать лет я не буду"

Паша прочел эти строчки, потом посмотрел на меня и я увидела как в его глазах блеснуло презрение.

— Значит так да? Еще один удар? Тебе никогда не приходило в голову, что человек не может вынести столько пинков и затрецин, что он сломается.

— Не сломается. Чернышев точно не сломается. Не говори о ребенке. Сейчас пока не надо. Заклинаю, не говори.

Пашка нервно закурил, и не глядя в мою сторону сел в машину. Я прижала руки к груди и смотрела ему вслед. Потом медленно пошла пешком обратно. Все это время я внимательно осматривала строение бараков издалека. Мимо меня промчался автомобиль скорой помощи в сторону главных ворот, и в этот момент я поняла, как вытащу Чернышева.

Пашка смотрел на друга, они молча обнялись крепко, рывком. Артур изменился, похудел, на щеках отросла щетина, под глазами темные круги, костяшки пальцев сбиты в кровь, казалось он на грани срыва. Пашка ожидал, что тюрьма изменит друга, но чтобы настолько. Проблем с блатными быть не должно, он нужным людям звонил, и Артура должны были на зоне уважать и принимать как правильного, как своего. Тогда почему он настолько подавлен? От еды Чернышев отказался, но передачу взял, сказал с ребятами поделиться надо. Говорили они не о чем, а Пашка видел, как Артур смотрит ему в глаза и взгляд пустой, потухший будто выключили человека или батарейки сели. Наконец Пашка решился и протянул Артуру записку Инги. Реакция Чернышева его поразила, мужчина вскочил с деревянной лавки и сжал Пашку в объятиях.

— Ты! Ты! Ты представляешь, что это значит а? Ты представляешь?

Нет, Пашка думал, что Чернышеву нужен психиатр и немедленно.

— Не понимаю, чему ты радуешься, братан?

— Она жива! Эта записка означает, что она жива, друг!

Пашка вдруг все понял, остро, ясно, резко. Да, черт возьми, вот почему Артур так мрачен ведь он узнал о гибели Инги Орловой. Он жил с этим кошмаром несколько дней, с ума сходил.

— Жива.

— Ты видел ее? Ты ее видел, Паш? Как она? Что за авария? Где она?

Артур тряс Пашку как грушу.

— Видел, она таким образом от Германа свалила. Все с ней хорошо, Артурыч, все в норме.

— Где она?

Пашка отвел глаза.

— Вначале к тебе на свидание приехать хотела, а потом передумала.

— Она в деревне?

Паша кивнул и протянул Артуру сигарету.

— Увидеть бы хоть одним глазком, — тоскливо сказал Чернышев и отвел глаза в сторону. Пашка хлопнул его по плечу.

— Забудь ее, друг. Ждать она не будет, не такой человек. Все. Живи дальше. Как к тебе здесь относятся?

Артур отмахнулся от его слов. Он снова перечитал записку, а потом сунул в карман.

— Пишет, что любит. А ждать? Так я не ребенок и в сказки не верю. Знаю, что ждать не будет. Жизнь продолжается, пусть будет счастлива. Я ей только этого желаю, она заслужила. Так и передай ей. А еще скажи ей, что я люблю ее. Так и передай — люблю. Я про аварию узнал, и крышу мне снесло, подрался даже. В карцере пару дней отсидел вчера только вышел. Раз жива, значит, есть на этом проклятом свете справедливость. Говоришь, сбежала от Германа? Она такая моя девочка, она кремень.

Пашка смотрел на Артура и понимал, что не зря говорят — зона меняет людей. Артур за пару месяцев стал другим человеком. Здесь есть время все обдумать и переосмыслить жизненные ценности.

Пашка вернулся в съемные комнаты через четыре часа, Василиса ждала его в комнате, но Паша прошел к себе и встречаться с ней не захотел. Обида за Чернышева грызла душу, сейчас он был способен наговорить ей много гадостей, но обижать не хотел. Артур просил присмотреть и помочь, если надо, а раз просил, значит. Пашка поможет.

Василиса сама пришла к нему и плотно закрыла за собой дверь.

— Зачем пришла, Вась? Не хочется мне с тобой сейчас разговаривать. Дай остыть немного.

Девушка не ушла, она села на табурет и посмотрела на Пашу изумительными зелеными глазами.

— Записку передал?

— Передал.

— Что он сказал?

Пашка вспыхнул:

— Что сказал? Сказал то, чего ты не заслуживаешь, что счастья тебе желает, что любит тебя. Вот что сказал. Ты ему в душу наплевала, а он дурак все простить готов. Ждать она его не будет. Так и не жди, зачем человеку-то лишний раз этим в лицо тыкать?

Василиса вдруг улыбнулась и сказала то, от чего у Пашки мурашки пробежались по коже.

— Я правду сказала — ждать не буду. Мы его с тобой оттуда вытащим!

Пашка подскочил на месте:

— Ты совсем что ли сдурела? А? это тебе не от любовника смыться, это зона. Тоже мне фильмов насмотрелась, книжек начиталась.

Василиса дождалась, когда Пашка закончит гневно покрикивать и спокойно сказала.

— Книжки и фильмы очень часто идеи интересные подбрасывают.

— Ну и какие у тебя идеи? Зону штурмом возьмем? Или подземный ход прокопаем?

Пашка издевательски хмыкнул и закурил.

— Нет Паш, я тебе потом все расскажу. Поехали домой.

Пашка продолжал смотреть на нее как на безумную.

— Нет, ты просто скажи мне что придумала, я хоть посмеюсь.

Василиса подперла щеки кулачками и спокойно ответила:

— Анечка Свиридова отучилась на медсестру и практику ей скоро проходить надо. Так что если постараться, то Анечка на практику сам знаешь, куда попасть может. А вот Инга Орлова реально отучилась на архитектора. Мозги работать начинают?

Пашка даже сигарету затушил.

— Только Анечка Свиридова беременна, а Инга и вовсе померла.

— Анечка сначала родит. А пока что поучится на медсестру заочно дома. Думаю, знакомая медсестра у Пашки найдется, чтобы помогла Свиридовой побыстрее осилить новую профессию? Времени у Анечки будет достаточно.

АНЕЧКА СВИРИДОВА (10 месяцев спустя) начало.

Я смотрела на маленькое розовое личико своей малышки и чувствовала как от любви щимит сердце. Я трогала крошечные реснички, носик, гладила сжатые кулачки. Я была счастлива тем невысказанным безграничным счастьем известным только матерям. Моя маленькая куколка, моя драгоценная малышка. Я ждала и хотела сына, но когда родилась девочка, и я взяла ее впервые на ручки, мое сердце было отдано ей навеки. Нет, у меня не было чувства, что это мой Егорка. Это другой ребенок, маленькое счастье. Егорка послал маме утешение и смысл жизни. Он вернул мне крошечную частичку самого себя. Танюша родилась совершенно доношенной, здоровенькой, розовощекой весом под четыре килограмма. В самой простой деревенской больнице, куда меня привез Пашка к своей родной тетке Елизавете Петровне.

...Я жила там всю беременность и после тоже. Тетка полюбила меня как дочь родную, а как узнала, что я отца ребенка из тюрьмы жду, так вообще в родственные души записала, она своего мужа с зоны не дождалась — умер он там еще во времена коммунизма. Сидел за спекуляцию, сейчас таких спекулянтов страна целая. Она меня молочком отпаивала, соленьями угощала. Тетка Лиза в наши с Пашкой дела не вникала, она женщина умная всегда говорила — меньше знаешь, лучше спишь.

Все это время я тщательно изучала схемы и чертежи всех бараков. Пашка достал для меня все, что я просила. Он приезжал раз в неделю, привозил продукты и подолгу обдумывал каждый наш шаг. Постепенно идея с побегом уже не казалась ему бредовой и безумной. Он изучал со мной схемы и иногда даже сам продумывал разные пути к отступлению. Пока мы оба к нашему общему разочарованию не пришли к выводу, что бежать вот так не получится.

Спустя пару месяцев мучительных раздумий я решила, что нужно действовать совсем по-другому. Я дождалась приезда Пашки и выдала ему прямо с порога:

— А мы не будем бежать, Паш, мы просто выедем за ворота, и нам их откроют.

— Это как?

Пашка уставился на меня как на безумную, даже сумки с продуктами чуть не поронял.

— А вот так. Я легально выведу Артура из зоны в больницу в городе. Найдем у него заболевание какое-нибудь тяжелое, не знаю операцию сложную нужно провести. Нужно подумать. Я должна его вывезти за пределы зоны притом так чтобы нас и не преследовали.

— Какое заболевание? На зоне своя больничка имеется.

— Ну, например если у человека почка отказала или острая сердечная недостаточность. Я знавала, что в больнице не имеют возможности проводить обследование осужденным с такими серьезными заболеваниями.

— Как ты обойдешь врача, ведь он тоже должен поставить подпись под заключением?

— Так я анализы подделать могу, врач будет обязан для подстраховки дать направление в областную больницу, понимаешь?

Пашка понимал, я видела, как у него глаза загорелись.

— Хорошо, допустим направление, ты получила, и за территорию выехали. Его ведь охранять будут.

— Будут. Я наблюдала, как вывозят заключенных за пределы зоны. С ними два охранника и водитель. С охранниками я сама справлюсь.

Пашка усмехнулся:

— Ты по совместительству не Рэмбо случайно?

Я отрицательно качнула головой.

— Я справлюсь, не волнуйся. У меня другие приемы имеются. Ты будешь нас ждать вот здесь, — я указала на карте место.

— Ты преградишь дорогу грузовиком и будешь делать вид, что ремонтируешь машину. С водителем справишься сам. Мы с Артуром переседем в твой автомобиль. Вот здесь мы сменим машину и переоденемся. По дороге заберем ребенка и в аэропорт.

Пашка смотрел на меня и потирал подбородок:

— Бред! — изрек он, а я даже кулаком по столу ударила, потом потрогала живот — ребенок сильно зашевелился.

— Не бред, а у тебя есть идеи получше?

— Вот расколят вас еще на зоне и все полетит к чертям, будешь ребенка в тюрьме рожать. Вас искать будут. Нет, идея конечно не плохая, но слишком простая.

— Все гениальное является простым, — изрекла я и уселась на стул, потирая поясницу, — искать будут Анечку Свиридову без ребенка и беглого зэка. А уедет из страны женатая пара с ребенком. Я рожать под своим именем пойду, и билеты тоже на свое имя достану. А ты свидетельство о браке найди. Чтобы уже готово к тому времени было.

Пашка вдруг заметался по комнате, а потом схватил меня за плечи:

— А знаешь что? Это может сработать. Да, это реально может сработать.

— Пащ, мне нужно знать через сколько времени могут все дороги перекрыть? Успеем ли мы проскочить до этого или нет? Сможешь организовать такую проверку или узнать где нужно?

— Смогу. Так направление в зону на практику ты уже получила. Иван Владимирович твой очень помог, связи свои поднял. Остается ждать родов и обдумывать каждый наш шаг. Васька — ты гений.

Родов я дождалась, время пробежало быстро, я каждый день корпела над бумагами и чертежами, обдумывая каждую секунду побега не то, что минуту. Не знаю где Пашка добыл информацию, но мы теперь точно знали, сколько времени займет до полной блокировки дорог. Документы уже лежали в ящике стола, и я звалась не Лавриненко Василисой, а Захаровой. Тут же лежал паспорт добытый Галиной Новицкой на имя Алексея Захарова. Одна только неувязка — на фотке Артура можно было узнать. Я подумала и попросила Пашку фотографию состарить, бороду на фотке сделать и усы а заодно очки в фотошопе пристроить.

Через месяц обновленный паспорт отправился обратно в ящик.

... Я поцеловала дочку в пухлые щечки еще раз. Как же она на Артура похожа — глазки синие волосики темненькие. Точная его копия. Вчера впервые засмеялась громко своим беззубым ртом. Угукает вовсю. На миг возникло сомнение, не хотелось с дочечкой расставаться. Тетка Лиза обняла меня, прижала крепко:

— Ты, деточка, не волнуйся, я за ней присмотрю. Все хорошо будет. В назначенный день привезу ее куда договорились. Не пуха тебе, милая. Дай перекрещу на дорожку.

Я бросила прощальный взгляд на Танюшку и решительно вышла из дома. Села в такси и поехала на вокзал. Все, с этого момента я Аня Свиридова и проколоться мне больше нельзя. От предвкушения встречи с Артуром мое сердце колотилось так быстро, что в глазах точки плясали. После родов всего три месяца прошло, у меня еще молоко в груди осталось. Правда, похудела я сразу, времени нормально питаться не оставалось. Днем на курсы медсестер ездила, а вечером все подсчитывала с Танюшкой на руках. Главное чтобы там не заметили, что не так давно родила. А еще меня волновала реакция Артура — хоть бы не выдал, хоть бы не прокололся и понял, зачем я там. Ну, вот и все. Началось. Самая главная авантюра в моей жизни, если не получится расти нашей Танюше с теткой Лизой и обоих родителей из тюрьмы дожидаться.

В поселок я добралась без приключений. Комнату сняла у пожилого вдовца. Он сам содержал скудное хозяйство. Дети в город уехали на заработки. Приятным мужчиной оказался Федор, спокойным, непьющим. Принял меня радушно и цену запросил приемлемую в отличии от других. Правда и домик у него крохотный, а комнатуха, в которой я жила оказалась самой лучшей во всем одноэтажном здании. Федор сказал, что раньше в ней его дочка старшая жила. Я разложила вещи, заплатила хозяину за два месяца вперед. Утром я должна была впервые выйти на работу. Со мной уже созвонились, предупредили, что можно пронести с собой, насчет одежды и прически, какие документы приготовить. Ночью я не спала, я лежала с открытыми глазами и думала. Снова и снова прокручивала каждую деталь. Посмотрела на стол. Ноутбук мерцал голубым светом. Я установила принтер еще вечером. Сколько всего было продумано, высчитано, а мне все равно казалось, что где-то мы явно проколемся. Например, Артур может повести себя неадекватно и выдать нас при первой же встрече. Или врач в плохие анализы не поверит или... Ох сколько этих "или". Я не буду об этом думать сейчас. Пусть все идет, как идет, а там посмотрим. План "б" у нас тоже имелся на всякий случай.

Утром я тщательно подобрала одежду. Трудно было предугадать, как нужно выглядеть медсестре в колонии строгого режима. Лучше конечно вообще быть уродиной, чтобы внимание не привлекать, но для мужчин годами не выдавших женщин я все равно буду красавицей. Сколько же информации я перечитала за месяцы беременности? Даже интервью с работающим за "колючкой" медперсоналом. Теперь я смотрела в зеркало и тщательно закручивала светлые волосы в тугий узел на затылке. Надела очки с простыми стеклами. Нет. Я все равно слишком хорошо выгляжу. Косметикой я не воспользовалась совсем, слегка щеки подрумянила. А то бледность от волнения походила на симптомы болезни. Темно-серая водолазка под горло, свободная, на размер больше, чтобы тело не обтягивала, юбка ниже колен, расклешенная без всяких излишеств. Черные колготки и полусапожки без каблучков. Никаких украшений, только сережки-гвоздики и скромное колечко на пальце. Ногти аккуратно подстрижены, без лака. Похожа на учительницу начальных классов. Все. Больше я ничего изменить не могу. Очки с уродливой круглой оправой все равно не смотрелись достаточно плохо. Мне они даже шли. Будь я Васькой из прошлого — мне бы эта роль далась намного проще. Я вышла на маленькую кухоньку. Федор уже чайник накипятил и блинчиков пожарил, увидев меня, улыбнулся.

— Доброе утро, Анечка. Вы не против, если я по имени. Вы ведь младше дочки моей. Как-то не с руки мне вас Анной Николаевной называть.

— Нет, дядя Федор, не против. Как вкусно блинчиками пахнет.

— Со сгущенкой любите? Моя Светлана только так их по утрам уминала.

— Я блинчики люблю, а со сгущенкой так вообще.

Я пила чай, стараясь унять дрожь во всем теле.

— Нервничаете? Бойтесь? Да, на зоне работать это не в больнице. Как вас угораздило сюда попасть? Других мест для практики не нашлось?

Я надкусила блинчик.

— Нет, не нашлось. Денег для других мест не хватило, вот и распределили.

Федор понимающе кивнул.

— Вы там осторожно, врач говорят хороший человек, но любитель выпить. Так что вся ответственность на вас ляжет. Там раньше другая медсестра работала, но ее уволили. За что не знаю. Да и начальник Сидоров Григорий Сергеевич тот еще лис, вы с ним поосторожней, приставать точно будет. Вам долго практику проходить?

"Любитель выпить? Это для меня самый наилучший вариант. Начальник Казанова? Тоже неплохо. Как они все да про всех знают?"

— Полгода, может и больше. Часы нужно набрать. Спасибо за завтрак, вкусно все было. Мне пора уже, не то опоздаю.

— Как добираться думаете?

— Так маршрутка, говорят, ходит.

— Ходит. Раз в час, а на такси денег не наберешься. Вы там договоритесь — пусть за вами машину присылают. А сегодня я вас на своем "жигуленке" подброшу, мне все равно в город надо.

ПО ТУ СТРОНУ СВОБОДЫ

Самый сильный стресс я испытала, когда меня начали досматривать. Мне казалось, что у меня на лбу написано, что со мной что-то не так, что "я — преступница". Но все прошло обыденно. Мою сумку просмотрели, документы проверили, заставили сотовый оставить на проходной. Обходились со мной очень вежливо, даже сама не ожидала. До административного корпуса меня подбросил на служебной машине молодой оперуполномоченный Владислав Рыжов. Он, все время поправлял фуражку и бросал на меня любопытные взгляды.

— На практику?

— Да.

— А звать как?

— Анна Николаевна, — строго сказала я и сложила руки на коленях.

— Медсестра? Не бойтесь к нам?

— Не боюсь.

Опер провел меня узкими коридорами к канцелярии.

— Оформить все надо по правилам. Платоныч трудовую книжку откроет, пропуск выдаст. Документы все при себе?

Я с трудом за ним попевала, озираясь по сторонам.

— При себе.

Пожилой мужчина, которого Рыжов назвал Платоновичем, задавал мне вопросы, что-то записывал в серенькую книжечку. Выдал мне пропуск, белый халат, шапочку и сказал, как пройти в санчасть. За дверью меня поджидал все тот же Рыжов.

— Вы к нам из столицы?

— Нет, до столицы еще не добралась.

Я озиралась по сторонам.

— Это административная часть, здесь безопасно. Заключение делятся на тех, кто сидит в обычных условиях, стандартных камерах, и на тех, у кого лайтовые, легкие статьи. Последние, как раз могут работать в санчасти, уборщиками, поварами. Так что тут опасаться нечего.

Я кивнула. Да, многого я не знаю, несмотря на то, что прилично литературы изучила.

— А вот и больничка.

Санчасть находилась в другом корпусе и в самом деле походила на самую настоящую больницу, только с решетками на окнах.

— Медперсонал у нас скудный не то, что вам по телевизору показывают и в газетах пишут. Главврач Петр Семеныч. Он же педиатр он же хирург и все что пожелаете. Есть его правая и левая рука Александр Иванович, но он сейчас на больничном. Медсестру уволили пару месяцев назад. Еще психолог к нам иногда приезжает.

В санчасти имелась одна огромная палата, процедурная и кабинеты главврача, врача и медсестры.

— Вот и пришли, — опер постучал в дверь одного из кабинетов, и я услышала недовольный голос:

— Кого еще там принесла нелегкая?

— Открывай Семеныч, я тебе пополнение привел.

Дверь резко распахнулась, и я увидела низенького полного мужчину в белом халате с закатанными рукавами. Он грыз яблоко и внимательно меня рассматривал. Его лысина сверкала при ярком свете лампы.

— Практикантка прибыла, — констатировал он и жестом пригласил меня в кабинет. Рыжов с нами попрощался и наконец-то удалился. Сразу даже полегчало, а то мне казалось — он ко мне конвоиром приставлен.

— Анна Николаевна, значить, Анечка?

— Приятно познакомиться, а вы Петр Семенович?

— Семеныч, тут меня все так называют? Ну что, отличаются наши хоромы от ваших городских санаториев? Видала, как нас тут урезают — ни оборудования, ни рабочей силы. Все сами. Еще и медсестру уволили, так я тут дневал и ночевал. Слава богу, тебя прислали. А то и Андрей Иванович хворает — печень у него шалит.

Семеныч сел за стол, достал из ящика еще одно яблоко и мне протянул.

— Хорошие яблочки — белый налив. Витамины. Грызи.

Я нехотя взяла яблоко, машинально протерла халатом и откусила.

— Работы непочатый край. Еле справляюсь один. Значить так, ты пока освоишься, я тебя сильно загружать не стану. Рабочий день с восьми утра до восьми вечера. Есть обеденный перерыв. Питаемся из столовой, нам отдельно еду привозят. Ты у меня пока бумажками займешься. Там столько всего перебрать надо — анализы, карточки, справки. В общем отсортируешь. На каждого зэка заведена отдельная карта. Тут по большому счету настоящему больных редко встретишь, только с сезонными заболеваниями — типа ОРЗ, а так симулянты одни. Еще после разборок к нам попадают, а иногда сами себя увечат, чтобы тут отлежаться. Санаторий, блин, наши, мать их так.

Я слушала, молча, да и Семенычу мое участие в разговоре не особо требовалось. Он говорил о том, какие нелюди преступники. Что с ними надо построже. Никаких поблажек, не то на голову сядут и ноги свесят. Показал мне мой маленький кабинетик, заваленный ящиками из-под медикаментов и бумагами. Я понимала, что разгрести это все конечно буду я. Потом показал, где лекарства хранятся. Сказал, что наркотические препараты и снотворное — только по его предписанию. Все остальное на мое усмотрение.

— В палате сейчас человека три лежит. Один палец сломал на ноге — на него ящик с инструментами упал, другой с вирусной инфекцией, а третьего отметелили, но говорит, что упал. Хорошенько ему так по роже съездили, да по ребрам накостиляли. Переломов нет, но ухода требует. Ему повязки менять надо и обезболивающее, в виде анальгина. Они тихие и их дежурный охраняет. Вот и все. Среди дня иногда подваливают всякие под конвоем конечно. Осмотр обычный проводишь и всех обратно отправляешь. Мне тут много постояльцев не нужно и так рук не хватает. Если новеньких привозят, так они у нас тут на карантине дней десять отсиживаются, тогда работы непочатый край, но пока что такое не предвидится. Нам, если что, из области подмогу пришлют. Лабораторные анализы тоже в город отправляем, и результаты сюда получаем через неделю.

Наконец он заметил, что я грызу и молча, его рассматриваю. Довольно интересный тип. На врача, конечно, похож, только пребывание в этом гиблом месте его наверняка изменило. Глаза чуть красные. Под ними мешки, прожилки на розовой коже — спиртным явно

злоупотребляет. Хотя довольно дружелюбный и не отталкивающий.

— Ты сейчас к куму пойдешь, к начальнику нашему, а потом можешь свой кабинет обустроить. Пропуск получила?

Я кивнула.

— Ключи тебе выдам, есть у меня еще одна пара. Пока Андрей Иванович не вернется, нам тут самим управиться надо.

Начальник колонии оказался очень высоким, худощавым. Я затруднялась определить сколько ему лет. На вид под полтинник, а может и больше. Про таких говорят — человек без возраста. В отличие от врача Григорий Сергеевич слушал меня внимательно и вопросы задавал отрывисто как на допросе. Я старалась не нервничать, хоть и теребила краешек юбки. Начальник меня напрягал — он смотрел прямо в глаза, почти не моргая, наверное, так он разговаривал с заключенными. Я не замечала, чтобы он пытался со мной флиртовать, как предполагал дядя Федор. Даже наоборот мне казалось, что я ему явно не нравлюсь.

— Прислали мне малолетку. Вот что мне с тобой делать, Свиридова? У меня тут не санаторий, не районная больница. Мне такие девочки тут не нужны. Вот Зинаида работала здесь, так ей за сорок было, и выглядела она как офицер в юбке, а на тебя смотреть глазам больно. Ты, конечно, красоту скрыть попыталась, а у зека взгляд зоркий, он тебя сквозь фуфайку рассмотрит не то, что халатик. Мне здесь куклы Барби не нужны. У меня в лазарет очередь выстроится. Нет, ну это полное безобразие.

Я опустила глаза. Раз считает Барби, надо соответствовать.

— Так я перекрашусь, если надо, подстригусь.

Начальник закурил и мне тоже невыносимо захотелось. Он тут же подвинул ко мне сигареты. Я достала одну и подкурила от протянутой зажигалки.

— Ну и что это изменит? На тебя хоть покрывало напяль, все равно видно. Что девушка и притом смазливая. Ладно, раз прислали, значит прислали. Будешь пристраиваться к нашим будням. Значит так, в личный контакт с зеками не вступать. Они обычно в наручниках к тебе попадают, если опасность представляют, и под конвоем. Охрана за дверью остается, если что зовешь на помощь. При случаях, когда больной с телесными повреждениями все заносишь в карточку и потом докладываешь мне. За пределы административной части не выходить. По всем вопросам к Рыжову или лично ко мне. К Семенычу тоже можно. Ты как сюда добиралась?

— Дядя Федор подвез, я у него комнату снимаю.

— Ясно. С завтрашнего дня за тобой машина будет приезжать к половине восьмого утра и обратно отвозить тоже будет. Ночных дежурств почти не бывает, только если есть новички в карантине или особо тяжелые случаи. Вот почитай на досуге правила поведения в различных ситуациях. Завтра отчитаешься, ясно?

Я снова кивнула.

— Можешь идти, Свиридова. Добро пожаловать на зону.

Я вернулась в санчасть и принялась обустроить свой кабинет. Часа через два он уже напоминал жилое помещение и блестел, после того как я протерла пол и пыль со стола и со шкафчиков. Я бросила взгляд на часы, а потом пошла в кабинет Семеныча. Главврач похрапывал на кушетке. Я взяла папки с результатами анализов и вернулась обратно.

Внимательно просмотрела бланки из лаборатории, спрятала один из них к себе в

сумочку для образца. Сегодня ночью мне предстояло самостоятельно сделать такой же бланк дома, на принтере. Теперь я подвинула картонные коробки с карточками заключенных и принялась аккуратно складывать их на полки в алфавитном порядке.

Наконец-то я добралась до карточки Артура, раскрыла дрожащими руками, и увидев его на фото, в серой робе, прикрыла глаза. Провела пальцем по снимку. Сердце начало биться быстрее. Он совсем рядом. Он дышит со мной одним воздухом, но еще не знает, насколько я близка к нему. Увидеть его, прикоснуться, почувствовать запах его кожи. Тоска по любимому сжала сердце тисками. Как долго я не позволяла себе тосковать, думала только о своей цели. Теперь, когда до него рукой подать и возможно завтра я его уже увижу, я начала понимать что не смогу оставаться хладнокровной и равнодушной, могу себя выдать.

— Ух, ты!

Я вздрогнула и обернулась. Семеныч потирал глаза и смотрел на изменившийся кабинет.

— Волшебница. Уже и карточки сложила?

— Да, я по-быстрому. Хотите и у вас порядок наведу?

— Не мешало бы. Буду признателен. Ты закругляйся, Анечка, скоро восемь, я тебя сегодня в деревню отвезу, а завтра уже машина будет. Анализы перебрала?

— Да, Перт Семенович, все перебрала и сложила. Завтра вам покажу.

Хоть бы не попросил сегодня просмотреть.

— Да, завтра уже, а то в сон меня чего-то клонит. Пошли, кончился наш рабочий день. Правда, спокойно сегодня было. Завтра с больными познакомишься, и первые процедуры сама проведешь.

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ

Перед сном я позвонила тетке Лизе, не выдержала, тоска по Танюшке одолела так остро, что даже молоко из груди начало выделяться. Женщина уверила меня, что с малышкой все в порядке, даже дала послушать нежное "угуканье" от чего у меня слезы на глазах выступили. Даже не думала, что мне будет так тяжело. Ничего, если у нас все получится, скоро мы будем все вместе. У нас будет семья и наш папа вернется к нам навсегда. В эту ночь я все же уснула, сморила меня усталость и волнения, но под утро я вскочила в холодном поту с постели. Мне приснилось, как за нами гнались люди с собаками и Артура застрелили. По щекам текли слезы, я вся тряслась как в лихорадке. Открыла окно и осенний воздух ворвался в комнату, я завернулась в плед и закурила, глядя на розовую полоску рассвета. Со вчерашнего дня я снова вернулась к этой вредной привычке — пока ждала Танечку и кормила молочком не смела и думать о сигаретах, но вчера нервы сдали. Сегодня будет трудный день. Пожалуй, самый трудный. От этого дня зависит, как все пойдет дальше. И самое страшное, что сегодня все выйдет из-под моего контроля. Я взяла в руки напечатанный вчера бланк с внесенными изменениями и именем больного. Из всех болезней, которые мне вообще пришлось перебрать в уме, а потом изучить, включая симптомы и дальнейшее лечения я остановилась на остром пиелонефрите. Поначалу больному должны выписать лечение антибиотиками, а потом при повторном анализе проверить ультразвуком и определить на серьезное стационарное лечение. Так как, на зоне не имелось нужного оборудования, то больного с острым заболеванием, обязаны под конвоем отвезти в городскую больницу. Это то, что мне и требовалось. Повторный анализ проведут через неделю после приема антибиотиков, ждать результатов еще неделю. Всего две недели. За это время Пашка должен купить билеты на несколько поездов с пересадками, а потом и билет в Англию. Одна из европейских стран, которая не подвергает граждан экстрадиции. Деньги в один из банков Великобритании я уже перевела, а точнее перевел Иван Владимирович по моей просьбе. Если ничего у нас не выйдет, эти деньги сможет снять тетка Лиза на воспитание нашей дочери. О таком варианте я даже думать не хотела. Хотя понимала, что наш план с побегом может провалиться. Тут пятьдесят на пятьдесят. Проколоться можно на любом этапе побега. Например, сегодня, если кто-нибудь поймет, что мы с Артуром знакомы.

В полвосьмого за мной приехала служебная машина и ровно в восемь я уже прихватывала "невидимками" белоснежную шапочку, пряча непослушные локоны. Первым к нам наведалься Рыжов с пачкой юбилейного печенья и напросился на чай. Семеныч, наверняка с похмелья, пил черный кофе и пребывал не в лучшем расположении духа, а мы с Рыжовым мирно болтали, а потом выкурили по одной сигарете.

— Анечка, хватит, чай распивать. Что там прислали из лаборатории? Неси все анализы ко мне.

Рыжов вызвался помочь, но я отказалась. Мне его присутствие начало надоедать, да и заранее приготовленный бланк нужно было вложить между документов.

— Ты сама анализы просмотрела, может, заметила что необычное?

Семенычу явно не хотелось просматривать все бумажки у него впереди обход и выезд в

город за медикаментами.

— Просмотрела, конечно. У Ставропольского лейкоциты повышены и низкий уровень железа, а у Ченьшева похоже острый пиелонефрит намечается. Анализы крови и мочи очень плохие.

Брови Семеныча удивленно поползли вверх, он посмотрел на меня и я с трудом удержалась чтобы не вздрогнуть.

— Чернышева? Что-то не припомню чтобы он ко мне с жалобами приходил. Когда анализы сдавал? Дай-ка бланк сюда.

Я подала бумагу врачу, а сама судорожно сжала пальцы в кулак.

— Тааак... Да, анализ прескверный, тут антибиотики срочно нужны. Меня, похоже, в этот день не было. Это, наверное, Андрей Иванович его принимал. Дай-ка мне карточку Чернышева.

Черт. Черт. Черт. Как же я про карточку не подумала. Вот гадство. Все. Сейчас все сорвется. Я принесла папку Артура и подала Семенычу. На лбу выступили бусинки пота, и сердце начало биться в замедленном ритме.

— Вот безалаберность. Вечно Андрей забывает в карточку записывать, на бумажках строчит, а в папку не вкладывает. Сколько раз ему говорил — все жалобы вносить и давать мне на подпись. Так, ладно. Я сейчас Чернышева к себе позову, а ты, скажи дежурному, пусть к тебе на перевязку Ветлицкого ведут. Кстати, это Чернышев его так приложил, тот, конечно, помалкивает, но тут и у стен уши есть. Ты с этим поосторожней, он за особо тяжкое сидит. Его с конвоем приведут. Возьмешь у него повторный анализ из вены и антибиотик сразу уколешь. Нам пока придется его в лазарете оставить. Три раза в день внутривенно уколы делать. Если не поможет... вот мороки мне будет, придется везти в город на ультразвук.

В процедурную завели мужчину лет тридцати пяти, с забинтованной головой и рукой. Он все время охал и хватался за правый бок. Завидев меня, все же присвистнул, но конвоир его тут же одернул, усадил на стул.

— Сестричка...

— Анна Николаевна, — поправила я и принялась разбинтовывать его голову.

— Анечка, поосторожней, а то...

— Анна Николаевна, — снова настойчиво сказала я и полностью сняла бинт.

На лбу у раненного виднелась ссадина, явно от удара кулаком.

— И кто вас так? — не удержалась я.

— Шел, поскользнулся, упал, а очнулся — гипс, — больной заржал.

— Очень смешно. Не крутитесь, не то в глаз йодом попаду, а это не приятно.

Он тут же притих, а потом снова тихо сказал:

— Эх, ручки-то какие нежные, я согласен каждый день падать.

— Еще раз упадете, я вам от падучки уколы назначу, на пятую точку неделю сесть не сможете.

— Да ладно!

— Обещаю.

Ветлицкий притих, а я смазала рану и разбинтовала руку, на локте виднелся порез.

— Вы что на мясорубку упали?

— Вроде того, — он снова заржал, и я намеренно вылила на рану побольше йода.

— Щиплет ведь, ваткой нельзя?

— Можно, если болтать перестанете.

За дверью послышались тяжелые шаги, и я услышала голос Артура. Бутылочка с йодом дрогнула в руке, и жидкость пролилась на робу Ветлицкого.

— Какие к черту анализы? Я в больничке год не был, как с карантина вышел.

— Ты мне поговори, Чернышев. Семеныч сказал: на укол и на повторный анализ. Ему лучше знать.

Я попыталась взять себя в руки, сердце билось как бешенное прямо в горле. Пальцы вспотели, и бинт выскальзывал из рук. Я уверенно заматывала руку Ветлицкого, а он с любопытством на меня посматривал. Снова услышала голос Чернышева и закусил губу так сильно, что от боли скулы свело.

— Что за бред? Какие уколы? Я...

Дверь распахнулась, и я почувствовала, как резко перестала дышать. Воздух тут же раскалился добела, наэлектризовался, завибрировал.

— Семеныч, это что блин тако... — пауза. Выдох. Сердце бьется у меня в горле. — такое..е..е?

Артур увидел и застыл на пороге. У меня заняло ровно секунду прийти в себя и продолжить бинтовать Ветлицкого.

— Анечка, туго бинтуете, — сказал тот, а я снова подняла глаза на Артура и тут же опустила. Он застыл, казалось, у него отнялся дар речи, а я мысленно умоляла его перестать на меня смотреть. Прекратить немедленно. В его взгляде можно было прочесть слишком много. Он должен перестать. Господи, пусть он перестанет. У меня от напряжения болел каждый мускул, пальцы отказывались гнуться, а слезы подступали к горлу комом, и я их глотала, умоляя себя успокоится.

— Чего застыл, Чернышев? Я понимаю баб, хммм... женщин год не видал, но не превращайся в соляной столб. Анечка, вколите ему от столбняка.

Я улыбнулась, но улыбка получилась деланной. Ветлицкий поднял робу у себя на груди и теперь я смазывала его ссадины на боку. Взгляд Артура я ощущала кожей, каждой порой на своем теле.

— Так у нас новая медсестра? Анечка?

Артур присвистнул, и я мысленно поблагодарила бога. Хорошо, правильно. Молодец, Чернышев. Да, именно так.

— Нифигасе! Анечка!

— Молчать, Чернышев, язык прикуси.

Ветлицкого увел дежурный, а конвоир усадил Артура на тот же стул и он оказался от меня так близко, что у меня голова пошла кругом. Я судорожно глотнула воздух, и отважилась на него посмотреть, и сердце тут же захлебнулось в немом крике отчаянной тоски. Наши взгляды встретились всего на секунду, но меня пронзило током, по телу прокатилась волна дрожи. Похудевший, под глазами круги, щеки заросли щетиной, взгляд колючий, пристальный. На костяшках пальцев ссадины. Я видела, как пульсирует вена у него на шее. Он нервничает не меньше меня.

— Так что там с моими анализами? — спросил Артур и посмотрел на меня, слегка прищурившись.

— Вас привели в санчасть с болями в пояснице и с высокой температурой неделю назад. Пришли результаты анализов. Мы с доктором думаем, что у вас острый пиелонефрит.

Брови Артура удивленно приподнялись.

— Даже так?

— Да. Это серьезное заболевание, при осложнении может и почка отказать. Мне нужно будет взять у вас повторный анализ и влить вам антибиотик внутривенно. Вы останетесь в лазарете на неделю под нашим пристальным наблюдением.

— Под вашим, Анечка, хоть на месяц. Я даже начну себя хорошо вести, и меня переведут к вам на работу.

Он усмехнулся, и я облегченно вздохнула. Артур мне подыгрывал. Он еще не понимал до конца что происходит, но вел себя правильно.

— Поработайте пальцами, сожмите в кулак и разожмите.

— Эх, я бы с вами, Анечка, не только пальцами поработал.

Кровь прилила к щекам. Хотела ответить, но меня опередил конвоир.

— Чернышев, только рыпнись мне, ясно?

— Да кто ж рыпаться будет, когда тут такая красавица.

Я попросила конвоира отойти к двери и свет не заслонять. Как только дотронулась до руки Артура, пальцы дрогнули, и он почувствовал. Я не удержалась, провела ладонью в перчатке по его горячей коже и тут же оглянулась на конвоира — тот смотрел в сторону коридора, а потом крикнул:

— Степаныч, чайку завари, будь другом.

Артур смотрел мне прямо в лицо, только пальцы в кулак сжал. Кровь было страшно брать. Одно дело на курсах учиться, а другое вживую вену проколоть. Его вену. У меня тряслись руки. Я чувствовала взгляд Артура: жадный, пробирающий до самого сердца. Уколола, посмотрела, как по тоненькой трубке потекла кровь в пробирку. Через секунду отложила пробирку на поднос и ввела в трубку антибиотик.

— Вам прописаны уколы три раза в день. Сегодня днем уколою и вечером, а потом уже завтра. Проведите его в палату.

— Руки, Чернышев.

— Санаторий в моем распоряжении. Эй, Ветлицкий, ты по мне не соскучился?

— Да пошел ты.

Я выдохнула и закрыла глаза, как только закрылась за ними дверь. Сердце билось так быстро, что мне казалось я сейчас в обморок упаду. Я сняла перчатки, помыла руки и посмотрела на себя в маленькое зеркальце на стене. Бледная как смерть, губы немного подрагивали. Зашел Семеныч с чашкой чая.

— Что уже закончили. Где этот упырь, который чаю просил?

Ну и жаргон у них, я усмехнулась, а по спине стекали ручейки холодного пота.

— Конвоир с Чернышевым останется?

— Нет, он его дежурному надзирателю передаст. Тому, что у двери палаты сидит. Они тут меньше за ними наблюдают. Здесь такого давления нет. Вот почему зэки так стремятся попасть в лазарет. Тут отдых, работать не надо и постели чистые, кормят лучше. Будь их воля — они бы все сюда перебрались. Как анализ? Взяла?

Я кивнула и показала на пробирку.

— Вот и отлично. Подпиши, и вон туда поставь. Вечером заберут. Я сейчас в город, а ты пока остальных осмотри. Этот с вирусной инфекцией ему нужно температуру померить и лекарство от кашля дать. А так можешь отдохнуть. Сегодня должно быть спокойно. Вечером, когда закончишь, все закрой и ключи на проходной оставишь. Все, я поехал. Если что не так

пойдет, с рабочего телефона можешь мне звонить. Номер на бумажке под аппаратом оставил. Справишься?

— Справлюсь.

— Вот и ладненько. От Чернышева подальше держись. Он слишком горяч и неуправляем, его тут многие боятся. Если что — на помощь зови, его вмиг в карцер определяют. Он там частенько бывает.

Я усмехнулась про себя. Мне бы поближе к нему, настолько близко, чтобы каждой клеточкой тела чувствовать.

Через полчаса я зашла в палату, стараясь выглядеть строго и не на кого особо не смотреть. Чернышев лежал на койке свесив ноги на пол и закинув руки за голову. Он смотрел на меня так же пристально как и все остальные. В дверях стоял дежурный с резиновой дубинкой наготове. Я подошла к пожилому арестанту с вирусной инфекцией и померяла ему температуру, потом посмотрела в его карточку и увидела. Что уже несколько дней его температура и общее состояние в норме.

— Вас уже завтра выпишут, ваши анализы в норме, температура третий день не повышается, а кашель пройдет очень скоро. Хотя вы можете приходить в санчасть за сиропом.

Я записала в карточку последние показания термометра и уже хотела отойти как вдруг зэк схватил меня за руку.

— Не выписывайте меня, богом заклинаю, мне обратно нельзя. Они убьют меня.

Я посмотрела в перекошенное лицо мужчины и вдруг поняла, что он не лжет — он и в самом деле напуган до смерти.

— Вам с врачом нужно поговорить. Я ничего решать не могу и...

— Напишите, что температура высокая — у меня анализы возьмут и еще недельку поживу, умоляю.

— Простите, но это не по уставу, я не могу лгать Семенычу. Вы успокойтесь, поговорите с ним завтра и я уверена, что все наладится и...

— Сучка! В чем ты можешь быть уверена?! Они меня живьем в параше утопят, ты мне могилу роешь.

— Заткнись, дед, не закроешь рот — я сам тебе закрою, — Артур говорил спокойно. Но зэк мою руку выпустил и глухо застонав, уткнулся лицом в подушку. А ведь Чернышева и впрямь уважают и боятся. Мне было странно видеть его таким — вжившимся в образ матерого зэка. Хотя в праве ли я его осуждать — он должен был выжить. Или стать такими как они или...

— Артурыч, за новую лепилу*1 вступился? Так ее кум*2 в оборот очень скоро пустит — он Зинкой не побрезговал, а на такую цыпу у него наверняка слюни потекли. Думаешь, она тебе даст, когда колоть будет или миньет забахает в виде профилактики от смермотоксикоза? — Ветлицкий ехидно засмеялся, ожидая реакции то ли моей, то ли Артура.

— Ты, сучара, говори да не заговаривайся, а то отвечать придется. Пропишешься в больничке на полгода с гипсом на всех частях тела. Как сам-то от смермотоксикоза избавляться будешь когда ни левой, ни правой не достать?

— Потухли там все! Быстро! — окрикнул дежурный. — не то из санатория повылетаєте уже сегодня, подыхать в камерах будете.

Я посмотрела на Ветлицкого и еле удержалась, чтобы не захватить ему по разбитой физиономии. Видать за дело Артур его избил. Жалко мне его уже не было и слова Семеныча и Рыжова о том с кем я дело имею, начали приобретать более угрожающий смысл.

— Чернышев, пройдите ко мне в кабинет. Мне нужно вам задать несколько вопросов и измерить давление и температуру.

Лягнула и сама своей смелости удивилась, бросила взгляд на дежурного, но тот уже снова читал газету. Артур встал с койки.

— Больше ничего мерить не будите?

— Ваши пошлые шуточки, Чернышев оставьте при себе. Вы тяжело больны и если будете продолжать так себя вести — я откажусь вами заниматься и вы очень скоро начнете корчиться от болей.

— а вы не дадите обезболивающее.

— Вот именно, — ответила я, — идемте и прекратите паясничать.

— Строгая. Я таких люблю.

— Чернышев, слышал, что Аня сказала? Варезку прикрой.

— Замолкаю, начальник, замолкаю.

— Анечка, справитесь.

Нет, не справлюсь, вот наедине с ним останусь и с ума сойду.

— Конечно.

Как только за нами закрылась дверь кабинета, мы посмотрели друг на друга по-настоящему, и я почувствовала, что глядя в его синие, полные отчаянной страсти глаза, я медленно умираю от любви к нему и безумного счастья снова видеть его так близко.

ГЛОТОК СЧАСТЬЯ

Мы молчали. Хотя слова были не нужны. Брови Артура сошлись на переносице, челюсти сжались. Он дрожал от невероятного напряжения. Наши руки сплелись резко. Мы сжали пальцы друг друга до боли. Но нам она была необходима эта боль, чтобы почувствовать друг друга. Артур прижал мою ладонь к колючей щеке. Более чувствительной ласки, чем прикосновение к его коже в этот момент я бы не выдержала. За дверью послышался шорох, и я тут же метнулась за стол. Артур так и остался стоять напротив меня. Я открыла его карточку, взяла шариковую ручку.

— Давайте уточним — в течении этой недели вы испытывали боли в пояснице?

Я кивнула ему, давая понять, что именно он должен отвечать.

— Да, но терпимо.

Я быстро набросала на листе бумаги:

"Не задавай вопросов, просто делай то, что я скажу"

Подвинула к нему лист и ручку.

— У вас болит справа или слева?

— Везде болит.

"Какого черта ты вытворяешь?"

— Температура за это время поднималась, вы ощущали жар в теле?

— Смотрю на вас, Анечка, и ощущаю. Особенно в нижней части.

"Пытаюсь тебя отсюда вытащить"

— Чернышев, мы уже договаривались с вами.

— Вы сказали, а я не соглашался.

"Не выйдет. Уходи пока не поздно. Уволься, скажи что трудно. Оставь эту затею"

— Откройте рот и покажите язык.

— Вы будете осмотр всего тела делать или только горла?

"Поздно, механизм запущен. Я должна попробовать, без тебя не уйду"

— Всего тела, Чернышев, и без пошлых шуточек, ясно?

"Уходи, я сказал. Как тебе вообще эта идея в голову пришла?"

"Я же сказала, что ждать не буду. Я не могу без тебя, Чернышев"

"Дура, куда лезешь?"

Он снова сжал мою руку до боли, а я закрыла глаза, слезы наворачивались, и я уже не могла их остановить.

"Люблю тебя!"

"Знаю! Уходи!"

"Нет! Только с тобой"

— Температура повышенная, сейчас померяем давление.

"Ради чего такой риск? Зачем? Ты с ума сошла?"

Я открыла сумочку и достала фотографию дочери, протянула ему. Он взял дрожащей рукой. Время остановилось. Еще никогда я не испытывала такое острое желание прочесть его мысли немедленно. Артур посмотрел на оборот фотографии.

"Танюшке здесь исполнилось три месяца, и она очень ждет своего папу"

Артур погладил фотографию указательным пальцем, поднес к глазам, и я замерла в ожидании. Когда он посмотрел на меня, мое сердце дернулось и защемило. В его глазах — нежность. Непередаваемая словами, ошеломляющая нежность и восторг дикий, первобытный. Казалось еще мгновение, и он завопит.

— Давление высокое. Вы должны побольше отдыхать. Никаких стрессов. Дайте я вас осматрю.

Я встала из-за стола и подошла к Артуру.

— Поднимите рубашку. Здесь болит?

Дверь резко открылась и я даже не успела испугаться, краем глаза увидела, как Артур проворно схватил со стола записку и сжал в кулаке. Физиономия дежурного появилась в проеме, он посмотрел на нас обоих:

— Все нормально?

— Нормально. Вы, почему без стука заходите? Как к себе домой? Я больного осматриваю, обождите за дверью.

— Так не положено вам самим тут..., - пробормотал дежурный, он опешил от моей резкости.

— Положено, не положено, может, за меня осмотр проведете?

— Ладно, если что зовите.

— Естественно. Чернышев, здесь болит?

Дверь захлопнулась. Я надавила на спину чуть ниже пояса.

— Здесь болит...Анечка. От счастья.

Он приложил мою ладонь к своей груди — сердце билось как бешенное. Мы посмотрели друг другу в глаза, и вдруг он резко дернул меня к себе. Наши губы встретились так внезапно, что у меня голова закружилась, подогнулись ноги, дышать стало невыносимо трудно. Его губы такие жесткие и сочные одновременно. От счастья сердце перестало биться. Артур выпустил меня из объятий внезапно, и я пошатнулась. Из груди рвались рыдания.

"Когда уходим?" — написал на мятом клочке бумаги. И я поняла, что победила. С триумфом ответила:

"Через две недели"

"Как?"

"На скорой, при переезде в больницу"

"Пашка?"

"Да. Ты со мной?"

"У меня есть выбор?"

"Она так на тебя похожа"

"Моя дочь" — на дрожащих мужских губах гордая улыбка.

Артур подвинул ко мне фотографию Танюши, потом порвал записку на мелкие кусочки и съел прямо у меня на глазах. Я даже удивиться не успела.

— Через два часа я дам вам новую порцию антибиотика. Можете идти, Чернышев.

— Жаль, я бы тут с вами на всю ночь остался.

Я пошла к двери и вдруг почувствовала, как его руки обвили мою талию сзади, я прижалась к нему спиной и закрыла глаза. Секунды счастья, дерзкие, наглые, ворованные секунды. Дикий риск и бешеный адреналин.

— Думал о тебе каждую минуту, маленькая, — прошептал так тихо, но я услышала

сердцем.

— Вы свободны, больной.

Я оторвалась от него таким невероятным усилием воли, что душу на части разрывало. Распахнула дверь.

— Когда у вас тут обед привозят?

Дежурный отложил газету:

— Через четверть часа. Проголодались?

— Еще как, — за меня ответил Артур, и от его слов кровь бросилась мне в лицо. Я знала, что он имел в виду. Чернышева не изменит даже тюрьма. Несмотря на всю трагичность нашего положения, я улыбнулась. Он неисправим.

Я пребывала в странной эйфории. Наверное, то же самое испытывает человек, когда посреди пустыни ему удастся добыть глоток воды и хоть он понимает, что скоро эта живительная влага закончится, и он снова начнет умирать от жажды, он радуется каждой выпитой капле.

Я уже собиралась домой, последний раз обошла всех пациентов. Дала обезболивающее Ветлицкому и парню с переломанным пальцем. Как вдруг появился Рыжов.

— Анечка, Григорий Сергеевич за вами прислал, он вас ожидает у себя в кабинете.

Я бросила взгляд на Артура. Тот не смотрел на нас, он постукивал подушечками пальцев по тумбочке. Ветлицкий многозначительно присвистнул.

"Началось" — подумала я.

Сегодня подполковник Фомин Григорий Сергеевич пребывал в гораздо лучшем настроении, чем когда мы с ним беседовали в последний раз. Он вежливо поздоровался, галантно предложил мне чашку чая. Я отказалась. Такие резкие перемены мне не нравились.

— Как ты устроилась, Анечка? Слышал, что уже успела влиться в наш маленький коллектив? Семеныч доволен тобой, сегодня с ним разговаривал. Сказал толковая медсестра, несмотря на то, что молоденькая.

— Стараюсь, Григорий Сергеевич. Я ведь на врача хочу дальше учиться.

— У тебя непременно все получится, Анечка. Ну, так как рабочий день прошел? Слышал у тебя теперь новый пациент? Как себя ведет Чернышев?

Я насторожилась. Что это? Просто любопытство или дежурный доложил о том что уединились?

— У него острая форма пиелонефрита. Ждем анализов из лаборатории.

— Я не о здоровье интересовался, а о самом больном. Как ведет себя? Чернышев довольно опасный преступник и совершенно непредсказуемый человек. Ты справляешься?

— Да. Со мной они вроде все вежливые.

Григорий Сергеевич набросил плащ.

— Давай я домой тебя подброшу, по дороге поговорим.

Я не смела отказаться. Мне нужно было втереться к нему в доверие, чтобы расслабился, стал откровеннее.

— Ой, спасибо. Если только вам по пути.

— Ничего страшного. Я так давно не общался с симпатичными девушками, что, пожалуй, готов проехать несколько лишних километров.

Когда мы сели в служебную машину, разговор продолжился.

— Вежливые они, до поры до времени, Анечка. Как только поперек дороги станешь, вся вежливость испарится. Это преступники понимаешь? Их ломать надо, перевоспитывать.

— Но ведь они люди, а врачебная этика...

Подполковник усмехнулся:

— Наивная ты душа, Анечка. Практически никто не попадает к нам просто так, многие — люди с тяжелыми статьями. Честное слово, сострадания к ним не испытывается. Вся система изначально построена так, чтобы сломить человека, отсюда и все нечеловеческие условия и отношение.

— Вы правильно сказали, что система построена так, чтобы сломить человека. Вы озвучили то, что тюремное начальство обычно скрывает за красивыми словами. Вот только нормально ли это? Вы выращиваете матерых ушлых преступников. Мелочь ломается, а крепкие волки становятся еще крепче. А потом удивляемся, откуда у нас такая изощренная и хорошая организованная преступность.

Понятно, что симулянтов немало, и просто лентяев — но и нормальных людей ставят в такие условия, где каждый выживает, как может. Или скажите нормальных там нет?

— Удивлен, Анечка, довольно рассудительно для такой молоденькой девушки как ты. Ты можешь спросить: а как же права человека, заключенного? Здесь наши позиции таковы: понятие прав человека в последнее время используются спекулятивно и однобоко. Почему-то никто не говорит о праве убитого на жизнь, о праве изнасилованной девушки на неприкосновенность и здоровье, о

праве ограбленного на личную собственность. Зато о правах убийцы, насильника, грабителя — пожалуйста, сколько угодно. Поэтому для нас во главе угла — права потерпевших, о которых НИКТО и НИГДЕ не говорит. Мы полагаем что с этими пояснениями становится ясно, что почти никто из персонала учреждений не стремится очень уж строго соблюдать права заключенных.

Он был прав и будь я незаинтересованным лицом, я бы непременно с ним согласилась. Несомненно, Григорий Сергеевич очень умный человек, фанатично считающий, что он прав и его миссия наказывать преступников. Он отказывался воспринимать их как людей и возможно, будь я и в самом деле просто медсестрой Анечкой — он бы меня убедил.

Мы подъехали к воротам и нас беспрепятственно выпустили. Даже машину не досматривали. Просто ворота открылись, и автомобиль выехал за пределы колонии.

— Ну а как же все-таки права человека? То есть они ведь тоже люди. Например, за границей тюрьмы отличаются от наших. Отношение к заключенным тоже. Хотя преступники везде одинаковые.

— Здесь я сделаю заявление, которое, возможно, покажется тебе странным: я считаю, что наше государство (а точнее, закон) излишне гуманно. Дело в том, что, по моему мнению, менталитет отечественного преступника — это совсем не то, что, скажем, голландского, или шведского. Это там заключенного могут отпустить домой на выходные, а нашего — попробуй отпусти. Большинство таких, либо сбежит (что, в общем, логически понятно), либо, что вернее, напьется и по пьянке кого-нибудь убьет. Или то же самое, но на трезвую голову. Кроме того, как показывает опыт, с большинством заключенных невозможно продуктивно общаться: каждый ищет либо подвох, либо, что чаще, личную выгоду. И это, заметь, не зависит от условий содержания и отношения, а определяется тем, что у человека в голове.

— Значит, вы уверены, что все они пропащие люди. Вы даже не допускаете мысли, что возможно кто-то был осужден несправедливо?

— Очень многие заключенные — это в прошлом дети из неблагополучных семей, или наркоманы, которые в принципе не понимают нормального языка, а реагируют только на окрик, побои, карцер или ШИЗО. Вот тебе пример гуманизации обращения с заключенными: с окон в камерах сняли жалюзи, перестали бить малолеток — они стали позволять себе хамство, угрозы по отношению к персоналу, в камерах появились случаи убийств, стали лучше кормить — появились недовольные качеством питания, пишут жалобы.

Все это я веду к тому, что бесполезно что-либо менять в нашем законодательстве в плане гуманизации. Я не говорю, что всех надо избивать или унижать, но некоторых — непременно, а некоторых нелишне и расстрелять.

Я посмотрела на подполковника. Он, казалось, совершенно уверен в собственной правоте и мне было трудно ему возразить, хотя очень хотелось, я даже язык прикусила.

— С другой стороны, для общего блага необходим профессиональный подход, по принципу "ничего личного, я только делаю свою работу". Работа преступника — совершать преступления, наша работа — лишать свободы. И не более того. Я сам всегда стараюсь следовать этому принципу, и это дает положительный результат, хотя некоторые воспринимают мою работу как ущемление их личности.

— Что ж вы, несомненно, правы. Более обстоятельного ответа на свои вопросы я еще никогда не получала.

— Очень рад, что смог тебя убедить. У меня мало хороших работников, Анечка. Конечно, я не в восторге, что ты настолько симпатичная. Ты не пойми меня превратно, только зэки тоже мужчины, притом мужчины, которые годами женщин не видели. Не хочу, чтобы началась из-за тебя вражда, а она непременно будет. Тебе, Анечка нужно покровительство на работе, чтобы не один из них в твою сторону смотреть не посмел.

Я понимала, к чему он клонит. Покровитель — это, конечно же, он.

— Ты сейчас очень занята или может заедем куда-нибудь поужинаем?

Григорий Сергеевич бросил на меня пристальный взгляд. Глаза у него колючие темные, казалось, насквозь видит.

— Сегодня я устала немножко. С непривычки. А вот завтра с удовольствием, если у вас время будет.

Фомин улыбнулся.

— Конечно, устала, тут у нас не только физически трудно, тут психологическое давление довольно сильное. Завтра? Завтра я занят, но к концу недели непременно приглашу тебя куда-нибудь.

"Осчастливил" — подумала я. Главное, что не настаивает, а ведет себя вполне прилично. Почему-то подполковник внушал мне неясный панический страх. Он подавлял своим авторитетом, прозорливостью. Мне, несомненно, нужно приблизиться к нему, чтобы усыпить его бдительность. Как же не хотелось снова возвращаться в образ Инги. Почему-то мне не верилось, что он неразборчив в связях, хотя Ветлицкий ясно дал понять, что каждая особь женского пола, работающая в колонии, побывала в постели начальника.

ПО ЛЕЗВИЮ БРИТВЫ

Артур смотрел в темноту. Ему не спалось. По палате разносился мерный храп Ветлицкого.

Чернышев чувствовал, что его голова просто раскалывается от напряжения, от мыслей, от слишком большого объема эмоций и информации. Он уже свыкся с мыслью, что сидеть ему от звонка до звонка. На досрочное не рассчитывал да и наплевать ему было. Какая разница пятнадцать лет или тринадцать — все равно выйдет он отсюда другим человеком. Он уже менялся. Жестокость окружающей обстановки постепенно начинала заражать его, распространяться как раковая опухоль. Он должен стать такими как все, и чем быстрее, тем лучше для него. Вспомнилась малолетка¹* все вернулось и законы тюремные тоже вспомнились. Словно и не прошли годы с тех пор. Здесь за колючкой свои правила выживания. Артур эти правила знал, а кто не знал — тот ломался. Первой мыслью, когда его вызвали в больничку, было то, что это чья-то шутка или злой умысел. Иногда человека уводили яко бы в санчасть, а по дороге избивали до полусмерти. Артур даже заточку в ботинок спрятал.

Когда увидел Василису, глазам не поверил, замер, глотая воздух. Ему казалось у него видение и эта девушка в белом халатике, хрупкая и нежная никак не могла быть Василисой. Но девушка подняла на него глаза, и Артуру показалось, что он летит в пропасть. Всего мгновения хватило на то чтобы понять — она здесь не просто так. Она пришла за ним. После дикой радости нахлынуло паническое чувство страха за нее. Побег из колонии строгого режима — это преступление, а еще это совершенно невозможно. Они обязательно попадутся. Чувства Артура поделились на две части. Он радовался, он захлебывался от счастья, понимая, что его не забыли, что все это время Василиса искала способы устроить побег, а не бросила его как отработанный и ненужный материал. Да, она не стала ждать пятнадцать лет, она решила рискнуть. Как это на нее похоже. А с другой стороны — опасность. Как она сможет? Кто ей помогает? Какого черта она вообще в это влезла и Пашка идиот вместе с ней? Если побег провалится, а скорей всего так и будет — они все сядут надолго. Вот только если Артур смог выжить в этих нечеловеческих условиях — Василису это сломает. Отчаянная девчонка, совершенная сумасбродка. Остались наедине и Артур понял, как сильно скучал по ней, какое невероятное счастье выпало ему — увидеть ее снова, так близко, прикоснуться к ней, почувствовать, услышать ее голос. Сколько раз он представлял себе их встречу и понимал, что это все несбыточные мечты. Чернышев хотел, чтобы она ушла, бросила эту сумасбродную затею. Он увидел ее в последний раз, а теперь должен отпустить, не тянуть за собой на дно. Только Василиса показала ему причину, по которой ему стоило рискнуть вместе с ней, и более веских доводов он не мог себе представить. Увидел крошечное существо на фотографии, и сердце зашлось от невыразимой нежности и любви к ним обоим. Все эти месяцы Василиса носила под сердцем их девочку. Их малышку. Он даже не смел мечтать, что когда-нибудь станет отцом. После всего что произошло, после известия о смерти единственного ребенка, Чернышев считал себя проклятым, прокаженным, которому не положено такое счастье. Посмотрел на крошечное личико Танюши и понял, что не может отказаться от шанса подарить им обоим счастье. Ведь и правда на него похожа — глаза синие, волосики темные, почти черные. В сердце снова

всколыхнулась нежность и странное дикое чувство: "Обидит кто — убью нахрен". Он ОТЕЦ. Его ждет дома маленькая дочка. Если счастье имело облик, то теперь он точно знал, как оно выглядит. А что если ничего не выйдет? Тогда кто позаботится об их дочери? Нет. Он должен убедить Василису отказаться от этой затеи. Должен, заставить уйти, начать жизнь вдали от него. Но ведь она упрямая. Не отступиться. Артур слишком хорошо ее знал, если задумала — значит пойдет к своей цели по головам, и даже Артур ее не остановит, а начнет мешать — только навредит и себе и ей. Что она задумала? Как осуществится побег? При переезде в больницу? Как она справится с конвоем? Что с документами? Черт, сколько вопросов, а ответы получить просто невозможно. Только доверится ей. А ведь все продумала чертовка. На территорию колонии проникла, облик изменила до неузнаваемости. Где только подевалась высокомерная красавица Инга? Перед ним возникла совершенно незнакомая девушка. Нежное, хрупкое создание. Светловолосое, воздушное. Где только научиться всему успела? Документы новые выправила, мозги всем запудрила. Кто заподозрит молоденькую скромную медсестричку Анечку в приготовлении побега матерому преступнику? Да никто. Только тот, у кого большая фантазия. На душе снова потеплело. Значит, все это время Василиса готовилась. Тщательно, долго, обдумывала каждый шаг, училась, приближалась к цели. Как всегда ее цель — это он. Артур усмехнулся. Любит ведь. В самом деле любит. Его маленькая Васька, его Инга, его Анечка. Она вся его и всегда принадлежала только ему. Разве кто-то в его жизни хоть раз любил его столь отчаянно? Не просто возлюбленная. Она мать его ребенка. Она его вселенная, его пристанище. Кому еще можно довериться в этом проклятом мире, если не ей?

Что кум от нее хотел? Зачем к себе прозвал? Главное чтобы не прокололась. Подполковник хитрая лиса и фанатик. Он нутром подвох чувствует. Сколько раз шмон устраивал в камерах как раз в тот момент, когда было что искать. Его стоит опасаться. А что если Ветлицкий, сволочь, прав? Что если кум глаз на Анечку положил? Как должна себя вести медсестра, если ей оказывает знаки внимания сам начальник?

Правильно — она должна быть счастлива. Кулаки непроизвольно сжались. Василиса тоже так подумает и начнет играть с Фоминым в уже привычные игры. Как бы сильно-то не заигралась. Артур понимал, что она должна вести себя как простая медсестра, ответить на ухаживания. Разумом понимал, а вот волна ревности все равно в душе закипала. Уснуть так и не получилось. Глаз не сомкнул, пока не услышал, как медперсонал заступил на смену. Голос Василисы, Семеныча. Они звенели чашками, разговаривали. Артур различал так же голос Рыжова. А этот вертухай, что здесь делает? Зачастил гад, как только Анечка появилась.

"Суетитесь придурки, а она моя. Вы все хвосты перед ней павлинами распустили, а она яму вам роет. Она умеет, я-то знаю, как она умеет ударить ниже пояса и ударит, да так что мало не покажется. Это моя женщина и она пришла за мной"

Семеныч с утра как всегда был слишком дерганым. Руки тряслись, под глазами мешки. Жаль хороший врач, а ведь сопьется рано или поздно. Это пока на плаву держится, но надолго ли его хватит. С моим появлением, правда, наплыв работы у главврача поубавился, он все взвалил на меня. А я только рада была, так время быстрее пролетало. Только сегодня Семеныч выглядел особо плохо, лицо бледное и покрыто красными пятнами. Не иначе как водки паленной вчера напился. Похмелье жестокое с трудом справляется. К обеду и вовсе ему поплохело и я заметила как он украдкой медицинского спирта в стакан плеснул. А вот и

первый звоночек — выпивка на рабочем месте. Мне только на руку. Чем меньше он обращает на меня внимание, тем лучше.

— Что-то мне совсем сегодня нехорошо. Видать подхватил я какую-то дрянь. Я прилягу, посплю.

— Конечно, поспите, я и сама справлюсь. Утренний осмотр провели, отдыхайте. Я вот укол Чернышеву сделаю и книжку читаю.

— Анечка, а что там дед? Я смотрел его карточку — выписать его надо. Скажи дежурному — пусть уводит. Хватит прохлаждаться.

— Может, подержим его еще парочку дней? Он говорил, что там его убить хотят.

Семеныч рукой на меня махнул.

— Все они так говорят. Здесь работать не надо и надзор слабый. Валяйся и жри — не хочу. Убить его хотят. Ты хоть знаешь, за что он сидит? Жену прирезал от ревности. Двенадцать колото резаных ран. Это ж как осатанеть надо было? Жалеет она его. А он бы не пожалел. Да, достают его в камере. Так кого не достают? Здесь выживает сильнейший, как у зверей. Так что пусть уводят его. Я и так этого симулянта неделю продержал, хотя там и вируса как такового не было.

— Хорошо. Сейчас скажу — пусть уводят.

Я все еще не могла поверить, что пожилой мужчина, выглядевший старым и больным, жену свою убил с особой жестокостью. Вспомнились слова подполковника.

— Вот и ладненько. Меньше народу — больше кислороду. Прилягу я на пол часика.

Я кивнула и аккуратно сложила папки на столе Семеныча. Деда мне было жаль, даже не смотря на то, что рассказал главврач, только не хотела я сейчас в это вмешиваться. Для всех я должна быть покорной медсестричкой Анечкой. Мне сказали — я сделала, вот и все.

— Как прошел вечер, Анечка? Кум домой подбросил?

Я посмотрела на Артура и увидела, как потемнели его глаза. Ревнует? Должен ведь понимать, что нам обоим это нужно. Если поймут, что я с подполковником роман закрутила, никто тронуть не посмеет. Но ведь все равно ревнует.

— Вы не дергайтесь, а то иголка выскочит.

Артур смотрел на меня нагло, как когда-то, раздевая взглядом. Не скрою. Не удержалась я, оделась немного по-другому. Вместо водолазки блузку пару поговичек расстегнуты, и Чернышев жадно смотрел на ложбинку между грудей. Потом опустил глаза ниже на ноги затянутые в чулки. Потом снова мне в глаза. Он возбужден. С трудом держит себя в руках. Я знала, что сейчас любой из заключенных реагировал бы на меня точно так же. Для них я пахну свободой, женщиной, удовольствием. Только даже осознание этого факта не мешало острому желанию разливаться по моему телу. Так не вовремя и так некстати.

От резкого звука, который разнесся по всему помещению, я вздрогнула. Это было похоже на сирену, только гудки короткие как звонок в дверях и пронзительные. Лампочка на потолке замигала красным.

— Что это? — вскрикнула я, услышав, как что-то крикнул по рации дежурный и послышался топот ног по коридору.

Дверь процедурной запахнулась, и я увидела Семеныча.

— Оставайся здесь. Там драка, поножовщина.

Снова топот ног по коридору, а потом физиономия Ветлицкого в проеме двери:

— Похоже, деда замочили. Ждали его видимо. Я пойду, посмотрю что там.

От этих слов у меня сердце перестало биться, я рванула к двери, но Артур схватил меня за руку.

— Не смей. Не лезь в это. Если там драка — попадешь под раздачу.

— Но там человека ранили, я обязана.

— Стоять, я сказал. Заигралась в докторшу. Остынь.

Но я его не слышала, побежала к двери. Артур сбил меня с ног и пригвоздил к стене. Жадно накрыл мои губы своими губами, сжимая лицо ладонями. Я замерла, и сердце ушло в пятки. Мы одни. Да, мы остались здесь совсем одни. Господи, что он делает? Артур задрал мою юбку до пояса, потом хаотично заскользил пальцами по голым бедрам. Он дышал так тяжело, так прерывисто, что казалось, сейчас задохнется. Губы снова нашли мой рот, сминая безжалостно, яростно. С таким голодом, словно сейчас он меня проглотит, растерзает. И я забыла обо всем. Пусть все сгорит или взорвется. Я с ним. Это ненадолго, это настолько скоротечно, что я просто не имею право отказать ему в этом кусочке счастья. Настоящего мужского счастья, утолить бешеный голод, накопленный за долгое время воздержания.

Посмотрела Чернышеву в глаза и поняла, что его уже не остановить. Все в тишине, молча, глядя мне в глаза. Мужские пальцы нетерпеливо сдвинули полоску трусиков в сторону. Ни стоны, ни звука. Я закусила губу. Артур приподнял меня под колени и его член до упора погрузился в меня одним резким толчком. Артур остановился, тяжело дыша, все еще глядя мне в глаза. Я увидела в них мольбу и чувство вины. К черту его угрызения совести. Я хочу дать ему то, что он хочет. Он понимал, так же как и я, что возможно это будет в последний раз. Господи, только бы никто не вошел. Я не была возбуждена, меня разрывало от тоски, от любви к нему, от сочувствия и понимания. Впервые я не горела вместе с ним, а хотела плакать, сжимать его до боли руками и ногами и рыдать у него на груди. Он несколько раз глубоко в меня проник и вздрогнул. Я закрыла ему рот рукой, чувствуя, как член внутри моего лона пульсирует, извергая семя. Год без женщины, год без ласки. Мое наслаждение было в том, что я дала ему, то чего он так жаждал. Это был не секс — это был мой ему подарок. Не имело значения, что он кончил так быстро, что я даже не успела почувствовать его внутри себя. Мне было хорошо. Наверное еще никогда я не испытывала такого морального удовлетворения.

— Прости, — прошептал он мне в шею и медленно выпустил из объятий, — прости.

Я заставила его посмотреть мне в глаза и тихо ответила.

— Будешь должен

Он засмеялся, и я до боли почувствовала, как сильно соскучилась по нему. По его запаху, по его смеху, по его сильным рукам.

— Верну с процентами.

В этом я не сомневалась. Он поцеловал меня в губы уже нежнее, осыпал лицо поцелуями, зарываясь пальцами в мои волосы:

— Как же сладко ты пахнешь. Я все еще не верю, что ты пришла за мной. Что ты со мной.

— Я люблю тебя.

Он прижал меня к себе так крепко, что кости заболели.

— Скажи еще.

— Я люблю тебя.

— Возможно, мы никогда не уйдем отсюда. Возможно, кто-то из нас или мы оба останемся здесь навсегда. Ты это понимаешь?

Артур смотрел мне в глаза. Я кивнула. Да, я понимала.

— Возвращайся домой, к нашей девочке. Оставь эту рискованную затею. Я...

— Нет. Я уйду отсюда только с тобой.

Он гладил мои волосы, снова целовал, опять прижимал меня к себе. Грубо, болезненно, словно наслаждаясь ворованными минутами счастья.

— Глупая...какая же ты дуручка, Василиса Прекрасная.

Ну, вот и вернулось мое имя. Заиграло новыми красками. По щекам потекли слезы. Артур вытер их пальцами и снова меня обнял, глядя по спине как ребенка.

— Хорошо. Мы уйдем вместе. Не плач. Мы попытаемся.

— Ты обещал что никогда меня не оставишь, — всхлипнула я, — обещания нужно выполнять.

Вдалеке послышались крики, топот. Мы отшатнулись друг от друга. Артур сел на стул, а я распахнула дверь настежь.

— Аня! — голос Семеныча звучал так громко, что у меня даже в ушах зазвенело. Я бросилась в коридор и от того что увидела — тошнота подобралась к горлу. На носилках лежал дед, его горло было перерезано от уха до уха. Кровь хлыстала на пол фонтаном. Несчастный смотрел на меня и от его взгляда мороз шел по коже.

Семеныч суетился, матерился, а я понимала, что дед не выживет, что с такими ранами ему уже никто и ничто не поможет. Я застыла под его взглядом. Все мое тело сковал ужас. Это я виновата. Он просил меня. Он меня умолял, а я...

— Все. Аня, запиши время смерти.

Семеныч накрыл деда простыней.

— Уносите в морг.

Меня начало трясти с такой силой, что я слышала, как стучат мои зубы. Из под простыни все еще сочилась кровь ее было так много, что лужа подбиралась к носкам моих сапог. Я смотрела на тело под простыней остекленевшим взглядом.

— Аня! Я сказал записать время смерти. Ты меня слышишь?

Семеныч тряхнул меня за плечи, и в тот же момент меня вырвало на пол.

— Ты что мертвецов никогда не видела? Или кровь? Черт, чему вас там сейчас учат? В мое время практику только на трупах проходили. Пойди, умойся холодной водой.

Понимая, что сейчас я веду себя совершенно неадекватно, я бросилась в туалет. Мне было страшно. По-настоящему страшно. Я наконец-то поняла, куда попала, и где находился Артур все это время. В АДУ. Чтобы там не говорил Фомин — это ад, а он дьявол который этой системой заправляет. Я услышала шаги и скорее поняла чем увидела, что это Семеныч зашел следом за мной.

— Считаешь себя виноватой да?

Я кивнула и всхлипнула, чувствуя, что сейчас разрыдаюсь.

— Он это сделал сам. Никто его не убивал. Он как в камеру зашел, так и перерезал себе горло. Чем? Пока не знаем. Сокамерники его, оружие спрятали — не то всем за укрывательство попадет. Так что не виновата ты. Он сам свой путь выбрал.

Семеныч похлопал меня по плечу.

— Хочешь, домой отпущу? Я сегодня и сам управлюсь. Давай, поезжай. Успокоишься

немного.

Я отрицательно качнула головой. Уехать домой и оставить Артура здесь одного? Ни за что. Я если надо и на дежурство ночное попрошусь, сама с трупами сидеть буду, только никуда не уеду. И чувствовала я, что врет Семеныч — убили деда, я это прочла в его застывающем взгляде. Он словно упрекал меня перед смертью за то, что не помогла ему, не поверила.

ХОЧЕШЬ РАССМЕШИТЬ БОГА — РАССКАЖИ ЕМУ О СВОИХ ПЛАНАХ.

После гибели деда прошло два дня. Сегодня у меня выходной — Семеныч насильно отправил отдыхать. Я отказывалась как могла, но слишком яростно не получалось. Какой человек не захочет выходной особенно если работает в таком месте? Вот именно такой как я. Только Семеныч об этом не знал, а я не хотела вызывать подозрения. Утром я позвонила тетке Лизе, справилась о Танюшке. Они уже переехали в другой город, поближе к нам. Пашка перевез их еще вчера. Теперь им оставалось только ждать. Анализы должны прийти завтра или максимум послезавтра. После этого нужно ждать разрешения на перевоз заключенного. Я уже подготовила идентичный бланк со всеми показателями, даже ухудшила их для того, чтобы Семеныч не раздумывая отправил Артура в больницу. Эти две ночи я не могла спать. Я думала о деде, о побеге. Я снова и снова прокручивала в голове наш план и придиралась к каждой мелочи. Но изменить уже ничего нельзя. Слишком поздно. Пусть все идет как идет. А потом я думала о нас. Вспоминала как жадно Артур набросился на меня в процедурной и улыбалась, счастливой и глупой улыбкой. Больше я не сомневалась в том, что он меня любит. Я мечтала о том как мы будем жить все вместе, на воле. С нашей Танбшей. Как станем обычной семьей. Хотя, нет. Обычной мы не станем никогда. Мы государственные преступники и нас всегда будут искать. Мы никогда не сможем вернуться на родину и самое страшное, что я оставлю здесь Егорку. Совсем одного. На глаза навернулись слезы. Кто позаботится о могилке? Кто будет носить туда игрушки каждый год и цветы каждый месяц? А если все провалится? Как Таня будет жить одна?

Хотя у нее будет Пашка, тетка Лиза и старенький Иван Владимирович. Милый мой опекун, которому я не могу даже позвонить. Только записки передавала через Пашку и деньги. Но ему не придется влачить жалкое существование. На его счету в банке лежит приличная сумма и возле него Верочка, круглосуточно. Так что он присмотрен, хоть и скучает по мне как и я по нему.

Ближе к вечеру зазвонил мой сотовый. Я посмотрела на номер и поняла, что это служебный. По телу прокатилась дрожь. Если звонят с работы, то там что-то случилось. Я быстро ответила и с удивлением услышала голос Фомина.

— Анечка, не узнали? Прости что беспокою. Но помнится мне ты обещала поужинать со мной. Я тут неподалеку от твоего дома. Что скажешь? Поедем в город?

От неожиданности я даже закашлялась.

— Ты заболела? — спросил подполковник и в голосе послышалось беспокойство.

— Нет, просто поперхнулась чаем, — ответила я и насторожилась.

— Ну так я заеду за тобой?

Я лихорадочно думала. Впустить его в дом нельзя. При том категорически нельзя. Мой ноутбук один из самых дорогих и лазерный принтер сканер вызовут подозрения. У бедной студентки не может быть столько денег, тем более у сироты Анечки.

— Я как раз собиралась в город. Так что подожду вас на улице.

— Вот и чудненько, Анечка. Я отвезу тебя в прекрасный ресторан. Тебе там понравится. Минут через десять буду, — в голосе ни подозрения ни сомнений.

Я спрятала сотовый в сумочку и быстро переоделась. На скорую руку подкрасила лицо, волосы распустила, одела сь в первую попавшуюся под руку одежду и выскочила на улицу.

Холодно-то как. Черт. Пальто не одела. Я вернулась, набросила куртку, пальто осталось в комнате, в шкафу и снова выбежала на улицу. Служебный "УАЗ Патриот" подкатил к обочине и опустилось стекло. Я увидела раскрасневшееся лицо Фомина.

— Анечка, а вот и я.

"Я очень рада", — улыбнулась подполковнику и запрыгнула на переднее сидение.

— Ой что-то ты и на себя не похожа. Для меня такая красивая?

Я улыбнулась и с ужасом подумала о том, что забыла очки. В попытках накрасилась как Инга — дело привычки притом восьмилетней давности между прочим, да еще и костюм дорогой одела. На кой черт? Не понятно. Видно вчера сумку перебирала, да так и оставила висеть на стуле, а сегодня торопясь одела именно его. Это ошибка. Это прокол. У Анечки не может быть таких дорогих вещей. Черт.

— Эх наши девушки, всегда удивляюсь как при таком безденежье умудряются выглядеть не хуже Голливудских звезд.

Он снова посмотрел на меня и его глаза блеснули:

— Черт, даже лучше. Иы мне кого-то напоминаешь, Анечка. Никак не вспомню кого, но кого-то очень красивого.

Наверное это комплимент, но мне он не понравился. Я не должна никому и никого напоминать, а точнее я знала кого именно напоминаю Фомину и начала нервничать. Нужно немедленно, в ресторане или куда он там меня везет смыть макияж. Иначе напоминать начну не только ему. На улицах наверняка все еще есть плакаты с моей физиономией. Вот дура. Только бы он не вспомнил.

Я невпопад отвечала на его вопросы, улыбалась его остроумным шуткам и посматривала в зеркало стараясь хотя бы вырожения лица изменить. Но зеркало упорно показывало мне гламурную красотку блондинку с миндалевидными зелеными глазами и чувственными алыми губами. Где только подевались круглые невинные глазки Анечки Свиридовой? Вот так люди и прокальваются. На мелочах. Остается только надеяться, что никто другой меня не узнает и по дороге не попадетсся ни одного плаката с Ингой Орловой в рекламе духов.

— Анечка, ты меня не слушаешь, о чем замечталась?

Я снова улыбнулась, но улыбка получилась фальшивой.

— Слышал ты уже столкнулась с первой смертью в нашем санатории? Семеныч говорил тяжело восприняла.

Я кивнула и облегченно вздохнула. Да, пусть думает, что я до сих пор в шоке.

— Такое происшествие конечно не норма, но случается всякое. Больше конечно драки, выбитые зуьы и сломанные конечности, но иногда и суициды тоже.

Зачем он мне лжет? Это не суицид — деда прирезали. Хладнокровно, жестоко. Может я и не врач, но психолог из меня бы неплохой получился — дед так на меня смотрел, что сомнений в том что это не самоубийство у меня не осталось еще тогда. Вот только и Фомин и Семеныч скрывают это. Не знаю зачем.

Мы приехали в некую забегаловку, которую и кафе трудно назвать, больше наверное столовкой, но раз фомин считает это рестораном, то пусть считает. Может он ресторанов настоящих не видел. К моей дикой радости в забегаловке кроме нас сидело еще две парочки и они явно на нас не обращали внимания.

Весь вечер я мило улыбалась Фомину, ковыряла вилкой довольно неплохой бивштекс и закусила мороженым. Подполковник был сама любезность и довольно интересным собеседником. Очень начитанным, умным и прозорливым человеком оказался Фомин.

Этому факту я радоваться не могла. Он рассказывал мне о себе, о том как всю жизнь служил на благо Родины. О том как жена ушла от него прихватив с собой все движимое и недвижимое имущество, а так же малолетнего сына и что теперь он вообще не видит ребенка. Пожалела его. Искренне. Хотя была уверена, что жена ушла не просто так, а причины точно были и одна из них его кобелиная натура. Он волочился за каждой юбкой. Даже на офицмантку смотрел сальными глазками и это когда рядом с ним девушка. Вечер наконец-то подошел к концу и Фомин отвез меня домой. Слава богу не приставал и руки не распускал. На прощанье поцеловал мое запястье и сказал, что завтра мы вместе пойдем в кино, если я не против. Я была против, но Фомину сказала, что скорей всего составлю ему компанию. Ничего. Завтра я придумаю как от него избавиться. Фомин меня пугал. Мне было слишком неуютно в его компании, он словно пороховая бочка. Мне казалось, что он несомненно вспомнит кого я напоминаю рано или поздно. И я должна меньше попадаться ему на глаза, чтобы это было позже.

Утром я приехала на работу. Как всегда прошла досмотр на проходной, как всегда Рыжов подбросил меня к административному корпусу. Я забежала в кабинет Семеныча на ходу сбрасывая пальто и думая о горячем кофе и о том, что через час увижу Артура как вдруг услышала, что Семеныч говорит сейчас именно о Чернышеве. Поставила сумочку на стол и прислушалась:

— Что значит не приходил? Андрей, у меня черным по бенлому написано, что у парня острый пиелонефрит. Анализы прескверные. Сегодня новые должен получить, будем тянуть у него почки откажут. Что? Когда? Сегодня? Хорошо до завтра он протянет. Ты должен это увидеть своими глазами. Если завтра не приедешь я отправлю его в стационар в областную.

Медленно я поставила чайник и посмотрела на Семеныча. Тот положил трубку на телефон и посмотрел на меня:

— Доброе утро, Аня. Только что говорил с Андреем ивановичем — он совершенно уверен, что Чернышев к нему с болями не обращался и анализы он у него не брал.

Я почувствовала как по коже поползли мурашки, а сердце гулко забилося. Становилось нечем дышать.

— А что пришли новые результаты?

— Да. Я еще не успел посмотреть Андрей с утра позвонил больничным продлить. Говорит не помнит чтобы чернышева осматривал. Странно все это. А ну-ка Анечка принеси подготовленный дома, а потом нашла тот, который пришел из лаборатории и сунула его за пазуху. Снова взгляд на Семеныча — читает.

— Вот все анализы.

— Найди Чернышева, — бросил главврач и отпил кофе. Поморщился. Видно очень горячий.

Я протянула ему бланк и через секунду Семеныч отставил чашку в сторону, поправил очки и впился взглядом в бумажку:

— Ээээ плохи дела. Антибиотик тут не поможет. Его в областную срочно надо. На ультразвук и другие анализы. Почки с такими результатами анализов долго не протянут. Я конечно и без Андрея могу. Мне б у Фомина подписать да и все, но тот настаивает, что должен посмотреть сам. Дело серьезное. Если он упустил — то по шее от начальства получит. Вот и трясется. В карточку ведь не записал. Ладно, Анечка, вы больного уколите все равно и будем готовить. Если что завтра отправим в стационар. Говорит, что сам в

лабораторию съездит сегодня, он живет недалеко — проверит анализы.

По моей спине градом стиекали капли холодного пота. Вот и все. Мы пропали. Как только проверят в лаборатории мой обман откроется тут же. Там ведь только один результат будет и тот отличный. Мне стало нечем дышать, я схватила чашку Семеныча и отпила большим глотком горький кофе, поперхнулась еще больше — в чашке коньяк.

— Аня!

Я поставила чашку на стол и мы оба посмотрели друг на друга.

— Аня, я болею, вот вирус видно подхватил, мне подлечится надо и..., - Семеныч оправдывался. Он тут же забыл про Чернышева, а я чувствовала, как алкоголь разливается по телу и сердце бьется в висках. Как же верно говорят: "Хочешь рассмешить бога — расскажи ему о своих планах"

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Я вышла из кабинета Семеныча как зомби. В голове пульсировало одно — если не сегодня, то завтра уже будет поздно. Я зашла к себе в процедурную и облокотилась обеими руками о стол. Голова кружилась, а сердце билось так сильно, что мне казалось, оно выскочит наружу. Я несколько минут смотрела в одну точку. Потом на часы. Потом снова в одну точку. Сегодня. Это нужно сделать сегодня. Ударив ладонями по столу, я подошла к шкафчику с лекарствами. Подумала несколько минут, потом посмотрела в зеркало. У меня нет выбора. Просто нет другого выбора. Я открыла стеклянные дверцы и сунула в карман капсулы с сильнодействующим снотворным. Резким движением рук размазала тушь на глазах, брызнула в них водой. Я подождала, пока из глаз потекут слезы. Сорвала с уха сережку и бросила в раковину. Потерла ладонью нос, пока он не покраснел и "разрыдалась". Прислушалась сама к себе — вроде не фальшиво. Тогда я зарыдала громче. Услышала настороженный голос Семеныча из-за двери.

— Анечка? Ты в порядке?

Дверь распахнулась, и он показался на пороге. Главврач переминался с ноги на ногу, не решаясь войти.

— Ань, ты чего?

— Сережку потеряла, — завывала я, глядя сквозь пальцы на Семеныча. Глаза пекло и слезы градом катились по щекам. Тот усмехнулся.

— Нашла чего реветь. Я думал, случилось что-то пострашнее. Найдем — не волнуйся. Вечером прибираться начнем и найдем.

— Она в раковину упала...не найдем — это подарок.

Я всхлипнула и отвернулась к столу. Вид сзади должен быть вызывающим жалость. Плечи дрожат, вся согнутая, несчастная дурочка Анечка.

Семеныч тяжело вздохнул.

— Ну значит так должно было случиться. Что-то теряем, что-то находим.

Он прав. Он, несомненно, прав. Я слишком многое потеряла в этой жизни и теперь не отступлюсь.

— У вас...у вас остался коньяк?

Семеныч "цыкнул" на меня и оглянулся на дверь. Потом кивнул.

— Налейте мне немножко.

Он сомневался, еще раз оглянулся, а я закрыла лицо руками и заплакала снова.

— Хорошо. Я сейчас.

Когда он вышел, я взяла стаканы и налила в них чай. Дрожащими руками достала ампулу из кармана, надломилась наконечник и вылила в жидкость в стакан. Надеюсь, у Семеныча сердце крепкое и такую дозу он выдержит. Главврач вернулся через пару минут, воровато озираясь. Я, молча, протянула два стакана и он плеснул туда коньяк, потом спрятал бутылку за шкаф с медикаментами. Семеныч осушил свой стакан залпом, а я лишь пригубила. Сморило его почти сразу. Не знаю, каким чудом мне удалось оттащить его на топчан, не издавая шума, откуда, только силы взялись, он весил раз в десять больше меня. Но у меня как у спортсмена перед финишной — открылось второе дыхание. Я забежала в его

кабинет схватила телефон и быстро набрала номер Пашки:

— Паш — это я.

— Совсем сдурела? Почему с..

— Замолчи. Через час Паш. Слышишь? Все изменилось. Будь там через час. Все.

Бросила трубку. Меня трясло как в лихорадке. Я глубоко вдохнула полной грудью и медленно выдохнула, пытаясь успокоиться. Потом открыла ящик стола и достала направление Чернышева. Подписи не было. Теперь, самое сложное — отнести к Фомину. Я не знала, как здесь все происходит. Кто должен нести документы на подпись? На глаза попались другие бланки. Я смотрела на витиеватые завитушки двух заглавных букв, которыми подписывался главврач. Взяла ручку, бумагу и дрожащими пальцами вывела буквы на бумаге. Немного похоже. Написала еще раз, потом еще и еще. Похоже. Не совсем, но, похоже, а лучше уже вряд ли получится. Судорожно глотнув слюну, я подписалась на бланке. Подула на чернила. Потом сунула направление в папку, поправила волосы перед зеркалом. Секундная стрелка тикала в голове. "Или пан или пропал". Другого случая не будет, и пути обратно нет. Я не знала через, сколько времени проснется Семеныч. Хотя алкоголь должен усилить действие снотворного.

Я выглянула из-за двери:

— Чернышева в процедурную заведите. Я его сейчас уколю. Мне к Фомину нужно ненадолго.

Как только Артур вошел в помещение, и за ним закрылась дверь, я рывком обняла его за шею. Он, молча, оторвал меня от себя и посмотрел мне в глаза.

— Сегодня вы поедете в стационар, Чернышев. Мы получили ваши анализы. К сожалению, они очень плохие. Я отнесу ваши бумаги на подпись начальнику.

Артур в недоумении смотрел на меня, он понимал, что что-то происходит. Он видел, насколько я нервничаю. Отрицательно кивнул головой. Я сжала его руки так сильно, что самой стало больно.

— Настолько все плохо?

— Да, Чернышев все очень плохо. Андрей Иванович даже решил сам взглянуть на результаты ваших анализов в лаборатории. Поэтому будьте готовы.

Он все понял и побледнел. Схватил меня за плечо.

— Все будет хорошо, не волнуйтесь, — он снова отрицательно качнул головой.

— А если не будет? — спросил Артур и сжал челюсти.

— Поздно об этом думать. Все уже решено. Сегодня вы отправитесь в стационар.

Я не сделала ему укол. У меня слишком тряслись руки, и Артур это видел. Отобрал у меня шприц и положил на стол.

— Спасибо, Анечка. И за сногшибательную новость тоже спасибо.

Теперь моя паника передалась и ему, но у нас нет выбора. Мы должны бежать сегодня. До того как Андрей Иванович увидит документы.

— Вы свободны. Можете его забрать.

Охранник увел Артура, а я почувствовала, как в этот же момент перестала дрожать. Началось. У меня нет времени на страх, на промашки. Счет пошел на секунды. Или сейчас или никогда. Мы прошли точку невозврата, в тот момент как я подсыпала снотворное Семенычу и подделала его подпись на бланке.

Я шла по улице быстрым шагом, сжимая в руках папку. Я надеялась, что Пашка все понял. Надеялась, что Артур тоже не подведет, а Семеныч проспит как можно дольше и охраннику не придет в голову его разбудить.

Фомин принял меня не сразу. Он был не один. Я дожидалась в приемной, гипнотизируя большие настенные часы. Если сейчас Фомин заметит, что подпись поддельная или позвонит Семенычу — все накроется. Он тут же поймет. У него чутье развито не хуже чем у сторожевого пса. Но я уже знала, как сбить его с толку. Я очень надеялась, что у меня получится.

Из кабинета вышел Рыжов, по всей видимости, получил по мозгам. Вид у него был довольно удрученный и помятый. Он рассеянно со мной поздоровался и быстрым шагом удалился. Секретарь Фомина вызвал меня в кабинет. Я сняла шапочку, ловко расстегнула первые две пуговицы на кофточке и решительно вошла, прикрыла за собой дверь. Фомин курил и что-то читал в толстой папке, поднял голову и улыбнулся.

— Анечка, очень рад вас видеть.

Нажал кнопку на селекторе:

— Принеси нам кофе. Анечка, вам с молоком? Растворимый?

Я кивнула и подошла к столу. Смотрела на Фомина во все глаза. С чего начать? Черт, это не Новицкий, а я не Инга.

— Что такое, Анечка? Вы так взволнованы? Что-то случилось?

Видит гад. Все видит: и бледность, и дрожащие ручки. Хорошо хоть глаза успела подвести снова, а то с размазанной тушью как-то не с руки соблазнять начальника колонии строгого режима. Все. Пора.

— Взволнованна. Вы обещали мне позвонить...и... я ждала и... Простите. Не важно. Я такая дура. Извините. Тут Семеныч бумагу на подпись передал.

Я открыла папку, руки заметно тряслись, но это не страшно. Пусть думает — от избытка чувств. Фомин встал из-за стола медленно, не заметил даже, как шариковая ручка упала на пол. Я наклонилась за ней, а когда поднялась, он тут же схватил меня в объятия. Сердце колотилось быстро как у пойманной птички. Фомин тяжело дышал, я чувствовала, что он смотрит в вырез моей кофточки. Вдруг подполковник привлек меня к себе и прижался губами к моей шее.

— Анечка...это я старый дурак. Это я не решался позвонить...если бы знал, что ты ждала.

Он поцеловал меня в губы, и я несмело ответила, обняла его за шею. Папка выпала из моих рук. Мы целовались, а я подсчитывала секунды и слушала, как тяжело он дышит, чувствовала его руки на своей талии. Фомин сжимал меня сильно, пылко для своего возраста. Наконец-то он выпустил меня из объятий. Его глаза блестели, он раскраснелся. Нервно потянул себя за воротник рубашки, словно, задыхаясь..

— Сегодня я подожду тебя, и мы вместе уедем домой, — сказал Фомин и многозначительно на меня посмотрел. Я стыдливо опустила глаза, наверное, именно так должна вести себя Анечка.

— Нас увидят и...сплетничать начнут говорить всякое.

— Не посмеют. Я тут любому рот заткну. Пока ты со мной — ни одна тварь тебя не обидит.

Я подняла папку с пола и протянула ему, но Фомин снова привлек меня к себе и поцеловал.

— Я не доживу до вечера, Анечка. Ты что со мной делаешь? Как это все неожиданно... как восхитительно. Какие губы у тебя сладкие.

Я отвечала на поцелуи, с трудом справляясь с тошнотой и отвращением. Рука Фомина легла мне на грудь, он попытался расстегнуть кофточку. В этот момент я задыхаясь прошептала:

— Семеныч...Чернышева в стационар посылает. Подпись ваша нужна.

— К черту подписи, иди ко мне.

Он явно не понял, что я сказала, ему удалось расстегнуть пару пуговиц, и теперь он целовал мою грудь над бюстгальтером.

— Там анализы плохие пришли. Семеныч говорит, у Чернышева почки отказывают. Его на ультразвук нужно. Там только печать и подпись...и...

Фомин поднял олову, его глаза затуманились:

— Давай подпишу...где бумаги?

Я протянула ему папку, а он одной рукой гладил мою грудь, а сам читал направление. Я тихо молилась то ли богу, то ли черту, потом решительно прижала его руку к груди и застонала. Фомин выругался, дернул меня к себе за воротник кофты, одной рукой прижал к своему телу, а другой размашисто поставил подпись на документе, потом печать и снова принялся меня раздевать.

— Анечка...милая...сладкая, как же ты пахнешь.

Я осторожно высвободилась из его рук.

— Вечером Гриша, вечером я буду вся твоя.

Без Инги не обошлось, Фомин побледнел от страсти и от предвкушения, снова поцеловал меня.

— Через два часа я освобожусь и пришлю за тобой Рыжова. Черт, я теперь работать спокойно не смогу, — простонал подполковник и посмотрел на мою полуобнаженную грудь. Я быстро застегнула пуговицы, положила направление в папку.

— Всего два часа и я твоя.

Выпорхнув за дверь, я задержала дыхание и быстрым шагом пошла к двери.

— Аня!

Замерла. Сердце перестало биться.

— Да, Григорий Сергеевич.

— Семенычу передай, пусть отпустит тебя через полтора часа. Скажи — я велел. Насчет Чернышева — все по инструкции.

Я вернулась в санчасть. Передала направление охране. Там тут же засуетились, принялись готовиться. Я тем временем зашла в кабинет Семеныча, подошла к нему, приложила палец к шее прощупывая пульс — живой. Я вытащила из кармана ампулы со снотворным. Набрала жидкость в два шприца и спрятала их обратно. Подготовила документы Артура, свои бумаги, пропуск. Теперь только бы выехать за ворота.

— А почему с нами вы, а не Семеныч? Обычно он заключенных сопровождает. Вы ж новенькая совсем.

Рыжов в недоумении разглядывал документы.

— Плохо ему. Уснул человек. Заболел, переработался. Ничего страшного. Мне не трудно.

— Не положено новым работникам, а тем более женщине. Я сейчас Семеныча разбужу, пусть возьмет себя в руки и...

Он начинал меня раздражать. У меня осталось полчаса, ну сорок минут от силы, а он мне здесь голову морочит.

— У Чернышева вот-вот почки откажут, и главврач ваш устал до полусмерти. Ну и ладно, что новенькая, я ж не конвоиром еду. А сопровождать буду, чтобы там объяснения дать, да и больного сопровождать. Не выдумывайте.

Рыжов пару минут подумал, а потом выдал:

— Хорошо, Анечка, одевайтесь, я сам вас сопровождать буду.

Служебная машина подъехала через десять минут.

— Садитесь вперед, вам не обязательно сзади сидеть.

— Мне нужно находиться рядом с больным, у него боли сильные, если приступ начнется, кто ему поможет? Вы?

Я старалась говорить строго, как обычно разговаривают врачи и учителя. Такой тон всегда работает, должен сработать.

— Это опасно с рецидивистом рядом, — не сдавался Рыжов. Фанатик чертов как и Фомин.

— Ну, у меня такие сопровождающие, — сменила я тактику, — вы не дадите меня в обиду. Вы ведь такой сильный. Я сразу заметила, насколько вы профессиональны, мне нечего с вами бояться.

Я кокетливо положила руку на плечо Рыжова, и тот от неожиданности поперхнулся сигаретным дымом. Но, тем не менее, это сработало. Такой самоуверенный тип как Рыжов не мог, не согласится, иначе получалось, что он совсем не уверен, что сможет меня защитить.

Артура привели спустя несколько минут, в наручниках с кандалами на ногах. Его затолкали в кузов УАЗика. Рыжов и другой охранник сели по обе стороны от заключенного, а я напротив них. Закинула ногу за ногу, зная, что теперь им виден краешек моих чулок и что они наверняка смотрят на мои ноги. Машина тронулась с места. Чернышев присвистнул.

— Ничего себе ножки, да за такое зрелище я готов заболеть чем угодно.

Рыжов усмехнулся, другой охранник громко заржал, а я поправила юбку, но не сильно. Пусть смотрят, пусть потеряют бдительность.

Машина приближалась к воротам. Я искренне надеялась, что досматривать меня не станут. У меня в карманах по шприцу с лекарством, с сильнодействующим наркотиком, поддельное направление, а в санчасти Семеныч, который вот-вот очнется.

Фомин сбросил форменный пиджак, расстегнул рубашку. Он налил себе рюмку водки и залпом выпил. Вот девчонка. Завела его как школьника. Давно у него не вставал член за считанные секунды. Вот это адреналин. Он предвкушал, как останется с ней наедине, как сорвет с нее одежду и овладеет юным телом. Как увидел ее в первый раз, так и сдурел. На старости лет он похоже увлекся не на шутку. Откуда только взялось это чудо в куче грязи? Такое ясное солнышко?

Фомин сел в кресло и включил телевизор, работать не хотелось. Все мысли только об Анечке. Как бы пережить эти полтора часа. А может ну его к черту? Уехать прямо сейчас. В гостиницу. Немедленно. Сил терпеть нет. Вот так завела. Какая грудь у нее красивая,

соблазнительная, а тело? Ммммм. Фомин потянулся к телефону, набрал санчасть. У Семеныча никто не отвечал. Фомин набрал несколько раз, и выругался.

— Вот пьянь ни хрена не слышит. Вот задам ему трепку завтра. Достал уже сл своей выпивкой. Думает, я дурак.

Фомин закурил, а потом набрал дежурного, в этот момент по телевизору показали крупным планом лицо безвременно погибшей молодой певицы Инги Орловой.

Фомин медленно положил трубку на рычаг и впился глазами в экран.

— Сегодня ровно год как ушла от нас молодая и талантливая певица Инга Орлова. В ее честь будет дан концерт с участием ведущих исполнителей. Напомню, что Инга погибла в автокатастрофе год назад. Ее тело обгорело до неузнаваемости.

Вообще история мистическая и очень таинственная. Все кто имел какое-либо отношение к компании "Трастинг-Строй" погибли в течении нескольких месяцев. Как вы помните, наша передача посвящена теме "злого рока" и с вами я — ведущая программы Владислава.

Вы скажете, что все это предрассудки, но я, все же не могу не заметить как и вы, наши телезрители, что все же становится жутко, когда случаются такие совпадения. Начнем с Чернышева — зятя застрелившегося Рахманенко. Чернышев попал в тюрьму по обвинению в убийстве, едва вступил в должность заместителя директора. Затем его жена погибла. Заметьте, тоже в автокатастрофе, а потом и сам Рахманенко застрелился, и уже спустя пару месяцев погибла и генеральный директор компании Инга Орлова. Согласитесь, все это наводит на размышления. А что если эта компания проклята...и

Фомин приподнялся с кресла. Лицо Инги показывали крупным планом, волосы в кадр не попали и подполковник закаплялся, поперхнувшись сигаретным дымом. Женщина с экрана как две капли воды походила на Анечку.

Фомин снова поднял трубку и позвонил дежурному.

— Что там с Семенычем? Найди Анну, пусть немедленно придет ко мне. Ее рабочий день на сегодня окончен. ЧТО?!

Глаза Фомина округлились.

— Когда? Как? Кто дал разрешение? Я???? Пусть задержат на воротах! Что? Проехали десять минут назад? Семенычу трубку дай. Разбуди старого пня. Все. Жду звонка.

Фомин метался по кабинету. Он понимал, что его предчувствие странное, глупое, ненужное, но он ничего не мог с этим поделать.

— Чернышев — Инга Орлова. Чернышев — Анечка. Внезапно погибшая Орлова внезапно появившаяся Анечка.

Снова схватился за телефон и набрал чей-то номер:

— Свяжись с Рыжовым, немедленно! — рывкнул он и яростно затушил сигарету в пепельнице.

Артур смотрел на Василису, руки сжаты в кулаки. Готов к любому повороту событий. В кузове разносилась музыка из кабинки. Рыжов насвистывал мелодию, другой охранник играл на сотовом телефоне. Артур видел, что Василиса спрятала руки в карманы белого халата. Зная ее слишком хорошо, он догадывался, что там что-то есть? Но как хрупкая девушка справится с двумя вооруженными конвоирами? Еще и Рыжов за ними увязался. На поясе рация. Прямая связь с зоной. Если что не заладится, Рыжов узнает об этом первым первым. Артур снова посмотрел на Василису, и сердце сжалось от сладкой боли. Отчаянная девчонка. Смелая до безрассудства. Рискует ради него. Конечно, они далеко не уедут, но эти минуты, когда Артур впервые в жизни чувствовал себя настолько любимым, он бы не променял их, ни на что на свете. Василиса мельком посмотрела на него — зрачки расширены, она нервничает. Как долго им еще ехать?

В радию затарахтело, но прежде чем раздался хоть еще один звук, Василиса вынула руки из карманов. Артур даже не понял что произошло, пока не увидел как она силой вонзила в ноги охранников шприцы и надавила, выпуская жидкость. Отреагировать те не успели. Даже не пикнули, Артур локтями удержал их от падения. Глаза Василисы расширились от шока и удивления. Она тяжело дышала, вытаскивала иглы, и смотрела на Артура, сжимая их в дрожащих руках. Чернышев усмехнулся, а ведь справилась с охранниками за считанные секунды. В кузове все еще разносилась музыка. Василиса положила шприцы в карманы, сняла ключи с пояса Рыжова и быстро расстегнула наручники и кандалы. Чернышев осторожно положил охранников на пол. Внезапно машина затормозила, и они услышали маты и ругань:

— Что ты стал, мать твою?! Подвинь свое корыто, и дать проехать! Ты что, козел, охренел? Рыжов, убери этого идиота с дороги! Рыжов! Ты оглох что ли?

Артур взял у Рыжова пистолет из кобуры и приложил палец к губам, показывая Василисе, чтобы она молчала. Все, с этого момента вся ответственность лежит только на нем. Хватит ей подставляться. Чернышев внезапно схватил девушку за волосы и вытащил из кузова, приставив к ее виску дуло пистолета.

— Брось оружие тварь, — крикнул Артур водителю. Тот оторопел, увидев заключенного на свободе и с оружием в руках. Положил пистолет на землю.

— Рацию сюда, — рявкнул Артур, все еще удерживая Василису за волосы, — а ты стой так, чтобы я тебя видел.

Крикнул он Пашке. Водитель УАЗика подтолкнул к Артуру рацию. Чернышев раздавил ее тяжелым каблуком ботинка.

— Что ты делаешь? — прошептала Василиса, прикусив губу от боли.

Что он делает? Оставляет им пути к отступлению. Пусть думают, что это все он. Чтс заключенный взял заложницу и угнал машину. Если поймают, может это спасет и Василису и Пашку.

— Ты! — Артур крикнул водителю, — Наручниками себя пристегни к рулю и ключи выбрось. Слышишь, падла, сейчас я сказал, не то пристрелю!

Артур направил на водилу пистолет, тот беспрекословно повиновался. Чернышев потащил Василису к машине.

— Сел за руль, придурок.

Пашка влез в кузов грузовика, Артур затолкал туда девушку, удерживая обоих под прицелом. В этот момент раздался хлопок, водила успел выстрелить из другого пистолета. Артур почувствовал, как обожгло ногу, стиснул зубы и влез в кузов.

— Пашка, гони!

Грузовик сорвался с места. Вдалеке слышались сирены полицейских машин.

— Гони, Пашка, гони быстрее.

Василиса заметила кровь на его штанах и вскрикнула.

— Пустяки!

— Артурыч, они нам в хвост дышат. Черт, до тачки еще километр.

Артур посмотрел в зеркало — полицейские мигалки виднелись вдалеке.

— Пашка сворачивай в кусты, здесь и тормози.

— Ты рехнулся? У тебя огнестрельное ранение, до тачки не дойдешь.

— Давай, Пашка, времени нет. Мы выйдем, а ты дальше едь, отвлечешь их, свернешь там направо. Прости друг, я тебя продырявлю немножко. Скажешь, что напал на тебя. Отвертись — не мне учить. Давай. Не смотри на меня! Гони, друг! Давай же!

Пашка резко свернул на бездорожье и затормозил. Артур прицелился и выстрелил ему в руку. Пашка взвыл и выругался матом, потом рывком обнял друга:

— Удачи, Артурыч. Васька знает, где машина. Дальше все по плану. Все. Валите. Давайте.

Артур спрыгнул с подножки, снял Василису. Поморщился от боли. Лодыжку пекло, жгло, но он старался не обращать внимания на боль. Они побежали в сторону лесопосадки, а Пашка вырулил на дорогу и помчался вперед.

— Артур что с ногой? Дай посмотрю! — крикнула Василиса.

— Пустяки, говорю, давай, маленькая, быстрее. У нас полчаса максимум и это наше время. Чем дальше уйдем, тем лучше. Давай. Пока они Пашку возьмут, пока спросят. Давай милая, быстрее.

Я бежала рядом с Артуром, спотыкаясь о коряги, о мерзлые комья земли, стараясь не отставать. Я слышала, как вдалеке пронеслись полицейские машины. Горло сдавило тисками ужаса, паники. Все идет не по плану: Артур импровизировал на ходу, и я понимала зачем — он оставлял мне шансы выкрутиться, если нас поймают. Я видела, как он прихрамывает, но бежит, и руку мою не выпускает. Я бросила взгляд на его ногу — по штанине расплзлось темное пятно. Я понимала, что каждый шаг дается ему с трудом, и он теряет много крови, а до машины, в которой одежда и аптечка, еще как минимум минут двадцать бега.

— Артур! Твоя нога! Две минуты, только посмотрю!

— Потом. Все потом. Я пока, черт... твою мать!

Он как назло споткнулся и застонал, упав на колено.

Я обхватила его за плечи, меня трясло от напряжения и страха.

— Болит?

Он кивнул, стиснув челюсти.

— Дай посмотрю, дай же, ну!

— Нет, милая. Время. Потом. Нужно уезжать отсюда.

Артур с трудом поднялся с земли, опираясь на мою руку, ободряюще мне улыбнулся.

Но он ослаб, уже через пять минут, я увидела, как он спотыкается, слышала сдавленные

стоны, Артур чуть не упал, снова вскрикнул, и тогда я потащила его на себе. Он перекинул руку мне через плечо, и мы пошли быстрым шагом сквозь заросли. Мне было тяжело, Артур уже невольно вис на мне, пригибая меня тяжестью своего тела к земле, но я тащила его, стиснув зубы и обливаясь потом.

— Давай, миленький, еще десять минут, мы уже близко, ну давай же.

Я знала, что от кровопотери и от боли он уже плохо соображает. Но до цели рукой подать и я выдержу, мы дойдем, мы обязательно дойдем. Вот еще немножко осталось, совсем чуть-чуть. В какой-то момент Артур потерял сознание. Я заплакала от ужаса и паники, от бессилия. Но до машины оставалось совсем немножко, и я потащила его по земле за руки. Откуда только силы взялись? Я плакала, всхлипывала, даже вскрикивала, но не сдавалась. Наконец я увидела прикрытый еловыми ветками маленький джип. Я дотащила Артура к машине и осторожно положила на землю. Быстро распахнула дверцу, достала аптечку. Я склонилась к его ноге, задрала штанину и вскрикнула — кровь сочилась из раны. Пуля наверняка застряла внутри. И у меня нет времени ее вытаскивать. Я перетянула ногу сверху резинкой от волос, с трудом натянув ее повыше, перекрывая доступ крови, туго перебинтовала и втащила Артура в кабинку. Он побледнел и мне не нравился его цвет лица, прерывистое тихое дыхание и замедляющийся пульс.

— Держись, милый, держись хорошо? Мы сейчас уедем отсюда за Танюшей, к тете Лизе, там я позабочусь о тебе. Только потерпи, пожалуйста...

Я прижала к губам его руку. Потом решительно завела машину и сорвалась с места. Внедорожник без усилий понесся по ухабам и кочкам. Я бросала взгляды на Чернышева, и сердце сжималось от любви к нему, от тоски по нему, от дикого желания быть с ним рядом. Всегда. Вечно. С ним и нашей малышкой. До поселка, где тетка Лиза ждала меня с нашей дочкой, минут пятнадцать езды. Там мы передохнем пару часиков, и, сменив машину и внешний облик, уже вместе с Танечкой отправимся на поезде в столицу и оттуда на самолет.

Тетка Лиза выбежала на улицу, едва заслышав звук подъезжающего автомобиля. Я выскочила из кабинки и попыталась вытащить Артура из машины. С горем пополам вместе с теткой Лизой мы перенесли Артура в дом. Уложили на кровать.

— Как Танюша? — спросила я тихо.

— Спит, наш ангелочек.

На сердце потеплело, я посмотрела на Артура, мертвенно бледный, он казалось спал. Веки подрагивали. Сердце болезненно сжалось — нужно немедленно вытащить пулю и наложить повязку.

— Спирт есть?

Тетка кивнула, причитая, убежала на кухню. Я разорвала штанину обеими руками и посмотрела на рану — пулю придется вытаскивать и притом как получится и чем придется. Скорей всего кухонным ножом. От мысли, что я буду резать его плоть меня начало тошнить.... 709220592206

Артур долго не приходил в себя, даже после того как операция закончилась и я влила ему антибиотик и обезболивающее. Сказывалось долгое нахождение в тюрьме, организм ослаб, витаминов не хватало, просто разрыдалась. Боль от утраты Егорки немного отпустила меня, после рождения дочери. Нет, я не забыла своего первенца, да и кто такое забудет? Эта боль будет со мной до самой смерти, но заполнилось чувство пустоты. Нерастроченная

материнская любовь как ураган захлестнула меня, выталкивая все остальное на второй план.

Артур тихо застонал, и синеватые веки дрогнули, я подалась вперед и тронула его лоб — прохладный. Жара нет. Значит, воспалительный процесс удалось остановить. Глаза мужчины приоткрылись, и он резко подскочил на постели.

— Тссс. Тихо. Я здесь.

Он повернулся ко мне бледный, измученный, похудевший и улыбнулся усталой, но вместе с тем счастливой улыбкой. Потом заметил Танюшу у меня на руках и улыбка пропала. Артур посмотрел на меня, потом на живой сверток у меня в руках и я увидела, как он судорожно глотнул слюну. Я протянула ему малышку. Молча. Мои руки дрожали, я ждала его реакции, мое сердце пропускало удары. Вот он момент истины. Такой важный для меня. Артур осторожно взял из моих рук спящую крошку. Его пальцы тряслись больше моих собственных. Он прижал девочку к груди и всмотрелся в ее личико. Тронул указательным пальцем пухлую щечку, потом лобик. Резко убрал руку и замер, наклонил голову к малышке, почти соприкасаясь лбом с пуховым покрывалом. Его начал бить озноб, плечи вздрагивали, и вдруг я поняла, что он плачет. Этот сильный, жестокий, очень властный и циничный мужчина просто плачет как ребенок. Я обняла его за плечи, сильно прижала к себе, целуя его волосы. Это были наши минуты, принадлежащие только нам, троим. Мне больше не нужны были слова, доказательства. Я знала, что Артур нас любит. Я чувствовала это всем сердцем. Всею душой. В этот момент я простила его окончательно. Все. Больше между нами ничего не стояло. Ни тень прошлого, ни призраки. Только мы троим. Семья.

Моя семья.

Артур вернул мне малышку, и я помогла ему устроиться на подушках.

— Что происходит? Нас ищут?

— Не знаю. В новостях ничего нет, ни по радио. Ни по телевизору. Должны были все поднять с ног на голову. Устроить облаву, поиски с собаками как это обычно происходит, но все тихо, слишком тихо, и мне это не нравится.

— У нас нет времени об этом задумываться. Пашкина тетка ничего не слышала? В деревне не судачат о побеге?

— Не слышала. Будто ничего не произошло. А ведь странно. Зона в нескольких километрах отсюда. Они должны были начать шерстить местность.

Артур пошевелил ногой и застонал.

— Черт, когда я смогу встать?

А вот это серьезная проблема. С такой раной как у него вставать и ходить можно было по-крайней мере не раньше чем через неделю. А у нас этой недели нет.

— Если наколоть сильнодействующими препаратами встанешь уже сегодня, — сказала я.

— Тогда коли и давай убираться отсюда. Мне это затишье не нравится. Возможно это их стратегический ход. Чтобы преступник расслабился и сам себя выдал по неосторожности. Я их штучки хорошо знаю.

— Хорошо. Я перекрашу волосы, одену линзы. Кстати ты тоже — линзы и очки. Нужно замаскироваться и быть похожими на наши фотографии в документах.

Он кивнул и вдруг тихо попросил:

— Иди ко мне, я так соскучился.

Это не была страсть. Это было отчаянное желание просто касаться друг друга, вдыхать запах, шептать слова любви. Мы лежали на узкой постели вместе с Танюшей и тихо

разговаривали. Обо всем и ни о чем. Иногда я сжимала его руку, чтобы почувствовать, что все это не сон. Он рядом. Мы наконец-то вместе.

Поезд набирал ход, и я смотрела в окно, на перрон, ожидая, что сейчас нас остановят, что начнется облава. Но ничего не произошло. Поезд тронулся, а на унылом перроне кроме бабушек, торгующих семечками и пирожками, в плащах-ждевиках, никого не осталось. Мы с Артуром смотрели друг на друга. Мы нервничали. Оба. Я положила Танюшку рядом с собой. Внезапно поезд резко остановился, и мое сердце перестало биться. Началось. Так и должно было быть. Я смотрела на Чернышева и видела, как сильно он побледнел. В громкоговорителе слышался голос машиниста:

— Проверка документов. Всем оставаться на своих местах. Поезд отправится через несколько минут.

Я до боли сжала пальцы. Мне казалось, я лечу в пропасть. Страх и паника сковывали все мое тело. Мне было страшно. Так страшно, что я не могла вдохнуть, а перед глазамиплыли разноцветные круги.

— Я могу выскочить в окно. Вы останетесь одни. Тебя никто не тронет с ребенком и другими документами, а я могу скрыться от них.

Мне захотелось заорать, ударить его просто биться в истерике. Неужели он думает, что я пойду на это? Оставляю его, откажусь от него в последний момент? Неужели, Артур так и не понял, что я люблю его настолько сильно, что без него моя жизнь не стоит и ломаного гроша?

— Ты никуда не пойдешь. Мы вместе. И если нас поймают, то тоже вместе.

Артур протянул руку и сжал мои ледяные пальцы.

— Я люблю тебя.

— Я знаю.

Мы прощались. На всякий случай. Возможно, нам больше не удастся сказать эти слова друг другу. Я поцеловала Танюшу. Дверь купе открылась, и мне показалось я сейчас упаду в обморок.

— Проверка документов.

Молодой лейтенант зорко окинул взглядом купе, заметил ребенка, потом перевел взгляд на меня. Наконец-то посмотрел на Артура.

— Ваши документы, пожалуйста.

Артур достал паспорта, ободряюще посмотрел на меня и протянул документы лейтенанту.

— Пожалуйста.

Полицейский долго смотрел на паспорт Артура, потом на мой, потом бросил взгляд на Танюшку. От напряжения меня колотило и я сплела пальцы, чтобы не видно было, как дрожат мои руки. Лейтенант молчал, снова и снова смотрел на документы. Потом на нас.

— Куда едем?

— В столицу. Должность новую получил, вот переезжаем с семьей.

Полицейский бросил взгляд на наш единственный чемодан.

— Переезжаете? А что вещей так мало?

Я судорожно глотнула воздух.

— Так я уже все перевез на грузовике товарища, а теперь вот самое драгоценное в комфорте везу.

Артур усмехнулся и лейтенант, как ни странно, тоже.

— Да, драгоценней не бывает.

В этот момент к нему подошел еще один полицейский:

— Ну что у тебя? Чисто?

Я снова напряглась. По моей спине градом стекал пот.

— Чисто. Ничего. Как и вчера.

Лейтенант повернулся к нам.

— Девочка, мальчик?

— Дочка, — с гордостью сказал Артур.

— И у меня дочка. Береги драгоценности. Счастливого пути.

Он вышел и захлопнул дверь купе. Мы все еще молчали, а меня начало трусить с такой силой, что зуб на зуб не попадал. Когда поезд снова тронулся, я зарыдала, громко, истерически. Задыхаясь, захлебываясь. Артур бросился ко мне, прижал к себе сильно, до боли в костях.

— Ну что ты, милая? Что ты? Все. Все позади. Тише.

Он целовал мое лицо, мои руки, глаза, волосы, что-то шептал, а я его не слышала. Я просто прижималась к нему всем телом и дрожала как осиновый лист на ветру.

— Я закрываю это дело.

Пунцовый как рак, с нервно подергивающимся взглядом Фомин смотрел на своего непосредственного начальника.

— Что значит закрываете? Мы их уже третьи сутки ищем. Парни с ног сбились. Побег из тюрьмы. Из моей тюрьмы. Да я найду их и лично расстреляю.

— Успокойся, Гришка, уймись. На вот. Почитай на досуге. У Чернышева влиятельные покровители и они нашли то, чего следаки разгильдяи так и не нарыли. Им бы повесить обвинение, да дело закрыть, чтобы "висяка" не было.

Начальник протянул папку Фомину:

— Чернышев невиновен. Да и нет его уже на территории страны. Поверь мне. Они уже далеко.

Через десять часов мы сели на самолет. Вместе. Втроем. Но я успокоилась лишь тогда, когда мы благополучно приземлились в Британском аэропорту. Я вдруг, неожиданно для самой себя спросила у Артура:

— Как мы поженимся, если по документам мы и так женаты?

Артур посмотрел на меня и вдруг тихо и на полном серьезе ответил:

— Мы обвенчаемся.

В этот момент проснулась Танюшка и громко и требовательно заплакала. Она проголодалась. Жизнь продолжается. Жизнь прекрасна. В ней больше нет яда. Осталась только любовь.

Спустя семь лет. Англия.

— Танюш, ты все собрала? А бутерброды?

Я бегала по дому как ненормальная, держась за огромный живот. Кот сновал у меня под ногами и постоянно мяукал, а семилетняя Танюша гордо собирала свой рюкзак. Первое сентября. Сегодня наша дочь идет в школу первый раз. Артур спустился со второго этажа.

— Ну что принцессы вы готовы?

Я посмотрела на мужа и улыбнулась. Красавец. Ему шел элегантный костюм. Он возмужал, повзрослел, выглядел уже не как избалованный подросток, а взрослый, серьезный мужчина. Еще бы — Артур главный директор компании "Трастинг", которую мы открыли пять лет назад в Лондоне.

— Готовы. Нервничаем, — сказала я и обняла его за плечи. Потом поправила белоснежный воротник рубашки.

— Ты будешь самым красивым папой во всей школе.

Муж нежно поцеловал меня в губы, потом тронул мой живот ладонью.

— А как поживает мой наследник?

— Ждет, когда его выпустят на волю, — усмехнулась я. Наш сын должен родиться меньше, чем через месяц. Еще одно чудо. С моим страшным диагнозом ждать второго ребенка просто фантастика. Врачи разводили руками и смотрели на меня как на неопознанный летающий объект.

— Доброе утро всем!

Мы обернулись, и я почувствовала, как защемило сердце от любви и нежности. Иван Владимирович выехал к нам на инвалидной коляске тоже в парадном костюме.

— Папа, ну что же вы сами?

— У моей внучки такое знаменательное событие, а я буду валяться в кровати? Кто знает, сколько мне осталось. Пока могу хоть минутку с вами прожить, подышать вашим счастьем. Что еще старику надо? Вот внука, может, еще увидеть успею. А вообще — партизаны не сдаются.

Ивана Владимировича я забрала к нам год назад. Не выдержала разлуки с ним. Да и заслужил он в старости быть под присмотром детей, а не наемной няньки. Когда он находился рядом, мне было тепло и спокойно, как в детстве. Иногда я читала ему вслух, и он снова и снова рассказывал нам истории о войне, о голоде, а мы вместе с Танюшкой слушали допоздна.

День прошел великолепно, волнительно. Мы познакомились с учителями, с директором частной школы. Я чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Все эти семь лет, я каждый день молилась богу и благодарила его за эту радость, за то, что у меня есть семья. Настоящая. Счастливая семья. За то, что все неприятности, горе и отчаянье остались позади.

Артур остался на улице покурить вместе с Иваном Владимировичем, а мы с Танюшкой гордо зашли в класс и...И мне стало плохо. Меня затошнило с такой силой, сто перед глазами поплыли круги.

Я увидела Германа и Галину. Они разговаривали с учительницей, а рядом с ними стоял мальчик возраста моей дочери. Герман обернулся, посмотрел на меня довольно безразлично, словно не узнал, а потом что-то ответил жене. Я медленно села на стул. Дочка протянула мне свою бутылку с минеральной водой, и я автоматически сделала несколько глотков. Он меня узнал или нет? Может я все же изменилась и мне посчастливится остаться неузнанной? Вдруг и такие чудеса бывают?

Весь оставшийся день я ходила как в воду опущенная. Я боялась. Снова это липкое чувство страха, ужаса. Артур не понимал, что со мной происходит. Иван Владимирович пытался его успокоить, объясняя мое состояние беременностью, а я ждала. Если Герман меня узнал, то очень скоро мы встретимся.

И я была права. Мы встретились на следующий день. Утром, когда я отвезла Танюшу в школу и возвращалась обратно на своей машине, дорогу мне преградил черный джип. Я сразу поняла кто это. Бесплезно прятаться и пытаться скрыться. Если он хочет поговорить, он меня из-под земли достанет. Я сидела за рулем, так и не решаясь выйти, зажмурилась, ожидая чего угодно — даже выстрела в голову. Но вместо этого дверца автомобиля открылась и Герман сел на соседнее сиденье.

— Ну, здравствуй, Инга.

— Здравствуй Герман, коли не шутишь, — ответила я и почувствовала, как беспокойно зашевелился малыш в животе.

— Боишься?

Он усмехнулся.

— Видеть не особо рада, скажу честно.

— Провела ты меня, плутовка. Эх, провела. Только раскусил я тебя еще в тот же день.

Галина во всем призналась.

Я в удивлении посмотрела на него.

— Что не веришь? Да я знаю тебя, как облупленную. Кстати охранник живой остался. Правда, на инвалидности теперь, но живой.

Я стиснула челюсти и до боли прикусила губу.

— Ты, правда, считаешь, что могла просто так от меня сбежать? Эх, девочка, глупая ты. Я позволил тебе это сделать. Любил я тебя. Знал, что насильно не удержу. Знал, что ребенка ждешь. Я просто тебя отпустил. Вот почему тебя не искали. Я все о тебе знал, о каждом твоём шаге. О том, чем ты дышишь, что ела на завтрак и как пахнут твои духи.

Я молчала, и мне становилось все страшнее. Герман все это время следил за мной. Зачем? Вынашивал планы мести? Ждал, чтобы ударить побольнее?

— Только я во всем виновата, меня и наказывай. Семью только не трогай, Герман. Они здесь ни при чем.

Бывший любовник вдруг повернул меня за подбородок к себе. В серых глазах Новицкого не было ненависти, только сожаление:

— Любишь его? Как и раньше? Как и всегда, правда?

— Люблю, — ответила я и смело посмотрела ему в глаза. Если станет убивать, слез моих не увидит, унижаться не стану. Пусть убивает — заслужила.

— Дурочка, ты Инга. Маленькая дурочка. Ты и, правда, считаешь, что я могу причинить тебе вред? Единственной женщине, которую я когда-либо любил? Ты думаешь, что тебе удалось вытащить Чернышева из тюрьмы и безнаказанно скрыться, потому что ты такая

умная? Или ты веришь в чудеса и добрых волшебников?

Я быстро заморгала и вдруг все поняла. Вся картинка сложилась как детский пазл.

— Это ты? Ты сделал так, чтобы нас не искали? Но почему?

— Узнал про вас все. Начиная с первой встречи. Абсолютно все. И про Рахманенко с его интригами. Про шантаж, про труп, подброшенный под колеса машины. Все узнал, птичка моя.

Я почувствовала, как дрожит мой подбородок. Мне захотелось расплакаться, но я не могла. Смотрела на Германа и понимала, что я была слепа в своей ненависти, в своей жажде отомстить, в своем горе. Для Новицкого я не стала очередной любовницей и красивой игрушкой. Он меня любил. По-настоящему, преданно, самоотверженно. Любил меня даже после того, как я его предала.

— Плачешь? Не надо, птичка. Не жалея меня. Я счастлив. Правда, счастлив. Я научился многое ценить и понимать. У нас с Галиной родился сын. Мы снова вместе и дети довольны, а что мне еще от жизни нужно желать? Да и за тебя душа уже не болит.

И тут я заревела в голос, громко. Герман привлек меня к себе, поглаживая по спине, голове как когда-то.

— Не плачь. Тебе нельзя нервничать. Эх, доктора, доктора. Бесплодие. Приговор.

Я его не слышала, я рыдала, обнимая его за плечи, склонив голову ему на грудь.

— Это наша последняя встреча, Инга. Наши дети случайно попали в одну школу. Мы уже забрали документы и переведем Макса в закрытый лицей в другом городе. Все, птичка, мне пора. Прости за все.

Он выпустил меня из объятий, вытер слезы с моих щек и ушел.

Я смотрела вслед уезжающему джипу, потом повернула ключ в зажигании и тронулась с места.

В эту ночь родился наш сын. Видно сильно я перенервничала. Ровно в полночь Мишка прорезал тишину сердитым криком и оказался на руках у медсестер. Я этого не видела, мне делали кесарево под общим наркозом. Перед самыми родами Мишка перевернулся головкой вверх.

Германа я, правда, больше никогда не видела. Только один раз в год, на мой день рождения мне приносили на работу огромную корзину белых роз с маленькой карточкой, на которой неизменно было написано: "Для самой красивой певчей птички"

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Хроническое заболевание легких, или бронхопульмональная дисплазия — это состояние, которое создает проблему с дыханием у новорожденных, особенно у тех, кто был рожден слишком рано. Легкие не могут захватить воздух или быть ослабленными, наполненными жидкостью или слизью.

Лечение зависит от того, насколько серьезное состояние. Оно обычно включает в себя кислородную терапию и иногда использование вентилятора, также как и медикаменты и диетотерапия.

Маломестка — малонаселенная камера

Многоместка — общая камера человек на 30-40

Прописка (т) — инициация, то есть обряд введения новичка в тюремное сообщество. Наибольшее значение прописка имеет в камерах малолеток и заключенных общего режима.

Колония строгого режима — учреждение И.Н. (исполнения наказания) лишения свободы. строгий режим — режим, при котором запрещено почти все